

Женщина во все века и во всех странах Том 5 (из 10). Женщины Средневековой Франции

Пирс Батлер

Women of Mediæval France

Pierce Butler

The Project Gutenberg eBook of Women of Mediæval France

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Women of Mediæval France

Автор: Пирс Батлер

Дата выхода: 5 июня 2010 [eBook #32695]

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Ренальд Левеск

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WOMEN OF MEDIÆVAL FRANCE ***

ЖЕНЩИНА

УТОМ

ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

By PIERCE BUTLER, PH. D.

ИЗ ТУЛЕЙНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛУИЗИАНЫ

ОДЕТТА ДЕ ШАМПДИВЕР И ШАРЛЬ VI.

По картине Альбрехта де Вриендта

*Король, который теперь нередко впадал в идиотизм, когда не буянил,...
Чтобы развлечь и отвлечь его, а также укрепить бургундское влияние, герцог Бургундский предоставил ему в качестве подружки для игр и любовницы прекрасное дитя. На смену Валентине, некогда властвовавшей над Карлом, пришла Одетта. Она была еще совсем ребенком, но стала не только любовницей, но и подругой для игр безумного короля. Скромного происхождения (дочь торговца лошадьми), она носит в придворной истории имя лучшее, чем то, под которым она родилась, - Одетта де Шампдиверс; а народ, снисходительный к греху безумного короля, называл ее "la petite reine". Она была счастлива, кажется, и добра к королю, забавляла его, была любима им; и, более верная ему, чем было вполне приятно бургундцам, не играла фальшиво с Францией в последующие годы, когда Бургундия и Англия были в сговоре.*

ЖЕНЩИНА Во все века и во всех странах

ТОМ V

ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

BY PIERCE BUTLER, PH. D.

Из Тулейнского университета в Луизиане

Иллюстрированный

PHILADELPHIA

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЖОРДЖ БАРРИ И СЫНОВЬЯ

ДЛЯ М. Л. Б. И ДЖ. П. Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычная привилегия автора - встретить вас у порога, как бы поприветствовать, и от своего лица объяснить более полно и свободно, чем он может в других местах, замысел и намерения своей книги. Переступив эту воображаемую границу, вы можете судить сами, взвешивать, рассматривать и осуждать, даже не заботясь о чувствах автора; ведь как гость это ваша привилегия. Но здесь, снаружи, я все еще говорю как человек авторитетный и бессовестный; ибо я не знаю и не позволю себе фантазировать, как меня порицает читатель. Хотя то небольшое, что необходимо сказать, может быть сказано кратко, я надеюсь, что

читатель окажется достаточно мягким, чтобы милостиво позволить мне это слово общего комментария ко всему произведению.

От средневековой *"Дамской книги"*, о которой пойдет речь на следующих страницах, до самого последнего тома *"Социальной Англии"*, или, что более уместно, возможно, до самого местного и легкомысленного *"Мира женщины"*, редактируемого Евой в вашей ежедневной газете, все эти маленькие хранилища сплетен очень помогают в составлении картины жизни любого периода. Они не являются историей; достойные историки нескольких поколений назад ими пренебрегали, а то и презирали; но все чаще и чаще они становятся материалом для истории. Таким образом, данный том вряд ли претендует на роль формальной истории, но скорее вспомогательной к ней. Цель книги - представить картины из истории, сцены из жизни исторических женщин, но прежде всего дать как можно более точное представление о жизни женщин в различные периоды истории средневековой Франции.

Насколько вы с аппетитом воспримете предложенную трапезу, таков и будет успех автора. Но независимо от того, удалось мне это или нет, цель была такова, как уже говорилось. В качестве центральных фигур были выбраны более или менее известные исторические личности; но почти нигде я не чувствовал себя обязанным подробно излагать политическую историю Франции: это было дело, в котором немногие женщины имели право голоса, каким бы живым ни был их интерес, как бы плачевно или трагично ни сложилась их судьба под влиянием битвы, политики или просто мужской капризной страсти.

"Не им рассуждать о причинах;

Их дело - сделать или умереть".

можно сказать о солдате. Об этих женщинах средневековой Франции, как и обо всех других в старые добрые времена, можно было бы сказать, что они даже не занимались делом; облегчение действий было не в их власти; но страдать и умирать - без сомнения. И все же жизнь не была сплошной болью, страданием и печалью, как показывают изображенные сцены. Просто смех становился все слабее и слабее и угасал - комедия слишком часто погибает вместе с возрастом, когда над ней смеются, - а слезы оставляли свое пятно.

С этой небольшой подсказкой читателю я закончил, и пусть книга расскажет ему больше, если он пожелает. Тем, кто помогал мне в написании этой книги, а может быть, и сделал возможным ее написание, я благодарен не меньше, чем тем, кто не вписывает их в каталог. Многие страницы живо напомнят как им, так и мне об обстоятельствах, при которых они были написаны. Пусть эти воспоминания подсластят мою благодарность им.

ПЬЕРС БАТЛЕР.

Новый Орлеан.

ГЛАВА I

ВО ВРЕМЕНА КАПЕТИНСКИХ КОРОЛЕЙ

В более древнем представлении история была записью главным образом битв, интриг, злых деяний; правда, зло, которое творили люди, жило после них; по крайней мере, ровный ход их дел оставался незамеченным летописцами, и лишь отдельные моменты, великая битва или великое преступление, привлекали внимание. Если о мужчинах мало что известно, кроме актов насилия, то еще меньше внимания средневековый летописец уделяет женщинам. История была несправедлива к женщинам, и это в первую очередь относится к истории Франции того периода, с которого мы начнем эту главу. Век доброго короля Роберта был веком войн; основным принципом феодализма была военная служба, а какое место могли занимать женщины в социальной системе, зависящей от силы? Об общем отношении к женщине говорит тот факт, что в великом военном эпосе о Роланде любовная история, на которой современный поэт сделал бы большой акцент, полностью подчинена; поэт держит перед нами только героя и его чудесную доблесть. Героиня, если ее можно так назвать, сестра брата Роланда по оружию, Оливера, ни разу не названа героем по имени. В разгар битвы, когда Роланд предлагает трубить в свой рог, чтобы призвать Карла Великого на помощь, Оливер упрекает его:

"Par ceste meie barbe!

Se puis vedeir ma gente soror Aide,

Vos ne gerrez jamais entre sa brace."

(Клянусь моей бородой! Если я доживу до встречи с моей сестрой, прекрасной Ауде, ты никогда не станешь ее мужем!). После этого она больше не упоминается, пока Карл Великий не возвращается в Экс с печальным известием о героической смерти Роланда. Тогда к нему приходит *красавица Ауде*, чтобы спросить, где находится ее суженый Роланд. "Ты просишь у меня того, кто умер, - говорит Карл Великий, - но я дам тебе лучшего человека, моего сына и наследника Людовика". "Я не понимаю тебя", - отвечает Ауде. "Не дай Бог, чтобы я пережила Роланда!" Она падает в обморок к ногам императора, а когда он поднимает ее, то обнаруживает, что она мертва. Тогда он зовет четырех графинь, которые несут тело в монастырь и с великой пышностью погребают его у алтаря. (II. 3705-3731.) *Красавица Ауде* выполнила свою миссию, умерев из-за любви к Роланду. Если бы она была на поле боя, то могла бы перевязать раны Роланда, поскольку роль лекаря и медсестры часто выполняли женщины. В противном случае в эпоху войн от женщин мало пользы, поэтому большинство хороших женщин мы обойдем молчанием, и только те, кто обладает более мужественными чертами, будут заметны в предыдущих частях нашей истории.

Прежде чем начать рассказ о женщинах, чьи имена дошли до нас из Франции 1000 года, необходимо иметь некоторое представление о социальном, если не политическом, состоянии Франции, чтобы узнать, какие влияния окружали и формировали жизнь женщин в те дни. Такой обзор общества будет полезен для всего периода Средневековья и послужит фоном для фигур женщин, которые нам предстоит рассмотреть, будь то святые или грешницы.

В начале правления доброго короля Роберта Франция, которой он правил, была еще слабо консолидирована. Власть королей Франции едва ли распространялась на большее, чем

маленькое герцогство Французское - территорию, ограниченную городами Орлеан на юге, Сен на востоке, Сен-Дени на севере и Шартр на западе. Не только более могущественные бароны, графы и герцоги, между которыми были разделены земли, подчинялись королям только по их желанию, но и сами люди, которыми они непосредственно управляли, все еще смутно осознавали, что они происходят из разных рас. Даже в середине десятого века мы слышим о "готах, римлянах и салиях" как о более или менее разных народах. Однако в то время слияние нескольких рас на земле Франции было, вероятно, полным, если не считать кельтов в Бретани; даже самые последние прибывшие во Францию норманны перестали быть просто странствующими вольными разбойниками и быстро превратились, как и вся Франция, в касту потомственных дворян, чей титул и власть зависели от владения землей.

Мы можем условно разделить общество того периода на четыре класса. К первому мы должны отнести дворян и их дружины. Во втором - церковнослужителей, которых трудно отличить от светской знати. Ниже их и намного ниже - жители больших городов, купцы и лучшие ремесленники. В самом низу, приниженные до самой почвы, из которой они вынуждены добывать пищу для всех остальных и, возможно, если таковая останется, для них самих, находится крестьянство.

С тех пор как распалась великая конгломератная империя Карла Великого, власть номинальных королей Франции постепенно ограничивалась. Не имея возможности защитить королевство от нападения внешних врагов, король был также бессилён поддерживать порядок внутри него. Личную неприкосновенность можно было получить только с помощью силы, а если человек был недостаточно силен, чтобы защитить себя, единственным способом было купить защиту у более сильного соседа. Так возникла сложная система феодализма, далекое происхождение и точные детали которой мы здесь не рассматриваем.

Что касается влияния феодальной системы на положение женщин, то можно с уверенностью сказать, что феодализм поначалу мало изменил их положение. Они пользовались ни больше, ни меньше прав, чем в эпоху варварского *бури и натиска*; но, несомненно, они обрели несколько большую защищенность от насилия и угнетения, поскольку большая защищенность была общей целью и общим следствием феодализма. Слабые всегда должны занимать относительно лучшее положение в компактно организованном обществе, чем в демократии насилия; и поэтому феодальная система, сохраняя за женщинами те небольшие гражданские права, которыми они уже обладали, добавляла им больше личной безопасности.

Но это было еще не все. Хотя передача собственности, на которой основывалось все общественное положение, происходила регулярно от мужчины к мужчине, и хотя наследники женского пола могли быть обойдены или отчуждены путем насилия или сутяжничества, были и исключения, которые становятся все более многочисленными по мере того, как мы продолжаем. Нельзя сказать, что когда-либо существовал абсолютный запрет на наследование дочери от отца. В так называемом Салическом законе было положение о том, что "никакая часть *салической земли* не должна переходить к женщине"; но вся земля не была салической, или аллодиальной, и это положение, как мы увидим, впоследствии было применено в особенности к землям короны, а следовательно, и к самой короне. В соответствии с феодальной системой фьеф держался на условии военной службы, и каждый вассал, как правило, должен был лично *нести службу своего фьефа*; однако было четко оговорено, что церковники, женщины и дети могли нести эту службу по доверенности, обычно через сенешаля или бейли.

Хотя воинственные церковники нередко лично возглавляли своих вассалов, как, например, епископ Бове в битве при Бувине, "который не пролил ни капли крови, хотя и переломал много костей своей дубиной", женщины появлялись лишь изредка в более ранние времена в качестве амазонок, да и то лишь в спортивном плане, как в случае с королевой Элеонорой во время второго крестового похода.

Но как бы они ни выполняли свой долг в *войске*, созванном *генеральным баном* государя, женщины были признаны членами феодальной знати. На самом верху мы находим их, среди непосредственных великих вассалов короны, *пар де Франс*. Например, Матильда, или Махо, графиня Артуа, заседает в качестве пэра в собрании, которое вынесло решение против претензий ее племянника Роберта на графство Артуа в 1309 году; та же графиня получает специальный вызов для участия в суде пэров в 1315 году; а в следующем году, во время коронации Филиппа V, она находится среди пэров, которые держат корону над головой короля. Эту же функцию выполняла другая графиня Артуа во время посвящения Карла V в 1364 году.

Женщины занимали и менее возвышенные должности, и часто у сюзерена были личные причины отдавать предпочтение вассалам женского пола. Ведь сначала по обычаю, а затем по письменному закону (см. *ассизы Иерусалима* и *свод законов Сен-Луи*) сюзерен осуществлял право опеки над своими вассалами женского пола, девицами или вдовами, пока они не были замужем. В Англии это право опеки, как его называли, привело к серьезным злоупотреблениям, и несчастные французские девушки и дети, подвергшиеся ему, оказались не в лучшем положении, чем англичане. Нас не особенно волнует случай с несовершеннолетними наследниками под опекой *garde-noble*, или *ward*, за исключением тех случаев, когда этими наследниками были девочки. Девушка, находящаяся в таком положении, не должна была выходить замуж без согласия лорда, владевшего *гардом-ноблем* ее лица и ее домена. В противном случае она подлежала штрафу и даже лишению своего вотчины, и этой властью феодалы пользовались без колебаний. Мы видим, как Святой Людовик возражал против брака Жанны, наследницы графства Понтё, с королем Англии, и против брака графини Фландрии, вдовы графа Феррана, с Симоном де Монфором, вассалом короля Англии. Оба эти случая показывают причину, которая в такой системе, как феодализм, лежит в основе власти, кажущейся столь произвольной; сюзерен в целях самозащиты не мог допустить, чтобы один из его вотчин перешел во владение возможного врага.

Было и другое право, вытекающее из этого. Сеньор мог принудить свою подопечную выйти замуж, чтобы военные обязанности во фьефе выполнял мужчина. Людовик Святой принудил Матильду Фландрскую выйти замуж за Томаса, принца Савойского. Знаменитый "*Ассиз де Жерусалем*", организующий один из самых компактных органов, созданных феодализмом для защиты Гроба Господня среди враждебных неверных, содержит четкие положения по этому вопросу. Согласно этому кодексу, барон мог сказать своей вассальной женщине: "Дама, ты обязана служить в браке". Затем он указывал трех подходящих кандидатов, и она должна была выбрать одного из них. Положения так называемых "*Этикетных домов Сен-Луи*" по этому вопросу настолько интересны, что мы можем привести пересказ значительной их части. "Когда дама становится вдовой, находится в преклонном возрасте и имеет дочь, сеньор, которому она обязана верностью, может прийти к ней и сказать: "Дама, я хочу, чтобы вы дали мне поручительство, что не выдадите свою дочь замуж без моего совета и согласия или без совета и согласия родственников ее отца, ибо она дочь моего сеньора, и поэтому я не хочу, чтобы она была лишена этого совета". Тогда дама должна дать ему должное поручительство. А когда девушка достигнет брачного возраста, если дама найдет кого-

нибудь, кто просит ее замуж, она должна явиться к сеньору и родственникам отца девушки и сказать им: "Сир, мою дочь просят замуж, и я не отдам ее без вашего согласия, да и не должна я этого делать. Теперь дайте мне ваш добрый и верный совет, потому что некий человек попросил ее" (и она должна назвать его имя). И если сеньор скажет: "Я не хочу, чтобы она досталась этому человеку, ибо такой-то и такой-то, кто богаче и выше по званию, чем тот, кого вы назвали, попросил меня о ней и охотно возьмет ее" (и он назовет имя этого человека); или если родственники со стороны отца скажут: "Мы знаем более богатого и лучшего человека, чем тот, кого вы нам назвали" (и они назовут его); тогда они посоветуются и выберут лучшего из трех и наиболее выгодного для деуазель. И тот, кого выберут лучшим, должен быть действительно таковым, ибо никто не должен насмехаться над законом. А если дама выйдет замуж за свою дочь без согласия своего сеньора и родственников со стороны отца, после того как ей было запрещено это делать, она лишится своего движимого имущества", на которое сеньор имеет право наложить арест. В этом постановлении тщательно продуманы условия, удовлетворяющие всех, кроме наиболее заинтересованного лица - молодой леди. Ее согласие на такое соглашение было, по мнению средневекового ума, делом незначительным.

Полномочия, предоставленные таким образом сеньору формальным законом, несомненно, осуществлялись по праву обычая и, вероятно, с гораздо меньшими ограничениями справедливости, чем те, что были предусмотрены в *Этаблисментах*. Ибо каприз, тирания или алчность могли быть удовлетворены путем принуждения несчастного подопечного к браку. Нередко беспринципный барон заставлял свою подопечную выйти замуж за того, кто больше заплатит, или предлагал какого-нибудь совершенно невозможного кандидата на ее руку только для того, чтобы она выкупила свою свободу. "Либо ты выйдешь замуж за этого дряхлого старого рыцаря, чье звание и богатство не может вызвать у тебя возражений, либо заплатишь мне столько-то". Мы можем себе представить, что порыв молодости предложил бы отдать почти любое мирское богатство, чтобы получить "свободу в ее любви". В романах полно подобных инцидентов, когда власть отца или опекуна оказывалась тщетной; и эти романы, пусть и фантастические в некоторых отношениях, являются лишь отражением реальных условий.

Незамужняя женщина, будь то принцесса или простая деуазель, находилась в состоянии почти такой же зависимости, как и крепостная. Если она не хотела выходить замуж, если ее лицо или состояние не могли склонить кого-либо к замужеству, она могла уйти в монастырь. Действительно, отец, не желающий или неспособный обеспечить ее подходящим приданым, мог заставить ее стать монахиней. Старший сын должен быть обеспечен в первую очередь. Если состояние семьи было небольшим, а семья - большой, младшим сыновьям приходилось выкручиваться самим, а дочерям - брать все, что можно. Монастырь был самым дешевым и безопасным местом для их устройства.

Однако и в эпоху феодализма существовали определенные гарантии для женщин, независимо от того, были ли они феодального происхождения или просто уцелели от домашнего обычая, основанного на здравом смысле. Приведем лишь несколько примеров: в *Жерусалемских ассизах* мы находим самые строгие положения о наказании за соблазнение или насилие над женщиной. Согласно закону, соблазнитель, если он в состоянии сделать это и одобрен родителями, должен жениться на девушке. В связи с этим мы узнаем, что в Париже некоторое время было принято венчать такую пару, независимо от того, хотят они того или нет, в маленькой церкви Сент-Марин и с кольцом из соломы в качестве символа их позора. Если брак был неприемлем для родителей девушки, соблазнитель мог обеспечить ей достойное содержание в монастыре, а его самого наказывали увечьем, конфискацией

имущества и изгнанием. Муж должен был обеспечить своей жене определенную долю, если не все, ее приданого, и в книге обычаев Анжу мы находим определенное указание на это: *Il est usage que gentil home puit doer sa fame a porte de mostier dou tierz de sa terre* (У джентльмена есть обычай наделять жену третью часть своего имущества у дверей церкви). Затем, чтобы защитить вдов от репрессивных феодальных поборов, как их называли, в *Etablissements de Saint Louis* предписывается, что "ни одна дама не должна платить выкупной сбор (для обеспечения наследования фьефа), кроме как в случае ее замужества. Но если она выйдет замуж, ее муж должен выплатить пошлину сеньору, чьим вассалом она является. Если же предложенное не устраивает сеньора, он может требовать только доходы фьефа в течение одного года".

После того как женщина была принята в признанное сословие дворянства, либо в качестве жены, либо в качестве одного из крупных вассалов, ее положение заметно улучшалось. Ее права были невелики, но все же феодальная шателена занимала положение, достойное и важное. Она считалась в некотором роде представителем своего мужа как во время его присутствия, так и во время его отсутствия. В "*Жерусалемских ассизах*", в частности, говорится, что она не может быть привлечена к суду в качестве представителя своего мужа до тех пор, пока не пройдет год и один день, чтобы он мог вернуться; в замке дама всегда вела домашние дела, а в государственных случаях разделяла достоинство своего мужа.

Феодальный замок великого барона был не только крепостью, защищавшей его от врагов, но и домом для его семьи, многочисленных иждивенцев и прислужников, а также часто служил местом для развлечения путешественников высокого и низкого ранга. Ров, разводной мост и ворота, крепкие стены, пронизанные узкими щелями, пропускающими скудный свет и воздух в мирное время и выпускающими стрелы во время войны, крепостные стены и возвышенная башня силы - все это знакомо нам по феодальному замку. Многие из нас следовали за Мармионом в его безумном рывке под опускающимся портупеей и через разводной мост замка лорда Ангуса, наблюдали, как стрелы летят в стены донжона Фрон де Беф и как старая безумная Урсула беснуется на его бойницах. Но другие особенности жилищ, хоть и описанные порой с не меньшей тщательностью великим сэром Уолтером и его учениками, привлекают меньше внимания и быстрее исчезают из нашей памяти. О таком поместье, как усадьба Седрика Саксонского, следует помнить, если мы хотим получить верное представление о реальной жизни лучших классов не только Англии, но и Франции, поскольку основные черты архитектуры и обстановки были одинаковыми. Характер и протяженность укреплений могли сильно варьироваться в зависимости от власти или амбиций владельца, но внутреннее устройство феодального дома во всех случаях было практически одинаковым.

Основная часть дома отводилась под огромный зал. Войдя в ворота внешней стены, человек оказывался во дворе, вокруг которого располагались большой зал, небольшие спальные помещения, домашние конторы и конюшни. Все было предусмотрено для того, чтобы люди и животные могли жить внутри ограды в случае осады. Большой зал обычно был не менее тридцати или сорока футов в длину, а зачастую настолько широк, что его высокая сводчатая крыша опиралась на ряд колонн, протянувшихся посередине. В потолке было отверстие, или *жалюзи*, для выхода дыма, когда зажигали огонь на очаге в центре пола, так как дымоходы использовались пока только в небольших помещениях, если вообще использовались. В одном конце зала, вероятно, находился слегка приподнятый помост, на котором сидели лорд и леди, а также, возможно, почетные гости. В высоких огибальных окнах, которые застеклялись только в домах очень богатых людей, находились оконные сиденья, а вдоль грубой доски или стола в глубине зала стояли грубые скамьи и табуреты для прислуги и

гостей более низкого ранга. А если господин был богат, то в противоположном от помоста конце зала устраивалась галерея для менестрелей, игравших во время банкетов. На стенах висели гербы, оружие и доспехи. Если крыша была настолько широкой, что требовала опоры на столбы, их и арки крыши украшали резьбой. Иногда дополнительный эффект цвета добавляли гобелены на стенах, а иногда, хотя и редко, настенная живопись, как нам рассказывают в истории *Гуингамора*:

"La chambre est paint tut entur;

Venus, la devesse d'amur,

Fu tres bein en la paintur."

(Комната расписана со всех сторон; Венера, богиня любви, была прекрасно изображена на картине).

Пол в зале мог быть деревянным, хотя в ранний период, о котором мы пишем, он обычно был земляным. Ковров не было, за исключением дворцов большой роскоши, даже в гораздо более поздний период; вместо них пол покрывали камышом или соломой. Солома издревле была одним из символов инвеституры; в салическом законе человек, передающий имущество, бросал пучок соломы в грудь того, кому это имущество должно было быть передано. Учитывая этот обычай, мы можем понять анекдот, рассказанный Альбериком де Труафоненом о Вильгельме Завоевателе. Пол комнаты, в которой он родился, был устлан соломой. Новорожденный, на мгновение оказавшись на полу, схватил в свои крошечные ручки кусочек соломы, который он энергично держал. "*Parfoi!*" - воскликнула акушерка, - "*cet enfant commence jeune à conquerir*". Очевидно, что этот анекдот с его ссылкой на Завоевание был придуман много позже этого события, но он служит доказательством того, что даже в особняках зажиточных людей солома была обычным напольным покрытием; и даже гораздо позже мы не видим, чтобы старые покрытия из камыша, веток или соломы были вытеснены коврами. В 1373 году жители одного города (Обервилье) были освобождены от феодального налога при условии, что они будут ежегодно поставлять сорок телег соломы в гостиницу, или дворец, Карла V, двадцать - королеве и десять - дофину. В особых случаях обычная солома могла быть заменена свежими зелеными ветками на полу и у стен. Фруассар рассказывает, что в один очень теплый день "граф Фуа вошел в свои покои и нашел их усыпанными зеленью и полными свежих новых веток; стены вокруг были покрыты зелеными ветками, чтобы сделать комнату более свежей и благоухающей..... Когда он почувствовал себя в этой свежей новой комнате, он сказал: "Эта зелень очень освежает меня, ибо, конечно, день был жаркий". Если камыш или солома долго лежали на полу, не обновляясь, как это, несомненно, часто случалось, их топтали люди и использовали в качестве кушетки собаки заведения, эффект должен был быть совсем не освежающим. Так было во многих частных домах, но особенно в таких общественных местах, как великие церкви и великий университет Сорбонна, студенты которого сидели на полу на соломе и должны были платить по двадцать пять су ректору за ее убрание.

В грубо обставленном зале замка обитатели жили большую часть своей жизни. Там собирались домочадцы за едой. Там менестрель, если ему случалось присутствовать, читал свои романсы. Там лорд лично, его сенешаль или бейли вершили правосудие. Это была общая комната дома, и в ней обычно находилось все, что можно было украсить. Комфорт даже здесь вряд ли можно было найти; можно представить, что огонь в открытом очаге давал больше дыма, чем тепла, а окна, часто совершенно незастекленные и плохо подогнанные, пропускали больше холода, чем света.

Маленькие квартиры были еще менее претенциозными с точки зрения комфорта. Выходящие из зала или расположенные по всему двору маленькие закутки служили спальными комнатами. Мебель в них была самая простая, и даже не всегда можно было найти кровать; если только жилец не страдал от того, что старики, несомненно, называли вырождающейся женственностью эпохи 1000 года, его постель, скорее всего, была устроена на полу или на нарах у стены. Иногда с задней стороны зала находилась большая квартира, предназначенная для личного пользования лорда и его дамы. По мере роста роскоши эти апартаменты постепенно становились все лучше и лучше, и в конце концов там появилась беседка леди, где она могла уединиться со своими служанками. Их часто бывало немало: кто-то просто прислуга, кто-то молодые девушки из хорошей семьи, отправленные учиться вежливым манерам и домашнему искусству под руководством хозяйки замка. В беседке на стенах висели гобелены, а вместо оружия, возможно, висели различные музыкальные инструменты, особенно арфа, в различных формах, известных как *псалтерионы*, *кифары*, *декакорды*; роте, которая была тем, что мы сейчас называем скрипкой; различные формы скрипок, такие как ребек и лютня; гитары; и, возможно, флейты. Использование этих инструментов, конечно, не было неизвестно самим дамам, и мы находим много упоминаний в романах о девицах при дворе, играющих на арфе и поющих, хотя чаще всего исполнителем был профессиональный менестрель или обучающийся паж.

В беседке дама не была занята простыми развлечениями. Мы склонны забывать, что наша более сложная цивилизация научила нас полагаться на других во многих делах, которые даже наши прабабушки и прадедушки должны были делать сами. Если поставить Робинзона Крузо в положение человека, даже с помощью простых инструментов, которые Дефо позволяет ему иметь, то насколько беспомощным был бы средний человек наших дней, просто потому, что от долгой зависимости от маленьких удобств современной жизни, - от спичек Люцифера и кухонных плит до готовой одежды и готовых домов, - он потерял бы возможность пользоваться самыми элементарными способностями. Так и женщина Крузо, живущая в феодальном замке на одиноком острове, вдали от удобств города и магазинов, должна, если она рассчитывает обеспечить себе и окружающим хоть какой-то комфорт, уметь делать бесчисленное множество мелких вещей, которые даже современная продавщица делает для нее как само собой разумеющееся.

Она должна знать, как печь хлеб, без сомнения. В романе о короле Флоре верная жена переодевается в пажа и сопровождает мужа так, что он ее не узнает. Они попадают в злые дни, и жена-паж зарабатывает на жизнь себе и своему хозяину, открывая пекарню и, в конце концов, трактир. Хозяйка поместья должна не только уметь делать большую часть одежды, которую она носит, но и знать, как ткать ткань, из которой сшито ее платье, и прясть пряжу, из которой получают и ткань, и нитки, и чесать шерсть или готовить лен. Если мыло считается необходимым - а, судя по всему, оно не было чрезмерным, - ей следовало бы знать, как его делать, поскольку поблизости может не оказаться места, где его можно было бы купить. Свечи, грубого вида, или что-то вроде фонаря для домашнего использования, тоже было бы неплохо уметь делать; и, конечно, она должна знать, как делать сыры и вялить мясо, чтобы использовать его в течение долгих месяцев, когда свежего мяса может не быть. Даже на столах богачей соленое мясо было основным продуктом. Не имея возможности обеспечить прокорм большого стада в течение зимы - кормов было мало, корнеплоды выращивали мало, а всемогущий картофель еще не вошел в моду, - управляющий лорда в начале зимы зарезал большое количество животных, мясо которых нужно было засолить. Хорошая хозяйка, конечно же, знает об этом процессе. Хотя в больших семьях управление слугами-мужчинами, в общем-то, уличными слугами, возлагалось на управляющего или бейли, леди и здесь, несомненно, должна была осуществлять общий надзор, а также

обеспечивать работой и поддерживать дисциплину среди женщин в доме. Поэтому, чтобы успешно выполнять обязанности хозяйки замка, должно было потребоваться не мало способностей и такта.

Нам нет нужды останавливаться на развлечениях и традиционных занятиях женщин, таких как шитье и вышивание, музыка и уход за цветами. Лучше всего это можно заметить, изучая романы более позднего времени.

Для женщин высших классов феодализм не был, можно сказать, совершенно несправедливым или злым в своей деятельности; но поскольку для крестьянина Жака Бонхомма феодализм означал угнетение, граничащее с рабством, его жена Жанна вряд ли могла быть в лучшем положении. В крестьянские браки сеньор мог вмешиваться еще более тиранически, чем в браки своих подопечных. В некоторых местах жених и невеста были обязаны сделать сеньору определенные подарки, называемые *mets de manage*. В день свадьбы они "должны быть принесены невестой в замок в сопровождении музыкантов; эти подарки должны состоять из бараньей ноги, двух птиц, двух кварт вина, четырех буханок хлеба, четырех свечей и соли, под страхом штрафа в шестьдесят су". В некоторых местах на это позорное право, известное *par excellence* как *droit du seigneur*, претендовали, и мы находим писателя даже в конце семнадцатого века, который описывает тот факт, что муж иногда должен был купить освобождение своей невесты от этого права.

Однако в ранний период, о котором мы пишем, о крестьянстве практически ничего не известно; монашеские летописцы упоминают о нем лишь изредка, да и то несимпатично. Народная литература с ее *lais*, *contes*, *fabliaux* или грубыми драмами, в которых появляются Жак и Жанна, еще не существовала. Однако по варварству, с которым с ними обращались, мы можем догадаться, насколько близким к животному было их состояние.

В 997 году, вскоре после смерти славного герцога Роберта Бесстрашного, крестьяне Нормандии начали роптать на обиды, которые им приходилось терпеть. "Сеньоры, - говорили они, - приносят нам только вред; из-за них мы не имеем ни выгоды, ни прибыли от своего труда. Каждый день они забирают у нас наших рабочих животных за феодальные услуги. А тут еще законы, старые и новые, бесконечные мольбы и тяжбы, о чеканке монет, о правах на лес, о дорогах, о помоле зерна, о *гоммаже*. Констеблей и бейлифов так много, что у нас нет ни часа покоя; каждый день они набрасываются на нас, конфискуют наши товары, прогоняют нас с наших земель. У нас нет никакой гарантии против сеньоров и их людей, и ни один договор с ними не действует. Почему мы позволяем обращаться с собой таким образом, вместо того чтобы попытаться исправить свои ошибки? Разве мы не такие же люди, как они? Мужество - вот все, что нам нужно. Поэтому давайте свяжем себя клятвой, поклявшись поддерживать друг друга. А если они начнут на нас войну, разве не найдется у нас на одного рыцаря тридцать или даже сорок молодых крестьян, деятельных и готовых сражаться дубинами, пиками, луками и стрелами, да камнями, если не найдется лучшего оружия? Давайте научимся противостоять рыцарям, и мы будем вольны рубить деревья, охотиться, ловить рыбу по своему усмотрению; и мы будем делать все, что захотим, на воде, в поле и в лесу". Они проводили тайные собрания и в конце концов создали некое подобие организации. Но сеньоры пронюхали об их замыслах. Молодой герцог Ричард послал за своим дядей, Раулем, графом Эврё. "Сир, - сказал Рауль, - не двигайтесь с места, предоставьте все мне". Он собрал отряд рыцарей и вооруженных людей и, получив информацию от шпиона о месте сбора крестьян, внезапно обрушился на них и арестовал всех зачинщиков. Затем последовало наказание, подобное которому не было редкостью, хотя жертвы были многочисленнее, чем обычно. Некоторых убивали прямо на месте, других варили на медленном огне, третьих посыпали расплавленным свинцом. Другим вырывали

глаза, отрубали руки, опаляли ноги; немногих из этих жертв, оставшихся в живых, отправляли обратно к своим товарищам, чтобы они внушали ужас.

Можно поверить, что эти ужасы и постоянный вид тех, кто от них пострадал, приводили крестьян в трепет, о чем с ликованием повествуют старые летописцы. Рассказ, приведенный в "*Романе де Ру*" Уэйса, в наших глазах обладает пафосом и поэтическим величием, гораздо большими, чем восторженные записи летописца о деяниях великих нормандских герцогов. У нас демократический дух или просто человечность настолько сильнее, чем у него, что мы читаем его строки с чувствами жалости и возмущения, совершенно им не предусмотренными. Разве не жалок этот крик крестьян?

"Nus sumes homes cum il sunt,

Tex membres avum cum il unt,

Et altresì grant cors avum,

Et altretant sofrir poum."

(Мы такие же люди, как и они, у нас такие же конечности и тела, как у них, и мы можем страдать так же сильно). Здесь слышится отголосок фразы Шай Лока "Hath not a Jew eyes? Не еврей ли руки, органы, размеры, чувства, привязанности, страсти?". Феодалы века ответили бы и еврею, и крестьянину категорическим "Нет!".

Варварство в подавлении этого восстания - всего лишь типичный пример преобладающей жестокости нравов. Сеньор был жесток не только к крестьянам, которых считал едва ли не своей плотью и кровью. Давайте посмотрим на некоторых из этих знаменитых рыцарей, и сначала на деяния одного, печально известного даже в свое время. Это был Фульк по прозвищу Черный, граф Анжуйский и родоначальник рода Плантагенетов. Этот самый Фульк был дважды женат. От своей первой жены, Елизаветы, обвиненной в прелюбодеянии - вероятно, потому, что он хотел от нее избавиться, - он избавился насильственными методами. По одним сведениям, он сжег ее заживо; по другим - сбросил в пропасть; а поскольку она выжила, он, оскандалившись ее отказом умереть таким живописным способом, заколол ее сам. Вспоминается Нерон, самый веселый из римских убийц-императоров, который придумал сложную машину, чтобы утопить свою мать, а когда она выплыла на берег, был так раздражен неудачей своей затеи, что приказал обезглавить ее. Вторая жена Фулька была так плохо использована, что сбежала в Святую землю. Однажды благочестивый граф сжег церковь Сен-Флоран в Сомюре, взывая к святому: "Позвольте мне сжечь вашу старую церковь здесь, и я построю вам гораздо более прекрасную в Анжере". Впоследствии он построил огромное аббатство, которое никто из соседних епископов не захотел освятить; но благоразумное обращение в Рим, подкрепленное подарком, привело к тому, что кардинал освятил его; и гнев Небес, говорит летописец, был явлен: новая церковь была разрушена молнией. В конце концов благочестивый Фульк, совершивший два предыдущих паломничества в Святую землю, был настолько поражен угрызениями совести, что предпринял третье. Прибыв в Иерусалим, он привязал себя к плетню и потащил по улицам, а двое его слуг пороли его, и при каждом ударе он восклицал: "Помилуй, Господи, лживого предателя Фулька!". Нам не говорят, но вполне вероятно, что слуги, которые его пороли, либо не прожили долго, либо были достаточно мудры, чтобы пороть очень мягко. Фульк, однако, умер на обратном пути из Иерусалима.

Есть еще история о шателене великолепного замка Иври, Альберете, или Обре, жене Рауля, графа Эврё, сводного брата Ричарда I. Она наняла Ланфреда, самого искусного архитектора

того времени, построившего мощный замок Понтивьер (около 1090 года), чтобы тот возвел замок Иври, более прочный и хитроумно продуманный, чем любой другой. Когда он закончил, чтобы он не построил лучшего замка и не раскрыл секреты укреплений Иври, она приказала отрубить ему голову. Но граф Рауль был благоразумным человеком и понял намек. Он приказал казнить и Альбереду.

Один нормандский дворянин, Асцелин де Гоэль, имевший счастье захватить своего феодала, держал его за выкуп, а чтобы побудить его заплатить больше, выставил его у открытого северного окна в рубашке и облил холодной водой, чтобы зимние ветры заморозили его. И даже мягкий и святой король Роберт, воюя с герцогом Бургундским, опустошал страну вдоль и поперек, истреблял незащищенных крестьян, не щадил даже монастыри и церкви, поскольку и крестьяне, и монастыри считались лишь имуществом герцога, которое он имел право уничтожать.

Церковь в некоторой степени возместила причиненный ущерб. Благочестивый и суеверный король почти всю жизнь мучился от угроз вечного проклятия, нависших над ним со стороны церкви. Это подводит нас к рассмотрению влияния церкви на нравы в целом и на положение женщин.

Хотя среди священников было много амбициозных, жадных и жестоких; хотя многие из них жили, открыто пренебрегая церковным запретом на брак среди духовенства, - в ранний период было несколько женатых епископов, а один из них, епископ Дола, фактически разграбил свою церковь, чтобы одарить своих дочерей, - Церковь в целом, несомненно, стояла за лучшее в нравах и морали. После тщетных попыток Карла Великого возродить народное образование, обучение существовало только среди духовенства. Будучи частью феодальной знати и владея вотчинами, за которые они несли военную службу, епископы, аббаты и приоры почти всегда выступали в защиту слабых и угнетенных. В стенах церкви бедному беглецу, спасающемуся от насилия, совершенного во имя правосудия, предлагали убежище, и право убежища обычно соблюдалось.

В стенах монастыря женщинам предлагали безопасность. Конечно, было много тех, кто выбрал тишину и сравнительную легкость монастырской жизни из побуждений, не превосходящих мирские, и тех, кто поступил туда с чувствами романтической преданности, которые большинству из нас трудно оценить в наши дни; и те и другие, несомненно, были довольны тем, что нашли в монастыре. Но было и много других, которых принудили к жизни, абсолютно им неприятной и чуждой их темпераменту. Сколько из них угасало в недовольстве, сколько бунтовало активнее и вело жизнь, принося Церкви упреки и позор! Среди самых ранних сатир против социальных злоупотреблений мы находим сатиры на лицемерных, скупых, обжорливых или развратных монахов и монахинь; и поток сатир проходит через все Средневековье. Монахи живут в *Кокане*, чтобы попасть туда, нужно было семь лет прозябать в грязи; монахи и монахини - в *"Аббате де Тельеме"* Рабле, а в *"Королеве"* - не иначе как *ceste clause: fais ce que voudra*; монахи и монахини снова играют отнюдь не назидательные роли в *баснях* и их преемниках - коротких рассказах, подобных тем, что можно найти в *"Новых веках"*.

Женские монастыри существовали по всей Франции, большинство из них находились под властью бенедиктинцев в той или иной форме. В своих собственных монастырях женщины могли управлять собой, хотя весь монастырь обычно зависел от мужского церковного контроля, либо присоединенного к соседнему монастырю, либо находящегося под юрисдикцией епископа. В большой двойной монашеской общине Фонтевро, основанной около нулевых годов Робером д'Арбрисселем, женщины были возвышены над мужчинами;

монахини пели и молились, монахи работали, а все учреждение находилось под руководством настоятельницы.

Настоятельница или настоятельница занимала ответственную и достойную должность, не похожую на должность шателена. Она тоже управляла большим домашним хозяйством и отвечала не только за религиозную дисциплину, но и за материальное обеспечение своих монахинь. Настоятельница имела власть епископа в пределах своего монастыря и носила посох как знак своего сана. Она могла даже владеть некоторыми феодальными владениями от имени своего монастыря. Она получала доходы от своих владений и была во всех смыслах исполнительной главой своего дома. Поначалу - всегда в соответствии с некоторыми строгими правилами - настоятельница вела дела за пределами монастыря через агента-мужчину. Однако временами, несомненно, преобладала большая свобода, и правило, запрещающее ей покидать монастырь, игнорировалось. В некоторых случаях она назначалась, но обычно избиралась из числа монахинь, хотя, конечно, встречаются случаи, когда настоятельница была просто креатурой какого-то влиятельного светского или церковного авторитета. Стать настоятельницей женского монастыря не считалось ниже достоинства даже принцессы крови; в некоторых монастырях, вероятно, соблюдались те же кастовые различия, что и вне их, и монахини были не более чем элегантными дамами в отставке, отличавшимися родовитостью и модой.

Настоятельница назначала своих подчиненных, число и ранг которых варьировались в зависимости от власти монастыря. Как правило, в монастыре имелась субприоресса, вторая по значимости после настоятельницы, а также некоторые второстепенные должностные лица, чьи обязанности, тем не менее, были важны, такие как капеллан, пономарь и кельнерша. В большинстве случаев капелланом был монах, выбранный для совершения мессы за монахинь, поскольку женщинам не разрешалось становиться настоящими священниками; но в некоторых случаях капелланом становилась монахиня, независимо от того, могла ли она исполнять свои обязанности в любом качестве. Пономарь - это монахиня, в обязанности которой входило звонить в колокола во время служб, поддерживать порядок в часовне, алтаре и священных сосудах, а иногда и выполнять функции казначея. Однако самой интересной из этих служительниц и той, чье положение должно было быть действительно самым тяжелым, была кельнерша. Именно она осуществляла общий надзор за комиссариатом. Обычно ее выбирали по совету, если не по результатам выборов, всей общины, и было особенно важно, чтобы она была тактичным человеком и разумным руководителем. Как экономка заведения, она должна была контролировать слуг и угождать монахиням. Обеспечивая еду и питье для домочадцев, она должна была управлять поступлениями и выплатами на значительные суммы. Очень часто к женскому монастырю примыкала ферма или несколько ферм, продукция которых шла на содержание заведения. За все, что покупалось или продавалось, кельнерша должна была отчитываться. На вырученные от продажи или от аренды подвластных ей ферм деньги или на те, что ей позволяли, она должна была покупать необходимые продукты: зерно, мясо, рыбу - обычно очень большую, особенно в постный сезон, - приправы, такие как консервированные фрукты, специи, соль и т. д., и, если правило не запрещало этого категорически, вино или эль. Об этих деталях мы поговорим подробнее в связи с правилами образцового женского монастыря, которые Абельяр написал для Элоизы и на которых она основывала свое управление знаменитым монастырем Параклита.

ПРАВО СЕНЬОРА

По картине Люсьена Мелинга

Если для крестьянина Жака Бонхомма феодализм означал угнетение, граничащее с рабством, то его жена Жанна вряд ли могла оказаться в лучшем положении. В крестьянские браки сеньор мог вмешиваться еще более тиранически, чем в браки своих подопечных. В некоторых местах жених и невеста были обязаны сеньору определенными подарками, называемыми mets de mariage..., и это самое позорное право, известное как droit du seigneur, было востребовано, и мы находим писателя даже в семнадцатом веке, записывающего тот факт, что муж иногда должен был купить освобождение своей невесты от этого права.

Помимо защиты, которую они предоставляли женщинам, которые в противном случае могли бы оказаться совершенно потерянными в грубом мире, монастыри имели большое значение и в других отношениях. Какой бы она ни стала в период упадка монашеской чистоты, жизнь в женских монастырях, даже в сравнительно мрачный период около 1000 года, не была праздной. День был тщательно разделен на периоды работы, религиозного посвящения и отдыха, которые по давнему обычаю превратились в рутину. Занятия включали в себя то, что мы сегодня относим в основном к художественному труду, хотя в то время многое из этого было действительно полезным в более домашнем смысле: плетение вешалок и гобеленов для церкви, вышивание, рисование и иллюминирование, копирование манускриптов. Последнее, разумеется, было в высшей степени полезным занятием, хотя художественное мастерство, проявленное в самом письме и в прекрасных иллюстрациях, делало его еще и искусством. У нас мало имен настоящих писцов обоих полов, поскольку они редко подписывали рукописи, которые копировали; но среди этих немногих есть и женщины. Великолепные гобелены, иногда достаточно большие, чтобы покрыть одним куском боковую часть церкви, являются, пожалуй, самыми примечательными из изделий монастырей. Работа монахинь в этой области была настолько известна, что традиция приписывает им, хотя, возможно, и ошибочно, производство одного из самых известных исторических

свидетельств Нормандского завоевания - гобеленов Байе, которые, как утверждают, были выполнены для епископа Одо из Байе монахинями под руководством королевы Матильды.

Самым важным в деятельности монастыря было образование. В то время, о котором мы пишем, уровень образования в монастырях был выше, чем можно подумать, и выше, чем несколько столетий спустя; ведь среди некоторых женщин, получавших образование в монастырях, все еще широко использовалась латынь. Наиболее известна саксонская монахиня Хротсвит, или Розвита, X века, которая писала легенды о святых, драмы по образцу комедий Теренция и хроники. Были и другие ученые монахини, хотя ни одна из них не прославилась во французской литературе того времени, все они получили свои знания в монастырях, ведь только в монастырях женщины обычно могли получить хоть какое-то образование. Одной из главных целей монастыря было обучение молодых девушек. Иногда их готовили только к тому, чтобы они могли стать послушницами, а впоследствии монахинями, и степень образования, конечно, частично определялась социальным положением, то есть принцессу готовили более тщательно, чем простую демазель; но некоторые монастыри стали знаменитыми школами, где образование давали ради него самого, а не только для того, чтобы обучить тех, кто собирался стать монахиней. Во многих случаях обучались дети обоих полов, а девочки и мальчики вместе изучали латынь. В романсе "*Флор и Бланшефлор*" герой вспоминает, как он и Бланшефлор любили друг друга, когда были детьми в школе, "и рассказывали друг другу о своей любви на латыни, и никто нас не понимал". Но девочки, вероятно, были лучше образованы, в нашем понимании этого слова, чем мальчики; ведь научить мальчика не разбивать голову Присциану было тогда менее необходимо, чем научить его разбивать голову своему противнику в бою.

Оставляя монастыри без внимания, церковь помогала делу женщины и всего человечества, постоянно пытаясь подавить насилие. Примерно в 1030 году Франция пострадала от череды неурожаев, что вместе с постоянными растратами и опустошениями мелких войн привело к страшнейшему голоду. Люди в своем несчастье стали почти бесчеловечными; люди умирали в таком количестве, что их невозможно было похоронить, и волки питались их плотью; человеческая плоть фактически выставлялась на продажу на рынке Турнуса; а один монстр, живший в окрестностях Макона как отшельник, заманивал неосторожных путников в свое логово и там убивал и пожирал их! Когда его обнаружили, у него была грудa из сорока восьми человеческих черепов, принадлежавших его жертвам. В разгар этой ужасной ситуации епископы и аббаты всех частей Франции собрались на совет и постановили наказывать того, кто будет носить оружие, и того, кто будет применять насилие против незащищенных людей, купцов, монахов и женщин; даже убежище алтаря не должно было защитить того, кто ослушается этого указа. Подняв руки к небу, все присутствующие воскликнули: *Рах! рах! рах!* в подтверждение договора о вечном мире, *Paix de Dieu* - мире Божьем. Войны были причиной многих бед, и королевство действительно устало от войны, но тысячелетие еще не наступило - философы до сих пор говорят нам, что оно находится "за линией неба", - и Мир Божий был неэффективен.

Не сумев подавить войну, церковь с большей практической мудростью попыталась изменить ее ужасы. В 1041 году было провозглашено *Trêve de Dieu* - Божье перемирие. Все частные распри должны были прекращаться в период с вечера среды до утра понедельника под страхом штрафа, изгнания и исключения из христианского общения. Затем в период перемирия включались дни великих праздников, а также Адвент и Великий пост. "Церкви и неукрепленные кладбища, - пишет летописец Ранульф Глабер, - а также лица всех священнослужителей и монахов, если они не носили оружия, были поставлены под вечную защиту Божьего перемирия. На будущее, при ведении войны с сеньором, людям

запрещалось убивать, калечить, уводить в плен бедных жителей страны, а также злонамеренно уничтожать орудия труда и посевы". Последнее положение особенно интересно. Конечно, могущественные бароны снова и снова нарушали перемирие, но оно было реальной моральной силой сдерживания, и Церковь не забывала выступать за его соблюдение, так что оно должно было иметь определенный эффект. Ни для одного класса общества мир не мог быть более желанным и более необходимым, чем для женщин, всегда страдающих от войны.

Мы оставили напоследок один самый важный вопрос в рассмотрении морального влияния Церкви. Безусловно, святость брачных уз - один из фундаментов нравственности и цивилизации; на ней зиждется дом, где женщина всегда находила свое величайшее и вернейшее счастье. Церковь веками боролась и должна была бороться еще некоторое время, чтобы сделать эффективным свое противодействие браку среди духовенства. Среди светских священников, не связанных с монашеским орденом, брак или наложничество отнюдь не прекратились, и мы видим даже епископов, ведущих скандальную жизнь. Но Церковь продолжала оглашать свои постановления, и зло постепенно становилось все меньше и меньше, пока не стало существовать только среди низших слоев духовенства и в глухих местах. Монахи и монахини в равной степени давали три обета: бедности, целомудрия и послушания. Мы не касаемся общего вопроса о том, должны ли священники жениться или нет, или о том, разумно ли принуждать к соблюдению обета вечного целомудрия молодых мужчин и женщин, которые, возможно, приняли этот обет, не учитывая свои собственные темпераменты, или были вынуждены принять его против своей воли. Несмотря на скандалы, - а скандал всегда шумный язык, - не приходится сомневаться, что в подавляющем большинстве случаев обет целомудрия соблюдался искренне. В своих собственных пределах Церковь не поощряла и вскоре полностью запретила брак; что же она сделала для освящения и защиты брака вне рядов духовенства?

Брак стал одним из семи великих таинств Церкви, а нарушение брачного союза - одним из самых суровых грехов. Прелюбодеяние сурово каралось по обычным законам франков, обычно смертью обоих супругов с ужасными пытками; а Церковь добавила к физическому наказанию, налагаемому гражданским законом в этом мире, угрозу вечных мук в следующем. Тем не менее, по свидетельствам многих сатириков и некоторых не сатириков, именно неженатый священник был самым частым преступником. Анекдот проиллюстрирует преобладающую распущенность клерикальных нравов. Уэйс рассказывает, что один священник из Сен-Уана в Руане влюбился в даму, которая жила за маленькой речкой Робек. Однажды темной ночью, когда он крался к ней, его нога поскользнулась на доске, по которой он переходил через реку, и он упал в воду и утонул. Дьявол уже собирался заколоть вилами его душу и унести ее, когда появился ангел, утверждавший, что ризничий еще не совершил греха. Дело было передано герцогу Ричарду, который приказал вернуть душу в тело, а затем судить в соответствии с действиями ризничего. Престо! Это было сделано; и монах, пыл которого был охлажден усыплением, вернулся в свое аббатство и исповедался аббату. Народная пословица донесла до нас эту историю: "Сэр монах, шагайте осторожно, и будьте внимательны, когда переходите по доске". Не только в церкви, но и в мире безнравственность была слишком распространена и слишком легко прощалась. Примечательно, что незаконнорожденность была скорее правилом, чем исключением среди нормандских герцогов, а Вильгельм Завоеватель, сам незаконнорожденный, в свои годы отличался супружеской верностью.

Моральная теория церкви была достаточно правильной, однако на практике она потерпела неудачу. Были приняты все меры предосторожности - на самом деле, их было слишком много

- для предотвращения поспешных и неудачных браков. Заговенье должно было быть трижды прочитано в церкви; договаривающиеся стороны должны быть совершеннолетними; они должны иметь согласие родителей или опекунов; они не должны быть родственниками в степени, запрещенной церковью; они не должны быть связаны каким-либо предыдущим обетом целомудрия или быть виновными в каком-либо смертном грехе.

Казалось бы, в целом эти положения достаточно мудры, но из одного из них выросло значительное моральное зло. Салический закон признавал развод: "Видя, что раздор нарушает их союз и что милосердие не царит в нем, Н. и М., муж и жена, согласились разойтись и оставить друг друга свободными либо для ухода в монастырь, либо для повторного брака", без вопросов и возражений с обеих сторон. Так гласила одна из формул; в знак развода у жены отбирали ключи от дома или разрывали перед ней кусок льна. Церковь, однако, выступала против развода, объявляя его противоречащим духу христианства. Тем не менее, если человек был богат или влиятелен, то под тем или иным предлогом можно было легко добиться аннулирования брака. Чаще всего развод требовали по соображениям совести, поскольку брачующиеся, находясь в запрещенных степенях родства, - о чем они не знали на момент заключения брака, - были виновны в кровосмешении в глазах Церкви и молили избавить их от опасности погубить свои бессмертные души смертным грехом. Прибегали и к другим уговорам, но этот, похоже, был самым излюбленным. С помощью хитроумного разделения волос "на южную и юго-западную стороны" можно было считать, что это не развод, а просто аннулирование договора, который с самого начала был незаконным и неосвященным; и это различие было очень важным, поскольку богатый дворянин или монарх, избавившийся таким образом от неугодной жены и оправдавший себя надлежащими покаяниями и достаточными пожертвованиями в пользу Церкви, мог, и обычно делал это, жениться снова.

В случае с королевой Бертой мы имеем дело именно с историей развода или вынужденного расставания. Роберт, сын Гуго Капета и первый настоящий король из рода Капетингов, был преданным другом Эудеса, графа Шампани и Блуа, который в своих грамотах гордо именовал себя *Comes Ditissimus*, самым богатым графом Франции, и которого Роберт удостоил титула графа или сенешаля королевского дворца. У этого Эудеса была красивая и добродетельная жена, Берта, дочь короля Конрада Тихого из Овна, происходившая от великого императора Генриха Фаулера. Роберт, женатый в то время на принцессе по имени Розелла, был крестным отцом одного из детей Эудеса и его прекрасной кузины Берты. И принцесса Розелла, и комес Дитиссимус умерли. Берта и Роберт, судя по всему, уже любили друг друга, поскольку ни один из них не горевал долго. Через несколько месяцев они поженились, несмотря на протесты Гуго Капета, который хотел бы иметь более могущественный союз для своего сына и наследника. Хотя Берта и Роберт были кузенами, но только в четвертой степени. Это фактическое родство, хотя и не выходящее за рамки запрещенных степеней, вероятно, было бы проигнорировано, как и духовное родство, установленное тем, что Роберт был крестным отцом одного из детей Берты, если бы не невезение принца, вызвавшее вражду некоторых влиятельных и активных церковных деятелей. Аршамбо, архиепископ Турский, выдал специальное разрешение и благословил брак в присутствии и с согласия нескольких других епископов. Но чтобы в полной мере понять, с каким яростным противодействием столкнулся брак со стороны папской партии, необходимо вернуться к одному из эпизодов правления Гуго Капета.

В ходе последней попытки Карла, наследника династии Карловингов, вернуть себе власть, архиепископ Реймский предал Гуго Капета и согласился ввести войска Карла в Реймс. Было доказано, что этот человек, Арнуль или Арнульф, сдал ключи от города эmissарам Карла, и

он сам признал свою вину. Соответственно, с санкции церковного суда Арнульф был лишен своей кафедры, которая была передана Герберту, воспитателю юного короля Роберта. Папская партия отказалась признать юрисдикцию суда, который низложил Арнуля и до сих пор держал его в заточении в Орлеане, и во Францию был отправлен специальный легат, чтобы выразить протест против этих действий в то самое время, когда Роберт женился на Берте. Легат возвысил свой голос, протестуя против кровосмесительного и греховного брака. Думая умиротворить его, Роберт освободил Арнуля и восстановил его в архиепископстве; но для этого ему пришлось сместить Герберта, и тем самым он нажил себе врага в лице одного из самых деятельных и способных людей в Церкви, прославившегося как богослов, а впоследствии ставшего папой Сильвестром II.

Однако на какое-то время Берта и Роберт, которые преданно любили друг друга и жили в простом благочестии, совершенно противоположном развратным привычкам того времени, остались без защиты. Взятка в Рим была достаточной для того, чтобы купить для них невинное счастье. Роберт был необычайно благочестив, и церковные летописцы, сохранившие его историю для нас, причислили его почти к лику святых. Хотя он был красивым и хорошо сложенным мужчиной и не был совершенно непригоден к военным упражнениям, он наслаждался занятиями, скорее подобающими монашескому ученому, чем воину. Он был нежен и добр к окружающим, особенно к бедным и несчастным, и был предан музыке. Он сам сочинил для церкви несколько латинских гимнов, некоторые из которых сохранились до сих пор, в частности, последование Святому Духу "*Adsit nobis gratia*", а многие другие он переложил на мелодии собственного сочинения. Он невинно тщеславился своими способностями музыканта и певца и во время паломничества в Рим в 1016 году положил на алтарь Святого Петра свои латинские стихи, положенные на музыку. Те самые милости и добродетели, за которые современники превозносят Роберта, делают его явно неуместным на посту короля Франции в 1000 году, а несчастья его внутренней карьеры лишь более плачевны, чем беспорядок, царивший в его королевстве. То, что один из самых благочестивых королей Франции начал свою карьеру в противостоянии с Церковью, весьма примечательно.

Пока Берта и Роберт наслаждались краткой передышкой от преследований, само папство боролось за существование. Наконец император Оттон ворвался в Рим, схватил лидера народной партии Иоанна Кресцентия, "сенатора и консула Рима", и бросил его на стены замка Святого Анджело. Несчастливого папу Иоанна XVI сменил выдвиженец императора Григорий V. Почти сразу после того, как Григорий занял свой пост, он созвал собор (998), на котором Герберт, теперь уже злейший враг Роберта, заседал в качестве епископа Равенны. Этот собор, в значительной степени контролируемый мстительным Гербертом, пригрозил королевству Франция всеобщим интердиктом, приостанавливающим все религиозные обряды, кроме крещения и крайнего елеосвящения, если Роберт не отречется от Берты. Указ предписывал, что "король Роберт, который, вопреки святым канонам Церкви, женился на своей кузине Берте, должен немедленно оставить ее и совершить семилетнюю епитимью в соответствии с правилами и обычаями Церкви. Если же он не подчинится, да будет он предан анафеме! Так же будет и в отношении Берты! Пусть Арчамбо, архиепископ Турский, который освятил этот кровосмесительный союз, и все епископы, которые санкционировали его своим присутствием, будут лишены Святого причастия до тех пор, пока они не придут в Рим, чтобы загладить свою вину перед Святым Престолом!"

Можно представить, что для такой набожной натуры, как Роберт, подобное проклятие было почти непреодолимым. И все же они с Бертой некоторое время терпели ужасы, которые принесло им это отлучение, а Роберт сопротивлялся с гораздо большей силой духа, чем

можно было предположить. Проклятие пало на Францию, на ее короля и королеву, которые, несомненно, были не более нравственно виновны, чем их несчастные подданные. Ужасными были последствия проклятия, по словам Петра Дамиана, который с благочестивой точностью описывает большинство знамений и чудес, которыми была наполнена эпоха. Все, кроме нескольких низших слуг, бежали от проклятого присутствия Роберта и его королевы, и даже эти слуги, приготовив еду для короля, считали те самые сосуды, из которых он ел, загрязненными от его прикосновения, и очищали их огнем или уничтожали. О Берте рассказывали, что она была нечистой ведьмой и имела ногу гуся, за что ее прозвали *la reine pedauque*, или *pied d'oie* ("Гусиная нога королевы"). В ее волнениях и страданиях ребенок, которого она должна была родить, появился на свет преждевременно. Благочестивый Дамианус рассказывает, что, по слухам, он был чудовищной формы, с головой и шеей лебедя, а не человека.

Были ли эти ужасы прямым следствием Божьего гнева или родились в ревностном воображении писателя, которому было интересно придать красок описанию взрывных последствий отлучения, Роберт и Берта должны были смириться с жестокой разлукой. Суеверные страхи Роберта усугублялись его монашескими советниками, особенно Аббо, аббатом Флери, "который непрестанно порицал короля, как публично, так и в частном порядке". Этот святой человек, говорит биограф Роберта, "продолжал свои упреки до тех пор, пока добрый король не признал свою вину и не отказался от жены, которой ему не было позволено обладать". Похоже, что разрыв произошел примерно в 1006 году, и Роберту предстояло быть несчастным в домашней жизни до конца своих дней.

Часть своей супружеской жизни они с Бертой прожили вместе, находясь в настоящем царстве террора. Во всем христианстве царило всеобщее убеждение, что конец творения близок. Ярким пророчествам Апокалипсиса добавились тексты, считавшиеся пророческими о Судном дне, собранные из всех частей Писания и из того, что суеверное невежество считало почти равным авторитетом, - Сивиллиных листьев. Проповедники брали за основу ужасы приближающегося распада мира, когда, согласно Откровению: "Звезды небесные упали на землю... и небеса исчезли, как свиток, когда его сворачивают"; или в великолепных словах гимна, написанного много позже: *Dies iræ, dies illa Solvet, sæclum in favilla: Teste David cum Sybilla*. (День гнева! О день скорби! Исполнилось предупреждение пророка! Небо и земля в пепле горят!). Они дополняли эту картину рассказами об адских муках, о которых повествуют предания тех, кому было дано видение о них. "Покайтесь! Покайтесь! Ибо приблизилось Царство Небесное. Горе тому, кто в тот день окажется еще грешником!" Естественно, наступила парализация всех полезных занятий. Что толку готовиться к завтрашнему дню, если завтрашнего дня не будет? В последний год века ужас достиг наивысшей точки, и удовлетворялись только абсолютные нужды. Были большие пожертвования Господу со стороны запоздавших грешников, которые думали таким образом приобрести отпущение своих грехов. Но были и те, кто отказывался каяться, решив, раз уж жизнь их коротка, провести ее как можно веселее. В то время как первые толпились в церквях, плакали, молились и предавались ужасам, внушаемым священником, вторые предавались безудержному разгулу. Прошел 1000 год, а на небе все еще были звезды, и нечестивцы на земле стали дышать свободнее; когда же наступил следующий год без Судного дня, мужество возродилось, и Церковь начала пользоваться огромными дарами, которые ей передали импульсивные грешники. По всей земле воздвигались новые соборы и новые аббатства.

Пафос истории Берты усиливается, когда мы смотрим на ее преемницу на троне. Даже в свое время Констанция, дочь Гильгельма Тайллефера, графа Тулузского, считалась суровой и

жестокой; один летописец эвфемистически выражает это, говоря: "В ее сердце было столько же постоянства, сколько и в ее имени". Вероятно, ее характер был достаточно честным, ведь ее матерью была Арсинда, сестра того самого Фулька Нерра, который, по некоторым сведениям, заставил слабого Роберта жениться на своей племяннице. По словам летописца, она была названа Кандидой из-за своей чрезмерной справедливости и нередко именовалась Бланш, "прекрасной королевой". В довольно примитивный двор французского короля, окруженный монахами и, вероятно, тоскующий по изгнанной Берте, она явилась со скандальной демонстрацией роскоши и легкомыслия.

Юг Франции, соприкасаясь с Италией, с культурными маврами Испании, а через свои средиземноморские порты - с самой развитой из известных в то время цивилизаций, цивилизацией арабов, значительно опережал северные провинции в цивилизации или, по крайней мере, в роскоши и знании искусств, обычно сопровождающих цивилизацию. Прованс, особенно с его древним портом Марселем, вызывающим воспоминания о самой культурной нации античности, в материальном процветании и искусстве уже достиг той стадии цивилизации, которая должна была сделать его в течение следующего столетия матерью первой настоящей литературы, известной Франции, и первого широкого протеста против Римской церкви. Трубадуры вскоре прославили Прованс и провансальский язык, а альбигойцы со своей ересью должны были привести к гибели это веселое, блестящее, но нездоровое общество. Юг уже был гораздо более веселым и любящим удовольствия, чем север, где бедствия внешних и внутренних войн были более ужасными. И вот с юга приехала королева Констанция, *ла Бланш*, ко двору, где король был скорее монахом, чем королем.

Северяне, всегда недолюбливавшие людей из Прованса, с ужасом восклицали о манерах и нарядах оравы провансальских сопровождающих, которых Констанция привезла с собой. "Благосклонность королевы, - говорит Глабер, - привлекла во Францию и Бургундию многих выходцев из Аквитании и Оверни. Эти тщеславные и легкомысленные люди показали себя столь же нерегулируемыми в своих нравах, сколь и нескромными в одежде. Их доспехи и убранство лошадей были необычны. Их волосы не доходили до середины головы (мода брить затылок была странной для северной Франции, но впоследствии настолько распространилась, что норманнские рыцари Вильгельма, по донесениям шпионов Гарольда, были сплошь бритыми монахами); они сбрасывали бороды так же гладко, как актеры; они носили сапоги, непристойно вывернутые на носках, короткие, достигающие до колен и разделенные сзади и впереди, одеяния; при ходьбе они прыгали!" Увы для Франции! Французы и бургундцы, прежде самые честные и трезвые из всех народов, охотно последовали "греховному примеру", поданному фаворитами королевы. Вся нация копировала эти непристойные костюмы, и в моду вошли короткие волосы, короткие платья и греховные остроносые туфли. Как пуритане возмущались против вавилонской одежды, ливреи "алой женщины", в виде кудрей кавалера и длинных плюмажей, так и французские прорицатели выступили с крестовым походом против этой ливреи дьявола. Они заявили, что во всем этом - перст Сатаны, и что остроносые туфли безошибочно перенесут их обладателя в царство того господина, чью ливрею он носит. Можно услышать голос пуританина Анания из пьесы Бена Джонсона, когда он свидетельствует против костюма испанца: "Это оскверненные, развратные, суеверные и идолопоклоннические бриджи".

Тем не менее, сатанинская ливрея так и не была полностью отброшена; и одежда была не единственной сатанинской вещью в новой королеве. Констанция, вспыльчивая и энергичная, правила Францией благодаря или вопреки королю Роберту. Происходя из сильного и воинственного рода, она, должно быть, находила много отвратительного в слабости и суеверии, которые были главными чертами, отмеченными ею в своем муже. Она и

ее родственники оставили ему свободу сочинять гимны, пока правили Францией. Но когда один из его фаворитов, Гюг де Бове, которого он сделал графом дворца, предложил Роберту избавиться от Констанции и послать за вечно сожалеющей Бертой, Констанция уведомила об этом своего строптивого дядю Фулька. Фульк незамедлительно отправил дюжину храбрых рыцарей с приказом убить Гуга, где бы и когда бы они его ни нашли: они нашли его и убили в присутствии самого короля. Роберт был слишком слаб, чтобы эффективно сопротивляться, заключил мир с королевой и все больше предавался религиозным утехам.

Он часто ходил в церковь Сен-Дени, пел вместе с хором и вызывал певчих на соревнование в мастерстве. Когда Констанция однажды попросила его сочинить какую-нибудь песню в ее честь, он ответил строфой из своего гимна: *O! Constantia martyrurum* (О! Вера и постоянство мучеников), чем она осталась довольна, как если бы ссылка не была немного двусмысленной. Однажды, когда он осаждал замок в праздник святого Ипполита, к которому он питал особое почтение, он оставил армию и отправился в Сен-Дени, чтобы спеть гимны в честь святого. Пока он был занят этим, стены замка рухнули, и войска короля вошли внутрь; явная награда за его пение *Agnus Dei, dona nobis pacem!* Однажды, когда он молился, проливая много слез, как это было принято, тщеславная и мирская Констанция украсила его копье серебряными украшениями. Царь, увидев это греховное расточительство, выглянул из своей двери и увидел рядом нищего. Он послал его за каким-нибудь инструментом, чтобы срезать украшения, закрылся с ним в одной комнате, снял с копья серебряные украшения и отдал ему, велел поспешно удалиться, чтобы его не увидела царица. Констанс спросила, что стало с серебром, и Роберт "покаялся именем Господа, хотя и не всерьез", что не знает, что с ним стало.

Несмотря на такое благочестивое лжесвидетельство, нам говорят, что Роберт с большим ужасом относился ко лжи. Доказательство этого утверждения очень интересно. У него был ковчег из хрусталя, помещенный в золотой футляр и не содержащий никаких реликвий. На нем его вельможи, не подозревая об обмане, могли поклясться, не рискуя душой, если клятва окажется ложной. А поскольку у простых людей тоже были души, и они могли подвергнуть их опасности ложной клятвой, у него был такой же ковчег из серебра, в котором хранилось не более священное яйцо. Он постоянно старался защитить мелких злоумышленников, которых его неразумность склоняла к проступкам и которых Констанс должен был наказывать. У него была привычка кормить бедняков со своего стола, и однажды под столом у его ног спрятался какой-то человек. Тот нашел время между укусами, чтобы отрезать тяжелое золотое украшение, прикрепленное к колену короля. "Какой враг Божий, милостивый государь, обесчестил вашу украшенную золотом мантию?" - вскричал Констанс. "Несомненно, - ответил Роберт, - тот, кто взял ее, хотел ее больше, чем я, и с Божьей помощью она будет ему полезна". Однажды он увидел, как молодой клерк по имени Оггер украл подсвечник с алтаря в его часовне. Священники были сильно обеспокоены его пропажей, а королева в ярости поклялась душой своего отца, что вырвет глаза священникам, если они не отчитаются за украденное из святилища. Священники допросили Роберта, который, отрицая всякую осведомленность о краже, тут же послал за вором. "Друг Оггер, - сказал он, - поспеши сюда, чтобы мое непостоянство не съело тебя. Того, что ты взял, хватит, чтобы довезти тебя до твоей страны. Да пребудет с тобой Господь". Когда вор оказался вне опасности преследования, Роберт весело сказал: "К чему вся эта возня с подсвечником? Господь отдал его кому-то из своих бедняков".

Можно понять, что, как бы церковники ни одобряли подобную кротость, она очень раздражала Констанс. Она была полна энергии и бодрости и, по словам ее биографа,

никогда не шутила по пустякам. Вместе со своим дядей Фульком, которого Роберт сделал губернатором Парижа, она управляла Францией и боролась с беспокойными и мятежными баронами, главным из которых был Эйдес II, граф Блуа, Шартра, Тура и Шампани, сын свергнутой королевы Берты. Она возглавила первую серьезную атаку на ересь. Некоторые клерки в городе Орлеане создали тайную еретическую секту, в которую вошло множество прозелитов, в том числе некий Этьен, который был исповедником королевы Констанции. Их тайна была раскрыта, они предстали перед судом, отказались отречься и были приговорены к казни. Когда они шли от церкви, где их судили, к огромному погребальному костру, мимо Констанции, стоявшей на паперти церкви. Узнав Этьена среди тринадцати узников, она яростно набросилась на него и плетью выбила беззащитной жертве один глаз. Эта мстительная королева, усугубляющая мучения первых жертв новых религиозных гонений, - не самая приятная фигура на французском языке.

По мере того как Роберт становился старше и возникала необходимость определиться с преемником - право старшего сына еще не было окончательно закреплено, - Констанция начала интриговать против мужа. Роберт имел привычку говорить: "Моя курица клюет, но она дает мне много цыплят". У них было шестеро детей, но в 1025 году они потеряли старшего сына, Гуго. Из трех оставшихся сыновей Эйдес, старший, был идиотом; Генрих, второй, был выбором отца; а Роберту, младшему, благоволила Констанция, "с ее привычным духом противоречия". Она не без оснований говорила, что Генрих слаб, неактивен, лжив и небрежен в делах и не сможет стать королем в большей степени, чем его отец; в то время как Роберт обладает гораздо большей энергией и умом, чем его братья. В кои-то веки король устоял и с согласия пэров обеспечил престолонаследие Генриху. Констанция разжигала недобрые чувства между двумя сыновьями, а также между Генрихом и его отцом. Роберт, решив, что с ним поступили несправедливо, вскоре восстал против отца. Но королева всегда была так сурова со всеми своими детьми, что, кажется, ни один из них не верил в нее и не был к ней привязан, и два брата, Генрих и Роберт, вскоре примирились друг с другом и совершили совместное вторжение во владения отца, разграбив его замки и территории. Несчастный король, совершив множество опустошений, в конце концов подкупил своих сыновей, чтобы они позволили ему спокойно спеть последние гимны. Генрих должен был наследовать трон, а Роберт стал герцогом Бургундским.

Заклученный таким образом мир недолго пережил короля Роберта. Он умер в июле 1031 года, и монахи оплакивали своего друга и защитника, а многие бедняки искренне сокрушались о потере своего "добротого отца"; но нет никаких признаков чрезмерной скорби со стороны Констанции. Вскоре она дала королевству повод для скорби в другом ключе: едва Генрих I сел на трон, как его мать начала поднимать против него мятеж. Она всегда была жестока как в частной, так и в общественной жизни, а с Генрихом обращалась особенно, "как будто ненавидела его, как мачеха". Теперь ее интриги увенчались таким успехом, что она привлекла на свою сторону большинство прямых вассалов короны, а большая часть городов герцогства Французского заявила о своем желании посадить на трон Роберта, герцога Бургундского. Отдав графство Сенс своему давнему врагу, Эдуарду, графу Блуа, Констанция заручилась его помощью. Этот заговор матери против сына удался во всем, кроме одного главного пункта: второй сын, именем которого она готовилась развязать гражданскую войну, не принял активного участия в борьбе с братом и, судя по всему, спокойно оставался в Бургундии. Возможно, он был достаточно мудр, чтобы понять, что на самом деле Констанция замышляла сохранить свою власть, и что, если бы его посадили на трон, он был бы полностью под ее контролем.

В этот кризисный момент в делах королевства Генрих, бежавший с двенадцатью вавасурами, обратился за помощью к Нормандии, и самую эффективную помощь ему оказал тот, чье имя должно было стать знаменитым, ядром для сбора романтики. Это был герцог Роберт Нормандский, прозванный Робертом Дьяволом, который вел хищническую войну так жестоко и так успешно, что большинство восставших лордов у границ Нормандии "склонили перед ним головы". Старый Фульк Нерра, вероятно, в одном из назидательных приступов раскаяния, в конце концов привел Констанцию к примирению с Генрихом, упрекнув ее в жестокой ярости, с которой она обращалась со своим сыном. Несчастливая королева, причинившая столько несчастий своему мужу и сыновьям, недолго пережила мир и умерла в Мелуне в июле 1032 года. Ее союзник Эудес еще некоторое время продолжал борьбу, но в конце концов был побежден и вынужден отдать половину графства Сенс, которую Констанция дала ему в качестве взятки.

Так закончилась жизнь одной из первых французских королев, которая действительно принимала активное участие в делах. Красивая, остроумная, полная граций и капризов, присущих как женскому полу, так и некоторым мужским качествам, она, тем не менее, не внушала любви, а только страх всем, кто приближался к ней; и летописцы того времени, кажется, с удовольствием рассказывали анекдоты, иллюстрирующие ее порочность в сравнении со святостью Роберта. Но мы должны помнить, что, по крайней мере, она чего-то добилась, и что ее враги рассказывают ее историю.

В тот период, о котором мы пишем, Нормандия была всемогуща, и Капетинги стали смотреть на ее герцогов то как на самых опасных врагов, то как на самых полезных друзей. Герцог Роберт Великолепный, как называли его придворные, или Роберт-Дьявол, как его знает литература, имел любовницу, которая интересна тем, что показывает, что сословные различия не были такими жесткими, как можно было бы подумать. Согласно рассказу Уэйса об этом романе:

"A Faleize ont li Dus hante,...

Une meschine i ont amée,

Arlot ont nom, de burgeis née".

(Герцог часто бывал в Фалезе,... Там он полюбил девушку по имени Ариетта, рожденную от одного из городских бюргеров). Ариетта, дочь кожевника, стала романтической фигурой в истории Роберта Дьявола; но, романтика или не романтика, она стала матерью величайшего из нормандских герцогов, Вильгельма Завоевателя, родившегося в 1028 году. Вильгельму пришлось немало потрудиться, чтобы сохранить свое место в Нормандии, но мы не можем не рассказать о долгой и успешной борьбе, которую он вел против надменных баронов, отказывавшихся склониться перед незаконнорожденным сыном дочери кожевника. Всем нам известна история о том, как жители осажденного им Аленсона били шкурами по стенам одного из своих редутов, восклицая: "Работа для кожевника!", и как Вильгельм захватил редут, отрубил руки и ноги неудачливым шутникам и перебросил их через городские стены.

С человеком такого нрава естественно, что возникла любопытная история его ухаживаний, начавшаяся вскоре после этого эпизода в Аленсоне. Вовлеченный в постоянные конфликты со своими соседями, Вильгельм решил, по крайней мере, заручиться дружбой Фландрии. Он добивался руки Матильды, дочери Балдуина, графа Фландрии. Маугер, дядя Вильгельма, возражал против этого брака, поскольку Матильда и Вильгельм были двоюродными братьями, и заставил духовенство запретить его. Папа Римский издал специальное постановление против этого брака. С ним Вильгельм не мог поступить так, как ему,

несомненно, больше всего нравилось, но когда итальянец Ланфранк в монастырской школе Би осмелился объявить брак греховным, Вильгельм немедленно отдал приказ сжечь фермы, из которых монахи черпали пропитание, и изгнать Ланфранка. Но проницательная смелость и остроумие Ланфранка сделали Вильгельма его другом, и вскоре было решено, что если Вильгельм основал два монастыря, то грех его брака будет ему прощен.

Турские хроники сообщают, что Матильда сама возражала против свадьбы с бастардом Нормандии. Однако ее отец дал согласие на этот брак, и Вильгельм скрепя сердце согласился на него. В доказательство своей решимости, если не любовной преданности, он поджидал ее, когда она однажды выходила из церкви, и бил ее до тех пор, пока она не согласилась выйти за него замуж! И, как утверждают некоторые авторы, даже после свадьбы он продолжал использовать подобные методы воздействия на герцогиню, в конце концов став причиной ее смерти от своей жестокости. Несмотря на столь нелюбовное начало, брак оказался счастливым. Матильда была красива, добродетельна и обладала сильным характером, поэтому завоевала доверие и любовь своего мужа. В эпоху скандальных супружеских измен он был верен ей. Она была его верным другом и советчиком на протяжении всей жизни; и когда он отправился в опасное путешествие за английской короной, именно она осталась управлять герцогством Нормандия; она молилась за безопасность мужа в основанном ею приорстве в Руане, когда услышала весть о великой победе при Гастингсе и окрестила церковь Bonne Nouvelle; она приветствовала его возвращение в свою столицу Руан после успеха в Англии.

Чистота и преданность королевы Завоевателя представляют собой картину, сильно отличающуюся от картины Бертрада де Монфора, который, как и нечестивая Констанция, был связан с Анжуйским домом. Филипп I, жалкий *слабоумный король*, женился в 1071 году на Берте Голландской, от которой у него было трое детей. Устав от нее, он отослал ее в замок Монтрей, приготовленный для нее задолго до этого в качестве свадебной беседки, а затем, обнаружив одну из тех удобных связей, о которых мы уже упоминали, добился аннулирования своего брака. Успокоив таким образом свою совесть, он, естественно, начал оглядываться по сторонам - возможно, он оглядывался и раньше - в поисках жены, которую он мог бы оставить на некоторое время, не мучаясь совестью. Он нашел такую помощницу в лице Бертрады де Монфор, в которую влюбился во время поездки в Тур в 1092 году. Правда, "хороший человек не мог найти в ней ничего, чем можно было бы восхититься, кроме ее красоты", и что ее муж, другой Фульк Анжуйский, был еще жив. Но это мелочи, когда ты - король Франции, и сердце твое приковано к конкретной даме. Фульк не был привлекательным мужчиной; кажется, у него было что-то вроде косолапости, и он носил длинные остроносые туфли, чтобы скрыть свое уродство; кроме того, он уже дважды разводился. Бертрада, молодая, красивая, амбициозная, была вполне готова отправиться к королю и заменить несчастную БERTY. Она сбежала в ночь после визита короля к ее мужу, нашла эскорт, ожидавший ее в Мён-сюр-Луар, и была проведена к Филиппу в Орлеан.

Филипп и Бертрада решили пожениться, поскольку герцогиня очень хотела называться королевой. Они были возмущены, так как большинство епископов считали, что это не совсем правильное решение, поскольку Фульк не только еще жив, но и в тот момент готовился силой оружия вернуть свою сбежавшую супругу. Тем не менее, с помощью больших подарков король убедил одного епископа освятить его союз с Бертраде. Фульк и друзья свергнутой королевы Берты совершали вылазки на территорию Филиппа, но ничего не добились. Тем временем Филипп подговорил одного из своих баронов начать войну и заключить в тюрьму епископа Шартрского, который осмелился осудить брак с Бертрадой. Вскоре против него была задействована вся мощь церкви, и папа Урбан II отправил специального легата, чтобы

расторгнуть брак или отлучить Филиппа от церкви, если он не оставит свою спутницу. Епископ Шартра был немедленно освобожден, и Филипп попытался предотвратить дальнейшие действия своих врагов, созвав специальный совет в Реймсе, чтобы судить епископа по легкомысленному обвинению. Но легат созвал другой собор в Аутене, который в октябре 1094 года издал декрет об отлучении Филиппа и Бертрада.

Хотя королева Берта уже умерла, церковное порицание все еще оставалось в силе. Согласно одному из условий указа, Филипп должен был снять корону. Он подчинился этому в точности, отказался носить любые знаки королевской власти и притворился, что прекратил все сношения с Бертрадой. Папа дал ему время до Дня всех святых 1095 года, чтобы исправиться, опасаясь прибегать к крайним мерам, пока соперник Папы, которого уже поддерживал германский император, мог переманить короля Франции на свою сторону. День всех святых наступил и прошел, а Филипп и Бертрада все еще жили как муж и жена. Филипп был снова отлучен от церкви на соборе в Клермоне; он снова давал прекрасные обещания о реформации, нарушал свое слово и даже имел дерзость посвятить Бертраду в королевы. Отлучение за отлучением произносились против него, и королевство было подвергнуто интердикту; он продолжал давать самые щедрые обещания отправить Бертраду туда, где она должна быть, но так и не выполнил обещанного.

Ужасы отлучения, очевидно, утратили свою силу, или же миряне и клермонцы были слишком заняты другим важным делом, стоявшим перед Клермонским советом, делом, последствия которого должны были оказать глубокое влияние на всю историю Европы и привести к большим социальным и политическим переменам: люди говорили о Первом крестовом походе. В мощном шуме подготовки, в диком энтузиазме этого великого движения король и его супруга на мгновение потерялись из виду. В то время как мужчины, женщины и даже дети слушали яростное красноречие Петра Отшельника и в вдохновенном неистовстве выкрикивали свое одобрение: *Dieu le veult! Dieu le veult!* Кто мог остановиться, чтобы подумать о ленивом и хитроумном короле Франции? Разве все они не шли в бой на службе у более великого короля, чем он?

Однако мотивы даже этих первых крестоносцев в некоторых случаях были далеки от той последовательной чистоты, которую можно было бы ожидать. Среди лидеров - Гильгельм, герцог Аквитании и граф Пуатье, знаменитый трубадур, основавший в своих владениях *дом наслаждений*, где обитатели одеты как монахини, своего рода персидский рай ("Персидский рай легко сделать, нужно только подвести глаза и выпить лимонада"); который трогательно прощается "с блестящими турнирами, с величием и богатством, со всем тем, что сковывало его сердце, ибо он отправляется на службу Богу, чтобы найти отпущение своих грехов", и при этом берет с собой на эту священную войну целый рой красавиц (*examina puellarum*), которые сковывали его сердце и продолжали сковывать его, вероятно, до тех пор, пока их не захватили турки. Но этот Гильгельм дает еще более интересное доказательство мотивов своей благочестивой войны. В ноябре 1100 года два папских легата прибыли в Пуатье, чтобы провести совет. Проповедуя крестовый поход, они затем приступили к возобновлению проклятия отлучения на Филиппа, который все еще жил с Бертрадой. Добрый граф Гильгельм, на груди которого уже красовался красный крест, поднял толпу против легатов, ворвался в церковь, где заседал собор, и призвал своих приверженцев забрасывать камнями собравшихся епископов. Были разбиты головы, произошло кровопролитие, но достаточное количество епископов устояло, чтобы еще раз произнести отлучение.

Бертрада переносила порицания с удивительным нахальством и шутила, что колокола церквей, молчавшие во время их пребывания в городе, начинают звонить, когда они покидают его; и она действительно заставила некоторых священников провести для нее

службу. Но постоянные проклятия или разврат, которому он предавался всю свою жизнь, похоже, подорвали конституцию Филиппа. Во всяком случае, он решил избавить себя от забот по управлению государством. Несмотря на протесты Бертрада, желавшего не допустить, чтобы власть над скипетром перешла к сыну королевы Берты, Филипп в 1100 году привлек к управлению страной своего сына Людовика.

Молодой человек проявил себя энергичным правителем и завоевал любовь подданных попытками наказать некоторых баронов-разбойников, которые делали жизнь купцов и путешественников невыносимой. Он стал слишком популярен, чтобы полностью устраивать свою любезную мачеху, которая задумала избавиться от него. В 1102 году Людовик отправился в гости к английскому королю Генриху Боклерку, и был принят со всей учтивостью и почетом, приличествующими его рангу. Бертраде отправил за ним письма, запечатанные королевской печатью Филиппа, в которых Генриху предписывалось схватить Людовика и заключить его в тюрьму до конца дней. Но Генрих был то ли слишком мудр, то ли слишком гуманен, чтобы совершить это злодеяние, и отправил молодого принца обратно со всеми почестями. Людовик был в ярости; Филипп отрицал, что знал о позорных письмах, и Людовик, догадавшись, откуда они пришли, задумал убить Бертраде.

Однако ее нелегко было поймать, и она начала придумывать средства, чтобы добиться смерти Людовика. Сначала она прибегла к помощи трех клерков, которые предложили уничтожить принца с помощью колдовства, если они смогут девять дней без помех проводить свои заклинания. Но один из них признался в заговоре, и от черного искусства пришлось отказаться в пользу более надежного метода. Королева приказала отравить Людовика. Несколько дней он томился, не в силах ни есть, ни спать, и лучшие лекари Франции отдали его под присмотр. В конце концов, один из тех, кто немного научился искусству сарацин, предложил свои услуги, и под его присмотром жизнь Людовика была спасена, хотя следы отравления он носил до конца своих дней.

Королева Бертрада, как ласковая мать, надеялась увидеть на троне одного из своих сыновей и была очень огорчена выздоровлением Людовика. Филипп, полностью подпав под ее влияние, фактически умолял сына простить это второе прямое покушение на его жизнь; а Бертрада, сильно напуганная тем, что ее преступление провалилось и было раскрыто, дрожала перед Людовиком, как простая служанка, и в конце концов добилась его прощения.

Филипп решил примириться с церковью. На соборе, состоявшемся в конце 1104 года, он явился как искренний кающийся - босоногий, с неухоженными волосами и бородой - и торжественно поклялся никогда больше не жить с Бертрадой. Проклятие отлучения было снято, совет благоразумно занялся своими делами, а Филипп вышел на улицу, обулся, постригся, надел корону и приготовил ее для Бертрады. Но церковь устала с ним спорить и больше не обращала внимания на его нарушения, хотя то, что произошло вскоре после этого, было, если можно так выразиться, еще более скандальным, чем все, что было до этого.

Бертраде удалось примирить двух своих мужей, и в 1106 году она вместе с Филиппом отправилась к Фульку в Анжер, где все трое дружески общались, сидя за одним столом или занимая почетные места в церкви, причем Филипп сидел рядом с Бертрадой, а Фульк - на табурете у ее ног. Вряд ли можно верить подобному утверждению, но, похоже, наглости Бертрады не было предела, а о полном подчинении Фулька говорится в латинском житии Людовика Толстого: "Хотя он был прямо изгнан из ее постели, она так успокоила его, что... часто сидя на табурете у ее ног, он во всем подчинялся ее воле".

Фульк, хотя и сидел у ног своей жены и любовницы короля, и хотя он перестал активно претендовать на свою долю в Бертраде, запечатлел для нас его и его жены бесчестье. Одна

из его хартий, например, датирована следующим образом: "Это пожертвование было сделано в тысяча девяносто пятом году после воплощения Господа нашего, когда Урбан был папой, а Франция была осквернена прелюбодеянием печально известного короля Филиппа". Но это было в салатовые дни его гнева, до того как Бертрада убедила его сесть на табурет у ее ног и во всем подчиниться ее воле.

В 1108 году Филипп, чувствуя, что его грехи и болезни лежат на нем тяжким грузом, решил принять аллопатическую дозу покаяния, чтобы очиститься от первых, пока вторые не унесли его. Он обратился с особыми молитвами к святому Бенедикту, приказал, чтобы его нечестивое тело не хоронили в королевских гробницах в Сен-Дени, и облачился в одеяние монаха-бенедиктинца. Так он и скончался, просуществовав, а не процарствовав, в качестве короля сорок восемь лет, и его сразу же сменил Людовик Толстый, который был коронован через пять дней после смерти своего отца.

Такая поспешность не была совсем уж беспричинной, ведь Бертрада была еще жива и не теряла времени даром, молясь святому Бенедикту. Воспользовавшись смятением в королевстве, она сумела создать коалицию во главе со своим братом Амори де Монфором и наследником ее мужа Анжуйского, чтобы свергнуть Людовика и посадить на его место своего сына Филиппа, графа Мантского. Но Людовик был слишком активен, чтобы попасться в ловушку, как планировали заговорщики. Он призвал Филиппа предстать перед судом пэров герцогства Французского, а в случае отказа захватил крепости своих врагов еще до того, как они были готовы, и лишил Филиппа графства Мант.

Последняя карта Бертрады была разыграна, и она смирилась со своим поражением. Все еще находясь в расцвете красоты, без единой морщинки на челе, она удалилась в монастырь Верхний Брюйер, зависимый от знаменитого монастыря Фонтевро. Была ли она искренне раскаявшейся в своей дурной жизни, мы не знаем. Но времени на воспитание монашеских добродетелей у нее оставалось мало, так как аскетизм новой жизни вскоре измотал ее, и она умерла в монастыре.

ГЛАВА II

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

На знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез среди сотен памятников нет ни одного, на который путешественник смотрел бы с большим интересом, чем на памятник прекрасной и несчастной Элоизы. Здесь покоится ее тело вместе с телом ее мужа-любовника Пьера Абеляра. Мы хотим рассказать именно ее историю, но ее слава и слава Абеляра настолько тесно связаны, что невозможно рассказать об Элоизе, не рассказав сначала об Абеляре. Долг славы, однако, не только на ее стороне; если перевести слова великого французского историка: "В одиночку имя Абеляра было бы известно сегодня только ученым: связанное с именем Элоизы, оно в каждом сердце. Париж, прежде всего... хранит память о бессмертной дочери Сите с исключительной и неизменной верностью". Восемнадцатый век и Революция,

столь безжалостные к Средневековью, возродили эту традицию с тем же пылом, который заставил их уничтожить множество других воспоминаний. Дети учеников Руссо до сих пор паломничают к памятнику этого великого святого любви, и каждую весну благочестивые женщины возлагают свежие венцы цветов на могилу, в которой Революция воссоединила двух влюбленных". Поэтому мы не будем пытаться разлучить тех, кого любовь соединила более чем на семь столетий, и расскажем об Абельяре так же, как и об Элоизе.

Великий Парижский университет был знаменит уже в двенадцатом веке. Профессора, в большинстве своем церковники, читали лекции обо всех глупых тонкостях тогдашней учености толпам студентов, собранных со всех концов Европы. В монастырской школе Нотр-Дам самым выдающимся лектором по диалектике, то есть философии и логике в применении к философии, в конце XI века был Гийом де Шампо. Метод обучения был, по необходимости, почти полностью устным, поскольку книги стоили почти на вес монеты. Профессор имел обыкновение поощрять дискуссии со студентами и ошеломлять их весом своей мудрости и остротой рассуждений. Так Гийом долгое время одерживал победу и, как мы можем предположить, приобрел не мало догматической привычки ума, которую воспитывает неоспоримое учение. Примерно в 1100 году его господству стала угрожать серьезная опасность со стороны молодого бретонца, едва достигшего совершеннолетия, который пришел в его школу в качестве ученика и имел дерзость одолеть его в споре. Это был Пьер Абельяр, вскоре прославившийся как логик, философ и теолог, о котором теперь вспоминают главным образом из-за его связи с прекрасной и благородной Элоизой. Абельяр родился в Палле, или Пале, неподалеку от Нанта. Он был старшим сыном в знатной семье, и его отец, Беренгер, был намерен дать сыну образование, соответствующее его собственному рыцарскому званию. Сам Беренгер был образован лучше, чем большинство дворян его сословия, и, похоже, в семье был определенный уклон в сторону благочестия, поскольку и Беренгер, и его жена Люси в конце жизни приняли монашеский постриг. Во всяком случае, Пьер, почувствовав вкус к учебе, решил полностью посвятить себя поискам знаний. Давайте посмотрим, как он сам рассказывает эту часть своей истории. "Успехи, которых я достиг в обучении, привлекли меня к нему со все возрастающим рвением, и таково было очарование, которое оно оказало на мой ум, что, отказавшись от славы оружия, от своего наследия, от своих привилегий старшего сына, я навсегда покинул лагерь Марса, чтобы укрыться в лоне Минервы. Предпочитая искусство диалектики всем остальным философским учениям, я сменил оружие войны на оружие логики и пожертвовал трофеями поля боя ради радостей состязания в споре. Я стал путешествовать из провинции в провинцию, посещая все места, где, как я слышал, изучение этого искусства пользовалось особым почетом, и всегда вступая в спор, как истинный подражатель перипатетиков".

Таким образом, Абельяр, которому еще не исполнилось и двадцати, попал в школу Гийома де Шампо. Принятый поначалу с почетом, как умный ученик, Абельяр пробыл там некоторое время, возможно, два года. Но его беспокойный, любознательный и, главное, рациональный ум не мог спокойно воспринимать то, что казалось ему неправдой. Абельяр, совсем еще мальчик, осмеливался спорить со своим учителем Гийомом и, что еще хуже, одерживать верх в спорах на свойственные Гийому темы. Школа разделилась на две партии. Гийом, будучи более влиятельным, не позволил своему ученику утвердиться в качестве преподавателя в Париже, и Абельяр удалился в Мелен, который в то время был королевской резиденцией и довольно значимым городом. Здесь он открыл собственную школу, которая так процветала, несмотря на ревность Гийома и старших учителей, что он переехал в Корбейль, недалеко от Парижа, и вскоре был признан более чем равным своему старому учителю. Но здоровье его подорвалось под тяжестью нагрузок; он удалился на отдых и восстановление сил в родные края и оставался там несколько лет. Вернувшись около 1108 года, он снова встретился с

Гийомом в споре, в монастыре Сен-Виктор, под Парижем, и снова победил его, на этот раз настолько полно, что Гийом отказался от своей кафедры в Париже. Однако его ревность все еще не позволяла Абельяру утвердиться в великом городе. Молодой философ открыл свою школу на Мон-Сен-Женевьев, холме неподалеку от стен тогдашнего Парижа, где преподавал с блестящим успехом, пока его мать Люсия, собиравшаяся принять постриг, не вызвала его в Бретань. По возвращении из этой поездки он решил изучать теологию. Преподобный Ансельм Лаонский был самым выдающимся учителем богословия, и Абельяр отправился к нему. Вот часть его отзыва об Ансельме, которая поможет нам понять характер писателя.

"Он обладал удивительной способностью говорить, но его мысли были лишены ценности, даже здравого смысла. Огонь, который он разжигал, наполнял его дом дымом, но не освещал его. Он был деревом с густой листвой, прекрасным издали, но при ближайшем рассмотрении оказавшимся бесплодным. Я пришел к нему, чтобы собрать плоды; я нашел в нем смоковницу, проклятую Господом, или старый дуб, с которым Лукан сравнивает Помпея: Но тень великого имени, возвышенный дуб посреди плодоносного поля". При таком мнении о своем наставнике неудивительно, что Абельяр стал нетерпелив и говорил неосторожно. В результате молодой ученый доказал, к своему собственному удовлетворению и, видимо, к удовлетворению своих слушателей, что он может читать лекции по теологии, как Ансельм понимал теологию, только с помощью обычного интеллекта. В итоге он стал врагом Ансельма. Он вернулся в Париж - около 1115 года - с триумфом, получил кафедру, которую раньше занимал Гийом де Шампо, и стал каноником собора Нотр-Дам.

В течение трех-четырех лет, последовавших за этим громким триумфом над своим старым хозяином, Абельяр пользовался популярностью и репутацией ученого, почти не имеющей аналогов. Он был красив, привлекателен, манеры его были изысканны и привлекательны, он был сведущ даже в маленьких искусствах и грациях общества того времени. Все это объясняет его личную популярность; но на самом деле он обладал блестящим умом, увлекательной, хотя и опасной логикой, и прямоотой в решении сложных вопросов философии и теологии. И при всей своей образованности он умел справляться с трудностями обычных умов, излагая свои аргументы в стиле не только простом, но и доходчивом и увлекательном. Он привнес в свою работу ценное качество - энтузиазм. Со всех концов Европы к нему стекались студенты, сотнями, тысячами, и на их пожертвования он богател. И тут гордыня подготовила ему гибель. "Полагая себя отныне единственным живым философом, думая, что мне больше не придется встречать противодействие или бояться обвинений, я начал давать волю своим страстям, я, который всегда жил в величайшем воздержании. Чем больше я продвигался по пути философии и теологии, тем дальше я уходил своей нечистой жизнью от философов и святых". Сколько в этом признании настоящего смирения, а сколько притворства, преувеличения и пустой риторики, мы сказать не можем. К сожалению, то, что признается языком религии, настолько сильно окрашено, настолько тропично, настолько явно не должно восприниматься в абсолютном и буквальном смысле, что по автобиографическим свидетельствам такого рода нельзя оценить характер человека. Что имел в виду Руссо, когда признавался, что "дал волю своим страстям", мы прекрасно знаем, ибо он сам об этом рассказывает. Что, а точнее, сколько, имел в виду Абельяр, мы сказать не можем, поскольку его язык, очевидно, в значительной степени образный. Однако мы не думаем, что он действительно был распутником.

В собственном рассказе о своей любовной истории Абельяр говорит, что его привлекли красота, молодость и умственные способности Элоизы, племянницы Фульбера, каноника Нотр-Дама, который нежно любил ее и воспитывал с необыкновенной заботой. Пораженный скорее физическими, чем душевными достоинствами девушки, которой тогда было около

восемнадцати лет, Абеляр искал предлог, чтобы завязать знакомство с Фульбером и поселиться в его доме в качестве постояльца. Возможность получить наставления для своей любимой племянницы от столь выдающегося человека была выше сил Фульбера. В интимных отношениях учителя и ученицы Абеляр также нашел свою возможность; и вскоре эти двое стали явными любовниками в глазах всего мира, кроме Фульбера, который отказывался верить в предательство своего друга и позор племянницы. Абеляр, которому шел тридцать девятый год, любил со всей пылкостью молодости; он писал страстные любовные песни, которые долгое время были популярны, но были утеряны; он пренебрегал своей работой и посвящал свое время Элоизе, а не лекциям по теологии. В конце концов даже Фульберт не смог больше отказываться верить. Влюбленные расстались, но продолжали тайно встречаться. Вскоре после того, как дядя впервые обнаружил их отношения, Элоиза узнала, что скоро станет матерью. Абеляр выкрал ее однажды ночью, когда Фульбер отсутствовал, и сбежал с ней в Бретань, где она оставалась с его сестрой до рождения сына, которого назвала Астролябией.

Чтобы успокоить Фульбера, который жаждал мести, но не решался преследовать пару в Бретани, оплоте семьи Абеляра, Абеляр предложил жениться на Элоизе при условии, что этот союз будет сохранен в тайне, чтобы не подвергать опасности его интересы и перспективы в Церкви. Элоиза, преданная Абеляру душой и телом, и слышать не хотела о браке, который мог бы разрушить его карьеру, и с трудом дала согласие даже на тайный союз. Фульберт, не видя другого выхода, принял предложение Абеляра и дал слово сохранить брак в тайне. Элоиза и Абеляр тайно вернулись в Париж и через несколько дней сыграли свадьбу, которая состоялась на рассвете в присутствии Фульбера и нескольких его друзей.

Но временное исчезновение из Парижа столь примечательной личности, как Абеляр, невозможно было скрыть. Весь город знал о его страсти к Элоизе, и теперь сплетники, несомненно, догадывались, почему он исчез и почему исчезла и Элоиза. Нет нужды говорить, что все эти догадки, столь бесчестные по отношению к его племяннице, должны были быть крайне неприятны Фульберу. Он не мог вынести позора племянницы и попытался утихомирить скандал, позволив новости о браке просочиться наружу. Абеляр утверждает, что Фульбер сам рассказал об этом, нарушив клятву хранить тайну, за что мы вряд ли можем винить его так же сильно, как Абеляр. Преданная Элоиза, чтобы защитить Абеляра, категорически отрицает факт брака; все уговоры и угрозы Фульбера не смогли заставить ее признать, что она не любовница Абеляра. Охваченный гневом и стыдом, Фульберт стал настолько жестоким, что Элоиза бежала в женский монастырь в Аржентейле, недалеко от Парижа, и Абеляр помог ей в бегстве. В Аржентее Абеляр передел ее в монашескую одежду, хотя она и не приняла обета.

Надо признать, что были некоторые основания предполагать, как считали Фульбер и его семья, что Абеляр хотел избавиться от жены, заточив ее в монастырь; они достаточно испытали ее самоотверженную твердость, чтобы понять, что она не станет сопротивляться желанию Абеляра, если таково было его желание. Решив хотя бы наказать его, они подкупили одного из его слуг, ночью ворвались в его дом и нанесли ему самые жестокие и зверские увечья. Если Элоиза была вынуждена стать монахиней, то Абеляр должен был годиться только на монаха.

Исполнители этой драконовской мести скрылись. Париж был охвачен позором гениального философа. На его стороне было множество сторонников, и Абеляр с удовольствием рассказывает, что двое из исполнителей преступления, включая его слугу, были схвачены, ослеплены и изуродованы, как и он сам. Правосудие Средневековья никогда не переходило

на сторону милосердия. Абеляр впал в самое крайнее отчаяние, но мы видим в нем все то же доминирующее отношение к своей карьере в мире. Когда к нему приходили друзья, особенно клерки, с причитаниями и проявлениями сострадания, он говорит: "Я страдал от их сострадания больше, чем от боли моей раны; я чувствовал свой стыд больше, чем свое фактическое увечье". Он чувствовал не только стыд, но и крушение всех своих амбиций. "В этом состоянии безнадежности и полного смятения, признаюсь, скорее чувство стыда, чем склонность к призванию, побудило меня укрыться в тени монастыря". Всегда готовая повиноваться его желаниям, Элоиза приняла постриг в монастыре Аржантей в то самое время, когда Абеляр поступил в аббатство Сен-Дени. Элоизе не было еще и двадцати; тосковало ли ее юное сердце, полное любви к жизни, по тесноте женского монастыря? Позже мы увидим, что она сама говорит по этому поводу; пока же достаточно отметить, что даже Абеляр делает паузу в рассказе о своих горестях, чтобы похвалить ее полное отречение от себя и поведать, что она отправилась к алтарю, где должны были быть даны бесповоротные обеты, повторяя среди рыданий причитания Корнелии: "О муж мой, величайший из людей! достойный невесты гораздо лучше меня! Имела ли судьба такую власть над столь прославленной головой? Несчастливая, зачем я вышла за тебя замуж, чтобы навлечь на тебя горе? Будь же ты отомщен в жертве, которую я так охотно приношу за тебя!" - Монастырь был для нее наказанием; но, уходя в него, она думает не о своем наказании, а только о его.

Оставим на время Элоизу и продолжим рассказ об Абеляре. Его беды только начинались; отныне ему казалось, что почти все идет наперекосяк. Едва оправившись от ран, он получил просьбу от своих бывших учеников возобновить лекции, а монахи Сен-Дени, думая получить известность благодаря своему прославленному рекруту, также убеждали его снова преподавать. Эти монахи показались Абеляру далеко не самыми приятными. Они были жадными, узколобыми и возмутительно развратными. Поэтому он с еще большей готовностью взялся за прежнее дело и открыл скромную школу в маленькой деревушке Мезонсель, в Бри, где у монахов Сен-Дени был приорский монастырь. Сюда снова стекались толпы слушателей, и он чувствовал себя настолько воодушевленным, что решился изложить в виде книги некоторые из своих богословских и философских взглядов по просьбе и для пользы своих учеников. Ни несчастье, ни желание Иова, чтобы его противник написал книгу, не научили его осторожности; в своей книге, вероятно, дошедшей до нас *Introductio ad Theologiam*, он решился обсудить даже самые неясные и ревностно охраняемые тайны веры, и обсудить их с той же ясностью, прямоотой и остротой разума, которые прославили его как лектора. Он, действительно, имел привычку действовать в соответствии с одной из фраз, которые можно взять из его трудов как характерные для его менталитета: "Поймите, чтобы вы могли поверить". Абеляр, как и сотни других людей, прошедших этот путь, обнаружил, что его разум не может объяснить, к собственному удовлетворению, все то, что называется верой. Он постоянно позволял вести себя в дискуссии, пока не оказался перед дилеммой: либо следовать логике дальше и закончить неверностью, либо заглушить, насколько это было возможно, голос разума, обратившись к авторитету и вере. В данном случае его враги ухватились именно за высказывание о догмате Троицы. Во главе преследования стояли два бывших одноклассника, которые теперь интриговали против него. Не допросив его, не дав ему возможности обсудить, оправдать или объяснить свое учение, собор, собравшийся в 1121 году в Суассоне, осудил его книгу не столько за то, чему она учила, сколько за то, что автор позволил себе преподавать теологию без определенного авторитета со стороны Церкви. Вызванный на собор - решение было принято, и суд проходил без его присутствия - Абеляр был вынужден бросить свою книгу в огонь. В качестве исповедания веры его заставили прочесть Афанасьевский символ веры, и, чтобы унижить его еще больше, ему принесли текст, как будто он не мог прочесть по памяти то, что знает каждый ребенок.

Переживания этого человека не прошли даром, когда он в последний раз проявил свою мелкую злобу. Он рассказывает: "Я читал (Символ веры) так хорошо, как только мог, с рыданиями и слезами". После этого его передали аббату Сен-Медара для заточения в монастыре на неопределенный срок.

Вскоре он получил разрешение вернуться в Сен-Дени, но здесь его язык снова привел его к неприятностям. Покровителем аббатства, святым покровителем всей Франции, был святой Денис, которого невежественные монахи аббатства, завидуя достоинству своего покровителя, отождествляли с Дионисием Ареопагитом, обращенным святым Павлом. Абельяр указал им на отрывок из Беды, который доказывал, что все это легенда. Абельяр был совершенно прав, но в глазах своих братьев-монахов он, безусловно, был предателем, возможно, посланником дьявола. Жизнь в Сен-Дени стала невыносимой, он бежал ночью в Шампань и, после небольшого сопротивления, получил разрешение удалиться в пустынное место неподалеку от Труа. Здесь он построил из камыша и тростника ораторий, посвященный Святой Троице, и поселился в нем как отшельник. Но даже здесь его искали ученики. Чтобы заработать на жизнь, он открыл школу, и пустыня породила десятки маленьких хижин и палаток, в которых жили его жаждущие слушатели. Когда его собственная небольшая церковь стала слишком мала, чтобы вместить толпу, ученики построили для него новый, более просторный храм, который он, в благодарность за утешение, найденное здесь, посвятил Троице и назвал Параклетом, в честь Святого Духа, Утешителя.

Но его терзали новые опасности или, по крайней мере, новые страхи. Столь чувствительная натура, возможно, создавала хобгоблинов гонений из чистого воображения. "Я не мог слышать о собрании церковников, не думая, что его цель - осудить меня". Он даже лелеял мысль бежать из христианства, чтобы жить среди неверных. Когда ему предложили аббатство Сен-Жильдас де Рюис, отдаленное место на побережье Бретани, он поспешил принять предложение, думая, что если он откажется от учения, то гонения прекратятся. Это было около 1128 года, и почти десять лет Абельяр подвизался там. Это была тяжелая борьба, поскольку монахи показались ему не только недисциплинированными и предающимися развратным удовольствиям, но и прямо-таки преступными. Представление об аббате и аббатстве можно получить из "*Золотой легенды*" Лонгфелло, где Люцифер в обличье монаха проникает в трапезную монастыря Хиршау и рассказывает монахам, насколько восхитительнее жизнь в его собственном аббатстве Сен-Жильдас де Рюис:

С серых скал Морбиана

С серых скал Морбиана открывается вид на сердитое море;

На самый берег моря, где,

В своем великом отчаянии

Аббат Абельяр ходил туда-сюда,

наполняя ночь горем,

И вслух причитал безжалостным морям

имя своей милой Элоизы!

А над головой

Окна монастыря сверкали красным.

как и огненные глаза монахов,
которые с веселым грохотом
предавались всевозможным грехам!

Абеляр!...

Он был сухим стариком.

Вот он стоял,

и угрюмо смотрел на нас,

Как будто он прибыл в Бретань

Чтобы реформировать наше братство!...

Ну, в конце концов, так и случилось.

Что, наполовину в шутку, наполовину в злобе,

Однажды в воскресенье на мессе

Мы подлили в потир немного яда.

Но, то ли случайно, то ли по умыслу,

Питер Абеляр держался в стороне

От часовни в тот день,

И бедный молодой монах, который вместо него

пил причастное вино,

упал на ступеньки алтаря и умер!

Приведенные здесь факты в основном совпадают с теми, за которые ручался сам Абеляр, вплоть до отравления молодого монаха. Таких покушений было два, и злобные монахи также нанимали убийц, чтобы расправиться со своим аббатом, который жил в постоянном страхе за свою жизнь. Он пытался контролировать своих монахов всеми способами, но в конце концов был вынужден бежать под защиту друга в Бретань. Он не оставил свое аббатство в течение некоторого времени, вероятно, не ранее 1138 года; но его регулярная связь с ним прекратилась несколькими годами ранее.

Годы его борьбы с монахами святого Гильдаса не обошлись без периодов облегчения. В разгар его эгоистичной озабоченности собственными несчастьями его мысли отвлекала забота об Элоизе. Элоиза, жившая в женском монастыре Аржантей, вела жизнь столь образцовую, что снискала всеобщее уважение. Но случилось так, - рассказывает Абеляр, - что аббат Сен-Дени предъявил права на аббатство Аржантей, в котором приняла постриг моя сестра во Христе, а не супруга, как раньше, в качестве зависимой территории. Получив владения, он изгнал конгрегацию монахинь, настоятельницей которой была моя спутница". Когда это случилось, Абеляр решил позаботиться об Элоизе и ее монахинях, а заодно и о поддержании религиозных служб в своем старом храме Параклита. Он вернулся туда и пригласил монахинь к себе. Он передал им в дар ораторий и прилегающие к нему помещения, а папа Иннокентий II подтвердил дарственную на вечные времена им и их

преемникам. Некоторое время Элоиза и ее монахини терпели большие лишения, поскольку Параклит, после того как его покинул Абеляр, превратился в пустыню; "но, - продолжает Абеляр, - и для них Господь, явив Себя воистину Утешителем, тронул жалостью и доброй волей сердца окрестных жителей. За один только год... плоды земли умножились вокруг них больше, чем я мог бы заставить их сделать, если бы прожил столетие... Господь даровал, чтобы наша дорогая сестра, руководившая общиной, обрела благосклонность в глазах всех людей: епископы почитали ее как свою дочь, аббаты - как свою сестру, миряне - как свою мать; все одинаково восхищались ее благочестием, ее мудростью и ее несравненно сладким терпением".

Некоторые биографы сомневаются, видела ли Элоиза своего возлюбленного после того, как приняла чадру. Его высказывания в только что процитированном отрывке, а также в следующем, казалось бы, не оставляют места для сомнений в том, что они часто встречались в это время: "Все их соседи упрекали меня в том, что я не сделал всего, что мог, всего, что должен был, чтобы помочь им в их несчастье, когда это было бы так легко сделать, проповедуя. Поэтому я стал чаще навещать их, чтобы работать на их благо". Голос клеветы, продолжает он, еще не утих, но, несмотря на злые языки, "я твердо решил делать все возможное, чтобы заботиться о моих сестрах Параклита, управлять их делами за них, увеличивать их уважение самым своим телесным присутствием, чтобы дать мне в то же время возможность лучше заботиться об их нуждах". Когда и как часто он посещал Параклит, мы не знаем; но в некоторые из этих визитов Элоиза и Абеляр, должно быть, встречались снова.

Находясь в гостях у друга, во время одного из вынужденных переездов из Сен-Жильдаса, Абеляр написал историю своих бедствий, *Historia Calamitatum*, которой мы обязаны большинством деталей, приведенных ранее. Это произведение, написанное в форме письма, адресовано другу, имя которого нам неизвестно. Абеляр называет его "моим старым другом и очень дорогим братом во Христе, моим близким товарищем", так что, по крайней мере, можно с уверенностью сказать, что это был клерк. Возможно, это письмо предназначалось Петру Преподобному, который впоследствии показал себя преданным другом как Абеяра, так и Элоизы. Но кому бы ни было написано письмо, оно попало в руки той, кто стольким пожертвовал ради его автора. В сердце Элоизы проснулась прежняя любовь, когда случай подбросил ей историю их несчастий, написанную рукой самого Абеяра. Не в силах сдержаться, ее чувства вылились в прекрасное письмо к потерянному мужу. Во всей любовной литературе нет ничего прекраснее этого письма ни по страсти, ни по нежности и пафосу. Неудивительно, что Абеляр ответил ей, как она и просила. Завязалась своеобразная переписка: она написала всего три письма, он - четыре. Подлинный текст этих писем находится в латинской рукописи, датированной на сто лет позже времени Элоизы. Сохранение такой серии писем показалось некоторым исследователям невероятным, но есть все основания полагать, что сама Элоиза собрала бы и сохранила с величайшей тщательностью столь дорогую для нее переписку. То, что письма с самого начала вызвали восхищение, мы имеем достаточно доказательств, ведь один из авторов "*Романса о розе*", Жан Клопинель, перевел их еще в 1285 году. В XV веке они были напечатаны, и с тех пор появилось множество переводов, подражаний и извращений. Поэтому мы не сомневаемся, что читаем настоящее любовное письмо, датированное примерно 1135 годом, когда читаем пылкие строки, обращенные Элоизой к Абеяру.

Естественно, тон писем заметно отличается, что объясняется разницей в характерах и разным окружением. Если отрывки первого письма Элоизы почти лиричны по своей интенсивности, как слова Джульетты, а временами почти Сафо, то ответ Абеяра во многих местах холоден, безусловно, сдержан, лишь изредка пульсирует в ответ на прикосновения

любимой. Поскольку нам еще предстоит сказать несколько весьма неблагоприятных слов о характере Абеяра в целом, представляется справедливым отметить, что эта сдержанность и явное желание подавить буйство любви Элоизы и направить ее мысли к обязанностям ее призвания не могут быть поставлены ему в вину. Ни один из его ответов не свидетельствует об отсутствии привязанности. Справедливости ради можно сказать, что он стремился научить ее смирению, отвлечь ее мысли от прошлого, где были только бури и кораблекрушения в их короткой любви.

Приятно верить, что, когда он писал эти письма, Абеяр в какой-то мере осознавал и раскаивался в том, что совершил великое зло. Никогда не было более отвратительного и бесчеловечно эгоистичного обольщения, чем обольщение Элоизы Абеяром. По своей природе он был чрезмерно тщеславен не только в отношении своей внешности, но и в отношении своих достижений. Мы видели, как он отзывается об Ансельме; в том же тоне, в том же витиеватом, напыщенном, педантичном стиле он постоянно хвастался своими достижениями. Завоевав все лавры, доступные в интеллектуальном мире, он искал новых впечатлений. Небезосновательно было замечено, что это внезапное пробуждение человека в ученом является воспроизведением легенды о Фаусте с живыми актерами. Как ученый Фауст, согбенный возрастом и трудами, внезапно превращается в молодого, пылкого и эгоистичного любовника, так и долго дремавшие страсти Абеяра преображают его. Но его истинная природа не меняется, он всегда остается эгоистом. Сами выражения, в которых он рассказывает о своих первых чувствах к Элоизе, почти жестоки. Он превозносит необычайную широту ее знаний, что привлекает его с особой силой; а затем: "Физически она тоже была неплоха". Хотя он снисходительно допускает, что Элоиза была "неплоха" в том, что касается внешности, в отношении себя это совсем другая история: "Увидев ее, украшенную всеми прелестями, которые привлекают влюбленных, я решил вступить с ней в связь и был уверен, что нет ничего проще, чем преуспеть в этом замысле. Я пользовался такой репутацией, обладал таким изяществом молодости и внешности, что, как мне казалось, не должен был бояться отпора, кто бы ни была женщина, которую я удостою своей любовью".

На протяжении всей карьеры этого человека можно обнаружить ту же завышенную самооценку, ту же озабоченность собственными эгоистическими интересами. Он положительно смеется над тем, как удачно ему удалось обмануть Фульберта. "Фульберт очень любил свои деньги. К этому следует добавить, что он стремился обеспечить своей племяннице все возможные преимущества в области литературы. Польстив этим двум страстям, я легко добился его согласия и получил то, чего желал. Он убеждал меня посвящать ее образованию все свободное время, как днем, так и ночью, и не бояться наказывать ее, если я найду в ней недостатки. Я удивлялся его наивности!... Поручить ее мне не только для обучения, но и для наказания - что это, как не предоставление полной свободы моим желаниям и предоставление мне, даже против моей воли, возможности покорять ее ударами и угрозами, если ласки окажутся бесполезными?" Когда он погубил эту племянницу, которой Фульберт так гордился, на мгновение его охватывает явное раскаяние, когда он видит страдания старика: "Я обещал ему любое возмещение, которое он мог бы потребовать; я уверял, что мой поступок не удивит никого, кто когда-либо испытывал жестокость любви и знал, в какие бездны женщины с самого начала мира ввергали величайших мужчин. Чтобы еще больше успокоить его, я предложил ему искупить вину, на которую он не мог и надеяться: Я предложил жениться на той, кого я соблазнил, при условии, что брак будет держаться в тайне, чтобы не повредить моей репутации". Курсив наш; он лишь слабо подчеркивает наше удивление не только наглостью, но и эгоизмом этого снисходительного поступка. За этим отрывком следуют четыре страницы, посвященные педантичным аргументам, подкрепленным апелляцией к историческим случаям, стремящимся доказать,

насколько вреден брак для святых людей, мудрецов, великих людей, и что поэтому он должен быть таким и для Абеяра. Все эти доводы он приписывает Элоизе, которая умоляла его не жениться на ней; но тон его собственный; в нем нет ни малейшей мысли о том, что это может означать для нее, только для него самого. Точно так же, после того как Фульберт отомстил ему, на двух страницах причитаний о его судьбе нет ни слова жалости к горю женщины, которая отдала ему все. Это: Как я появлюсь на публике? Как я испортил свою жизнь! И ни разу: как я буду заботиться об Элоизе? Чем я могу возместить ей крушение ее юной жизни? Не стоит удивляться - ведь таковы были настроения того времени, - что он боится мести Божьей только потому, что нарушил правило воздержания, а вовсе не потому, что ввел в заблуждение ту, которая доверяла и любила его.

Однако позор его наказания и горести его жизни, похоже, все же произвели на него некоторое впечатление. Абеяр действительно учится говорить о "позорном предательстве, в котором я был виновен по отношению к вашему дяде". Его можно сравнить с Руссо; те, кто читал увлекательную, красноречивую, но отвратительную *"Исповедь"* последнего, не могут не помнить, что в них те же неумеренное тщеславие и эгоизм в молодости, те же страдания и безумный страх перед врагами, иногда чисто воображаемыми, в старости.

Начавшись как вульгарная страсть, чувство Абеяра к Элоизе, несомненно, впоследствии стало более благородным. После их разлуки и смягчающего, карающего влияния несчастий он проникся к ней настоящей привязанностью. Хотя в адресе его писем есть скованность, холодность, часто слишком много заботы о форме и слишком много демонстрации эрудиции, сердце этого человека тронуту вопреки ему самому. Он начинает свое первое письмо к ней: "Элоизе, его возлюбленной сестре во Христе, Абеяру, ее брату во Христе"; второе: "Супруге Христа, слуге того же Христа". Но с самого начала он проявляет к ней нежность; если он не писал ей и не советовался с ней раньше, то, по его словам, потому, что был так абсолютно уверен в ее рассудительности. Он называет ее своей "сестрой, некогда столь дорогой по плоти" и посылает ей Псалтирь, которую она должна использовать, умоляя Божественную милость к нему. Он даст совет ей и ее монахиням, если она того пожелает. И тут он уже не может больше отговариваться: "Но довольно о вашей святой общине... именно к вам, к вам, чья доброта, я знаю, будет иметь такую силу у Бога, я обращаюсь..... Поминайте в своих молитвах того, кто принадлежит вам". Он присылает форму молитвы, которую она и ее монахини должны использовать для него. Затем мужчина снова берет верх над монахом: "Если случится так, что Господь предаст меня в руки моих врагов, и они, победив, предадут меня смерти, или если, находясь вдали от вас, какая-нибудь случайность приведет меня к той цели, к которой стремится всякая плоть, пусть мое тело, будь оно уже погребено или просто брошено, будет доставлено под вашим присмотром, умоляю вас, на ваше кладбище".

Приятно читать его письма, когда убеждаешься, что он действительно любил Элоизу; тогда в них можно найти нежность и внимание к ее чувствам. С терпением и ловкостью он отвечает на ее вопросы, отвлекает ее мысли, все еще слишком увлеченные им, и разрабатывает для нее продуманную схему управления для использования в Параклете; и можно понять, что это, если вообще возможно, было бы утешением для Элоизы, чувствовать, что весь ход ее жизни регулируется ласковым законодательством человека, которого она любила.

Насчет любви Элоизы нам не нужно колебаться. "Воистину, она любила его", - говорит старый летописец Сен-Мартен-де-Тур, и века, прошедшие с тех пор, лишь вторят ему. Однако мы должны попытаться составить более определенное представление о личности той, кто, возможно, является величайшей фигурой в настоящем романе, которую знал мир. Ее красота не подлежит сомнению, но мы не знаем и не очень заботимся о том, была ли она высокой и смуглой или стройной и светлой. Вероятно, мы можем с уверенностью

предположить, что по общим принципам она была блондинкой, поскольку пристрастие к этому стилю красоты было настолько сильным, что Сен-Бернар посвятил целую проповедь доказательству того, что в утверждении Песни Песней нет противоречия: "Я черна, но прекрасна". Самым примечательным в ней была ее образованность. Уже когда Абеляр впервые встретил ее, она "отличалась обширностью своих познаний"... "пользовалась большой славой во всем королевстве" благодаря своей образованности. Ее знания включали не только латынь, но и греческий и даже иврит, которые редко понимали даже мужчины в те времена, когда мужчины обычно получали все, а женщины - ни одного образования, которое можно было получить. Ее монастырь в Параклите стал такой же знаменитой школой, какой Абеляр сделал Париж.

О другой черте ее характера мы тоже можем говорить с уверенностью. Вместе с ее образованностью пришли твердость суждений и безупречное здравомыслие, элементы, из которых складывается то, что мы расплывчато называем характером. Мы видели, как Абеляр выражал свою уверенность в ее мудрости и рассудительности. Сен-Бернар, злейший враг Абеляра, не мог скрыть своего восхищения ею, хотя сама она, верная поклонница своего мужа, всегда говорила о Сен-Бернаре как о "лжеапостоле". Последний, как и подобает человеку, прославившемуся умом и аскетизмом, был больше поражен величием ее характера, чем тронут ее личными прелестями, и он написал письмо Папе Римскому, одобряя ее как настоятельницу, в тоне скорее возвышенного уважения, чем симпатии. Ее собственное поведение, как мы уже отмечали, было вне всяких упреков, а ее монастырь был настолько хорошо управляем, что его правила стали стандартом для всех монастырей ее времени. Как бы ни была сильна ее печаль из-за разлуки с Абеляром, она была слишком горда, чтобы выставлять свои чувства напоказ всему миру. Она жила мужественно, с честью, уважаемая всеми, но не скрывала, что любила и продолжает любить Абеляра. Неудивительно, что она снискала народную славу, которая сохранила ее имя и закрепила эпитет, примененный Вийоном три века спустя: *La très-sage Héloïse*. Во всех счастливых фразах "*Баллады о прекрасных дамах жадного времени*" нет более справедливого эпитета.

Разительный контраст с грубым эгоизмом Абеляра составляет благородное бескорыстие и полное отрешение от себя в поведении Элоизы. Понимая, что для него успех в его призвании - это все, а любовь - лишь эпизод, она довольна. Более того, она делает все возможное, чтобы он пожертвовал ею ради карьеры, на которую, как она знает, он настроен. Она льстит ему, питает его тщеславие, и без того непомерное, и постоянно скрывает от посторонних глаз свои собственные женские чувства. Когда Абеляр с необычной, по его мнению, щедростью предлагает ей выйти за него замуж - можно предположить, что он не очень-то и настаивал на этом, - вот часть аргументов, которые она использует, чтобы отговорить его: "Она спросила, - говорит Абеляр, - какого искупления не вправе был бы потребовать от нее мир, если бы она лишила его такого света? Какие проклятия она призвала бы на свою голову! Какой потерей стал бы этот брак для Церкви! Каких слез стоил бы он философии! Разве не неприлично и не прискорбно было бы видеть, как мужчина, которого природа создала для всего мира, становится рабом одной женщины?... Этот брак был бы для меня позором и бременем... Какое согласие может быть между трудом в школе и заботами по дому, между письменным столом и колыбелью?... Разве найдется человек, который, предаваясь размышлениям о философии или изучению Писания, смог бы вынести плач ребенка, пение кормилицы, укладывающей его спать, постоянный приход и уход слуг, непрекращающиеся заботы маленьких детей?"

В том, что Абеляр точно изложил ее доводы, не приходится сомневаться, когда мы встречаем этот примечательный и часто цитируемый отрывок из ее первого письма: "Я никогда не

думала... о своих собственных желаниях; мое сердце всегда стремилось удовлетворить именно ваши, вы сами знаете". Хотя имя жены кажется более священным и более прочным, я предпочла бы имя госпожи или даже наложницы... думая, что чем скромнее я буду ради вас, тем больше прав у меня будет на вашу благосклонность и тем меньше пятен я наложу на блеск вашей славы".

Когда на них обрушились несчастья и Абеляр захотел, чтобы она поступила в монастырь, она повиновалась безропотно; но правда всплывает в конце ее первого письма: "Когда вы вступили в служение Богу, я последовала за вами, нет, я опередила вас... Вы заставили меня сначала принять постриг и обеты, вы приковали меня к Богу прежде, чем к себе". Это недоверие, единственное недоверие ко мне, которое вы когда-либо проявляли, наполнило меня горем и стыдом, меня, который, видит Бог, последовал бы за вами или без колебаний пошел бы перед вами в самое пламя ада! Ибо сердце мое было уже не со мной, а с тобой". В этом письме есть только то, что похоже на упреки с ее стороны; она жалуется на то, что он не пишет ей, что он не дает ей даже скудного утешения в виде письма, когда она сделала для него все: "Только скажите мне, если можете, почему с тех пор, как я удалась от мира, что вы сами мне предписали, вы пренебрегаете мной. Скажи мне, говорю я, или я скажу то, что думаю, и то, что у всех на устах. Ах! Вас влекла ко мне похоть, а не любовь... И вот почему, когда ваше желание было удовлетворено, все проявления привязанности прекратились вместе с желанием, которое их породило". Поэтому она умоляет его написать и заставить замолчать эти тревожные голоса в ее сердце.

В Элоизе не было лицемерия; она никогда не смирялась со своим уединением в монастыре и никогда не притворялась таковой. Она писала Абеляру, что продолжает жить в монастыре только для того, чтобы повиноваться ему, "ибо не любовь к Богу, а ваше желание, только ваше желание ввергло мою юность в монашеские аскезы". Из того самого монастыря, настоятельницей которого она была, она пишет свои пламенные письма. Первое снабжено надписью: *Domino suo, imo patri, conjugi suo, imo fratri; ancilla sua, imo filia; ipsius uxor, imo soror; Abélardo Heloissa*: "Господину, нет, отцу; мужу, нет, брату; слуге, нет, дочери; жене, нет, сестре; Абеляру, Элоисе". Кажется, ей не хватает слов, чтобы выразить страстную преданность своего сердца, и в конце концов она приходит к самому лучшему и простому, настоящему крику сердца - "Абеляру, Элоисе". Даже в письмах, написанных после терпеливых попыток Абеляра унять порывы преданности простому мужчине в той, что поклялась жизнью Христу, она не сдерживает своих чувств полностью. Она приписывает им: "Ему, который для нее все после Христа, ей, которая для него все во Христе", и, наконец, "Ее суверенному господину, его преданной рабыне". Правда, страсть более сдержана, но все же она присутствует; в одном из этих писем она то и дело обращается к Абеляру как к "моему величайшему благословению" и нарочито говорит: "При всех обстоятельствах, видит Бог, я боялась обидеть вас больше, чем Его; и именно вам, а не Богу, я хочу угодить; именно ваше слово, а не божественный призыв заставили меня принять чадру". А в ответ на просьбу Абеляра похоронить его на кладбище Параклита она заявляет: "Я буду больше стремиться следовать за вами без промедления, чем позабочусь о вашем погребении".

Фанатизм или узкое благочестие, которые настолько похожи друг на друга, что их трудно различить, могли бы найти недостаток в бескомпромиссной откровенности Элоизы, признающей в сохранении любви после того, как она стала монахиней. Она признается, что страстно любила Абеляра; более того: "Если я действительно должна обнажить все слабости моего несчастного сердца, я не нахожу в нем ни раскаяния, ни покаяния, достаточных для того, чтобы умиротворить Бога. Я не могу удержаться, чтобы не пожаловаться на Его безжалостную жестокость по отношению к вам, и я только оскорбляю

Его мятежным ропотом против Его постановлений, вместо того чтобы попытаться смягчить Его гнев покаянием. Можно ли сказать, что человек действительно раскаялся, каким бы телесным покаянием он ни подвергался, если в его душе по-прежнему живет мысль о грехе и пылают те же страсти, что и прежде?" Она не может заставить себя раскаяться или даже забыть и перестать жаждать удовольствий их любви. "Они хвалят меня за чистоту жизни; это только потому, что они не знают о моем лицемерии. Чистота плоти ставится в заслугу добродетели; но истинная добродетель - в душе, а не в теле". Эти признания, как нам кажется, свидетельствуют о чистоте и возвышенности ее идеалов; она не признает добродетели, которые только на поверхности кожи; она слишком чтит одеяние, которое носит, чтобы запятнать его какими-либо поблажками, которые могут дать повод для скандала или непочтительного высмеивания. Но она смело заявляет: "Я не ищу венца победы (над своими злыми мыслями), мне достаточно избежать опасности".

В человеке, столь честном с самим собой, мы не удивляемся милосердию к слабостям других и католическому взгляду на вещи моральные и религиозные, совершенно опережающему довольно судорожный аскетизм, характерный, например, для святого Бернара, которого мы принимаем за типичного представителя религиозного чувства эпохи. В последнем из своих писем она демонстрирует свою образованность, надо признать, с излишним педантизмом, но это соответствовало привычке того времени. Она перегружает свое письмо бесполезной эрудицией, апеллируя к тому или иному святому человеку или тому или иному тексту Писания, чтобы поддержать точку зрения, которую читатель примет как аксиому. Но за этим скрывается здравый смысл и доброта. Она просит Абеяра определить в правиле, которое он должен составить для ее монастыря, всевозможные практические моменты. Могут ли женщины, будучи физически слабее, поститься так же строго, как мужчины? Но ведь мясо не так необходимо женщинам; так неужели лишение - заставить их воздерживаться от мяса? Женщины не так склонны к неводержанности, как мужчины, и порой им действительно необходимо какое-то стимулирующее средство; как же нам быть с винами? Конечно, мы должны избегать посетителей-мужчин; но разве тщеславные, сплетничающие, мирские женщины не развращают свой пол так же сильно, как и мужчины? Прежде всего, по ее словам, монахини должны научиться избегать фарисейства, то есть мышления "лучше, чем ты". "Благословения, обещанные нам Христом, были обещаны не только тем, кто был священником; горе миру, если бы все, кто заслужил имя добродетели, были заперты в монастыре".

Завершение последнего письма выдержано в тоне религиозной экзальтации, который плохо скрывает более человеческие чувства благородной аббатисы Элоизы: "Именно вам, о мой господин, именно вам, пока вы живы, надлежит ввести правило, которому мы должны следовать всегда. Ибо, после Бога, вы были основателем нашей общины; так что именно вам, с Божьей помощью, надлежит установить законы для нашего ордена".

Два письма, в которых Абеяр отвечает на эту просьбу, более холодно-формальны, менее личны, чем все остальные. В конце, например, вместо нежных воспоминаний, намек на то, что именно по велению любви он излил свою эрудицию на тему монашеской жизни, мы находим лишь увещевание, которое мог бы адресовать любой отец-исповедник тому, кто ищет его наставлений: "Подражай в любви к учебе и хорошим книгам тем блаженным ученицам святого Иеронима, Павле и Евстохии, по просьбе которых этот великий врач написал столько трудов, служащих путеводным светом для церкви".

Каковы же были правила, по которым должны были жить Элоиза и ее монахини? По сути своей не отличающиеся от тех, что используются в обычных монастырях бенедиктинского правила, они все же представляют достаточный интерес, чтобы мы могли дать краткое

изложение, просто реферат, очень длинного и многословного комментария о монашестве, который Элоиза получила от Абеляра. Мы не можем сомневаться, что человек ее ума и силы характера следовал духу, а не букве закона, и заставлял своих монахинь жить так же, как жила она, вне пределов досягаемости злых слухов.

Три кардинальные добродетели с точки зрения монашества - это целомудрие, бедность, молчание. Их монахини должны соблюдать самым строгим образом, и такое соблюдение предполагает отказ от всех семейных уз, от всех мирских привязанностей и желаний. Поскольку в уединенных местах земли меньше соблазнов для мирской жизни, монастырь должен быть удаленным. О том, до какой абсурдной степени культ целомудрия превозносился в средневековом сознании, писали многие; но один маленький инцидент или иллюстрация из книги, по которой Элоиза должна была управлять собой и своим обществом, может быть нам прощен. Абеляр приводит цитату из письма святого Иеронима. В житии святого Мартина, написанном Сульпицием, мы читаем, что святой пожелал выразить свое почтение деде, известной своим примерным поведением и целомудрием, которая, похоже, провела всю свою жизнь с девичества, запершись в маленькой келье. Она не позволила святому Мартину войти в свое жилище, но, выглянув из щели, служившей ей окном, сказала: "Отец, молись там, где ты есть, потому что я никогда не получала визита ни от одного мужчины". Святой Мартин "возблагодарил Бога за то, что благодаря такому образу жизни она сохранила целомудрие". Нам импонирует юмор, ирония такого замечания; но ни святому Мартину, ни святому Иерониму, ни Абеляру, ни Элоизе не приходило в голову, что та, кто сохранил целомудрие только потому, что замуровал себя в живой гробнице, не заслуживает похвалы за какую-то необыкновенную добродетель: с таким же успехом можно похвалить Робинзона Крузо на его острове за то, что он не предается светскому разгулу.

В продолжение правил Параклита, который, несомненно, располагался в достаточно удаленном месте, чтобы оградить его обительниц от мирских посягательств, можно добавить, что правило советует, чтобы на территории или в ограде монастыря было "все, что необходимо для жизни монастыря, то есть сад, вода, мельница, дом для болтов и пекарня", словом, все, что только можно придумать, чтобы исключить необходимость общения с внешним миром.

Монастырь Элоизы, можно быть уверенным, не нуждался в усердной настоятельнице, которой должны были помогать шесть подчиненных: "Для всего управления монастырем мы считаем, что должно быть семь госпож, столько и не больше: привратница, келейница, весталка (*робария*), инfirmарка, преценторша (*кантария*), сакристия и, наконец, диаконисса, называемая теперь аббатисой..... В этом лагере Небесного ополчения... диаконисса занимает место главнокомандующего, которому все во всем повинуются". Шесть других сестер, называемых офицерами, которые командуют под ее началом, имеют звания полковников или капитанов. Остальные монахини, регулярно входящие в орден, являются воинами Господа, в то время как сестры-мирянки, занятые на рутинных работах и не посвященные в орден, а просто давшие обет отречения от мира, должны были быть пешими солдатами.

Элоиза вполне соответствовала бы требованиям, предъявляемым к настоятельнице или дьяконице. Она должна быть достаточно образованной, чтобы читать и понимать Писание и правила своего ордена. Она должна быть достойной, уметь вызывать уважение и послушание. "Только в крайнем случае и по настоятельным причинам настоятельницами должны быть избраны женщины высокого ранга или с большим состоянием". Полные важности своих титулов, они обычно тщеславны, самонадеянны, горды. Будучи покровительницей всей общины, настоятельница должна тщательно следить за своим

поведением, чтобы не развратить ее дурным примером. Прежде всего, настоятельница запрещается "жить в большем комфорте, в большей легкости, чем любая из ее монахинь. У нее не должно быть личных апартаментов для трапезы или сна; она должна делить все со своей паствой, нужды которой она будет понимать тем лучше". Когда гостей приглашают за стол, настоятельница не должна делать из этого предлог для предоставления деликатесов, которыми она может полакомиться сама; гостя должна сидеть за столом вместе с другими монахинями, хотя для нее может быть приготовлено специальное блюдо, а сама настоятельница должна ждать ее, а после есть со служанками. Согласно изречению святого Антония, как рыба, которую долго держат без воды, умирает, так и монахи, которые долго живут вне своей кельи в общении с мирскими людьми, нарушают обет уединения. Вспомним, что у Чосера веселый монах из этого же текста "не стоил устрицы"; но настоятельница Параклита особо предписывается "никогда не покидать монастырь, чтобы заниматься посторонними делами". Это напоминает нам о том, что было предусмотрено, что Параклит должен иметь определенное количество монахов, прикрепленных к нему. Монастыри, действительно, редко, если вообще когда-либо, были независимы от мужского надзора, если не контроля, и в данном случае особо оговаривается, что монастырь "должен быть всегда подчинен монастырю, в таком роде, чтобы один аббат мог председательствовать, и... чтобы было только одно стадо и один пастырь". Отношения, однако, складываются явно в пользу монахинь; их подчинение лишь номинальное, и в букве закона предусмотрено, что монахи должны заниматься только делами вне монастыря и не вмешиваться в его управление: "Если мы хотим, чтобы аббат... имел власть над монахинями, то только в том случае, если он признает своими начальницами супруг Христа, чьим слугой он только и является, и что он будет находить удовольствие в служении, а не в командовании ими. Он должен быть подобен интенданту королевского дома, который не осмеливается заставить свою госпожу почувствовать его власть..... Он или его представители никогда не должны иметь права разговаривать с девами Господними в отсутствие их настоятельницы..... Он не должен принимать никаких решений относительно них или их дел, пока не посоветуется с ней; и он должен передавать свои инструкции или приказы только через нее..... Все, что касается одежды, пищи, даже денег, если таковые имеются, должно быть собрано и отдано на хранение монахиням; из своих излишков они должны обеспечивать монахов всем необходимым. Монахи, таким образом, должны отвечать за все внешние дела, а монахини - за все то, что положено женщинам делать в доме, а именно: шить монахам одежду, стирать ее, месить хлеб, ставить его в печь и печь. Они должны отвечать за молочную ферму и ее хозяйство; они должны кормить кур и гусей; короче говоря, они должны делать все, что женщины могут делать лучше, чем мужчины..... И мужчины, и женщины должны поклясться в послушании настоятельнице".

Хотя в некоторых отношениях этот устав не столь радикален, как конституция, которую Роберт д'Арбриссель навязал своему монастырю Фонтевро, где женщины были возвышены над мужчинами во всех отношениях, приведенные выше положения кажутся достаточными, чтобы гарантировать независимость монахинь. Конечно, существуют тщательные правила, призванные защитить добродетель монахов и монахинь в тесных отношениях, необходимых для монастырской схемы; но поскольку они не отличаются от того, что подсказывает обычное благоразумие и обходит обычное ремесло, нам нет нужды останавливаться на них.

Дьяконица или настоятельница не была абсолютной; она должна была советоваться со своими подчиненными, а для решения некоторых вопросов - созывать весь монастырь, чтобы спросить совета и согласия. У ее подчиненных были свои обязанности и ответственность. Ризничий, который также является казначеем, должен отвечать за часовню и ее украшения, их ремонт и т. д. Она должна заботиться о вещах, необходимых для

церковных служб, таких как ладан, реликвии, колокола и облатки для причастия, которые монахини должны делать из чистой пшеничной муки. Кроме того, ризничий, который должен украшать церковь в соответствии с временами религиозного года, должен быть достаточно ученым, чтобы знать, как вычислять и определять праздничные дни по календарю.

На прецептриссе, или хозяйке хора, лежала ответственность за церковную музыку. Она должна была обучать хор и преподавать музыку, в которой должна была хорошо разбираться. Кроме того, она была библиотекарем, должна была выдавать и принимать книги, заботиться о книгах и иллюстрациях. В случае болезни или другой неспособности настоятельницы ее место занимала прецептрисса.

Одним из самых тяжелых мест, должно быть, была должность инфирмарессы, которая не только ухаживала за больными в качестве сиделки, но и "должна снабжать себя соответствующими лекарствами, в соответствии с ресурсами места, и это она может делать тем лучше, если немного разбирается в медицине..... Она должна знать, как пускать кровь (медицина того времени в значительной степени опиралась на флеботомию), чтобы эта операция не требовала доступа мужчин среди монахинь". Женщинам было позволено многое из более простых знаний и практических навыков; более простая медицина, по сути, была единственной надеждой несчастных больных во времена радикального врачевания.

Монахиня *робария*, отвечавшая за гардероб, за неимением лучшего названия была названа нами "весталка". Она обеспечивала и заботилась об одежде монахов и монахинь, что не так просто, как может показаться, поскольку "она должна стричь овец и получать кожу (для обуви и т. д.); она должна собирать и заботиться о шерсти и льне и следить за изготовлением ткани из них; она должна раздавать нитки, иглы и ножницы (монахиням, назначенным работать под ее началом). Она должна заведовать дортуаром и кроватями, а также руководить раскромом, шитьем и стиркой скатертей, салфеток и всего белья в монастыре..... У нее должны быть все необходимые инструменты для работы, и она должна регулировать задачи, поставленные перед каждой сестрой. Она должна опекать послушниц до тех пор, пока они не будут приняты в общину". Послушницы, кстати, регулярно обучались в монастыре, и им поручалась значительная часть работы, на которую религиозные упражнения оставляли монахиням мало времени.

Одежда монахинь монастыря Элоизы должна была быть самой простой. "Одежда должна быть из черной шерстяной ткани; никакого другого цвета, ибо это лучше всего соответствует трауру покаяния; и никакой мех не более подходящий, чем шерсть ягнят для супругов Christ....". И это черное одеяние не должно было опускаться ниже пят ("чтобы не поднимать пыли") или иметь рукава длиннее естественной длины, чтобы прикрыть руку и кисть, - положение, которое можно понять, только увидев фотографии огромных рукавов в моде. "Пелены должны быть не из шелка, а из сукна или крашеной материи. Они должны носить сорочки из ткани, прилегающей к коже, и не снимать их даже для сна". Учитывая нежность их конституции, мы не запрещаем использовать матрасы и простыни..... Для покрытия (на ночь), по нашему мнению, достаточно сорочки, халата и бараньей кожи, а в холодную погоду поверх них - мантии для покрытия постели. Каждая кровать должна иметь матрас, подстилку, подушку, покрывало и простыню". Чтобы уберечься от паразитов и грязи, вся одежда для каждой монахини должна быть представлена в двойном комплекте. На голове монахини должны были носить белую ленту с вуалью; при необходимости, в связи с постригом, можно было надеть чепец из бараньей кожи. Когда монахиня умирала, ее одевали в чистую, но грубую одежду, на ноги надевали сандалии, а одежду пришивали или прикрепляли к телу, чтобы она не растрепалась в присутствии священников, служивших на похоронах. В

качестве особой чести настоятельницу могли похоронить в одежде из шерсти, сшитой вокруг нее наподобие мешка.

Обязанности привратницы были достаточно просты и заключались главным образом в том, чтобы охранять ворота и впускать в них только лиц, получивших соответствующую аккредитацию. Но у виолончелистки были разнообразные обязанности. Она "должна отвечать за все, что касается питания монахинь: погреб, трапезную, кухню, мельницу, пекарню, печи, огороды, сады и поля, ульи, стада, скот всех видов и домашнюю птицу". С тонким пониманием человеческой натуры особо оговаривается, что она не должна оставлять за столом никаких лакомых кусочков для себя, с назиданием, что именно так поступил Иуда.

Мы привели лишь самый скромный набросок положений, которыми Элоиза должна была регулировать свою жизнь. Правило определяет большие и малые моменты; мясо можно есть три раза в неделю, кроме Великого поста; вино можно употреблять в меру; службы должны проходить в такое-то и такое-то время, с перерывами на работу или сон; монахини не должны ходить босиком, не должны сплетничать с посетителями и так далее. Но кое-что мы должны добавить, чтобы проиллюстрировать нравы того времени: "Есть еще одна вещь, которая должна быть не только запрещена, но и вызывать отвращение, хотя это обычай, используемый в большинстве монастырей: монахини должны вытирать руки или ножи кусочками хлеба, оставшимися после ужина, которые являются уделом бедных. Чтобы сберечь столовое белье, не следует пачкать хлеб бедняков".

Из реальных фактов о жизни Элоизы известно немного. Мы попытались проследить судьбу человека, к которому она была так бескорыстно и в то же время так страстно привязана, и воспроизвести из ее собственных скудных записей как можно больше сведений о ее характере. На этом мы должны закончить рассказ об Абеляре. После отъезда из Сен-Жильдаса его дни по-прежнему были полны неприятностей. В 1136 году мы видим, как он вновь торжествует на своем прежнем поприще, читая лекции толпам студентов на Мон-Сен-Женевьев. Его учение не только привлекало толпы, но и его книга по теологии была у всех на руках, а его доктрины распространились за Альпы. По словам одного из его врагов, писавшего святому Бернарду: *Libri ejus transeunt maria, transvolant Alpes*: "Его книги переправляются через моря и перелетают через Альпы". Арнольд Брешианский, ученик Абеляра, проповедовал в Италии более демократическую религию и более либеральную форму правления, вызывая гнев церкви как еще один народный трибун, осмелившийся подстрекать итальянские города к провозглашению свободы. Готовился последний конфликт в жизни Абеляра.

В Клерво, в долине, столь мрачной, что ее прозвали *Долиной полыни*, жил воплощение аскетизма, суровой религиозной ортодоксии и бескомпромиссного консерватизма - святой Бернар. Для него были отвратительны такие беспокойные, дерзкие новаторы, как Абеляр. Исповедовать доктрины, которые приводили к мнению, что первородный грех был не столько грехом, сколько наказанием, что искупление человека было актом чистой любви, а не необходимостью для нашего искупления, что Бог, короче говоря, был Богом Любви, а не Богом Гнева - что это было, как не удар по самому корню того изысканного умерщвления плоти, молитв, постов, фактических телесных мучений, которым подвергал себя святой Бернар в надежде получить отпущение греха? Его грех, заметим, заключался лишь в том, что он происходил от Адама, ибо с юности он был чист в жизни. Сен-Бернар даже при жизни считался почти святым; его влияние было огромным. Теперь он начал поднимать против Абеляра все силы Церкви, начиная с Папы Римского. Последний, раздвигшись от гордости за свой новый успех или, возможно, желая рискнуть всем одним махом, не стал ждать, пока Церковь выступит против него: он бросил вызов своим врагам, чтобы те доказали, что его

доктрины еретические; он бросил вызов самому Бернару, чтобы тот встретился с ним в споре перед собором, который должен был собраться в Сенсе в 1140 году. Полностью осознавая свою неполноценность как логика перед этим опытным мыслителем, Сен-Бернар неохотно согласился вступить в борьбу за ортодоксию. Все было готово: Абельяр предстал перед советом, понял, что его дело предрешено, и подал апелляцию в Рим. Тем не менее, Сен-Бернар добился того, что собор вынес решение против Абельяра и приговорил его к молчанию и вечному затворничеству в монастыре, а Иннокентий II в следующем году подтвердил решение собора. Сломленный духом, Абельяр все же отправился в Рим, чтобы лично отстаивать свою правоту, но в Клуни его подвело здоровье. Нежно заботясь о добром аббате Петре Преподобном, который добился своего рода примирения между Абельяром и торжествующим аббатом Клерво, Абельяр прожил всего несколько месяцев. Чтобы облегчить его предсмертные дни, Петр Преподобный перевел его в маленький приорский монастырь Сен-Марсель, зависимый от Клуни, где он и умер 21 апреля 1142 года.

В соответствии с пожеланиями Элоизы и самого Абельяра, Петр Преподобный тайно отправил его останки в Параклит, написав Элоизе: "Пусть Господь сохранит его для тебя, чтобы по милости Своей вернуть его тебе". В груди этого старого монаха все еще жило сердце; мы верим, что его молитва была услышана, как верим и в то, что отпущение грехов, которое он послал по просьбе Элоизы, смыло грехи ее возлюбленного: "Я, Петр, аббат Клуни, принявший в монастырь Клуни Петра Абельяра и даровавший, чтобы его тело было тайно доставлено аббатисе Элоизе и монастырю Параклита, властью Бога Всемогущего и всех святых, отпускаю ему, в силу моего сана, все его грехи".

Мы больше ничего не слышим об Элоизе, кроме того, что она обеспечивала своего ребенка, оставшегося с сестрой Абельяра в Бретани; но мы знаем, что она прожила свою жизнь не только мужественно, но и с честью. Еще двадцать два года она прожила в монастыре, который основал ее муж, и здесь же умерла, 16 мая 1164 года. Ее тело было похоронено рядом с телом мужа на кладбище Параклита, и трогательная легенда гласит, что когда, согласно приказу, отданному ею самой, ее тело было положено в гробницу мужа, "Абельяр протянул руки, чтобы принять ее, и сомкнул их в последнем объятии". На протяжении всех веков любовь охраняла их останки; хотя их часто перемещали, место их упокоения все еще известно: в знаменитом парижском Киметье де Л'Эст, Пэр-Лашез, путешественник до сих пор видит гробницу Абельяра и Элоизы.

Элоиза прославилась не благодаря своей учености, а благодаря случайной связи с Абельяром, которая сохранила ее имя. Мы восхищаемся ею не потому, что она была образованной или что ее любил Абельяр. Ее величие - это редкое для своего времени нравственное величие, обусловленное не ее интеллектом или трагическими обстоятельствами ее жизни. Замечательно то, что, потрясенная гибелью своего возлюбленного, вынужденная в двадцать лет уйти в монастырь, где она подчиняется ему и подражает ему, она все же не изменилась в душе, не испытала мистической смерти монастыря; в своей любви она никогда не раскаивается, хотя и кается в своих недостатках; закону монастырского аскетизма ее совесть отказывается подчиниться, пусть Абельяр проповедует, что хочет, ибо она смутно чувствует, что аскетизм нарушает какой-то высший закон жизни. Великая любовь в ее сердце не знала колебаний; она была так похожа на преданность, что кажется, будто она не хотела, чтобы имя Абельяра ассоциировалось со словами приписываемой ей дирги:

"С тобою я испытал суровость судьбы;

С тобою я, утомленный, усну;

С тобой я войду в Сион".

ГЛАВА III

ЖЕНЩИНЫ В РАННЕЙ ПРОВАНСАЛЬСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гильгельм - или Вильгельм - X., герцог Аквитанский, рассказываясь в том, что в 1136 году он сам и его союзники разорили Нормандию, отправился в искупительное паломничество к святыню Святого Иакова Компостельского. Перед отъездом он завещал Людовику Толстому, королю Франции, опеку над своей дочерью, "благородной демазель Элеонорой", единственной наследницей его обширных владений, включая Пуату, Марш, Лимузен, Овернь, Гасконь и Гиень. Этой Элеоноре суждено было стать блестящей и страстной королевой Англии, матерью Ричарда Львиное Сердце и Джона Лакленда. Но мы не будем предварять ее историю, ведь шестнадцать лет ее жизни предшествовали тому моменту, когда она стала королевой Генриха II.

Юная наследница была оставлена в качестве феодальной подопечной короля Людовика, который не терял времени, чтобы закрепить ее владения за короной Франции. Герцог Гильгельм умер в церкви Компостеллы 9 апреля 1137-1138 годов. Элеоноре, теперь уже герцогине Аквитанской, было всего шестнадцать лет, но ей недолго оставалось незамужней. Принц Людовик Французский в сопровождении великолепной компании из пятисот рыцарей под командованием графа Палатина Тибо де Шампань прибыл в качестве ее жениха - жениха, которому она не смогла отказать. Она вышла замуж и была коронована как будущая королева Франции. На обратном пути из Бордо в Париж молодую пару встретило известие о смерти Людовика Толстого. Элеонора действительно стала королевой Франции, но в ее натуре было больше юга, Тулузы, Бордо и трубадуров, чем подобало той, что стала женой правильного, набожного, узколобого, но не глупого или недоброго Людовика VII.

Она происходила из рода, печально известного безрассудной любовью к удовольствиям, искрометным остроумием, буйством нравов и сильными страстями, полным пренебрежением к приличиям, трезвым общепринятым правилам морали и общества. Мы уже видели некоторые из проделок ее деда, Вильгельма Пуату. Ее отец был не менее вспыльчив, хотя и менее блестящ, чем его предшественник-трубадур. Его приступы экстравагантности сменялись приступами покаяния, в искренность которых можно верить, тогда как трубадур, конечно, никогда не грустил подолгу и, очевидно, не был проникнут религиозным пылом, даже если и отправился в Святую землю в качестве благочестивого крестоносца. Элеонора унаследовала нрав своего деда и его любовь к литературе, музыке, сражениям и всему тому, что делало жизнь достойной, по меркам ее родной страны. Давайте посмотрим на страну трубадуров, из которой приехала Элеонора, и попытаемся представить себе обстановку, к которой она привыкла и которую покинула, чтобы жить с трезвым, монашеским, нелюдким французским королем, чей двор и город Париж не шли ни в какое сравнение с шумной столицей Бордо, где ее отец и дед собрали самых ярких поэтов и музыкантов Прованса.

В то время как северные и западные районы Франции, включая даже ту грязную *Lutetia Parisorum*, которая стала современным Парижем, сравнительно недолго находились под властью Рима, между Роной и Швейцарскими Альпами существовала часть Франции,

которая была настолько отчетливо и своеобразно частью великой империи, что ее называли *Provincia*, "Провинция", или, как мы ее знаем, Прованс. Именно на этой прекрасной земле, во Французской Ривьере, римские легионы основали свои первые посты, задолго до того, как возникла Римская империя. Здесь они нашли цивилизацию, готовую к их услугам, ведь в центре их новой Провинции находился знаменитый порт Массилия - Марсель, основанный задолго до этого греками и финикийцами. И по сей день в Ариесе, в Мимесе, в Авиньоне можно найти титанические руины, свидетельствующие о римской цивилизации. Это была плодородная страна, изобилующая фруктами и цветами, с климатом, который прославил ее со времен Рима. В то время как север Франции был безнадежно варваризирован тевтонскими вторжениями и долгими годами варварских войн, цивилизация Прованса была скорее остановлена, чем уничтожена. Марсель по-прежнему оставался портом, и через него шла торговля востока, Средиземноморья, Рима, не только для Галлии, но и для Британии. Влияние этих постоянных сношений, а также большое количество влитой латинской или эллинской крови не позволили жителям Прованса вернуться в первобытное состояние, в котором находились люди, жившие дальше на севере. Кроме того, по своей природе они были веселым и любящим удовольствия народом и, вероятно, всегда были менее дикими и грубыми, чем франки. Вспомним, что еще в начале нашего повествования двор благочестивого короля Роберта, согласно монашеским хроникам, был безнадежно развращен сопровождающими его провансальской невесты Констанции с их скандально модными костюмами и безбожными менестрелями. Богатые одежды, менестрели, более любезные манеры всегда были характерны для южан, с самого первого момента, когда мы слышим о них, и до самого конца.

В одиннадцатом веке, когда королевство Франция только начинало обретать нечто похожее на превосходство над другими провинциями, которые в конечном итоге должны были составить настоящую державу под единым управлением, богатство и могущество средиземноморского региона достигли полного расцвета. Мы говорим о всей этой территории как о Провансе, хотя на самом деле сам Прованс был лишь небольшой частью целого. Пожалуй, лучше ограничиться старым различием между севером и югом Франции, основанным на разнице в диалекте. Данте, различая три группы языков, произошедших от латинского, говорит *Alii Oc, alii Oil, alii Si, affirmando loquuntur*: "Для утвердительного ответа одни используют *Oc* (провансальский), другие - *Oil* (французский), третьи - *Si* (итальянский)". Язык *д'Ок* - это язык, используемый в той части Франции, которая находится к югу от линии, проведенной от юга Гаронны до Альп, включая не только Прованс, но и Гиенну, Гасконь, Лангедок, Овернь и т.д. Однако народ и язык на всей этой территории, как правило, назывались по имени той провинции, которая, как мы уже говорили, была самой плодородной и самой благоприятной. Таким образом, в обыденной речи житель Безье, Тулузы или даже Бордо был таким же провансальцем, как и житель Овена или Экса.

Среди других влияний, которым Прованс был обязан частью своей культуры, нельзя не упомянуть влияние Испании. В то время, о котором мы пишем, большая часть богатейших земель Испании находилась во владении расы, более культурной, более интеллектуальной, более утонченной, несмотря на их воинственный характер, чем любая другая раса, с которой Западная Европа еще не вступала в контакт. История сарацинской империи в Испании, ее взлет, славная борьба, почти сказочная роскошь и жалкое падение - одна из самых захватывающих в истории. Арабские песни, арабские певцы, арабские инструменты стали известны испанцам, и даже в условиях постоянных войн некоторое из искусств, наук и утонченности неверных проникало и смягчало грубоватую цивилизацию христиан.

В самой Испании это восточное влияние было, конечно, наиболее сильным; но отношения между Испанией и югом Франции всегда были тесными, а отношения между Провансом и Испанией стали еще более близкими, когда в начале двенадцатого века корона Прованса перешла к Раймону Беренгеру, графу Барселоны, который женился на Дусе де Прованс.

Под этим влиянием дворянство Прованса развило культуру, возможно, чисто искусственную и экзотическую, но, безусловно, намного опережающую ту, что преобладала в любой другой части Франции. С их цивилизацией пришло, конечно, знание более мягких искусств и чувство прекрасного. В то время, когда французская литература состояла из нескольких фрагментов документов, хроник или скучных легенд о святых, в Провансе была создана литература, поражающая своим богатством и изысканностью. Удивительно в этой литературе Прованса то, что она не имеет начала, не имеет детства, но почти так же совершенна в художественной отделке, в тщательном обращении с самыми замысловатыми рифмами и строфами, когда поет первый трубадур, как и в течение двухсот лет своей жизни. Это были песни или поэмы, состоящие из строф разной структуры и строк разной длины, некоторые действительно лирические, а некоторые эпические. Наиболее характерными формами лирической поэзии были, вероятно, дирг или *планх*; спор или *тенсон*, стихотворение, в котором два или более человека ведут спор по вопросам любви, рыцарства и т. д., каждый из которых использует строфы, заканчивающиеся одинаковыми рифмами, что напоминает стиль стихотворения, давно известный в шотландской литературе как "флиттинг"; и сатирическая поэма или пасквинад, *сирвенте*, часто яростная военная песня, в которой поэт поносит своих врагов и призывает своих людей к битве.

Социальные условия Франции в этот период были таковы, что кастовые различия были очень заметны. Чтобы *ротюрье*, простой крестьянин или даже торговец, стал социально равным дворянину, было делом неслыханным. Но в Провансе - что весьма любопытно, если вспомнить о чрезмерной утонченности роскоши, поощряемой в этой стране цветов, - общество было гораздо более демократичным. Возможно, точнее было бы сказать, что среди людей, которые уже поняли, что литература и музыка - это искусства, художника приветствовали, талант признавали и вознаграждали, независимо от того, в каком сословии он находился. И все же трубадуры как класс принадлежали к дворянству. То, что это почти обязательно так, легко понять, ведь трубадур должен был вести разгульную экстравагантную жизнь в собственном замке и путешествовать по стране в благоприятную погоду в сопровождении небольшой группы прислужников, которые должны были быть обученными музыкантами и которые в посещаемых ими замках пели или исполняли произведения, написанные их хозяином.

Можно себе представить, какой трепет охватывал грудь дам, всегда являвшихся главным объектом песен трубадуров, когда приближалась веселая кавалькада, возвещаемая песней *жонглеров*: "Мы едем, везем драгоценный бальзам, который лечит все недуги, исцеляет беды телесные и душевные. Он заключен в золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, самыми редкими. Даже видеть его - удивительное удовольствие, в чем вы убедитесь, если попробуете. Бальзам - это музыка нашего господина, а золотая ваза - наша придворная компания. Хотите ли вы, чтобы ваза открылась и показала свои невыразимые сокровища?"

Сам трубадур должен был идти в рыцарском облачении, а его музыканты или жонглеры обычно снабжались богатой одеждой. Конечно, от государя можно было принимать подарки, но никакого денежного вознаграждения; рыцарский менестрель не любил петь по найму; его вдохновляла чистая любовь к своему искусству, и мысль о том, чтобы сделать его прибыльной профессией, никогда не приходила ему в голову. Поэтому трубадур должен был жить на свое состояние - пока не растратит его на разгульную жизнь, - а это мог позволить

себе только джентльмен. Из десятков трубадуров, чьи имена нам известны, подавляющее большинство - дворяне, хотя и не всегда принадлежащие к высшему дворянству; но артист, музыкант, "находивший" чарующие мелодии, почти *по должности* был рыцарем, шевалье, причем термины "трубадур" и "шевалье" были взаимозаменяемы, а рыцарство считалось настолько необходимым, что одного из известных трубадуров обвиняли в том, что он сам присвоил себе этот сан, поскольку никто другой не хотел посвящать его в рыцари. Среди трубадуров можно насчитать десяток или более царствующих принцев, "графов и герцогов, которых насчитывается дюжина, ... много принцев королевской крови и, наконец, четыре короля". Однако рядом с королевским трубадуром, связанным с ним совершенным масонством искусства, можно найти трубадура скромного происхождения. Бертран де Борн, мелкий барон, был на равных с сыновьями Генриха II: Джеффри он называл по прозвищу *Расса*, Генриха - *Маринье*, а Ричарда - *Ричард Ок э Но* (Ричард Да и Нет). Пьер Видаль, самый эксцентричный из всего рода *раздражителей*, был сыном тулузского меховщика, но, будучи поэтом, дружил с принцами, в частности с Альфонсом, трубадуром, королем Аррагона. Бернар де Вентадур, который осмелился без упрёка послать любовные песни надменной королеве Элеоноре, был сыном пекаря замка де Вентадур. Поэтому в Провансе было гораздо больше свободы в общении, чем на севере Франции, где феодализм пустил глубокие корни, где воин был просто крепким бойцом, а не музыкантом, готовым в равной степени сражаться или петь.

Изыщество и лоск провансальского общества были, конечно, относительными. В лучшем случае во многих случаях это была лишь поверхностная полировка, и для нас манеры трубадуров могут показаться столь же грубыми, сколь испорченными были их нравы. Сама экстравагантность жизни трубадура с ее постоянными требованиями больших расходов на путешествия или фантастические развлечения и пирушки в его замке, постоянная жажда острых ощущений и удовольствий сами по себе были бы достаточны, чтобы воспитать развратные привычки. Распутство низвело многих трубадуров до уровня простого жонглера или наемного музыканта. Средневековый моралист замечает в пользу *la cigale*, который, вероятно, не обращал на это никакого внимания, а продолжал петь: "*Neomo jocularibus intentus cito habebit uxorem cut nomen erit paupertas, ex qua generabitur filius cui nomen erit derisio*" (Тот, кто посвящает себя менестрелям, скоро обзаведется женой по имени Нищета, от которой родится сын по имени Игномин). Но независимо от того, грешно ли трубадур растрачивал свое состояние, единственным делом его жизни считалось занятие любовью.

Каждый трубадур выбирал себе даму, которой посвящал свои таланты, стремясь сделать ее "Славной от его пера и знаменитой от его меча".

Как истинный рыцарь-изгнанник музыки и поэзии, он путешествовал по стране, воспевая хвалу своей возлюбленной и доказывая превосходство ее чар в списках, в битвах с неверными или в любом случайном приключении на дороге. Выдержав в ее честь все, что пошлет ему судьба, и воспевая ее в песнях триумфа или в пронзительных любовных песнях, он возвращался, чтобы получить свою награду. Пока все достаточно романтично и невинно. Можно предаваться милым сентиментальным фантазиям об этом мире нежных певцов и прекрасных дам, поэзии и солнечного света. Но на самом деле любовь трубадуров не была ни столь романтической, ни столь невинной, как хотелось бы думать. В некоторых современных романах герой редко испытывает *великую страсть*, как ее милосердно называют, кроме как к чужой жене; поэтому дама, которой трубадур посвящает себя, которой он изливает свою страсть со всем коварством и теплотой, на которые способно искусство, и чьей благосклонностью он иногда самым бесстыдным образом хвастается, почти неизменно оказывается замужней женщиной. К счастью, несмотря на то, что поэты склонны

утверждать, что правда и поэзия - почти синонимы, большинство из нас не принимает их *на веру*. "Большая часть любви - это притворство", - говорит один авторитетный человек, и, конечно же, большую часть протестов в эротической поэзии вряд ли стоит принимать за чистую монету. Поэтому мы можем с уверенностью предположить, что общение трубадуров с дамами, которым посвящались их песни, в целом было вполне невинным, а жгучее желание, трагическое отчаяние или ликующая страсть в стихах также были в значительной степени фигуральными, простыми притворствами и хлопушками любви. Конечно, если бы дело обстояло иначе, мужья Прованса были самыми бескорыстными покровителями искусства.

И все же, делая все поблажки, которые может сделать здравый смысл или милосердие, мы должны признать, что существует слишком много свидетельств прискорбной моральной распушенности во времена трубадуров. Самый первый известный трубадур, граф Вильгельм Пуату, дед Элеоноры, был печально известен своим пренебрежительным отношением к церкви и развратом. По сути, стихи Вильгельма грубы и почти жестоки по своему тону, в них полностью отсутствует та изысканная галантность, та утонченность, которая характерна для любовной поэзии его преемников-трубадуров. В стихах есть дерзкий смех и остроумие, а техническая часть произведения демонстрирует удивительную художественную отделку, но ничего, что говорило бы о рыцарских идеалах. Поэтому мы с некоторым удивлением читаем в старинной провансальской биографии этого первого трубадура, что "граф Пуату был одним из самых обходительных мужчин в мире и великим обманщиком дам; он был храбрым рыцарем и много занимался любовными делами; он хорошо умел петь и слагать стихи; и долгое время он странствовал по всей земле, чтобы обманывать дам". По общему мнению, Уильям весьма преуспел в этом галантном деле. Трубадуры открыто заявляли, что их дело - "обманывать дам", и среди столь восприимчивого народа, как жители Прованса, должно быть, было немало домашних трагедий, вызванных этими эротическими рыцарями-изгоями.

Когда занятие любовью или сочинение любовных песен становится профессией, не приходится удивляться тому, что здесь много чистой условности. Любовь к красоте не во всех сердцах, даже в сердцах поэтов, и поэтому любовная поэзия трубадуров так же искусственна, так же перегружена и переслащена, как панегирик елизаветинского поэта на ту самую сомнительную красоту "весталки, престолонаследной на западе". Каков был реальный стандарт красоты среди дам Прованса, определить сложно, ведь в песнях трубадуров они все одинаковы. У дамы кожа белее молока, чище свежеевыпавшего снега, оттенок нежнее жемчуга. На ее щеках розы соперничают с лилиями, нежный цвет усиливается при звуках ее восхвалений и тает в опасности или беде. Лняные волосы шелковистой структуры венчают ее голову, а пара нежно-голубых глаз томительно смотрит на влюбленного; когда они закрываются, солнце уходит с лица природы, настолько темным кажется ему мир. Но когда она выходит за границу в улыбающейся красоте, сами птицы прекращают свои занятия любовью, чтобы воспеть ее прелесть, а цветы поворачиваются, чтобы посмотреть на нее. При всей этой нежности физической красоты она обладает столь же нежной конституцией, ибо падает в обморок при известии о беде или опасности для своего трубадура. Когда монашеские летописцы столь холодны в описании личных прелестей, мы остаемся наедине с поэтами. Возможно, в глазах трубадуров сама Элеонора была именно такой, как мы описали.

Именно из общества, состоящего из таких элементов, и из самого дома музыки и поэзии молодая королева Франции приехала в Париж, в то время, несомненно, очень мрачное место, населенное людьми, которые, несмотря на свое превосходство как христиан, должны были казаться ей некультурными варварами. Подробности ее жизни в течение первых десяти или пятнадцати лет после замужества туманны и, конечно, не представляют особого

исторического интереса. Мы можем быть уверены только в том, что ее союз с Людовиком VII должен был быть явно и все более неприятным для обеих сторон. При всем желании историки могут сказать о нем не больше, чем то, что он был безопасным и консервативным правителем, никогда не добивавшимся заметных успехов, но и не терпевшим серьезных бедствий. Как человек он был холоден, лично непривлекателен и несимпатичен, обладал несомненной физической храбростью, но временами смертельно робок и нерешителен; легко поддавался влиянию, особенно той власти, которая, как можно предположить, была наиболее неприятна Элеоноре, - церкви, ибо он был набожен до суеверия. Если бы Элеонора была просто сибаритом, бесчувственным приверженцем удовольствий, она могла бы жить в безвестности и терпеть пуританство своего мужа. Но ее кровь была слишком горяча для этого; она была полна амбиций, энергии и неумолимой решимости реализовать эти амбиции. Как королеве Франции ей не предстояло сыграть великую роль. Она была молода, и в данный момент Людовик и его советники управляли Францией, а она довольствовалась менее амбициозными занятиями. Одним из таких занятий, несомненно, было поддержание связей с трубадурами ее родной страны, с которыми традиционно были связаны ее семья и герцогский двор в Бордо. Точные даты ее дружбы с различными трубадурами нам, разумеется, неизвестны, но мы знаем, что в эти годы она довольно часто приезжала в свой любимый Бордо и была общепризнанной покровительницей трубадуров.

Далее мы слышим об Элеоноре в роли, не совсем соответствующей ее трубадурским связям: мы не думаем о дочери Вильгельма Пуату как о защитнице Креста, однако именно в роли крестоносца Элеонора впервые появляется в истории. Историки много говорят о влиянии крестовых походов, мы же хотим лишь отметить, что дух приключений распространился даже на женщин, и многие дамы отправились в Святую землю, некоторые даже в военном облачении. Это был замечательный шаг вперед к свободе женщин, если вспомнить условия, существовавшие за поколение до этого. Наша великая провансальская королева была типичным представителем не только рыцарства и любви к приключениям в Провансе, но и духа большей независимости, преобладающего среди женщин. Когда в 1147 году ее серьезный и набожный муж начал готовиться ко Второму крестовому походу, Элеонора решила сопровождать его.

Женщина с такой энергией, конечно, не могла довольствоваться *жалкой* ролью супруги и утешительницы. Поэтому она организовала регулярный отряд амазонок среди знатных дам Франции, включая графинь Тулузских и Фландрских и других знатных дам. Костюм этого отряда был самым примечательным. Пылкая и экстравагантная королева посвятила много времени и размышлений разработке достаточно эффектного платья для себя и своих дам, и, согласно рассказам хрониста Вильгельма Тирского, которому мы обязаны большинством подробностей ее крестоносных подвигов, Элеонора и ее спутницы представляли собой великолепное зрелище. В сопровождении оркестров трубадуров и музыкантов, при большом количестве развевающихся знамен и сверкающих блёсток, королева Элеонора, одетая по-мужски, в сверкающие доспехи, и её дамы ехали в фургоне армии. Отброшенные валики эти боевые дамы посылали отступникам-рыцарям, которые предпочли крестовому походу сидение дома.

Святой Бернар из Клерво, самый влиятельный религиозный деятель своего времени, чьи вдохновенные проповеди могли довести огромные аудитории до совершенного исступления религиозной экзальтации, был побужден, почти вынужден, проповедовать крестовый поход для этого верного сына Церкви, Людовика VII. Сам святой Бернар признался в серьезных сомнениях относительно праведности этого крестового похода и не стал бы вторым Петром Отшельником, чтобы возглавить огромное воинство Креста. Можно представить, что

поступки королевы Людовика должны были наполнить душу Сен-Бернара еще более серьезными опасениями. Элеонора, действительно, была неспособна к религиозному чувству достаточной глубины, чтобы сочувствовать более чистым мотивам фанатизма, вдохновлявшим лучших крестоносцев. Для нее это была просто прогулка, великолепная возможность насладиться всей пышностью королевы и хотя бы демонстрацией власти. Людовик, возможно, был бы рад оставить свою слишком театральную и легкомысленную супругу позади, ведь крестовый поход был для него серьезным делом; но, скорее всего, многочисленный контингент гасконцев и пуатевинцев, преданных своей герцогине-трубадуру, вряд ли так уж стремился следовать за королем Франции.

Крестовый поход, на истории которого нам нет нужды останавливаться, был похож на триумфальное шествие вплоть до Константинополя. Конечно, были и страдания, и болезни, и смерть среди полчищ бедных последователей и паломников, искавших защиты у великой армии, направлявшейся в Святую землю, один вид которой, как им казалось, должен был стать бальзамом на их израненную совесть; но королева Элеонора и ее принцессы не испытывали ничего, кроме тщетного волнения, чудес греческой цивилизации, блеска и великолепия. Предупрежденный катастрофическим опытом предшествовавших ему немцев, Людовик решил следовать береговым путем вдоль берегов Малой Азии, и греки благополучно переправили его и его армию через проливы.

Во время последующего похода тщеславная и упрямая Элеонора не раз подвергала опасности себя и всю армию. Она настояла на том, чтобы возглавить отряд, и ее слишком покладистый муж согласился. В результате Элеонора, совершенно пренебрегая стратегией и обычными военными предосторожностями, вела свои войска так, словно экспедиция была всего лишь праздником удовольствий, выбирала лагеря и маршрут в зависимости от красоты пейзажа и все время безответственно флиртвала с каждым, кто ее привлекал. Говорили, что она затеяла постыдную интригу с красивым молодым эмиром, принимала подарки от султана Нуреддина, а о своем муже говорила все более легкомысленно, неуважительно, презрительно. В горных перевалах армию спас рыцарь с родины Элеоноры, некто Гилберт, о котором на самом деле ничего не известно, но который стал центральной фигурой романа, в котором Элеонора также играет свою роль.

Из Саталии, расположенной на берегу Кипрского залива, король и Элеонора с наиболее обеспеченными из своих приверженцев отправились на корабле в Антиохию, бросив массу бедных последователей на произвол судьбы вероломных греков и свирепых турок. В Антиохии Элеонору слишком любезно принял ее дядя, Раймонд, принц Антиохийский, который, как говорят, был самым красивым мужчиной своего времени и таким же развратным, как и родной дед Элеоноры. Несмотря на их отношения, поведение Элеоноры с Раймондом вызывало у Людовика дикую ревность. Она уже говорила о разрыве с Людовиком. Дочь Вильгельма Пуату, конечно, не могла, как она заявляла, терпеть монаха в качестве мужа; но довольно удивительно видеть, как она притворяется, что желает расторгнуть свой брак по соображениям совести, поскольку они с мужем состоят в родстве, запрещенном той церковью, дочерью которой она всегда была так благочестива. Людовик волей-неволей увез ее из Антиохии, и мы не слышим ничего, кроме жалоб от него и успокаивающих советов от его друзей, до тех пор, пока он и Элеонора не вернулись из этого катастрофического крестового похода. Капризы и надменный нрав Элеоноры почти довели Людовика до отчаяния, и, возможно, именно этот постоянный домашний раздражитель обострил его нрав и вызвал те ссоры с императором Конрадом, которые привели к плачевному поражению христианского оружия у самых ворот Дамаска.

Элеонора вернулась во Францию и продолжала досаждать мужу не только своим поведением, но и языком. И все же злополучная пара прожила в супружеских отношениях до зимы 1151-1152 годов. Однако во время путешествия в Аквитанию произошел жестокий разрыв. Людовик обратился в Совет Божанси с просьбой о разводе, открыто заявив, что не доверяет своей жене и никогда не сможет быть уверен в законности ее наследства. Но Элеонора, как обычно, была заранее с ним. Она тоже подала прошение о разводе, и ее прошение попало в руки Совета раньше, чем прошение ее мужа. Менее откровенная и более политичная, чем Людовик, Элеонора добивалась аннулирования брака на том основании, что она и Людовик были кузенами - они состояли в шестой степени родства. Совет, который мог быть серьезно смущен, обсуждая и признавая такое заявление Людовика против одной из самых могущественных принцесс христианства, сдержанно удовлетворил просьбу Элеоноры и аннулировал брак 18 марта 1152 года. Людовик потерял жену, которая презирала его и которую он боялся за ее жестокость и острый язык. Франция потеряла все те богатые провинции, которые достались Элеоноре в качестве приданого.

Разведенную королеву, теперь уже герцогиню Гиеннскую, сразу же стали преследовать несколько женихов. Со всей романтикой и чувствами, которые, как говорят, были характерны для южной Франции ее времени, трудно примириться с фактами, подобными тем, которые следуют далее. Тибо де Блуа стремился заполучить богатую герцогиню, а когда она отказала ему, он задумал схватить ее, заточить в своей замке Блуа и заставить выйти за него замуж. К счастью, Элеонора была предупреждена о заговоре и бежала к своим границам; но тут восемнадцатилетний молодой Джеффри Анжуйский устроил засаду на Луаре, намереваясь сам жениться на ней. Она снова бежала, на этот раз в свое графство Пуату. В Пуатье за ней почти сразу же последовал старший брат Джеффри, Генрих Плантагенет. Красивый, властный, блестящий, Генрих был именно тем типом, который мог пленить Элеонору. Вполне вероятно, что она уже имела с ним предварительные договоренности и по его совету подала на развод. Во всяком случае, они поженились в Бордо 1 мая 1152 года, несмотря на противодействие Людовика, феодала Генриха. Два года спустя Генрих сменил короля Стефана, а Элеонора стала королевой Англии.

Королева трубадуров, конечно, не была подходящей парой для Людовика VII; и теперь, когда Элеонора добилась развода с Людовиком и вышла замуж за человека с темпераментом, несколько похожим на ее собственный, давайте отойдем от рассказа о ее карьере в истории, чтобы рассказать о ее отношении к трубадурам и о самих трубадурах.

Не унаследовав от своего деда талант певца, Элеонора все же сделала свой двор пристанищем для трубадуров. К сожалению, нам мало что известно о ее личных отношениях с придворными трубадурами, хотя традиция предполагает, что они далеко не всегда были платоническими. Именно после свадьбы с Генрихом Плантагенетом, герцогом Нормандии, она стала особой покровительницей брошенного трубадура Бернара де Вентадура. Он был, как мы уже заметили, очень низкого происхождения, сын пекаря в замке Вентадур; но благодаря своим поэтическим способностям он возвысился в глазах своего господина. Прекрасная юная виконтесса де Вентадур, ангел красоты в глазах поэта, с удовольствием слушала его песни о любви. Сначала в этих песнях не было явных упоминаний о ней; но аллюзии становились все более недвусмысленными, а песни все более теплыми, пока однажды, когда они сидели под сенью сосны и Бернар пел ей, виконтесса вдруг поцеловала своего менестреля. Поэт рассказывает в одной из песен, что его блаженство и экстаз были столь велики, что зимний пейзаж, казалось, вдруг расцвел всеми весенними цветами. И теперь он все откровеннее пел о любви, а в конце концов ввел в свои песни имя самой

прекрасной дамы как предмета своей страсти. Виконт больше не мог смотреть на поведение жены, поэтому виконтессу заперли в башне, а Бернара изгнали из Лимузена.

Элеонора оказала изгнанному трубадуру радушный прием. Она слушала его песни, выслушивала его жалостливые рассказы и утешала его. Элеонора была бесспорно красивой женщиной, и в то время она была еще в расцвете сил. Неудивительно, что нежное сердце трубадура вскоре забыло о своей печали по погибшей леди де Вентадур в новой любви к своей милостивой покровительнице. Вероятно, Элеонора и трубадур действительно были влюблены, ведь она была столь же восприимчива, как и он, хотя, возможно, ни одна из них не была способна на длительную привязанность. Во всяком случае, Бернар писал для нее песни, полные любви и тоски, признаваясь, что ее образ всегда живет с ним, что в ее отсутствие он не может спать, и что одна только мысль о ней слаще, чем сон. Генрих II и сам не был безупречным мужем, и, возможно, он считал разумным не слишком присматриваться к тому, чем занимается его жена. Однако как раз в это время Генрих стал королем Англии, и не было нужды уговаривать Элеонору поспешить через канал, чтобы стать королевой; ее тщеславия было достаточно для этого. Новая королева и ее трубадур расстались, и, по словам его биографа, с тех пор Бернард оставался печальным и удрученным. Он пишет ей, что ради нее пересечет канал, ибо теперь он и норманн, и англичанин; но мы не знаем, возобновилась ли между ними близость.

Эта история - единственная, в которой подробно показаны прямые отношения между Элеонорой и трубадурами. Однако существует целый ряд других анекдотов, которые показывают отношение других женщин ее класса - не всех принцесс, но, по крайней мере, высшей знати - к трубадурам. В качестве иллюстрации положения женщин в Провансе в это время мы можем выбрать историю, столь же известную в трубадурских анналах, как и история Франчески да Римини.

Леди Маргарита де Руссильон, говорится в провансальской биографии, была "самой красивой дамой своего времени и самой ценной за все, что достойно похвалы, благородства и учтивости". Она жила в счастье со своим мужем, влиятельным бароном Раймоном де Руссильоном. Но в ее свите был паж Гильем де Кабестань, бедный, но знатного происхождения, в чье красивое лицо и любезные манеры влюбилась леди Маргарита. "Любовь разжигала огонь в ее мыслях, и в конце концов страсть настолько овладела ею, что однажды она сказала Гильему: "Гильем, если бы дама полюбила тебя, смог бы ты полюбить ее?" "Конечно, миледи, - ответил юноша, - если бы я думал, что она любит по-настоящему". "Прекрасно сказано! А теперь скажите, можете ли вы отличить настоящую любовь от подделки?"

Эти вопросы разбудили тлеющую в сердце Гильема любовь, и он дал ей выход в "строфах изящных и торжественных, в мелодиях и канцонах, и песни его понравились всем, но больше всего той, для кого он пел". Маргарита, конечно, знала, что он любит ее и что песни вдохновлены ею, хотя Гильем еще не осмеливался называть ее в них или говорить с ней. Она снова заговорила со своим робким возлюбленным, и он признался ей в любви. И началась история любви, трубадур изливал свои самые сладкие песни и верил, что, поскольку он не назвал ее имени, никто не догадается об их любви. Но сплетники стали судачить о них, и наконец скандал дошел до слуха сэра Раймонда. "Он был недоволен и разгневан тем, что потерял друга, которого так любил, а еще больше тем, что опозорил свою супругу". Однако вместо того, чтобы отомстить, он не стал тянуть время, пока виновная пара не будет осуждена.

Однажды, когда Гильем в одиночестве отправился на охоту, Маргарита увидела, как Раймон спрятал меч под плащом и последовал за Гильемом. Она со страхом ждала, когда они вернутся, а Раймонд, судя по всему, был в добром расположении духа к Гильему и ко всему миру. Раймон рассказал ей, что узнал, кто является дамой из песен Гильема. Можно представить себе ужас Маргариты. "Я знал, - сказал Раймон, - что никто не может так хорошо петь, если он не любит. Когда я заставил его, по его вере, сказать мне, кого он любит, он сначала уклонялся, но в конце концов признался, что это ваша сестра, леди Агнес де Тараскон". Затем он рассказал ей, что все это правда, более того, он ездил в замок Тараскон вместе с Гильемом, и после некоторых колебаний леди Агнес призналась, что Гильем был ее любовником. Маргарита поначалу была ошеломлена и совершенно не верила в происходящее; но показания мужа были настолько точны, что она окончательно убедилась в неверности Гильема.

Во время их первой частной беседы она обвинила его в неблагодарности и едва ли стала слушать его отрицания. Гильем рассказал ей, что, будучи загнанным в угол настойчивыми вопросами Раймонда, он в отчаянии назвал имя леди Агнес, чтобы избежать немедленного разоблачения и смерти. Леди Агнес и ее муж, которому она рассказала об интриге, вскоре подтвердили рассказ любовника. Леди Агнес видела страдание на лице Гильема, когда Раймон привез его в Тараскон и спросил в его присутствии, кто ее любовник. Чтобы спасти Гильема и сестру, леди Агнес призналась, что Гильем - ее любовник, и они с мужем сделали все возможное, чтобы убедить Раймона в этом. Нет нужды говорить о социальных условиях или общей распущенности нравов, которые подразумеваются под наивным рассказом о подобном инциденте.

Продолжая рассказ Маргариты, можно сказать, что влюбленные помирились, и Гильем отпраздновал это примирение в песне. К несчастью, он поступил опрометчиво и слишком откровенно упомянул в этой песне обстоятельства их дела. "Ни один человек, - пел он, - не терпит большего мученья, чем я; ради тебя, которую я желаю больше всего на свете, я должен отречься и отрицать, и лгать, будто в моем сердце нет любви. Все, что я делаю из страха за свою жизнь, вы должны принимать добросовестно, даже если не понимаете, почему я это делаю". Эта песня, в некоторых частях которой звучали неистовые амурные нотки, попала в руки Раймонда. Он сразу же догадался о правде и задумал страшную месть.

Несколько дней спустя, когда муж и жена сидели за ужином, леди Маргарита прокомментировала деликатность съеденного ею кусочка оленьего сердца. "Знаешь ли ты, - сказал Раймонд, - что ты ела?" "Нет, но мне показалось, что это очень вкусно". "Это тебе покажут", - сказал он, подняв перед ней окровавленную голову Гильема Кабестаня. "Вот голова человека, чье сердце вы только что съели!" От ужасного зрелища дама упала в обморок, а когда пришла в себя, громко закричала, что съеденное ею сердце так вкусно и аппетитно, что она больше никогда не будет есть мяса. Обезумевший муж бросился на нее с мечом, а она, чтобы избежать смерти от его рук, выбросилась из окна и разбилась вдребезги.

У этой истории есть небольшое продолжение, не менее поучительное и назидательное в своем роде. "Весть о содеянном быстро распространилась и была принята повсюду с горем и негодованием; и все друзья Гильема и дамы, и все учтивые рыцари окрестностей, и все влюбленные объединились, чтобы начать войну против Раймонда". Король Альфонсо Арагонский вторгся во владения Раймона, взял его в плен, продержал в неволе до конца дней и разделил его имущество между родственниками убитых влюбленных. Несчастную пару он похоронил в одной могиле и воздвиг над ними роскошный памятник, куда раз в год съезжались все рыцари и все влюбленные Руссильона, Сердани и Нарбонны, чтобы

помолиться за души Гильема Кабестаня и прекрасной дамы Маргариды. В очаровании романтики мораль и порядочность часто теряются из виду. Романтик вызывает все наши симпатии к виновным Паоло и Франческе из этой истории, в то время как несчастный муж Раймонд встречает плен и потерю своего имущества. Мы можем добавить, что основные факты этой истории подтверждаются, вплоть до эпизода с сердцем, несколькими рассказами в рукописях, хотя воображение, несомненно, ответственно за некоторые детали.

В любовных романах трубадуров постоянно встречаются истории не менее безнравственные, хотя и менее трагичные, чем эта, как мы видим на примере истории дамы де Мираваль. Жена Раймона де Миравальса, богатого барона и знаменитого трубадура, будучи обделена вниманием мужа, прониклась тайной привязанностью к рыцарю по имени Бремон. Она втайне тосковала по своему возлюбленному, когда, к ее радости, Раймон пригрозил ей разводом, потому что сам устал от нее и был влюблен в другую даму, которая настаивала на том, чтобы он развелся с женой. Видя в угрозе развода шанс на полную свободу в отношениях с Бремоном, дама де Миравальс притворилась крайне огорченной и возмущенной. Такого обращения со стороны неблагодарного мужа она не потерпит, заявила она. Она пошлет за своими родителями и родственниками, чтобы те восстановили справедливость или забрали ее. На это Раймонд, судя по всему, не оказал решительного сопротивления. Тогда дама, пылая гневом, послала гонца созвать свою семью, тайно велел ему отправиться к Бремону и сказать, что она готова выйти за него замуж, если он придет. Бремон прибыл с готовностью, сопровождаемый отрядом своих рыцарей, и остановился у ворот замка. Ожидавшая его дама де Миравальс, увидев, что ее возлюбленный готов, объявила Раймону, что за ней пришли ее друзья и что она будет рада, если он позволит ей немедленно уехать. Раймон согласился; более того, его так обрадовала перспектива избавиться от жены, что он с несвойственной ему вежливостью сам проводил ее до ворот замка. Видя, что ее маленькая интрига удалась, беглая жена не удержалась и добавила еще один штрих к этому милому обману. "Сэр, - обратилась она к Раймонду, - раз уж мы расстались такими добрыми друзьями и ни о чем не жалею, не будете ли вы так добры отдать меня, уже не вашу жену, этому джентльмену?" Для Раймонда не было ничего проще, чем жениться на жене, которая ему надоела. С готовой любезностью он отдал ее Бремону, который, получив ее из рук мужа, надел ей на палец кольцо и ускакал, ликуя, со своей возлюбленной.

Неизвестно, гладким или бурным было течение любви дамы де Мираваль и ее нового мужа, но слишком покладистому Раймону очень не повезло, чего он вполне заслуживал. Как только его жена ушла, он отправился сказать своей возлюбленной, что ее приказ был выполнен и что теперь он приехал, чтобы жениться на ней. Но эта дама, которой, похоже, не было никакого дела до глупого трубадура, кроме чести, что он выставил себя перед ней дураком, сказала: "Молодец, Раймон; ты отослал свою жену, чтобы доставить мне удовольствие. Теперь иди и готовься к пышной свадьбе в своем замке и дай мне знать, когда ты будешь готов принять свою невесту в подобающем стиле". Трубадур поспешил домой, потратил несколько недель и все свое состояние на приготовления к свадьбе и вернулся за ней. Увы! Эта весьма благоразумная дама вышла замуж за другого мужчину - надеемся, не за трубадура - на следующий же день после того, как отправила Раймона с его дурацким поручением.

При всех его заверениях в нерушимой преданности нередко случалось, что трубадур не оставался верен одной даме. Иногда дама находила более приемлемого любовника или уставала от любовных рапсодий своего трубадура. Но увольнять одного из этих буйных поэтов без уважительной причины было опасно: от любовных песен он мог перейти к

сирвентам и сатирически высмеять ту, кого прежде превозносил как образец. Один из самых забавных анекдотов о трубадурах рассказывает о том, как Мари де Вентадур избавилась от внимания Госельма Фейдита.

Прекрасная графиня Мари де Вентадур была, говорит старый провансальский историк, цитируемый в книге г-на Роуботэма *"Трубадуры и дворы любви"*, которой мы обязаны многими из использованных здесь фактов, "самой уважаемой дамой в провинции Лимузен; дамой, которая больше всего гордилась тем, что делает все правильное и хорошее, и которая лучше всех оберегала и защищала себя от всего дурного; которая всегда определяла свое поведение по правилам разума и никогда не совершала безрассудных поступков". Ее очарование воспевали многие трубадуры, но самым преданным ее поклонником был Госельм Фейдит. Госельм, сын ремесленника из Узерче, был поднят из своего низкого сословия благодаря благосклонности трубадура Ришара Кёра де Льва, и его талант обеспечил ему положение в лучшем обществе. Мари, как и другие дамы ее времени, была весьма тщеславна в отношении своих поклонников-трубадуров и не пренебрегала блестящим, но низкородным Госельмом Фейдитом. Но она сказала ему, что, если он хочет завоевать ее любовь, он должен показать себя достойным ее доблестью в бою, и предложила ему сопровождать ее мужа - о котором мы забыли упомянуть ранее - в третьем крестовом походе, который как раз в это время организовывался. Поэт, хотя и не очень любил сражаться, принял крест, отправился в Святую землю, посылал домой своей возлюбленной самые свирепые стихи, повествующие об опасностях, с которыми он сталкивался или которых избегал, а затем вернулся в замок Вентадур, как только смог найти достойный повод для этого. Мари, однако, не была так милостива к нему, как он надеялся; она не любила его ни за опасности, которые он преодолел, ни за то, что он рассказывал о них. На самом деле она была холодна к нему. Госельм в ярости покинул замок, сказав: "Я больше никогда вас не увижу! Но, возможно, я смогу найти другую даму, которая будет относиться ко мне с большим вниманием". Мари была рада избавиться от бурной любви поэта, но ее пугал его острый язык; он умел писать самые горькие *сирвенты*: что, если он отомстит ей, обратив против нее все свои сатирические способности?

В этой дилемме она прибегла к хитрости, которую ей помогла осуществить ее подруга, мадам де Маламорт. Мадам де Маламорт отправила трубадуру послание, в котором спрашивала: "Что вы предпочитаете - маленькую птичку в руке или журавля, летящего высоко в воздухе?" Любопытство Госельма разгорелось, и он пришел, чтобы попросить ее разгадать эту загадку. "Я - птичка, - сказала она, - которую вы держите в руке, а Мари де Вентадур - журавль, который летит далеко над вашей головой. Разве я не так же прекрасна, как она? Любите меня, как любите себя, и пусть эта надменная графиня узнает, как ей захочется, какое сокровище она потеряла". Тщеславие трубадура, разгневанного несправедливым, по его мнению, обращением, не выдержало этого коварного нападения. Он согласился расстаться со старой любовью, а новая любовь потребовала, чтобы он расстался с ней не в жестокой сирvente, а в стихотворении, неумолимом, суровом, но спокойном и достойном; после чего он мог начать петь о новой любви, как ему вздумается. Слишком гордый своим новым завоеванием, чтобы заподозрить, что его разыгрывают, Госельм попрощался с Марией де Вентадур формально и с большим достоинством. Когда же он обратился к мадам де Маламорт, чтобы спеть о радости, весне и тому подобном, его внимание было встречено весьма холодно; дама вскоре дала ему понять, что, вытащив своего друга из затруднительного положения, она нисколько не заботится ни о каком трубадуре. Госельм попал в хорошую ловушку: он не мог потворствовать ни одной из дам, не опасаясь, что вся эта глупая история будет рассказана за его счет. Он стал еретиком в отношении любви и сатириком женщин вообще; но вскоре он оправился от этого и дожил до того времени, когда

его стали утешать другие дамы и когда он был одурачен еще одной. Эта дама, Маргарита д'Обюссон, притворяясь самой преданной и невинной романтической любовью к Госельму, встречалась со своим настоящим любовником под крышей Госельма.

Хотя это совсем неважно для истории, стоит упомянуть тот факт, что сам Госельм Фейдит был женат, пока длился его роман с Мари. Жена трубадура, действительно, не должна была вмешиваться в серьезные дела его карьеры, такие как любовная связь с чужой женой. То, что это было так, по крайней мере, в теории, видно из истории жизни многих трубадуров; а то, что общее отношение провансальского общества, представленное в этой конкретной фазе его литературы, было неблагоприятным для брака, наиболее ясно видно, когда мы смотрим на те любопытные учреждения, которые называются судами любви. Пока не совсем ясно, являются ли суды любви полностью или только частично мифическими.

Наш век - это Санчо Панса среди веков; подобно этому крепкому и превосходному оруженосцу, мы безгранично верим в материальные, видимые, осязаемые и особенно съедобные вещи и не верим в вещи романтические, такие как ветряные мельницы, рыцари-отступники и рыцарство. Если взглянуть на это с точки зрения Панцы, которая, как мы охотно признаем, является также точкой зрения здравого смысла, то кажется невероятным, чтобы какая-либо группа людей тратила свое время на что-то столь фантастическое, как суды любви. Однако Панса должен помнить, что на небе и на земле существуют и существовали вещи, превосходящие пределы его философии; что раса, среди которой якобы процветали подобные институты, как известно, была сентиментальной, или поэтической, если вам нравится более уважительный термин; Что для параллели достаточно обратиться к знаменитому французскому роману, опубликованному менее двух столетий назад, в котором содержалось серьезное описание и карта Страны Любви, *Carte du pays de Tendre*, с подробными указаниями, как влюбленному путешественнику безопасно добраться до города истинной любви; и что "*Прелестные загадки*" Мольера, как бы ни были перегружены комическим эффектом, представляют собой картину того, что существовало в действительности. Разум, несомненно, против возможности существования Судеб Любви; но, как мы уже говорили, мы не всегда можем отказаться верить в то, что кажется нам абсурдным. Исторические свидетельства существования Судеб Любви, несомненно, очень скудны. Мистер Роуботэм, который твердо верит в их существование, вынужден полагаться на свидетельство одного современника, весьма неопределенной даты (Эндрю Капеллан, "живший, вероятно, в конце двенадцатого века"), и два очень неясных упоминания о судах и процессах в поэмах трубадуров. Главными источниками наших знаний о судах любви являются писатели, жившие долгое время после этих событий, в частности Жан де Ностредам, который в 1575 году опубликовал книгу под названием "*Жизни самых знаменитых и древних провансальских поэтов*" (*Les Vies des plus célèbres et anciens poètes provençaux*). Но традиция настолько прочно укоренилась и, прежде всего, так тесно связана с королевой Элеонорой, что мы дадим небольшой очерк о дворах и их делах.

Тенсоны трубадуров представляли собой поэтические споры о любви и поведении влюбленных. Если, говорит Жан де Ностредам, спорящие "не могли прийти к согласию, они передавали дело на решение прославленной даме-президенту, которая проводила открытый и пленарный суд в замке Сигне и других местах, и те выносили решения, которые назывались судами Любви". Если дама несправедливо обращалась со своим возлюбленным-трубадуром, или если возлюбленный был виновен в каком-либо проступке или преступлении в любви, или если, в назидание будущим поколениям влюбленных, требовалось решение по простому пункту галантности, все такие дела рассматривались в Судах Любви, которые имели регулярный свод законов, тридцать один, на которых основывались решения. Суд,

состоящий из жюри, в которое входили самые красивые, опытные и знаменитые дамы района, и под председательством какой-нибудь особо выдающейся дамы, выслушивал доводы обеих сторон и выносил решение, которое зависело от единогласного голосования присяжных. Таких судов было несколько, самые известные - при английской королеве Элеоноре, ее дочери Мари де Шампань, виконтессе Нарбоннской и графине Фландрской. Кодекс, на основании которого, как утверждается, выносили свои решения эти фантастические трибуналы, представляет собой весьма любопытный документ. Уставы любви едва ли столь строги, как можно было бы ожидать; некоторые из них - просто пословицы и мудрость, а кое-где и намеки, весьма далекие от романтики:

IV. Любовь никогда не стоит на месте; она всегда увеличивается или уменьшается.

X. Любовь всегда изгнанница там, где обитает скупость".

Некоторые из них так отчетливо намекают на ухмылку под всей этой напускной серьезностью, что вряд ли их можно воспринимать всерьез.

XV. Каждый влюбленный привык бледнеть при виде своей избранницы.

XVI. При внезапном и неожиданном виде своей дамы сердце истинного влюбленного неизменно утащенно забилося.

XX. Настоящий любовник всегда является жертвой тревоги и недомогания.

XXIII. Человек, ставший жертвой любви, мало ест и мало спит.

Последнее правило, разумеется, не только почтенное, но и универсальное. Вспоминается сквайр Чосера, "столь же пылкий, как майский месяц", который "умел песни слагать и хорошо кончать;... так любил он, что ночами спал не чаще, чем соловей". Другие уставы трубадуров откровенно свидетельствуют о той моральной распущенности, не говоря уже о косности взглядов, о которой мы уже говорили.

I. Брак не может служить оправданием отказа от любви.

XI. Не следует любить тех дам, которые любят только с целью выйти замуж.

XXVI. Любовь не может ни в чем себе отказать.

Приняв во внимание эту небольшую группу законов, можно только подумать, что, доведенные до логического конца, они наводят на мысль о моральной распущенности. Однако нам не остается гадать. Согласно Андрею Капеллану, 29 апреля 1174 года суду графини Шампанской было предложено решить такой вопрос: "Может ли настоящая любовь существовать между женатыми людьми?". Графиня и ее двор решили, "что любовь не может осуществлять свою власть над женатыми людьми", и в доказательство этого утверждения привели следующую причину: "Влюбленные дарят все, взаимно и безвозмездно, не будучи стеснены никакими побуждениями необходимости. Женатые же люди, напротив, вынуждены по долгу службы подчиняться желаниям друг друга и ни в чем друг другу не отказывать. По этой причине очевидно, что любовь не может оказывать свое влияние на женатых людей. Пусть это решение, к которому мы пришли с большим размышлением, посоветовавшись с большим количеством дам, будет впредь считаться подтвержденной и неопровержимой истиной".

С этим решением вполне согласуется одно, вынесенное при дворе королевы Элеоноры. Некий джентльмен - истец по иску - был сильно влюблен в даму, которая любила другого.

Однако, сжалившись над ним, она пообещала, что, если когда-нибудь потеряет своего первого возлюбленного, истец будет принят как его преемник. Вскоре после этого дама вышла замуж за своего любовника. После этого заявитель, ссылаясь на решение графини Шампанской, потребовал ее любви. Дама отказалась, отрицая, что потеряла любовь своего любовника, выйдя за него замуж. Тогда заявительница смиренно обратилась в суд с иском, который, как мы полагаем, можно назвать *mandamus amare*. Достопочтенный суд вынес решение в пользу заявительницы, объявив, что торжественное постановление суда графини Шампанской имеет силу в данном случае, и выдал просимое предписание *mandamus amare*: "Мы приказываем, чтобы госпожа оказала своему умоляющему любовнику, ныне истцу в этом суде, милости, о которых он так искренне просит и которые она так верно обещала".

One other decision of the gay Queen Eleanor is so righteous that we cannot forbear repeating it. Один джентльмен подал иск, потому что дама, в которую он был влюблен, принимала от него множество красивых подарков и при этом упорно отказывала ему в любви. Мы не совсем уверены, что джентльмен на самом деле не подал иск, чтобы вернуть свои подарки; но королева Элеонора вынесла решение: "Леди, которая намерена быть непреклонной, должна либо отказываться от подарков, присланных с целью завоевать ее любовь, либо компенсировать их, либо довольствоваться тем, что ее причисляют к куртизанкам".

Были ли во всем этом мире любви и песен женщины лишь объектами песен трубадура или лишь покровительницами трубадура? Неужели не было поэтесс? Мы знаем имена четырнадцати дам, которых можно назвать трубадурами по их собственным произведениям, и даже из этих четырнадцати ни одна не была действительно профессиональным трубадуром; в большинстве случаев только одна песня или даже одна часть *тенсона* дает даме право называться поэтом. Мы находим Клару д'Андуз, прекрасную любовь трубадура Ук де Сен-Сира, запомнившуюся лишь одной песней; и совсем немного осталось от творчества графини Беатрис де Ди, которая любила Рамбо д'Оранжа, и которая рассказывает о том, как этот трубадур любил ее, и охладил к ней, и, наконец, был неверен, оставив ее ради другой; но она и ее сестры-трубадуры - теневые фигуры: не пришло время, чтобы женщина заняла постоянное место в литературе.

Пытаясь представить литературную и художественную сторону жизни Элеоноры и рассказать о блестящем обществе Прованса, в котором она играла не последнюю роль, мы пренебрегли фактами ее карьеры в Англии. Впрочем, как королеве Англии Элеоноре нам не придется много о ней рассказывать. Даже сейчас она играет не слишком заметную роль в истории, а развитие ее характера вполне соответствует нравственной подготовке, которую можно было бы получить при дворах любви. Похоже, что существует такая вещь, как "пожинать плоды вихря".

Элеонора была на одиннадцать лет старше своего нового мужа. Она презирала Людовика за то, что он был слишком строг, слишком холоден, слишком прост в мыслях и нравах. Новый муж вскоре дал ей достаточно поводов для новой страстной ревности. Она научилась ненавидеть его за пороки, прямо противоположные бесцветной добродетели Людовика. Она сама была известной кокеткой, причем далеко не невинной. Она чувствовала одиннадцать лет разницы между собой и Генрихом. Сплетники говорили, что она вряд ли сможет сохранить привязанность Генриха, ведь она намного старше его и, по слухам, была любовницей его собственного отца. Несмотря на галантные принципы, которые она исповедовала при дворе любви, несмотря на свободу действий, на которую она считала себя вправе рассчитывать, она неистово ревновала Генриха. Поводов для ревности было предостаточно. Молодой, горячий, страстный, жадный до удовольствий, как и до власти, Генрих не терял времени, чтобы дать ей многочисленных соперников. Никакие средства не

были слишком гнусными или слишком жестокими, когда Генрих желал удовлетворить свои страсти. Говорят, что он даже обесчестил юную принцессу Алису Французскую, обрученную с его сыном Ричардом, и по этой причине никогда не позволил Ричарду жениться на ней. Между Элеонорой и Генрихом происходили ожесточенные ссоры, а традиция приписывает ей убийство прекрасной Розамонд Клиффорд, которую она, как говорят, преследовала в лабиринте Вудстока и заколола собственной рукой.

Не найдя возможности отомстить другим способом, Элеонора подняла своих сыновей против отца. Все они были достаточно буйными и не нуждались в особом поощрении. Старший сын Генрих, неосмотрительно коронованный королем по желанию отца, убедил себя, что должен стать королем на деле, и был подстегнут своей матерью и ее другом, беспокойным трубадуром Бертраном де Борном. Раймонд Тулузский, которого они искали в качестве союзника, раскрыл Генриху заговор королевы и ее сыновей. Юный Генрих и его братья бежали во Францию, где были приняты Людовиком с королевскими почестями. Элеонору заточили в собственном герцогстве, и в тюрьме она оставалась при жизни Генриха. Трубадуры, преданные своей герцогине, пели тоскливые песни о ее пленении и выражали свою ненависть к ее тюремщику Генриху в пламенных *сирвентах*. Но Генрих продолжал неустанно бороться со своими сыновьями, покорил Бертрана де Борна и держал в узде своих мятежных подданных. Только после его смерти, прокляв Ричарда и Иоанна, которые снова подняли против него мятеж, королева была освобождена.

Едва успев короноваться, Ричард отправился в крестовый поход, оставив Элеонору регентшей. Даже против собственного сына старая королева интриговала; впрочем, отчасти именно ее возмущенное вмешательство помогло впоследствии освободить Ричарда из немецкой тюрьмы, где император, подстрекаемый Филиппом Августом, хотел его держать. Сын, которого она любила больше всех, Иоанн, любил и доверял ей не больше, чем Ричард. В борьбе между Филиппом Августом, поддерживавшим Артура Бретанского, и Иоанном Элеонора, похоже, сохранила веру в своего сына и давала ему проницательные, хотя и жестокие советы. Больше мы слышим о ней только один или два раза в активных делах. В 1200 году она была послана Иоанном в Испанию, чтобы вернуть свою племянницу, Бланш де Кастиль, которая была обручена с принцем Людовиком Французским по одному из условий договора, только что заключенного между Иоанном и Филиппом Августом. На обратном пути, когда она проезжала через Бордо, толпа набросилась на одного из ее спутников, презиаемого Меркадера, капитана брабансонских наемников Ричарда, и убила его. Элеонора, постаревшая, больная от усталости и испуга, вызванного этой ужасной сценой, не могла идти дальше и осталась в аббатстве Фонтевро, отправив Бланш с архиепископом Бордо. Однако она оправилась от болезни, и два года спустя ей удалось спастись от пленения своим внуком Артуром. Она была осаждена в замке Миребо, когда Артур и его сторонники были застигнуты врасплох и взяты в плен Иоанном. Этот эпизод, когда прабабку осаждает ее собственный внук, вполне соответствует традициям семьи. "Такова судьба нашей семьи, что ни один из них не должен любить другого", - говорил Джеффри Плантагенет.

В разгар триумфа Филиппа Августа над ее несчастным сыном Иоанном старая королева Элеонора умерла в монастыре Болье в 1204 году. Страдания ее преклонных лет делают нас более милосердными по отношению к ней; но невозможно уважать такой характер, как у королевы трубадуров Англии. Иногда ее восхваляют за великолепную добродетель - импульсивную щедрость; но в ее натуре не было щедрости; она была просто щедра в тратах ради собственного удовольствия. В соответствии с тем, что великий историк сказал о ее сыне Ричарде Кур де Льве, можно сказать, что она была плохой женой - для двух мужей,

плохой матерью и плохой королевой. В ее натуре не было ни нежности, которая только и может обеспечить любовь в семье, ни силы, достаточной для того, чтобы она могла стать великой королевой.

Еще до смерти своей покровительницы слава трубадуров начала угасать. Все сильнее поднимался гневный ропот против безнравственности трубадуров, и особенно против новой и грозной ереси, которая стремительно набирала силу на юге Франции. Доктрины альбигойцев нас не касаются; нам трудно выяснить точную правду о них, поскольку мы должны полагаться главным образом на свидетельства их врагов. Однако достаточно хорошо известно, что альбигойцы верили в одну из форм манихейства, которая утверждала существование двух вечных сил, равнозначных, одна из которых - сила Добра, а другая - сила Зла. Если Зло правит миром наравне с Добром, не может ли человек чувствовать себя полностью освобожденным от моральной ответственности? Безусловно, такова тенденция этого вида дуализма.

Независимо от того, виновата ли альбигойская ересь или нет, неоспоримо, что трубадуры почти во всех случаях относились к Церкви и ее учению безразлично, а во многих - скептически или вовсе бунтарски. Среди дворянства таинство брака, так тщательно огражденное канонами Церкви, вряд ли могло восприниматься с большим уважением, поскольку продажное духовенство было готово санкционировать союз, который их собственная Церковь объявила кровосмесительным, или расторгнуть тот, который их собственная Церковь объявила нерасторжимым. Политическая и расовая антипатия, старая неизбывная и необъяснимая ненависть севера к югу, способствовала религиозной ссоре. Граф Раймонд Тулузский, который, похоже, был просто покладистым человеком, склонным скорее к религиозной свободе и свободе совести, чем к позитивной ереси, подвергся нападкам как чудовище порока. В конце концов, в 1208 году папа Иннокентий III уполномочил монахов-цистерцианцев проповедовать крестовый поход против альбигойцев: "Встаньте, воины Христовы! Истребите эту нечестивость всеми средствами, которые Бог может вам открыть. Протяните оружие и поразите еретиков, ведя с ними войну более жестокую, чем с сарацинами". Так гласили папские послания. Новый крестовый поход проповедовался по всей Франции, Германии и Италии, и множество крестоносцев, которым обещали большие индульгенции, чем тем, кто отправился в Святую землю, собрались, чтобы разрушить Прованс. Среди их предводителей были два трубадура-отступника - Изарн, оставивший нам свою версию падения Прованса, и Фольке, ныне епископ Тулузы, такой жестокий, такой горький, такой вероломный в деле Христа, что приятно слышать, как его называют трубадурским прозвищем "епископ дьяволов". Более ужасным, чем Фольке, потому что более искренним, был некто Доминго, каноник Осма, человек почти пуританского склада ума, известный в истории как основатель ордена *Fratres Predicadores*, доминиканских монахов-проповедников, и не менее известного учреждения - инквизиции. Полководцем, который действительно сломил хребет сопротивлению в Провансе, был Симон де Монфор. Осада и взятие Безье, где укрылось несколько человек, обвиненных в ереси, покажут, в каком духе велась вся война. Когда Безье был взят, солдаты спросили аббата Арнольда из Сито, который представлял церковь Милосердия: "Как нам отличить верующих от еретиков среди жителей города?". Священник ответил: *Caedite eos, novit enim Dominus qui sunt ejus*: "Убейте их всех, ибо Господь узнает своих". В таком духе альбигойская война продолжалась, с небольшими перерывами, более тридцати лет. Над землей трубадуров нависла угрожающая фигура инквизиции; и прекрасные женщины не меньше мужчин знали зловещий смысл "Вопроса" - инквизиции пыток, множества приспособлений изощренной жестокости, из которых лучше всего запомнились "дыба" и железный "сапог". Блестящая жизнь юга была потушена. Мы слышим жалобные причитания быстро исчезающих певцов:

"О, Тулуза и Прованс, земля Агена, Безье и Каркассона, какими я вас видел и какими вижу сейчас!".

В то время как провансальская литература погибала, литература Франции постепенно расцветала; то тут, то там мы встречаем имена *великих дам*, покровительниц литературы. Большинство из них - всего лишь имена, но мы узнаем, что графиня Мари де Шампань, дочь королевы Элеоноры, поощряла великого *трувера* Крестьяна де Труа. Она заставила его ввести в свои романы представления о любви и рыцарстве, которые культивировались при дворах любви, и дала ему тему для его романа о *Ланселоте*, или *Конте де ла Шаретт* (около 1170 года). Для Бланш де Наваррской был сделан прозаический перевод житий святых. Поэт по имени Менессье около 1220 года написал для графини Жанны де Фландр поэму о Персевале и его поисках Святого Грааля.

Кроме того, одна французская женщина этого периода заняла прочное место в литературе. О ее личности нам ничего не известно, и мы даже не знаем даты ее рождения и смерти. Собирая материал из валлийских и бретонских традиций и народных песен, она написала ряд *lais*, как она их называла. Это короткие стихотворения в строфе из восьми слогов, повествующие о какой-нибудь небольшой романтической истории или приключении. Их около двадцати, из которых пятнадцать, по крайней мере, приписываются Мари. Из другого ее произведения мы почерпнули несколько следующих фактов, по сути, все, что мы знаем о ней:

"В конце этого произведения, которое я перевела и исполнила на романском языке (французском), я расскажу вам кое-что о себе. Меня зовут Мари, и я родом из Франции. Может статься, что несколько клерков возьмут на себя право претендовать на мое произведение, и я не желаю, чтобы кто-нибудь сказал, что оно принадлежит ему: кто забывает себя, тот работает без толку. Ради любви к графу Вильгельму, самому доблестному человеку в этом королевстве, я взялся написать эту книгу и перевести ее с английского на романский. Тот, кто написал эту книгу или перевел ее, назвал ее "Йсопет". Он перевел ее с греческого на латынь. Король Генрих (в некоторых рукописях - Альфред), которому она очень понравилась, перевел ее на английский, а я перевел ее французскими стихами настолько точно, насколько смог. Теперь я молю Всемогущего Бога, чтобы мне были даны силы для такой работы, чтобы я мог отдать свою душу в Его руки, чтобы она отправилась прямо на Небеса. Скажите Аминь, все вы, чтобы Бог исполнил мою молитву".

Это завершение одной из басен в книге "*Йсопет*", которую мы перевели в свободном переводе, показывает нам, что Мари была французского происхождения, но, вероятно, какое-то время жила в Англии. Кем был граф Уильям? Мы вольны гадать, но, похоже, нет никаких шансов подтвердить эту догадку. Некоторые предполагают, что это был Уильям Длинный меч, предполагаемый сын Генриха II и Розамонды, а Генрих, король, который так любил книгу, мог быть Генрихом Боклерком. Но поскольку английская книга, с которой переводила Мари, утеряна, подтвердить эту версию не представляется возможным. Однако сейчас принято считать, что Мари жила и писала примерно в конце правления Генриха II.

Йсопет, или *Йсопе*, как его иногда пишут, - это не что иное, как имя нашего дорогого старого Йсопа, которого любит детство и которого фольклор превращает в миф. В старофранцузском языке этот термин стал общим для обозначения сборников басен по образцу басен Мари. Басни Мари не могут соперничать с баснями ее великого французского преемника Лафонтена, и все же человек всегда неосознанно сравнивает их с его баснями. Литературная ценность ее произведений невелика; пересказ слишком холоден и безличен; в нем слишком много апологии и нет той восхитительной индивидуальности, отражения собственного ума,

которую Лафонтену удастся наложить на свои творения; писательница не проявляет сочувствия к "маленьким людям" своих басен.

Повести, безусловно, более занимательны и демонстрируют значительную силу повествования, а также неосознанное понимание романтической красоты происшествий, многие из которых связаны с феями и чарами. Это истории о любви и приключениях, полные чудес. Здесь можно встретить короля Артура и Тристрама, а также множество рыцарей и дам, превращенных феями. Можно упомянуть патетическую *Lai de Frene*, историю, связанную со знаменитой историей *пациента Грисселя*; историю *Гингамора*, повествующую о рыцаре, который живет три дня в сказочной стране и, вернувшись, обнаруживает, что на земле прошло триста лет; историю оборотня Бисклаврета, которую мы можем привести в качестве примера этой очень интересной части старофранцузской литературы, интересной, по крайней мере, для тех, кто любит литературу в ее зачаточном состоянии.

"Когда я взялась за написание рассказов, - говорит Мари, - я не хотела забывать о Бисклавре. На бретонском языке его зовут Бисклаврет, а норманны называют его *гарвальфом* (оборотнем)". Мы достаточно часто слышали, - продолжает она, - о людях, которые становились оборотнями и жили в лесу. Оборотень - дикий зверь, и когда он в ярости, то пожирает людей и причиняет много вреда". После этого небольшого предисловия сказка переходит к рассказу о рыцаре из Бретани, учтивом, богатом, любимом всеми соседями. Однако его жену мучило беспричинное любопытство по поводу одной вещи, которой было вполне достаточно, чтобы вызвать любопытство любой жены. Дело было в том, что три дня из недели ее муж пропадал, и никто не знал, куда. В конце концов она спросила мужа, куда он отправился, и, несмотря на его нежелание рассказывать,

"tant le blandi e losenia

Que s'aventure li cunta".

То есть она уговаривала и уговаривала его, пока он не рассказал ей, что три дня в неделю он должен быть оборотнем; что, отправляясь в лес, он раздевался и тщательно прятал свою одежду, а затем превращался в волка. Он просил ее не раскрывать, где спрятана его одежда, потому что, если по истечении трех дней он вернется в волчьем облике и обнаружит, что она пропала, надежды не будет: он должен быть волком до конца своих дней. А жена, как обычно бывает в таких сказках, была злой женой, желающей избавиться от мужа-оборотня и выйти замуж за рыцаря, который давно был ее любовником:

"Un chevalier de la cuntrée,

Qui lungement l'aveit amée...

E mult dune en sun servise".

К нему она и отправляется, а виновная пара при первой же возможности крадет одежду бедного оборотня. Так Бисклаврет был предан своей женой, которая вышла замуж за того, кто давно ее любил. Оборотень осужден на дальнейшее существование в волчьем облике, но следует помнить, что в сказочных историях есть как заколдованные, так и заколдованные, и что справедливость, которая часто бывает *sui generis*, обычно воздается виновным. Великан, правда, пожирает людей и ужасно ведет себя в течение сезона, но за ним всегда готовится убийца-великан. Так и здесь, только "целый год" Бисклаврет остается превращенным; король отправляется на охоту в лес, и его гончие преследуют Бисклаврета,

пока бедняга не прибегает прямо к ногам короля, целует ему ноги и просит пощады в такой жалкой и почти человеческой немоте, что король приказывает его пощадить.

Взятый под королевскую защиту, Бисклаврет повсюду сопровождает двор, пока по случаю особого собрания баронов к нему не является человек, женившийся на его жене. Прямо на его горло прыгает человек-волк и разорвал бы его на куски на месте, если бы не вмешался король. Очевидная ненависть волка к этому человеку вызвала подозрения короля, и эти подозрения еще больше усилились, когда вскоре после этого волк проявил такую же яростную ненависть к своей бывшей жене, а теперь жене рыцаря, кусая ее и царапая ей лицо, несмотря на все, что можно было сделать. Тогда, по совету старого рыцаря, помнившего о таинственном исчезновении Бисклаврета и кое-что знавшего о бретонских легендах, король подверг лже-жену пыткам и заставил ее признаться в правде. Биславрет, запертый в комнате с одеждой, которую он носил как мужчина, снова превращается в человека и возвращается в свои владения. Неверная жена, сопровождаемая своим любовником, изгнана из дома, а в качестве возмездия несколько ее детей родились без носов, так как волк откусил ей нос. Как заключает Мари, торжествуя радуясь наказанию нечестивцев до третьего и четвертого поколения, "true, indeed, noseless were they born, and noseless did they live."

Этот пересказ произведения Мари, конечно, не может дать представления о его литературной ценности, но сама сказка послужит образцом того, что писала первая женщина во французской литературе. От нее же мы имеем перевод знаменитой легенды о *чистилище святого Патрика*, о том, как рыцарь отправился в нижние края и вернулся, чтобы предупредить мир о наказаниях, ожидающих нечестивцев. Мари - это только начало - и все же начало - того, что было написано на родном языке, которое должно было сделать знаменитыми не только мужчин, но и женщин Франции. В ее время, действительно, писать на родном языке было отличием, поскольку среди тех, кого мы называем литераторами, латынь считалась единственным подходящим средством для передачи их мудрости. Еще долгое время после ее дня латынь не давала французскому языку возможности стать родным, и пройдет еще два столетия, прежде чем мы встретим другую женщину, пишущую по-французски. И хотя великая Элоиза и ее письма, написанные незадолго до времени Мари, занимают свое место в литературе, это литература схоластической латыни, а не старофранцузского языка.

ГЛАВА IV

ЖЕНЩИНЫ В ЭПОХУ СВЯТОГО ЛУИ

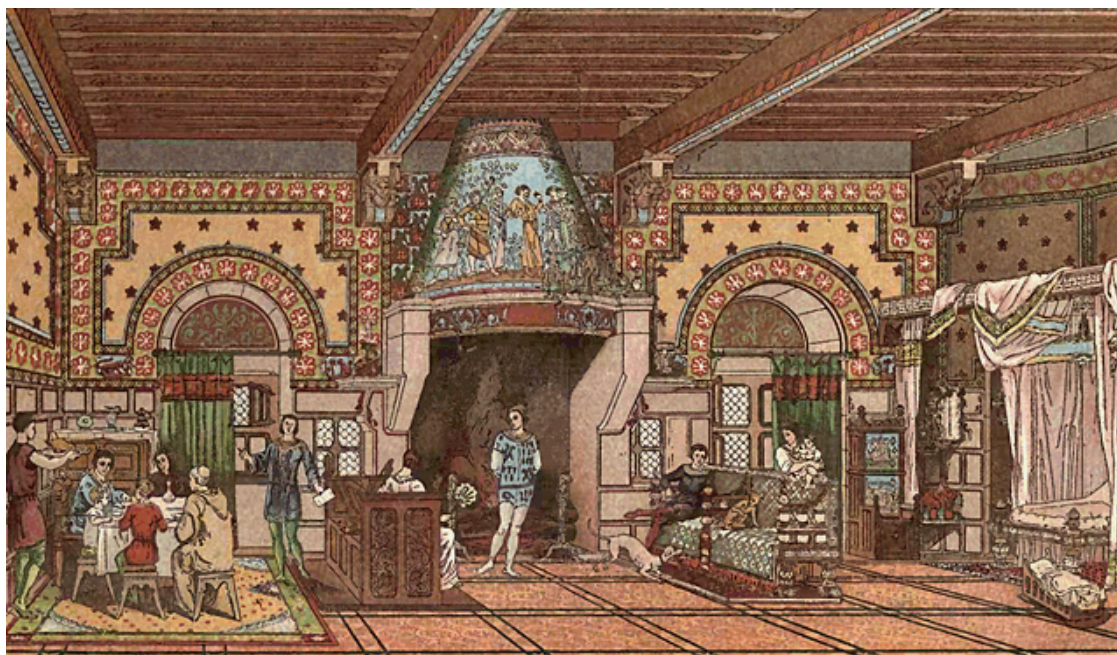
В то время как романтика сохранила множество воспоминаний, а история - не мало фактов об Элеоноре Гвиенской, сведения о двух других выдающихся женщинах, ее современницах, весьма скудны. Какими бы ни были ее недостатки, Элеонора была великой и властной личностью, которую нельзя было не заметить, потому что, хорошо это или плохо, она всегда была властной. Две несчастные королевы Филиппа Августа, Ингебург де Данемарк и Агнес де

Мерани, хотя и были невинными причинами многих бедствий во Франции, все же почти не известны нам как личности.

Первой королевой Филиппа Августа была Изабель де Ино; после ее смерти он добивался руки датской принцессы Ингебурги, сестры Кнута IV. Брак был заключен по политическим причинам: Филипп в то время вел пожизненную борьбу с властью Плантагенетов и хотел иметь союзника против Ричарда Кёр де Льва. В Амьене, в канун Успения 1193 года, Ингебургу выдали замуж за короля Франции; на следующий день архиепископ Реймский короновал ее как королеву Франции. Во время церемонии, рассказывает летописец из Экса, "король, глядя на принцессу, начал испытывать к ней ужас; он задрожал, побледнел, так сильно помутился духом, что с трудом сдерживал себя до конца церемонии". По какой-то непонятной причине прекрасная незнакомка, похоже, пробудила в нем непреодолимое отвращение, и с этого момента он начал придумывать, как от нее избавиться.

Ингебурге, по свидетельству тех, кто не имел особых причин благоволить к ней, но имел все основания оправдывать короля, была кроткого нрава, чувствительна, ласкова и наделена значительной красотой того типа, который обычно ассоциируется с датскими женщинами. Она была беззащитной чужестранкой, даже не знавшей французского языка, и во Франции нашлись немногие, кто мог бы выступить в ее защиту в последовавших за этим болезненных осложнениях. Неприязнь Филиппа ни в коем случае нельзя было объяснить; в Средние века то, что нельзя было объяснить, если оно имело злую природу, считалось делом рук дьявола или его наместников на земле, ведьм; поэтому сразу же стало известно, что король Франции околдован, хотя не совсем очевидно, что реальная сила чар обрушилась на него, а пострадала именно Ингебурж.

Филипп начал судебное разбирательство, чтобы добиться аннулирования брака, который, как он утверждал, никогда не был заключен. Ингебурж это отрицала, и мы склонны верить скорее ее словам, чем словам беспринципного короля, который, будучи успешным правителем, был не прочь прибегнуть к лжи, если ложь шла ему на пользу. Пара разошлась почти сразу, и Филипп попытался жестоким обращением заставить Ингебургу согласиться на законное расставание. Спустя три месяца, проведенных в полном несчастье, молодая королева с досадой узнала, что ее брак признан недействительным. Совет, принявший это решение, состоял исключительно из французских прелатов, а председательствовал на нем тот самый архиепископ Реймский, который произнес над парой брачное благословение. Ингебурж находилась в Компьене, где заседал совет, и присутствовала на заседании, на котором ее брак был аннулирован под легкомысленным предлогом родства, но не между Филиппом и Ингебурж, поскольку даже изобретательность средневековой генеалогии не смогла установить этого, а между покойной королевой Изабеллой и Ингебурж. Несчастливая датчанка не могла понять, что говорят эти священники на незнакомом языке страны, в которую она приехала, чтобы стать королевой; когда ей объяснили суть происходящего через переводчика, она в слезах воскликнула: *"Мужская Франция! Мужская Франция! Рим! Рим!"*

ДОМАШНИЙ ИНТЕРЬЕР ВО ФРАНЦИИ, ДВЕНАДЦАТЫЙ ВЕК

С акварели С. Барона, по описанию Виолле-ле-Дюка

Украшенный камин, расположенный между двумя окнами, был достаточно широк, чтобы вместить поленья длиной восемь или десять футов. Две большие скамьи стояли под прямым углом, одна с подвижной спинкой, другая - двухместная. Стол был прикреплен к полу, кресло хозяина было приподнято, остальные обедающие сидели на табуретах. Скатерть использовалась для вытирания пальцев и губ. Буфет с чашками и кубками на вершине использовался, как и в наши дни. Как правило, кровати были узкими и отличались большой роскошью: дерево было украшено резьбой, инкрустацией или росписью; покрывала украшались бахромой и вышивкой; занавески образовывали альков, а у изножья висела ночная лампа. В комнате находился ораторий.

В задней части находилась кухня и т.д., а на верхних этажах - спальни и другие покои.

Она действительно обратилась из "нечестивой Франции" в Рим, и это обращение не осталось без конечного положительного эффекта. Тем временем она отказалась нанести ущерб своему делу, вернувшись в Данию, и бессердечный Филипп заточил ее, почти как преступницу, в монастырь в Сисуане, в Турнуа; у него даже не хватило ни порядочности, ни гуманности, чтобы удовлетворить ее реальные потребности.

На апелляции в Рим настаивал брат Ингебурги, Кнут IV, и папа, Целестин III, 13 марта 1196 года удовлетворил апелляцию, отменив постановление Компьенского собора. Папская власть была тогда в очень слабых руках, и именно страх оскорбить великого короля Франции стал причиной долгой задержки в восстановлении справедливости по отношению к Ингебургу. То, что для умирения Филиппа потребуется нечто большее, чем простой папский указ, стало очевидно, когда в июне 1196 года он женился на Агнес де Мерани, прекрасной дочери немецкого принца, который под титулом герцога Мерани управлял Тиролем, Истрией и частью Богемии. Папские угрозы не удержали короля от этого дерзкого акта неповиновения, и папа Целестин не предпринял никаких попыток принудить его к более жестким мерам. Ингебурж продолжала жить в заточении, а Филипп наслаждался любовью

своей новой жены, на которую никто не мог возложить вину за развратное поведение ее мужа.

В январе 1198 года папу Целестина сменил Иннокентий III, один из величайших людей, занимавших кафедру Святого Петра. Он обладал несгибаемым характером, и никакие соображения политики или гуманности не могли отвратить его от того, что он считал своим долгом; а долг его был таков, и он имел право, согласно его идее, господствовать над миром и его королями. Когда друзья Ингебурги обратили его внимание на ее дело, папа Иннокентий писал Филиппу Августу, "старшему сыну Церкви", письмо за письмом, призывая его вернуться на путь долга и отказаться от своей "наложницы", Агнессы де Мерани. Он призвал духовного наставника Филиппа образумить его благочестивыми увещаниями. В противном случае он послал кардинала Пьера из Капуи в качестве специального легата с предписанием предъявить королю ультиматум церкви: либо он должен немедленно и со всеми почестями принять Ингебургу обратно как свою законную супругу, либо все королевство будет подвергнуто интердикту. Легат тщетно умолял и угрожал; после года изнурительных уклонений король все еще не покорился. Наконец легат созвал совет и объявил интердикт, а все прелаты получили строгий приказ соблюдать его под страхом отстранения от должности. С декабря 1199 года по сентябрь 1200 года Франция находилась под общим интердиктом.

В случае с Бертой и Робертом церковные порицания коснулись только виновной пары; в случае с Бертрадой и Филиппом I пострадали только места, в которых они жили. Но теперь церковь стала сильнее; теперь из-за непокорного короля должно было пострадать все королевство. Повсюду прекратились религиозные службы, ибо духовенство то ли сочувствовало, то ли боялось энергичного государственного деятеля, занимавшего папскую кафедру. Церкви были закрыты, алтари разобраны, кресты перевернуты, колокола молчали, как в торжественные дни в память о Страстях Христовых. Привычные религиозные упражнения прекратились, но это была лишь малая часть ужаса, поскольку больше не совершалось никаких таинств, кроме крайнего елеосвящения и крещения младенцев. Не было браков: когда король пожелал женить своего сына на юной Бланш де Кастиль, он был вынужден отправиться в Нормандию, на английскую территорию, чтобы совершить церемонию. Не было больше похорон, поскольку Папа запретил хоронить людей как в освященной, так и в неосвященной земле: воздух был наполнен язвенным зловонием от непогребенных трупов. Народ возвысил голос в гневе против своего нечестивого короля; именно он обрушил на землю все это горе. Филипп и Агнесса жили дальше, она была счастлива в любви своего короля, а в ее детях, Филиппе и Марии, он упрямо сопротивлялся. Он лишал епископов их кафедр и конфисковывал их имущество; он наказывал даже мирян за то, что те осмеливались встать на сторону папы. Но в конце концов ему пришлось уступить, так как его народ больше не мог терпеть.

Ингебургу взяли в жены и королевы, наконец-то освободив из замка Этамп, где она была заточена. Но король, глубоко влюбленный в Агнессу, заявил, что это признание Ингебурги лишь временное, поскольку он намерен вновь обратиться в Рим за аннулированием брака. Прекрасная Агнесса, ставшая жертвой этих печальных обстоятельств, недолго пережила разлуку с Филиппом, чью страстную любовь она вернула. Через несколько недель она умерла в Пуасси, родив недолговечного сына Тристана, залог горестей его матери. До этого она подарила Филиппу двоих детей, и, хотя ее союз с королем был клеймен церковью как безнравственный, в ноябре 1201 года папа признал законность их потомства. Именно ее сын Филипп, по фамилии Гюрепель, стал графом де Булонь и не играл никакой приятной роли при Бланш де Кастиль.

Смерть Агнес де Мерани не способствовала смягчению чувств Филиппа к Ингебургу. Ее снова заключили в тюрьму и подвергли всем возможным унижениям, которые только можно было придумать, не считая того, чтобы снова вызвать гнев папы Иннокентия. В течение одиннадцати лет с ней обращались подобным образом, постоянно умоляя и угрожая принять постриг, в то время как Филипп продолжал добиваться аннулирования брака. Однако в 1212 году Филиппу понадобилась дружба Рима. Ингебургу снова забрали из ее тюрьмы в Этампе и приняли при дворе: победа папы была полной, если судить по букве закона. Между королевской парой никогда не было и не могло быть любви, ибо между ними стоял печальный призрак Агнессы де Мерани, чтобы возбуждать ревность Ингебурги и новую неприязнь Филиппа.

Ингебурге никогда не могла быть счастлива с Филиппом, хотя в последние годы своей жизни он относился к ней более внимательно и справедливо. Когда в 1223 году умер ее муж и на престол взошел его сын Людовик VIII, Ингебургия была ближе к миру, чем когда-либо с тех пор, как покинула свою родину. Отныне мы почти ничего не слышим о ней; вдовствующая королева не играла никакой роли, особенно иностранка, связанная с самыми печальными для Франции событиями. Мы находим ее имя в числе знатных лиц в торжественной процессии, которая 2 августа 1224 года отправилась из собора Нотр-Дам в аббатство Сент-Антуан, чтобы просить у Господа Воинств победы для оружия Людовика VIII в Рошели. То и дело ее имя встречается в счетах королевского дома, пока эта рачительная хозяйка, Бланш де Кастиль, управляет Францией. Ее называют "Орлеанской королевой", потому что она жила в Орлеане, части владений, отведенных ей как вдовствующей королеве. Здесь она спокойно и, будем надеяться, небезбедно прожила до своей смерти в 1237 году. Она жила посреди великих событий, в которых не могла принимать никакого участия; и только ее горести сохранили для нас этот фрагмент ее истории.

Прежде чем приступить к истории величайшей королевы, которую еще видела Франция, Бланш де Кастиль, стоит отметить некоторые изменения в социальных условиях с эпохи первых Капетингов. К счастью, все эти изменения были в сторону улучшения; ведь цивилизация Франции и всей Европы в одиннадцатом и двенадцатом веках шагала вперед, а прогресс в цивилизации подразумевает улучшение положения женщин. Историки обычно рассматривают этот вопрос с точки зрения мужчины; мы же должны стремиться рассматривать социальные условия и их причины скорее с точки зрения женщины.

Если на мгновение взглянуть на историю Франции, то достаточно легко выделить определенные причины или движущие силы в развитии цивилизации. Поскольку на это обычно не обращают внимания, мы назовем прежде всего влияние контакта с тем самым обществом Прованса, которое Франция всеми силами стремилась довести до полного разорения. Несомненно, *труверы* северной Франции были обязаны чем-то в своем искусстве *трубадурам* южной Франции, даже если первые были не просто подражателями. Нет необходимости подробно останавливаться на смягчающем эффекте музыкального и литературного искусства, исповедуемого этими поэтами, но можно отметить, что в большинстве случаев *труверы* пели именно для дам Франции, и это превращение барда, воспевающего славу своего вождя, в менестреля, по-прежнему поющего о битвах, но также и о прекрасных дамах и для ушей прекрасных дам, является фактом, не лишенным значения. Женщина перестала быть игрушкой воина; теперь это не Ауде, едва упомянутая в "*Шансоне Роланда*", а Николетта, самая прекрасная, самая милая из средневековых героинь ромansa, которая в этой истории представляет больший интерес, чем Аукассин. И эта маленькая *chantefable*, как ее метко называют, об *Аукассене и Николетте*, настолько почти

провансальская, что Прованс претендует на нее; она лежит на границе между манерой трубадуров и *труверов*. Женщина здесь явно героиня, больше не просто фольга для героя; и эта милая сказка явно рассчитана на дамскую аудиторию, равно как и на рыцарей.

Мы говорили об этом провансальском влиянии и пытались проиллюстрировать метод его воздействия через менестреля в дамской беседке, но мы не хотели бы делать на нем слишком большой акцент, потому что он может быть не совсем отличным от еще более значительного и родственного влияния. Когда отряды Петра Отшельника, обезумевшие от религиозного фанатизма, подобного которому мир видит лишь изредка, возвращались из своего крестового похода, можно было подумать, что они не принесли с собой ничего, кроме памяти о своих страданиях или драгоценной памяти о тех святых местах, ради которых они проделали столь долгий путь и перенесли столько испытаний. Но их крестовый поход увенчался успехом, они отвоевали святые места у неверных, и после достижения успеха у них было время посмотреть на новую цивилизацию, с которой они столкнулись. Возвращаясь домой, они приносят с собой восторженные воспоминания о славе Востока, и вскоре дух приключений почти незаметно сменяется религиозным чувством, и крестовый поход следует за крестовым походом, пока мы не находим такой, который даже не претендует на поход в Палестину, а посвящает себя завоеванию Константинополя, полного богатств и роскоши, о которых не мечтали во Франции. Когда Джеффри Виллехардуэн дает восторженное описание великолепия Константинополя, мы видим, что здесь уже оценили то, что первые крестоносцы презрели бы или безжалостно уничтожили. Влияние крестовых походов на внедрение более высоких стандартов домашнего комфорта, большей роскоши, большей утонченности, было слишком часто описано, чтобы продолжать его здесь.

Крестовые походы помогли делу женщины и цивилизации еще одним образом. В то время как воинственные бароны находили выход своим излишкам боевой крови, поражая неверных и грабя греков, дома царил мир, поскольку прекратились частные войны и междоусобицы. Кроме того, баронам нужны были деньги, чтобы продолжить свое пребывание в армии Христа; и мы слышали, что во время пышных приготовлений к крестовому походу, в котором участвовала Элеонора, дворяне Франции торговались друг с другом, пока не были почти разорены. Чтобы получить эти деньги, они продавали свободу своим рабам, иммунитет от досадных феодальных прав своим крепостным, привилегии и хартии своим бюргерствам. Пока они сами тратили деньги и приобретали дорогие вкусы и утонченные идеи в общении с греками и сарацинами, их подданные обретали все большую свободу, а их король, если он был мудрым, укреплял свое королевство и подпоясывал чресла для более эффективного сопротивления их буйствам. Сила монархии росла по мере того, как уменьшалась власть независимого баронства, а сила монархии означала большее спокойствие, большее уважение к закону и благоприятные условия для развития торговли.

Нравы по-прежнему оставались грубыми и жестокими, ведь крестовые походы не укротили свирепость европейских героев. Мы слышали, что, когда Саладин отказался платить огромный выкуп за город Акко, Ричард Кур де Лев предал смерти две тысячи шестьсот пленников, которых держал в качестве заложников, а герцог Бургундский поступил так же со своими пленниками. Но во Франции становилось все меньше возможностей для проявления беспричинной жестокости по отношению к низшим слоям общества. Сеньор все еще верил в истинность старой пословицы:

"Oignez vilain, il vous poindra;

Poignez vilain, il vous oindra."

(Ударь злодея, и он тебя ужалит; ужаль злодея, и он тебя ударит); но число крепостных постоянно уменьшалось. Великое общинное движение освободило городских буржуа; целые деревни выкупали свою свободу; монархия выступала в поддержку права собственности и подавала пример, освобождая крепостных то тут, то там, пока в 1315 году все крепостные королевского домена не были освобождены, и была провозглашена великая доктрина: *Selon le droit de nature, chacun doit naitre franc* - "согласно закону природы, каждый должен родиться свободным".

Общее улучшение условий жизни более заметно отразилось на буржуазном классе. В XII и XIII веках мы видим, что представители этого сословия начинают строить большие, прочные дома из камня, с оживальными окнами, а иногда и с высокими башнями и кренделями. Как класс они становятся богаче и добиваются признания. Когда Филипп Август задумал вымостить некоторые улицы Парижа - они были просто грязными - он послал за богатыми горожанами, чтобы попросить их о помощи. Один из них, Ришар де Пуасси, по слухам, пожертвовал одиннадцать тысяч марок серебром. После этого гильдии торговцев становятся богатыми и обладают значительной политической властью. Именно в царствование Людовика Святого торговые гильдии Парижа становятся настолько многочисленными, что Этьен Буало составляет книгу "*Livre des métiers*", содержащую уставы большинства из них.

В одежде всех сословий, кроме бедных, наблюдалась тенденция к большей демонстративности, которая тщетно подавлялась в течение части XIII века, но продолжала усиливаться даже в условиях репрессий. Стандартный костюм в течение всего периода крестовых походов был действительно простым и очень похожим как для мужчин, так и для женщин. На голове обычные женщины носили только что-то вроде койфа, или чепца, прикрепленного к длинной мантии или платью, хотя было несколько модных дам, которые скандалили с обществом, нося высокие остроконечные чепцы, иногда конусообразные, иногда с двумя рогами, с вуалью, свисающей с кончика и образующей что-то вроде вимпла. Главным предметом одежды обоих полов было одеяние под названием *cotte-hardie*, состоящее из длинного халата, доходящего до ног и стянутого на талии поясом. Рукава *cotte-hardie* у трезвомыслящих дам были довольно узкими и простыми; мода заставляла их делать абсурдно большими, расширяясь у запястья во много раз по сравнению с верхней частью, а иногда настолько длинными, что они не только закрывали всю руку, но и стелились по земле. Поверх *cotte-hardie* надевали *surcot*, своего рода тунику, более короткую, чем нижняя одежда, и либо без рукавов, либо с рукавами до локтя. В торжественных случаях надевали красивую мантию, но обычно ее носили только знатные дамы. Обувь обычно была простой, шнуровалась выше по ноге, чем то, что мы сейчас называем туфлями; иногда, однако, ее делали из кожи ярких цветов, богато расшитой, или даже из ткани с золотом, дамаска и тому подобного. Дни высоких каблуков еще не наступили, и женская обувь, кажется, никогда не была столь возмутительной, как те длинные остроносые туфли, которые носили денди XIV и XV веков.

Именно на другом конце костюма, в головном уборе, женщины проявляли свою экстравагантность. Судя по изображениям в манускриптах и негодованиям сатириков, головные уборы были сделаны ужасно и великолепно. Из скромного чепца вырастали рога ужасающей формы и размеров. "Когда дамы приходят на праздники, - пишет сатирик XIII века, - они смотрят друг другу на головы и носят *головные уборы*, как рогатые звери; если кто-то из них не имеет рогов, он становится объектом насмешек". Не удовлетворившись тем, что предала человека своим флиртом с Люцифером в Эдеме, Ева теперь должна носить на голове начертание зверя. Ни один текст не служил основой для проповедей с большей частотой и большим восторгом, чем тот, что нападает на дамские рога. Один проповедник

советовал своим слушателям кричать: *Hurte, bélier!* - "Берегись барана!", когда приближается одно из этих рогатых чудовищ, и обещал десять дней отпущения грехов тем, кто это сделает. "По вере, которой я обязан святому Матурину, - восклицает монах-сатирик, - они делают себе рога из пеньки или льна и таким образом подделываются под бессловесных зверей; они носят на голове огромные массы чужих волос". Автор "*Романса о розе*" с большой долей благоговения описывает горжет, или шейный платок, свисающий с рогов и два или три раза закрученный вокруг шеи. По его словам, эти рога, очевидно, предназначены для того, чтобы ранить мужчин. "Я не знаю, называют ли они те штуки, которые поддерживают их рога, гиббетами или карнизамми... но я осмелюсь сказать, что святая Елизавета не попала на небеса, нося такие вещи. Более того, они очень мешают (из-за свалывшихся волос и т.д.), потому что между уключиной, виском и рогами вполне достаточно места для крысы или самой большой ласки между этим местом и Аррасом".

Однако ни насмешки, ни угрозы вечного проклятия не произвели на дочерей Евы никакого впечатления, и рога продолжали украшать их прекрасные головы. Остальные части костюма, как мы уже говорили, обычно были просты. Халат, или *котт-харди*, и *сюртук* обычно были из однотонной ткани; но по мере роста богатства все чаще использовались дорогие материалы, и на различных частях платья появились шелк, золотая ткань и бархат, а также множество драгоценных камней. Небольшой отрывок из описания костюма королевы в романе Филиппа де Бомануара "*Манекин*" может послужить примером того, на что способно воображение, ведь, разумеется, наряды героинь романов всегда на несколько степеней элегантнее тех, к которым привыкли честные читатели.

"Королева встала рано утром, хорошо одетая и богато украшенная. (Ее наряд) был расшит толстой золотой нитью, с двумя большими рубинами на каждый палец: каким бы темным ни было небо, при свете этих драгоценностей все было ясно видно. Свое прекрасное тело она облекла в одеяние из золотой ткани, подбитое мехом. Так прекрасна была ткань ее пояса, что я не могу описать ее. На нем было много маленьких золотых пластин, соединенных изумрудами прекрасными и дорогими, а в застежке был один сапфир, стоивший целых сто марок серебром. На груди она носила золотую брошь, украшенную множеством драгоценных камней. На плечи и шею она накинула мантию из золотой ткани, прекраснее которой никто не видел. Ее меха были не обычными, изъеденными молью вещами, а соболями, которые придают людям красоту. На поясе она носила кошелек, изящнее которого нет во всем мире. На голове ее покоилась корона, подобной которой не найти, ибо все смотрели на нее, удивляясь и восхищаясь прекрасными камнями в ней, камнями многих достоинств: изумрудами, сапфирами, рубинами, жасинтами... никогда не видели более прекрасной".

Хотя количество драгоценностей, вероятно, преувеличено, основные черты костюма соответствуют тому, что хотела бы носить модная дама в 1250 году. Мантия, считавшаяся подходящей для торжественных случаев, была сильно украшена. В "*Романе де ла Виолетт*" (около 1225 года) мы находим такое описание женской мантии: "На ней была мантия, зеленее листьев и отделанная горностаем. На ней были вышиты маленькие золотые цветочки, искусно выполненные; к каждому из них был прикреплен маленький колокольчик, спрятанный так, чтобы быть невидимым. Когда ветер дул на мантию, колокольчики сладко звенели. Даю вам слово, что ни арфа, ни рота, ни виуэла никогда не издавали столь сладостного звука, как эти серебряные колокольчики".

Конечно, не все дамы были так роскошно одеты, и даже среди знатных дам изысканность манер не всегда соответствовала элегантности наряда. Чтобы получить некоторое представление о том, что делала прекрасная дама, мы можем посмотреть на некоторые

вещи, от которых ее предостерегают в своеобразной книге по воспитанию тринадцатого века - "*Наставление дамам*" Роберта де Блуа.

"Эта маленькая книга предостерегает

Дамы, которых не исправляют;

por ce vueil je cortoisement

объясняю дамам, как

eles se doivent contenir,

en lor aler, en lor venir,

en lor tesir, en lor parler."

(Дамы мало что подумают об этой книге, если она не улучшит их; поэтому я вежливо научу дам, как они должны себя вести, уходя, приходя, молча и разговаривая). Последний пункт, замечает он, требует большой осторожности. "Не говорите слишком много, - продолжает он, - особенно не хвастайтесь своими любовными похождениями; и не будьте слишком свободны в поведении с мужчинами во время игр, чтобы не побудить их к вольностям с вами. Когда вы идете в церковь, старайтесь не бежать рысью, а идти прямо и не опережать компанию, в которой вы находитесь. Не позволяйте своему взгляду блуждать туда-сюда, а смотрите прямо перед собой; вежливо приветствуйте каждого встречного, ибо вежливость стоит немногого. Никому не позволяйте класть руку вам на грудь, прикасаться к вам или целовать вас, ибо такая фамильярность опасна и неприлична, за исключением единственного мужчины, которого вы любите. Об этом возлюбленном также не следует много говорить, не следует часто смотреть на мужчин и принимать от них подарки. Остерегайтесь обнажать свое тело из тщеславия и не раздевайтесь в присутствии мужчин. Не спорьте, не ругайтесь и не сквернословьте. Прежде всего воздержитесь от жадной еды за столом и от пьянства, ибо последнее чревато для вас опасностью. Если только ваше лицо не уродливо или не обезображено, не закрывайте его в присутствии джентльменов, которые любят смотреть на красивых". Можно догадаться, что это правило неукоснительно соблюдалось; последующие касаются еще более деликатных вопросов. "Если у вас дурной запах изо рта, старайтесь не дышать людям в лицо, а на завтрак ешьте анис, фенхель и кумин. Держите руки в чистоте, подстригайте ногти, чтобы они не росли дальше кончика пальца и не задерживали грязь. Невежливо заглядывать в дом, когда вы проходите мимо, потому что люди могут делать в своих домах много такого, чего бы они не видели; поэтому было бы хорошо, когда вы входите в чужой дом, остановиться на мгновение на подоконнике и покашлять или громко поговорить, чтобы они могли знать, что вы идете".

Прежде чем мы приведем рекомендации Робера де Блуа по поводу манер поведения за столом, стоит сказать несколько слов о столе. Среди простых людей стол представлял собой грубую доску на подставках, по бокам которой стояли скамьи или табуреты, а также места, отведенные для порций еды, предназначенных для каждого человека. Однако среди более обеспеченных слоев населения стол был более декоративным предметом мебели. Скамьи или табуреты все еще оставались, но все остальное было более цивилизованным. Еда, состоящая из овощей, жареной птицы, вареного мяса и рыбы, подавалась на больших глиняных блюдах. Вилки не было, но свободно использовались ложки и пальцы, а также ножи, причем каждый гость часто пользовался собственным ножом или кинжалом. Поскольку гостям приходилось угощаться, часто пальцами, с общих тарелок, церемония, предшествовавшая каждой трапезе, имела определенный смысл: это было омовение рук,

для чего трубач подавал сигнал. Каждый джентльмен имел право *"faire corner l'eau"*, как это называлось, то есть попросить своего трубача подать сигнал к омовению рук. Когда звучал этот призыв, пажи заведения подносили фужеры дамам, а слуги с меньшим достатком делали то же самое для джентльменов. После этого для вытирания рук выдавались салфетки, но время обычных столовых салфеток еще не пришло; вместо этого каждый вытирал руки или рот о скатерть, а нож - о кусок хлеба. Компания сидела за столом парами, джентльмен и леди вместе. Это значит больше, чем может показаться на первый взгляд, ведь нужно помнить, что на каждую пару обычно приходился один кубок для питья и что ели они из общей тарелки. Тарелка, как мы осмелились ее назвать, обычно представляла собой большой кусок хлеба, плоский и круглый, который служил для хранения еды и выпитывания соуса. В конце трапезы этот хлеб, называемый *pain tranchoir*, вместе с остальными объедками со стола отдавали бедным. Внимательная хозяйка должна была правильно подбирать пары, ведь даме или кавалеру наверняка было очень неловко есть из *одной* тарелки и пить из одного кубка с тем, кто им лично неприятен. В романе *"Персефорест"* мы находим описание пира, на котором присутствовало восемьсот рыцарей, "и не было ни одного, у кого не было бы дамы или девицы, чтобы есть из его кубка". На столе было большое изобилие, если не большая деликатность; мы довольствуемся тем, что повторяем слова Филиппа де Бомануара: "Если бы я взялся описывать блюда, которые они ели, я бы остановился здесь навсегда..... Каждый ел столько, сколько хотел, и все, что хотел: мясо, птицу, оленину или рыбу, приготовленную в разных стилях".

ОХОТА НА ЖЕНЩИН

По картине Анри Жене

Иногда после слишком свободного употребления вина возникали потасовки: в одном из романов рассказывается, что "можно было увидеть, как они бросаются друг в друга сырами, большими четвертинками хлеба, кусками

мяса и острыми стальными ножами". Но иногда дамы уходили в сады и играли в игры - слепца, лягушку в середине и тому подобное - или пели под арфу, или шили. Действительно, много времени проводилось вне дома, причем не только в более мягких видах спорта, таких как охота, в которых участвовали дамы, но и в повседневной рутине. В романах многие сцены веселья и любовных утех происходят под деревьями; да и дамы не всегда бездельничают, ведь мы видим их пряДУщими, вышиваЮщими или, по крайней мере, создаЮщими цветочные гирлянды.

При таком сервированном столе можно понять, что некоторые предостережения Роберта де Блуа в адрес дам были бы весьма полезны. "Во время еды вы должны избегать смеха и разговоров. Если вы едите с другим (из того же *éscuelle*), поверните самые приятные кусочки к нему, и не выбирайте для себя самые лучшие и большие, что не является хорошими манерами. Кроме того, никто не должен пытаться съесть слишком большой или горячий кусок, опасаясь подавиться или обжечься. Каждый раз, когда вы пьете, хорошо вытирайте рот, чтобы в вино не попал жир, который очень неприятен тому, кто пьет после вас. Но когда вытираете рот после питья, не вытирайте скатертью глаза или нос, и следите за тем, чтобы не перемазать руки и не пролить слишком много вина изо рта". По-настоящему воспитанная леди должна быть похожа на настоятельница монастыря Чосера:

"На мете она хорошо училась calle;

Она не позволяла проглотить ни кусочка с губ наемника,

Ни пальцев в соусе депе.

Wel coude she carie a morsel, and wel kepe,

Чтоб ни капли не упало на грудь.

In curtesie was sette ful moche hire lest.

Прокат по липу вытерла она так крепко,

Что в наемном купе не было ни капли.

Из греза, когда она дронкен выпил.

Ful semely after hire mete she raught".

Можно подумать, что старина Дэн Чосер, первый юморист современности, копировал и лукаво подшучивал над нашим другом Робером де Блуа и его прекрасной дамой.

"Quant mengie eurent, si laverent.

Li menestrel dont en alerent

Cascuns à son mestier servir."

(Когда они поели, они вымыли руки; затем менестрели начали, каждый делал то, что умел делать лучше всего). Столы убирались, гости, не исключая и дам, смотрели на трюки жонглеров и кувыркателей, слушали менестрелей или рассказывали сказки, почти все из которых были ужасно грубыми. Иногда после слишком свободного употребления вина возникали потасовки, и, как говорится в одном из романов, "можно было видеть, как они бросают друг в друга сыры, большие четвертинки хлеба, куски мяса и острые стальные

ножи". Но иногда дамы уходили в сады и играли в игры - слепца, лягушку в середине и тому подобное - или пели под арфу, или шили. Действительно, много времени проводилось вне дома, причем не только в более мягких видах спорта, таких как охота, в которых участвовали дамы, но и в повседневной рутине. В романах многие сцены веселья и любовных утех происходят под деревьями; дамы тоже не всегда бездельничают, ведь мы видим их пряжущими, вышивающими или, по крайней мере, создающими цветочные гирлянды. В "*Романе де ла Виолетт*" мы видим симпатичную картину, изображающую дочь мещанина, "которая сидела в покоях своего отца, тщательно и искусно работая над шелковым плащом и амисом, вышивая на своей работе множество маленьких крестиков и звездочек и напевая при этом эту прядильную песню (*chanson à toile*)".

Вместе со всей этой романтикой и поэзией пришла свобода общения между полами, которая нередко приводила к серьезной безнравственности. Дамы не только играли в довольно грубые игры и слушали пошлые истории с мужчинами, но и принимали мужчин в своих постельных покоях, *тет-а-тет*. Что еще более удивительно, дамы иногда посещали мужчин таким образом, не считая это серьезным нарушением этикета, как можно увидеть в модном романе "*Жан де Даммартин и блондинка из Оксфорда*". Дамы, когда они действительно влюблялись, не пытались скрыть страсть из чувства стыда или деликатности; более того, они обычно были очень откровенны и иногда становились пылкими женихами, проявляя меньше сдержанности в словах и поступках, чем рыцарский рыцарь в подобных обстоятельствах. Действительно, рыцарь должен был быть настоящим Иосифом, чтобы противостоять искушению, если в реальной жизни было много сцен, подобных той, что описана, например, в романе *Amis et Amiles*, где доброго рыцаря преследует демазель, которая настойчиво требует его любви.

Часы женского дня регулировались, надо полагать, по пословице, которая гласит:

"Lever à cinq, diner à neuf,

Souper à cinq, coucher à neuf,

Fait vivre d'ans nonante et neuf."

(Вставать в пять, обедать в девять, ужинать в пять, спать в девять - это позволяет прожить до девяносто девяти лет). Иногда вместо того, чтобы вставать в пять и ужинать в девять, встают в шесть и ужинают в десять, ужинают в шесть и ложатся спать в десять; но в этом случае нам не обещают девяносто девять лет жизни. Ужин между девятью и десятью, а также другие приемы пищи в соответствующие часы, похоже, были правилом во Франции вплоть до XVI века. Завтрак был очень неопределенным приемом пищи (представьте себе завтрак перед девятичасовым ужином!), но ужин был почти таким же изысканным, как и обед. Поскольку свечи и лампы были очень дорогими и считались почти роскошью, то в ранних часах для приема пищи была своя причина. По той же причине летом, когда не было костров, чтобы обеспечить свет, большинство людей ложились спать, как только темнело. Во французской книге для домохозяек XIV века хозяйке дома предписывается следить за тем, чтобы свечи не пропадали зря. Она должна обойти дом и убедиться, что все огни потушены, а дом закрыт, и что слуги уже в постели. Последние должны поставить разрешенную им свечу на пол, на безопасном расстоянии от кровати, а госпожа должна позаботиться о том, чтобы "научить их гасить свечу ртом или рукой, прежде чем ложиться в постель, а не накидывать на нее сорочку" - слуги, госпожа и все остальные, как известно, спали голыми.

Тот образ жизни, который мы описывали, мытье рук, обильная еда, вино, развлечения, богатые наряды - все это вещи, принадлежащие госпоже. Женщина из бедных слоев

общества, рабочая женщина, не имела таких удобств; ей повезло, если у нее было достаточно грубой пищи и грубой одежды для себя и детей. Средневековые моралисты отмечали неравенство классов, и один из них сравнивает питание богатых, о котором мы уже упоминали, с питанием бедняков: "Не было среди них ни одного, великого или малого, кто не ел бы с большим аппетитом сухой (черный) хлеб, чеснок и соль; не ели они и ничего другого, ни баранины, ни говядины, ни кусочка гуся или молодой весенней курицы. А после еды они брались обеими руками за таз и пили воду". Попытавшись дать некоторое представление о жизни дамы того времени, мы можем теперь обратиться к жизни Бланш де Кастиль, первой дамы Франции во второй четверти XIII века. Впервые перед нами предстает женщина, чья история будет включать в себя большую часть истории Франции ее периода. Как говорит поздний биограф Эли Берже в *книге Histoire de Blanche de Castille*: "Ее жизнь на протяжении значительной части тринадцатого века - это жизнь самой Франции, той Франции, которой она дала мир; ее история - это история власти трона, монархии, вне которой тогда не было ни Франции, ни *родины*".

ГЛАВА V

БЛАНШ ДЕ КАСТИЛЬ КАК РЕГЕНТША ФРАНЦИИ

В предыдущей главе мы видели, как старая королева Элеонора была отправлена в Испанию, чтобы привезти свою внучку, Бланш де Кастиль, в качестве невесты для Людовика Французского, и как Элеонора заболела в пути и передала свои полномочия Эли де Мальморму, архиепископу Бордо. Ребенку, которого Элеонора везла в жертву миру между Иоанном и Филиппом Августом, тогда было немногим более двенадцати лет. Бланш родилась в начале 1188 года в Паленсии. Ее отцом, хорошим человеком и храбрым воином, был Альфонсо VIII, прозванный Благородным, король Кастилии; а матерью - Элеонора Английская, дочь Генриха II и Элеоноры Гиенской. К счастью, эта последняя дама, похоже, не унаследовала ни одной из плохих черт своей матери и тезки; по крайней мере, современные источники называют ее "целомудренной, благородной и доброй". Семья молодой принцессы Бланш была многочисленной и имела известные связи. Нам нет нужды упоминать о прямых связях Плантагенетов, которые и так хорошо известны, но со стороны отца мы можем упомянуть ее старшую сестру Беренжер, которая, будучи замужем за своим кузеном, королем Леона, была вынуждена расстаться с ним, несмотря на их любовь, несмотря на их детей, несмотря на важные государственные причины. Королева Беренгера, судя по всему, была по характеру очень похожа на свою сестру, и между ними была большая любовь. Другая сестра, на год старше Бланш, вышла замуж за Альфонса Португальского, братом которого был тот самый граф Ферран де Фландр, побежденный Филиппом Августом при Бувине и находившийся в плену много лет. Об этой сестре рассказывают любопытную историю.

Оказывается, в переговорах между Иоанном и Филиппом Августом не было указано имя принцессы Кастильской, которая должна была стать женой принца Людовика. У короля Кастилии было две незамужние дочери, Урраке и Бланш. Когда прибыли послы Франции в сопровождении королевы Элеоноры, перед ними предстали обе принцессы. Они выбрали

Урраку, как старшую и более красивую; но, услышав ее имя, они заявили, что так не пойдет, что его слишком трудно выучить произносить жителям Франции, и выбор пал на Бланш.

После того как ее отвезли в Нормандию, где находился двор ее дяди, Иоанна, маленькую принцессу сразу же выдали замуж. Договор, за ратификацию и соблюдение которого она была своего рода залогом, был подписан 22 мая 1200 года. Иоанн уступил почти все, что мог потребовать Филипп, и одарил молодого мужа двадцатью тысячами марок стерлингов. На следующий день церемония была проведена в Портмorte, на правом берегу Сены, архиепископом Бордо, в присутствии большого собрания баронов и церковников. Юный принц и его невеста не могли сочетаться браком на французской земле из-за действовавшего в то время интердикта против его отца за отречение от Ингебурги; поэтому выбор пал на норманнскую землю и на столь отдаленное место. Принц, которому было всего двенадцать лет и шесть месяцев, отправился с Бланш прямо в Париж. Нет никаких записей об обычных празднествах, сопровождающих королевский брак, несмотря на рассказы некоторых современных историков, которые утверждают, что были грандиозные турниры, и что Людовик был ранен в одном из них.

В столь юной Бланш бесполезно искать черты взрослой женщины; мы могли бы предположить многое, но это было бы в свете последующих событий. Для окружающих в то время Бланш казалась прекрасной девушкой, заслуживающей той лестной игры слов, которую предполагало ее имя. Она была *la princesse candide* не только внешне, но и поведением, и завоевала преданную любовь своего мужа, который, похоже, и сам отличался любвеобильным нравом. Именно по его просьбе Хью Линкольнский, пользовавшийся в то время большой репутацией, посетил Бланш, которую застал в слезах и сумел утешить. Но время было беспокойное, и можно предположить, что шансов на воспитание тихих домашних добродетелей было мало, если человек был вынужден жениться только по государственным соображениям. Ходят слухи, хотя и не подтвержденные достоверно, что коварный король Франции воспользовался своей молодой невесткой, чтобы выпросить у короля Иоанна еще один кусок Нормандии, от которого Иоанн не посмел отказаться. Правда это или нет, но, по крайней мере, несомненно, что ни сразу, ни в конечном итоге брак Бланш де Кастиль не помог английским Плантагенетам. Ведь Иоанн поссорился с Альфонсо, отцом Бланш, и в период с 1204 по 1208 год между ними шла война с перерывами на перемирие, предметом спора была Гасконь. Бланш, естественно, была на стороне отца, а не дяди, и когда она родила наследников, которые могли унаследовать корону Франции, усиленную присоединением нормандских земель, отобранных у Иоанна и переданных ее мужу, легко понять, что ее симпатии будут на стороне ее приемной страны.

Первым ребенком Бланш была дочь, которая прожила совсем недолго, и имя которой неизвестно, родилась в 1205 году. 9 сентября 1209 года она родила сына, которого провозгласили наследником короны и назвали Филиппом в честь его деда. Но и этот ребенок прожил всего несколько лет, умерев в возрасте восьми-девяти лет. В промежутке, 26 января 1213 года, Бланш родила близнецов, Альфонса и Жана, которые прожили недолго. На юную принцессу обрушились другие домашние радости и горести. Ее отец одержал великую победу над маврами при Лас Навас де Толоса 16 июля 1212 года, и ее сестра Беренжер написала ей радостную новость: "Мне приятно сообщить вам радостную весть; слава Богу, от которого исходит все добро, наш король, наш господин, наш отец победил на поле боя эмира Альмунменима, чем, я думаю, он завоевал очень большую честь; ведь до этого времени никогда не случалось, чтобы король Марокко был побежден в сражении". Через два года после этого галантный Альфонсо умер, а еще через месяц его жена Элеонора последовала за ним в могилу.

Таким образом, отец и мать были отняты у Бланш, а она находилась далеко от них, в чужой стране. Но новая страна все больше завладевала ее сердцем; в войне, разгоревшейся между ее дядей Джоном и свекром, все ее интересы и все ее привязанности были на стороне Франции. И вот в день Святого Марка, 25 апреля 1215 года, в королевской резиденции в Пуасси родился еще один сын. Ребенка называли Людовиком, и его рождение, похоже, не вызвало особого интереса, что вполне естественно, поскольку старший брат, Филипп, был еще жив. Но этот ребенок стал знаменитым Святым Людовиком, и вокруг его рождения и младенчества должны были сложиться благочестивые легенды: сын появился на свет благодаря особому вмешательству святого Доминика, молитв которого просила Бланш; затем, во время его рождения, благочестивая королева узнала, что из уважения к ней колокола церкви Пуасси были умолкнуты, поэтому она сама сняла их, хотя в это время находилась в роддоме. Благочестие Бланш было искренним, но никогда не преувеличивалось; в такой легенде легко увидеть искусство тех, кто считал уместным, чтобы святая, даже еще не родившись, не вмешивалась в церковные службы. Так и крайняя ревность Бланш по отношению к своему ребенку - выдумка, которая часто повторяется. Луи был отдан кормилице, Мари ла Пикард, и нет никакой правды в истории, которая представляет Бланш как выхватывающую его из груди одной из своих дам и заставляющую младенца глотать молоко незнакомки.

Маленькому Людовику не было и двух лет, когда английские бароны, восставшие против Иоанна, призвали его отца к себе на помощь и пообещали ему трон Англии, на который он не имел права претендовать иначе, как через Бланш. Людовик отправился в Англию, несмотря на анафемы папы римского против всех, кто осмелился выступить против Иоанна. Добившись успеха в борьбе с английским королем, французский принц начал терпеть серьезные поражения, когда на смену ненавистному Иоанну пришел его сын Генрих, против которого у английских баронов не было никаких оснований для недовольства. Филипп Август с самого начала был слишком политичен, чтобы оказать сыну открытую помощь или даже одобрить его предприятие. Задача по сбору и отправке подкреплений легла на плечи Бланш. Впервые проявилась вся энергия ее характера. Летописец, почти современник, описывает якобы состоявшуюся беседу между ней и Филиппом Августом, который, оставшись глух к мольбам сына о помощи, заявил, что ничего не предпримет, не желая рисковать отлучением от церкви. Узнав об этом, мадам Бланш (именно под этим титулом ее называют, даже когда она становится королевой) пришла к королю и сказала: "Неужели вы позволите моему господину, вашему сыну, погибнуть в чужой стране? Сир, ради Бога, помните, что он будет царствовать после вас; пошлите ему все, в чем он нуждается, хотя бы доходы из его собственного достояния". "Конечно, - сказал король, - я ничего не сделаю, Бланш". "Ничего, сир?" "Нет, правда". Тогда, во имя Господа, - ответила Бланш, - я знаю, что сделаю". "И что же ты сделаешь?" - "Клянусь святой Богородицей, у меня есть прекрасные дети от моего мужа; я отдам их в залог, и я знаю кое-кого, кто даст мне в долг под их залог". Тогда она в бешенстве бросилась прочь от короля, а он, увидев ее, поверил, что она сказала неправду. Он позвал ее обратно и сказал ей: "Бланш, я дам тебе из своих сокровищ столько, сколько ты захочешь; делай с ними что хочешь, но будь уверена, что я сам ничего ему не пришлю". "Сир, - сказала мадам Бланш, - вы хорошо говорите". И тогда великое сокровище было отдано ей, и она отправила его своему господину".

Возможно, детали этого разговора не совсем точны, но факты, похоже, записаны верно. Бланш отправилась в Кале и создала там штаб-квартиру для сбора провизии, боеприпасов и небольшой армии для своего мужа. Она отправила на помощь ему экспедицию, армией которой командовал Роберт де Куртенэ, а флотом - знаменитый пират и вольный разбойник Юсташ ле Муан. Но флот был уничтожен англичанами у Сандвича 24 августа 1217 года, и

Людовику не оставалось ничего другого, как заключить с Генрихом III наилучшие условия и вернуться во Францию. Бланш проявила энергию, вызвавшую восхищение современников, но в течение следующих нескольких лет она не принимала участия в больших событиях истории.

Домашние обязанности, домашние горести, должно быть, поглощали большую часть энергии этой преданной жены и матери. В сентябре 1216 года у нее родился сын Роберт. В 1218 году она потеряла Филиппа, своего старшего сына. Вскоре родились еще трое детей: Иоанн (1219); Альфонс (1220); Филипп Дагоберт (1222). Из них только Альфонсу было суждено дожить до зрелого возраста. Тревожная мать, потерявшая столько своих детей, давала обеты на их выздоровление, когда кто-нибудь из них заболел. Опасаясь, что она могла забыть исполнить некоторые из этих обетов, которые часто давались в состоянии стресса, она искала и получила от Папы (1220) разрешение совершать благотворительные акции вместо того, чтобы стараться исполнять свои обеты во всех случаях.

В ее родной стране тоже происходили события, требовавшие ее внимания. Ее брат Генрих был случайно убит после короткого правления, и королева Беренжер стала следующей наследницей; но она отказалась от короны для себя, возложив ее на голову своего сына, Фердинанда III, которому она продолжала советовать и помогать так же, как Бланш впоследствии советовала своему сыну. Сообщается, что недовольные подданные Фердинанда предложили корону Бланш. Правда это или нет, но она никогда бы не встала на сторону своей сестры Беренжер.

14 июля 1223 года умер великий король Филипп Август, а 6 августа королева Бланш и король Людовик VIII были торжественно коронованы. Аббат Сен-Реми в сопровождении двухсот рыцарей принес священную ампулу в Реймский собор, и архиепископ помазал королевскую пару. Меч короля в процессии нес его сводный брат, Филипп Урепель, сын Агнессы де Мерани и Филиппа Августа. Были устроены грандиозные празднества, продолжавшиеся восемь дней, новые король и королева освободили крепостных и проявили милосердие к пленным и невольникам. Королева Бланш так и осталась на втором плане во время короткого правления Людовика VIII; но мы можем отметить, что она использовала свое влияние, чтобы добиться освобождения Феррана де Португала, графа Фландрии, который находился в плену со времен битвы при Бувине. Освобожденный из тюрьмы в 1227 году, Ферран стал одним из самых стойких и полезных союзников Бланш.

Людовик VIII умер в ноябре 1226 года, оставив Бланш с восемью детьми на попечении; помимо уже упомянутых, были еще Изабель, Этьен и Карл, родившиеся после воцарения Людовика. Король, заставивший подчиниться Лангедок во время экспедиции, во время которой он умер, заставил своих баронов поклясться в верности своему сыну Людовику. Понимая, что его преданная жена не сможет добраться до него до самой смерти, он обеспечил ее всем, чем мог. Будучи полностью уверенным в ней, и это доверие полностью оправдалось, он объявил, что принц Людовик, его наследник, а также все королевство и все остальные его дети должны находиться под опекой королевы Бланш до их совершеннолетия; свидетелями этой важной части завещания короля были некоторые из великих баронов и высших церковных сановников.

Бланш и ее муж любили друг друга нежно и преданно, и поначалу на овдовевшую королеву смотрели с состраданием. Она ехала к постели Людовика, младшие дети сидели в карете, а принц Людовик ехал впереди, когда ее встретило известие о его смерти. Ее горе было достойно сожаления, но чувство долга перед детьми и осознание трудностей и опасностей своего положения придавали ей мужества. Она была не из тех женщин, которые падают

духом от горя по утрате любимого мужа или от беспокойства, что вынуждены управлять королевством, король которого был еще мальчиком.

Поначалу старые сторонники Людовика окружали ее и были ей верны. Она была достаточно политична, чтобы заручиться поддержкой единственного принца крови, Филиппа, прозванного Урепелем, из-за большой копны лохматых волос, которые он унаследовал от своего отца, Филиппа Августа. Ферран, граф Фландрский, был ее другом, и она могла рассчитывать на поддержку большинства духовенства, особенно папского легата Ромена Франджипани, кардинала Сант-Анджело. Однако самыми надежными ее союзниками были ближайшие слуги короны: канцлер Герен, которому, к сожалению, не суждено было долго прожить, Аршамбо де Бурбон, граф Амори де Монфор, камергер Бартеlemi де Ройе и благородный коннетабль Матье де Монморанси. С помощью этих друзей Бланш приступила к исполнению своих обязанностей регентши.

Как долго должно было длиться это регентство и как долго оно действительно длилось, определить не так-то просто. Во-первых, в королевской линии, а также в феодальных анналах были прецеденты, когда возраст совершеннолетия считался четырнадцатилетним; но, похоже, не меньший авторитет был и у тех, кто придерживался возраста в двадцать один год. Людовику шел двенадцатый год, когда умер его отец. Бланш продолжала исполнять обязанности регентши еще около десяти лет, и не было никаких протестов под предлогом того, что юный король должен был считаться совершеннолетним в четырнадцать лет.

Как только стало возможным, Бланш короновала Людовика - церемония, которая не означала, что он должен выйти из-под ее опеки, но обеспечивала ему определенный престиж и последующую защиту. Коронация, состоявшаяся 29 ноября 1226 года в Реймсе, прошла без особого участия знати. Уже назревало недовольство, и во главе недовольных стоял великий дом Дрё, возглавляемый хитрым и беспринципным Пьером Моклерком, графом Бретани. Граф Тибо де Шампань, сын первой кузины Бланш, должен был приехать на коронацию, но Бланш приказала закрыть перед ним ворота Реймса, так как в настоящее время ходили слухи, хотя и совершенно необоснованные, что Людовик VIII умер очень внезапно из-за яда, введенного Тибо. Но, с присутствием или без присутствия великих баронов, Людовик IX был коронован, и Бланш завела для себя и своего сына таких друзей, каких только могла.

В Англии Генрих III, всегда беспокойный при мысли о потерях, понесенных его отцом во Франции, постоянно строил планы по возвращению утраченных территорий. Он заключил союзы с некоторыми из главных лордов Пуату, вступил в переговоры за руку Иоланды, дочери Пьера Моклерка, и предпринял неудачные, но все же поразительные приготовления к походу на побережье Франции. Его союзники из числа недовольной французской знати взялись за оружие, вдохновленные отчасти ревнивой Изабель д'Ангулем, которая была королевой Джона Лакланда, а теперь стала графиней Марке. Бланш незамедлительно созвала королевский бан, чтобы собраться в Туре, куда она и отправилась вместе с Людовиком в феврале 1227 года. Граф Тибо де Шампань заключил договор с мятежниками и шел со своими войсками, чтобы присоединиться к ним в Пуату. По преданию, его отвлекло тайное послание Бланш; во всяком случае, он внезапно свернул свой поход и прибыл в Тур, отдал честь мальчику-королю и был милостиво принят королевой-регентшей. Дезертирство Тибо нарушило планы мятежников, которые рассорились между собой. Многие из них один за другим перешли на сторону Людовика IX, и военные действия были приостановлены между французами и Ричардом Корнуэльским, братом и представителем Генриха III.

Во время последовавшего перемирия Бланш получила возможность продолжить незаконченную войну в Лангедоке против Раймонда VII Тулузского и еретиков-альбигойцев. Удивительно, что некоторые церкви во Франции сначала отказывались предоставить королю субсидии на проведение этого крестового похода, и только благодаря энергичным мерам кардинала Ремайна их в конце концов заставили уступить.

Буйные бароны не могли смириться с тем, что ими управляет женщина. Если бы Бланш была слабой правительницей, то унижение, связанное с ее правлением, было бы компенсировано распущенностью этого правления; но она была сильной и могла управлять баронами, которые, соответственно, ненавидели ее. Пьер Моклерк и его партия заявили, что Францией не должна править иностранка; они называли ее "дамой Эрсент", как волчицу в *"Романе дю Ренара"*; они распространяли против нее одиозные клеветы. Самая примечательная из этих клевет - та, что связывала ее имя с именем Тибо де Шампани как прелюбодея. Говорили, что Бланш была его любовницей еще при жизни мужа; более того, она потворствовала убийству мужа, отравленного Тибо. Утверждали, что она тайно переправляла королевские сокровища в Испанию; что она была настолько гнусна, что одного любовника было недостаточно; что у нее были незаконные отношения с кардиналом Реманом. Нет нужды говорить, что эти рассказы не имеют под собой никакой основы; это налог, который платила хорошая женщина за то, что была в то же время великой.

Злопыхатели задумали разлучить короля с матерью и решили увезти его силой. Бланш и Людовик были недалеко от Орлеана, когда их предупредили об опасности. Пospешив в Париж, они были вынуждены укрыться в крепком замке Монлери, так как мятежники собрались в Корбейле, между ними и Парижем. Бланш обратилась к жителям Парижа с призывом охранять приближение короля. Лучшего свидетельства популярности королевской семьи и, кстати, хорошего правления при Бланше, чем отклик этих буржуа, нельзя было и придумать. В Париже было собрано ополчение окрестностей, и объединенные силы города и страны двинулись к Монльери, размещаясь по пути следования. Еще долго после этого Сен-Луи рассказывал Жуанвилю о своем триумфальном въезде: "Он рассказал мне, - говорит этот летописец, - что от Монльери дорога была заполнена людьми с оружием и людьми без оружия вплоть до ворот Парижа, и что все кричали и призывали Господа даровать ему долгую и счастливую жизнь, а также охранять и защищать его от врагов". Дворяне были обескуражены и удалились из Корбейля.

Бароны, хотя и были временно обескуражены, ни в коем случае не были приведены к мирной покорности. Англия все еще сохраняла угрожающее положение, а долгая и неустанная война с альбигойцами затягивалась, причем успех сопутствовал то одной, то другой стороне. Бланш необходимо было укрепить себя так мудро, как только она могла. Она обратилась за поддержкой к буржуа. Жители Лиможа и Сен-Жюньена в Лимузене в хартиях, дарованных в 1228 году, присягнули на верность королеве и королю. Кардинал Ремен, по просьбе Бланш, вернулся во Францию в качестве легата; она нашла его советы и престиж папской власти существенной помощью. После некоторых переговоров перемирие с Англией было продлено на год, с июля 1228 года по июль 1229 года.

Филипп Гурепель, который некоторое время был верен интересам своей невестки и ее сына, проявил недовольство и теперь перешел на сторону мятежников. Поговаривают, что он даже положил глаз на трон, и что у баронов была мысль попытаться поставить королем Энгуарана де Куси, который был главой дома со знаменитым девизом:

"Je ne suis roi, ne due, ne prince, ne comte aussi:

Je suis le sire de Coucy".

Перед началом военных действий Бланш потребовала и получила новые клятвы верности от коммун королевского домена к северу от Сены, вплоть до Фландрии. Магистраты Амьена, Компьена, Лаона, Перонна и множества других мест поклялись защищать короля, королеву Бланш и ее детей. Бароны договорились, что Пьер Моклерк начнет военные действия, а когда Бланш созовет феодальную армию для похода против него, каждый должен прийти, но прийти только с двумя рыцарями, что составит настолько малую силу, что Моклерку будет нечего бояться. И снова на помощь пришел Тибо де Шампань. Он собрал все возможные войска и прибыл с тремя сотнями рыцарей, которых, если присоединить к ним контингенты из верных коммун королевского домена, оказалось достаточно для спасения Бланш. В январе 1229 года Бланш вошла во владения непокорного Моклерка, который отказался явиться по вызову ко двору, и осадила крепкий замок Беллем. Через несколько дней, хотя крепость считалась неприступной, гарнизон был вынужден капитулировать. Военными операциями в ходе этой успешной осады руководил, конечно, генерал Бланш, Жан Клеман, маршал Франции; но она сама заботилась о комфорте своей армии. Было очень холодно, и она приказала солдатам развести в лагере большие костры, пообещав вознаграждение тем, кто будет приносить топливо из лесов; таким образом, люди и лошади согревались.

После капитуляции гарнизона Беллема власть Моклерка была временно сломлена, и Бланш вместе с сопровождавшим ее Людовиком отправилась обратно в Париж. Бароны не получили поддержки, на которую рассчитывали, от Генриха III, слабость и колебания которого не позволили ему воспользоваться великолепной возможностью ослабить власть Франции.

В своем шатком положении Бланш нуждалась в поддержке всех сословий; теперь ей выпало несчастье на некоторое время испытать на себе недоброжелательность студентов Парижского университета. Этим студентам по давнему обычаю и королевской милости были предоставлены всевозможные привилегии и иммунитеты, поскольку университет не мало способствовал престижу Парижа. Они были буйной компанией и часто вступали в потасовки с горожанами. В масленичный понедельник 1229 года несколько студентов отправились в трактир в Сен-Марселе, за пределами Парижа, где они ели и пили, а затем затеяли жестокую ссору с хозяином трактира, когда был предъявлен счет. Поначалу ссора выглядела довольно комично; после словесной перепалки дело дошло до ударов и вырывания волос, пока студентов с позором не выгнали с поля боя. Но на следующий день, 27 февраля, они вернулись в полном составе, вооруженные палками, камнями и даже мечами. В духе безразборной мести они разгромили первый попавшийся трактир и избивали людей на улицах, как женщин, так и мужчин. Весть об этом была немедленно передана властям университета, которые обратились к королеве Бланш через кардинала Ромена. Префекту Парижа с его солдатами было приказано отправиться на место беспорядков и восстановить порядок, что он и сделал с излишним усердием, так как в результате произошло кровопролитие; несколько студентов были убиты, и было заявлено, что те, на кого напал префект со своими людьми, не были виновны. Власти университета выступили против королевы. Поскольку она отказалась выплатить компенсацию, которую они требовали, - что в будущем оставило бы студентов еще более незаконными, чем прежде, - преподаватели и студенты разбежались в Реймс, Анжер, Орлеан, а многие вернулись в родные края. Уступки, на которые пошла Бланш, не смогли вернуть всех уехавших. Хотя ее политика, возможно, была ошибочно суровой, можно признать, что у нее были причины для такой строгости. Мы сочувствуем женщине, которую студенты без колебаний очернили, возродив клевету об отношениях Бланш и кардинала Ромена, который оказал ей серьезную поддержку в этом

деле. Эта гнусная история приобрела такую популярность, что, по словам одного из летописцев, королева сдала экзамен, чтобы опровергнуть ее.

Первой настоящей победой Франции в долгой войне с альбигойцами стал Парижский договор, который иногда называют договором Мо, заключенный 12 апреля 1229 года. Возможно, к счастью для хорошего мнения читателя о Бланш, мы не будем описывать ужасы этой войны, хотя большинство этих ужасов было совершено до того, как она стала правительницей Франции. Раймон VII, граф Тулузский, глава и фронт сопротивления в Провансе, был кузеном Бланш, а она всегда проявляла заботу о семейных узах, так что мы можем милосердно предположить, что она сделала все, что могла, для разоренного Раймона. Мы не знаем, помогала ли она ему в его унижении - босого, в рубашке, его привели к дверям Нотр-Дам и заставили поклясться в абсолютном подчинении церкви, - но мы не можем ошибиться, если предположим, что некоторые мудрые положения Парижского договора были разработаны ею. Положения действительно были очень мудрыми, обеспечив французской короне почти все, на что можно было надеяться; однако в самые бурные моменты нашего энтузиазма мы не могли обвинить Бланш в том, что она умерила политику милосердием. Вкратце о ситуации можно сказать, что Раймон заключил договор о передаче Людовику Босера, Нима, Каркассона, Безье и других территорий на Средиземном море к западу от Роны; что Тулуза и ее территория должны отойти к его дочери Жанне, которая должна была быть обручена с одним из братьев Людовика IX; что оставшиеся за ним владения также должны отойти к Жанне, если не найдется других наследников его тела. В случае отсутствия наследников Жанны, владения, полученные в качестве ее приданого, должны были отойти к короне Франции. Более полного разорения для Раймона вряд ли можно было придумать. Это был конец Прованса как политического, так и художественного образования.

Мы уже неоднократно упоминали о знаменитом Тибо IV, прозванном *Ле Шансонье*, графе Шампани. Его отношения с Бланш Кастильской являются предметом как истории, так и легенды; нам следует попытаться отделить одно от другого и представить некоторые сведения о любви Бланш и Тибо.

Матери Тибо, Бланш де Наваррской, графине Шампанской, пришлось играть роль, не похожую на ту, что сыграла ее кузина Бланш де Кастиль; она выступала в роли регентши от имени своего сына, и именно благодаря ее хорошему управлению ему было позволено унаследовать свое наследство. Это был, безусловно, век женщин: Беренжер правил в Кастилии, королева Бланш - во Франции, а другая Бланш, из той же семьи, - в Шампани. Тибо обладал галантным характером и гордился своими рыцарскими достижениями, но не менее гордился и своим поэтическим талантом, ибо он был одним из тех подражателей трубадуров, которых мы можем почти причислять к самим трубадурам. О его поэтических дарованиях мы здесь говорить не будем; в истории французской литературы можно найти записи многих его шансонов. Как человек, Тибо, вполне вероятно, не страдал излишней щепетильностью совести; нам известно, что в ряде случаев он действовал весьма недобросовестно. Но эти проявления недобросовестности почти всегда были выгодны Бланш де Кастиль. Мятежные бароны вступали в союз с Тибо, а он соглашался предать свою королеву и даже всерьез рассматривал вопрос о женитьбе на дочери и наследнице Пьера Моклерка. В критический момент приходит депеша, номинально от мальчика-короля: "Сэр Тибо де Шампань, я слышал, что вы обещали взять в жены дочь графа Пьера де Бретань; я прошу вас, всем, что вам дороже всего в этом королевстве, не делать этого. Причина вам хорошо известна... ибо никогда не было у меня человека, который желал бы мне большего зла, чем этот самый граф". Импульсивный Тибо читает записку и вместе со своими рыцарями отходит в сторону,

чтобы поддержать прекрасную даму, которая была настоящим автором послания. Именно такие вещи вызвали ненависть и недоверие баронов к Тибо и придавали определенную окраску сообщениям, которые они усердно распространяли, утверждая, что Бланш была любовницей Тибо. Последнего уже обвиняли в отравлении Людовика VIII; теперь к этому добавилось, что на это преступление попустительствовала его любовница Бланш.

В том, что Тибо действительно любил Бланш, не может быть никаких обоснованных сомнений. Его амурные песни, вероятно, отчасти были вдохновлены этой преданностью той, кем он мог восхищаться и кого мог любить, - прекрасной, доброй и великой королеве Бланш, которую он мог с гордостью назвать своей кузиной. В одной из своих песен он упоминает о ней, как нам кажется, очень отчетливо:

"Trop est ce trouble, et s'aveis si cler nom."

(Непростой была ваша жизнь, и все же ваше имя так ясно). Хроники того времени изобилуют упоминаниями о страсти Тибо. Рассказывают, что однажды, после минутного бунта, он пришел, чтобы принести покорность, и был сурово упрекнут королевой за неблагодарность. "Тогда граф взглянул на королеву, которая была так хороша и так прекрасна, пока ее великая красота не покорила его, и он замер в смущении. Тогда он ответил ей: "Верую, мадам, мое сердце, и тело, и все мои земли - ваши; нет ничего, что могло бы доставить вам удовольствие, чего бы я не сделал добровольно; и никогда больше, прошу Бога, я не пойду против вас или ваших рук". И он ушел в задумчивости, и часто в его мыслях возникало воспоминание о милом взгляде, о прекрасном лице королевы. Тогда сердце его наполнялось сладостными и любовными мыслями. Но когда он вспоминал, что она такая великая леди, такая добрая и чистая, что он никогда не сможет завоевать ее любовь, его сладкая мысль о любви превращалась в великую печаль. И, видя, что глубокие мысли порождают меланхолию, некоторые мудрые люди посоветовали ему брать уроки сладкой скрипичной музыки и нежных и приятных песен. И вот они с Гасом Брусле сочинили между собой самые прекрасные, самые восхитительные, самые мелодичные песни, которые когда-либо звучали в песнях или в скрипичной музыке. И он велел записать их в зале своего замка в Провине и в Труа; и они называются песнями короля Наваррского".

Летописец, который рассказывает нам об этом, относит происшествие к 1236 году, когда Бланш было бы сорок восемь лет. Дата явно ошибочна, или, скорее, история многих лет скомпонована в одну. Любовь Тибо к Бланш, должно быть, началась, когда она была молода и по-настоящему красива; трудно представить себе пылкую страсть, зародившуюся к даме средних лет, матери двенадцати детей. Его преданность, таким образом, относится к более раннему периоду; более того, мы находим определенные сведения о ней в клевете, распространяемой баронами до 1230 года; один летописец рассказывает нам, что во время войны того года, когда бароны разоряли Шампань, граф Тибо, одетый как обычный бродяга и сопровождаемый одним спутником, так же жалко одетым, как и он сам, отправился по стране, чтобы узнать, что говорят о нем люди. Везде он слышал о себе только плохое. "Тогда граф сказал своему спутнику-бродяге: "Друг, я прекрасно вижу, что за пенни хлеба можно накормить всех моих друзей. А у меня нет ни одного, да я и не верю, ни одного, кому бы я мог доверять, кроме королевы Франции". Она действительно была его верным другом и хорошо показала, что не испытывает к нему ненависти. Благодаря ей война была закончена, а вся земля (Шампань) вновь завоевана. О них рассказывают много историй, как об Изеуте и Тристане".

В любви Тибо сомневаться не приходилось, но определить, насколько его чувства были взаимны Бланш, - дело тонкое. С одной стороны, партия баронов открыто и яростно

обвиняла ее в прелюбодеянии; с другой стороны, мы знаем, что ни одна дурная женщина не смогла бы воспитать Сен-Луи и быть любимой и почитаемой им. Если Бланш была доброй и чистой женщиной, в чем мы твердо убеждены, нам снова придется разочаровать любителей романтики, поскольку ее поведение по отношению к Тибо де Шампань должно иметь какое-то объяснение, кроме чисто эротического. Увы романтикам! Объяснение, основанное на здравом смысле, искать далеко не надо, и его несложно принять, если вспомнить всю карьеру этой замечательной женщины. Бланш де Кастиль была проницательным политиком; в противном случае она никогда не смогла бы сохранить свое положение, когда все было против нее: и то, что она была женщиной, и то, что она была иностранкой, - все это само по себе создает множество трудностей. Мы не знаем ни одного случая, когда бы она позволила своим чувствам - любви, ненависти, семейной привязанности, простой женской слабости - поколебать ее или помешать устоявшейся политике, которую она выбрала для блага своего королевства и своих детей. Действительно, как мы увидим позже, одним из серьезных недостатков ее характера была непреклонность намерений, решительное подавление самых нежных чувств. В том, что ей нравился и, возможно, восхищал блестящий рыцарь-поэт, провозглашавший свою преданность ей в "песнях, сладостнейших из когда-либо слышанных", сомневаться не приходится; но она никогда не отвечала на его пылкую страсть. Окруженная врагами внутренними и врагами внешними, она воспользовалась романтической преданностью поэта, чтобы заручиться весьма действенной поддержкой одного из самых могущественных баронов Франции. Время от времени льстя тщеславию Тибо - ведь не так уж мало значило прослыть любовником королевы, - она ловко держала его на привязи. Как государыня, она заботилась о том, чтобы сохранить его добрую волю, оказывая ему услуги, имеющие огромную ценность, более того, настоящую необходимость.

Перемирие с Англией должно было истечь 22 июля 1229 года. Как раз в это время, когда можно было предположить, что силы королевы потребуются для защиты или хотя бы для наблюдения за западной границей, которой угрожал Пьер Моклерк и его английские союзники, герцог Бургундский и граф Невер подготовились к вторжению в страну Тибо. Вступив в Шампань, они опустошили страну и поставили Тибо в крайне тяжелое положение. Предлогом для этой войны было, во-первых, то, что Тибо был предателем и убийцей Людовика VIII; во-вторых, что он был бастардом и что настоящей правительницей Шампани была Аликс, королева Кипра, внучка дяди Тибо, Генриха II Шампанского. Оба утверждения, разумеется, были нелепыми, просто сфабрикованными, чтобы скрыть истинный мотив нападения, которое было направлено против Бланш де Кастиль и через нее - против власти короны. Аликс де Шампань, как называли ее бароны, сама была незаконнорожденной, и этот факт признала сама церковь.

Как верная государыня, Бланш поспешила на защиту своего вассала. Приказав Феррану де Фландру отвлечь внимание, напав на Булонское графство, она созвала своих вассалов и приказала им отказаться от нападения на Тибо. Они отказались повиноваться; тогда она немедленно поставила себя во главе армии и двинулась на Труа. Бароны были вынуждены заключить перемирие.

Во время перемирия Тибо удалось заполучить нескольких союзников, и гражданская война вспыхнула вновь, еще до номинального истечения срока перемирия. Партизаны обеих сторон сжигали деревни и города; Филипп Юрепель, как говорят, просил Бланш разрешить ему сразиться на дуэли с Тибо, чтобы отомстить за предполагаемое убийство Людовика VIII. - Своего рода апелляция к Божьему суду. Пламя гражданской войны разрасталось все шире и шире, пока Бланш не оказалась почти на пределе своих возможностей и в реальной

опасности. В этот момент опасность извне заставила временно прекратить военные действия против Тибо де Шампани.

Пьер Моклерк, который теперь нагло называл себя герцогом, а не графом Бретани, и добавлял английский титул графа Ричмонда, написал Людовику IX письмо, в котором объявил об отказе от своего подданства. Отныне он должен был стать вассалом английской короны. Генрих III всерьез готовился к нападению на Францию, и Бланш искала союзников или хотя бы друзей среди своих вассалов, в то время как бароны, объединившиеся против Тибо, согласились на перемирие. Собрав все силы, королева в сопровождении Людовика двинулась в Анжер против Пьера. Тем временем Генрих III с помпой и церемониями, в богатых одеждах и с роскошным багажом высадился в Сен-Мало 3 мая 1230 года, где у него состоялась беседа с Пьером. Генрих был полон великолепных планов; к счастью для Бланш, он был неспособен привести их в исполнение. Время было потрачено на мелкие стычки и разврат со стороны Генриха, а Бланш продолжала вести переговоры с каждым, кто, казалось, был настроен благосклонно к ее делу. Таким образом она заручилась поддержкой некоторых бретонских и пуатевинских дворян и собрала свою неустойчивую феодальную армию. Как только законные сорок дней службы закончились, более недовольные вассалы из ее армии ушли, и король был вынужден последовать за ними, чтобы предотвратить их новые нападения на Шампань. Вместо того чтобы воспользоваться замешательством своих врагов и одолеть французов, Генрих совершил поход по Бретани, через Пуату и Бордо, а затем вернулся в Бретань. Его армия была истощена без боя, люди и животные сильно болели, провизия заканчивалась. Устав от бесплодной экспедиции, он отплыл обратно в Англию, бросив на произвол судьбы бретонских дворян, которые покинули Францию под обещанием защиты со стороны Англии. Однако не успела радостная весть о его отъезде дойти до нее, как Бланш снова попала в беду, пытаясь защитить Тибо де Шампань.

Против Тибо образовалась более сильная, чем прежде, коалиция. Он бросил все силы на подготовку к обороне, но в битве под стенами Провина его войска были разбиты и разгромлены, а сам граф бежал в Париж с преследующими его по пятам победителями. Казалось, все потеряно, и его враги маршировали по Шампани как им вздумается, когда прибыла королева Бланш со своей армией, которая, к счастью, была достаточно велика, чтобы запугать мятежников. Она не стала обсуждать условия с вооруженными мятежниками, а потребовала эвакуации Шампани. После недолгих переговоров, в которых королева держалась твердо, мятежные бароны покорились. Репарации были согласованы с обеими сторонами, и главный из недовольных, Филипп Урепель, граф Булонский, был удовлетворен крупной компенсацией, предоставленной ему за ущерб, нанесенный Ферраном де Фландром, когда он, вопреки своей государыне, вел войну с графом Шампани. Воистину, средневековые порядки порой поражают воображение.

К концу 1230 года между баронами был заключен мир, и Бланш получила свободу, чтобы обратить свое внимание на Бретань и Пьера Моклерка. Людовик и его мать отправились в Бретань в начале лета 1231 года; но было заключено перемирие с Англией, а вскоре после этого и с Пьером Моклерком, которое продлилось до 24 июня 1234 года. Наступил самый критический период в регентстве Бланш. Ее сын, достигший совершеннолетия, прочно утвердился на троне, ибо великие люди страны не смогли покорить дух его матери. Их войны опустошили значительную часть Франции, но простые люди знали, кто виноват в причиненном хаосе; они видели свою королеву миротворцем, прибегающим к оружию в защиту верных и угнетенных подданных, но всегда стремящимся продвигать интересы королевства, сохраняя порядок внутри, а не стремясь к завоеваниям вовне. Она показала

себя правительницей, полной энергии и ресурсов; великие вассалы короны мало-помалу осознали свою неспособность разрушить ее власть и отказались от этой попытки.

Однако ей по-прежнему угрожали два грозных врага в лице Генриха III и Пьера Моклерка. Пока шли военные приготовления в преддверии истечения срока перемирия, на Бланш обрушились домашние горести; она потеряла двух своих сыновей, Иоанна и Филиппа Дагоберта, первый из которых умер, конечно, в 1232 году, второй, возможно, в том же году, а может быть, и не раньше 1234 года. В разгар великих событий те горести, которые больше всего трогают женское сердце, остаются незамеченными летописцами.

Чтобы быть готовым к истечению срока перемирия, Пьер Моклерк стремился заполучить как можно больше союзников. Еще в начале 1232 года он начал переговоры с Тибо де Шампань, который в предыдущем году потерял свою вторую жену, Агнес де Божо, чтобы добиться его женитьбы на Иоланде де Бретань. Мы уже видели, как Бланш пресекла этот шаг своего коварного противника. В сентябре 1232 года Тибо женился на Маргарите, дочери верного Аршамбо де Бурбона. В следующем году умер граф Филипп Урепель, который был опасной силой во Франции; его смерть устранила еще одну из трудностей Бланш, так как он был беспокойным и драчливым, когда не участвовал в мятеже. В 1234 году Бланш получила возможность оказать еще одну услугу Тибо, который теперь, после смерти своего дяди, стал королем Наварры. Старый вопрос о престолонаследии в Шампани и притязаниях Аликс так и не был окончательно решен. Теперь Бланш вызвала Аликс на конференцию, где та, осознав, что ее партия больше не имеет преимуществ, отказалась от всех притязаний на графства Шампань и Блуа.

На юге Франции, в стране трубадуров, теперь опустошенной во имя религии, Бланш нечего было опасаться активного сопротивления. Ее кузен, Раймонд VII Тулузский, был полностью подавлен и намеревался лишь заключить мир с церковью. Принц Альфонс Французский должен был жениться на дочери Раймона, Жанне, и восстановление некоторого процветания в стране, которая вскоре могла стать частью Франции, было делом, которым Бланш была слишком мудра, чтобы пренебречь. Не забывая о политических интересах, которым она должна была служить, она сделала все возможное, чтобы защитить Раймона от мелких досад и поборов, успокоить его чувства и добиться от папы возвращения ему маркизата Прованс, отнятого по договору 1229 года. Тем временем королевская власть все прочнее утверждалась в уступленных Франции владениях.

Людовик IX приближался к совершеннолетию; пора было искать для него подходящего союзника. Инициатива в этом вопросе, вероятно, исходила от Бланш, которая все решала за своего сына с его беспрекословного одобрения. В 1233 году, когда Людовику исполнилось девятнадцать лет, она посоветовалась со своими друзьями и выбрала дочь Раймона Беренжера, графа Прованса, как наиболее подходящую жену для своего сына. Хотя король Франции мог бы рассчитывать на более блестящий союз, брак с Маргаритой де Прованс был счастливым и небесталанным, поскольку обеспечил дружбу провансальцев, а благодаря посредничеству королевы был восстановлен мир между графами Прованса и Тулузы.

Было отправлено посольство для сопровождения молодой принцессы, которая, как и подобает дочери Прованса, прибыла с многочисленной свитой, в которой были менестрели и музыканты. Людовик отправился встречать свою невесту в сопровождении большинства членов королевской семьи, и 26 или 27 мая 1234 года в Сенсе архиепископ совершил церемонию бракосочетания. Бланш сделала все необходимые приготовления, отвечающие достоинству этого события, но в них не было ни экстравагантности, ни пустой показухи. Мы слышим о золотой короне, сделанной для молодой королевы, о драгоценностях, купленных

для нее, и о кольце из лилий и *маргариток* с надписью *Hors cet u pourrions nous trouver amor?* "Без этого кольца разве мы найдем любовь?", подаренном Людовиком невесте. Для короля был приготовлен красивый гардероб, а лордам и дамам двора были подарены меха, красивые мантии, многие из шелка, и другие подарки. Для размещения толпы, которая была слишком велика, чтобы найти жилье в Сенсе, были сооружены шатры, а в беседке из зеленых ветвей был установлен трон короля и, несомненно, играли менестрели. Потом были раздачи денег среди бедняков, о которых Бланш и ее сын никогда не забывали.

Маргарита была молода, прекрасна и, что еще важнее для той, кто должен стать женой святого, получила тщательное образование и воспитание в благочестии. Она была более мягкой, чем королева Бланш, и поэтому мы не увидим ее великой роли в истории; но она была мужественной и преданной женой. Она завоевала любовь своего мужа и, вероятно, имела на него определенное влияние; но о ее супружеской жизни и о том, как с ней обращалась королева Бланш, мы сейчас говорить не будем.

Война с Англией снова была под угрозой, когда 8 июня Людовик вернулся в Париж со своей невестой; ведь перемирие с Англией не могло быть возобновлено. Бланш де Кастиль предусмотрела этот злой день, и мстительная жестокость Пьера Моклерка помогла осуществить ее планы. Он так жестоко наказывал тех своих вассалов, которые были верны Франции, что Бланш стало легче отбирать то одного, то другого в союзники. Она не стала дожидаться истечения срока перемирия, чтобы начать свои действия, а созвала свою армию и двинулась на Бретань с подавляющими силами. Пьер, получивший от Генриха III лишь незначительную помощь, был вынужден подчиниться, и было заключено перемирие на три месяца, которое должно было закончиться 15 ноября. Отсрочки Пьер добивался в надежде уговорами или угрозами добиться более активной помощи от несчастного Генриха III. Убедившись, что его призывы здесь тщетны, Пьер вернулся во Францию, чтобы подчиниться Бланш и Людовику. Говорят, что он явился в присутствие короля с недоуздок на шее, умолял о пощаде и отказал Людовику от всей Бретани. Хотя это, несомненно, преувеличение, мы знаем, что в ноябре 1234 года он полностью подчинился воле своего государя и обещал верно служить королю и его матери. Вскоре после этого он отправился в Святую землю, оставив управление Бретанью в руках своего сына.

Самые ожесточенные, самые коварные, самые опасные из ее врагов были покорены, и Бланш оставалось лишь выполнить одну задачу, чтобы увенчать дело, которое она затеяла ради своего сына. В течение 1235-1236 годов были проведены переговоры с Англией, в результате которых было заключено перемирие сроком на пять лет. Бланш собиралась передать Людовику более активное управление делами; для него было неплохим началом найти свое королевство в мире внутри и вне его, с перспективой сохранения этих условий.

ГЛАВА VI

МАТЬ И ЖЕНА СВЯТОГО

Как регентство королевы Бланш началось без формальностей, так же незаметно оно и прекратилось. Не было определенного дня, когда она официально передала бразды правления Людовику; поэтому можно лишь определить приблизительную дату. Можно считать, что 25 апреля 1234 года Людовик достиг своего совершеннолетия. Хотя после этой даты имя Бланш встречается в королевских актах все реже: ее доля в управлении государством становится все меньше, хотя на протяжении всей своей жизни она не переставала поддерживать сына, действовать вместе с ним или давать ему советы. В самом конце ее регентства мы снова видим ее центральной фигурой вместе с этой непостижимой личностью Тибо де Шампань. Следует помнить, что теперь он был королем Наварры, а этот сан приносил меньше реальной власти во Франции, чем можно было предположить; ведь французские и испанские владения, Шампань и Наварра, были разделены. Его возведение на трон, возможно, на мгновение вскружило голову королю-поэту; во всяком случае, он начал проявлять недовольство и уклоняться от выполнения некоторых условий, связанных с урегулированием претензий Аликс де Шампань. В нарушение своего вассального долга он без согласия короля отдал свою дочь за Жана ле Ру, сына Пьера Моклерка. Он заключил союзы с Моклерком и другими представителями старой лиги; враждебные намерения не могли быть ошибочными. Король мобилизовал свои силы и отправился навстречу войскам Тибо. Поскольку тот не успел соединиться со своими бретонскими союзниками, силы короля были чрезмерно велики, и он был вынужден искать другой выход из затруднительного положения, кроме сражения. Вспомнив, что он принял крест и, следовательно, находится под защитой Церкви, он убедил Папу Римского запретить Людовику нападать на него, заявив, что его личность и его земли находятся под защитой Церкви в силу его крестоносного обета. Даже такое вмешательство не спасло бы его от сурового наказания со стороны разгневанной государыни; но когда он послал просить покорности и милости, королева Бланш, к которой он особенно взывал, призвала его к себе и обещала добиться для него справедливых условий. Условия, действительно, не были тяжелыми, как и упреки, которые, как говорят, Бланш сделала в своей последней беседе с Тибо: "Во имя Бога, граф Тибо, вы не должны были становиться на нашу сторону; вы должны были вспомнить о великой доброте моего сына, короля, когда он пришел к вам на помощь, чтобы защитить ваше графство и ваши земли от всех баронов Франции, которые сожгли бы все и превратили в пепел". Затем последовал учтивый ответ галантного и раскаявшегося Тибо: "Верю, мадам, мое сердце, мое тело и все мои земли - ваши; нет ничего, что могло бы доставить вам удовольствие, чего бы я не сделал с готовностью; и никогда больше, прошу Бога, я не пойду против вас или ваших".

Романтику этой сцены, почти патетической, безжалостно нарушает сцена, которая, как говорят, последовала за ней, но мы должны рассказать и о ней. Молодой принц Роберт, всегда отличавшийся буйным нравом, решил оскорбить побежденного короля Наварры. Он приказал отрезать хвосты лошадям последнего - позорное оскорбление для рыцаря - и, когда Тибо выходил из дворца, Роберт бросил ему на голову мягкий сыр. Тибо вернулся к Бланш, возмущенный оскорблением, нанесенным ему, несмотря на ее безопасное поведение, и она уже готовилась наказать обидчиков, когда обнаружила, что зачинщиком был ее собственный сын.

В течение десяти или двенадцати лет, прошедших с тех пор, как Бланш снова должна была принять регентство во время крестового похода Святого Людовика, ее роль в общественной жизни была не столь важна; в истории то тут, то там будут встречаться факты, но большая

часть того, что мы скажем, касается женщины, матери, а не королевы. Хотя по уму и темпераменту Бланш прекрасно подходила для осуществления полномочий активной правительницы, она никогда не забывала, что является лишь матерью короля и что королевская власть принадлежит ей по праву доверия. Во всех своих поступках - а они действительно совершались под ее личную ответственность - она стремилась связать имя своего сына, как будто хотела сохранить для него эту честь. В речи, обращенной к графу Тибо, она не упрекает его в неблагодарности по отношению к ней, а говорит: "Вам следовало бы вспомнить о великой доброте моего сына, короля". Вся ее жизнь была посвящена служению этому сыну, которого она любила болезненно сильной, жестоко ревливой любовью.

Когда она осталась вдовой, на нее возложили не только управление королевством, но и воспитание большой семьи детей. Этой последней задаче Бланш посвятила себя с такой же энергией и таким же здравым смыслом, как и в более крупных делах. С особой заботой она воспитывала сына, который, хотя и не был старшим, стал наследником короны. Она старалась сделать из него хорошего человека. Конечно, не ее воспитание и не ее пример привили ему излишнюю набожность; ведь, будучи доброй христианкой, она не была набожной. Когда он был еще мальчиком, она отдала его на попечение мастеров, которые должны были наставлять его во всем. Физические упражнения и отдых были не менее важны, чем учеба; юный принц не был избавлен даже от дисциплины: по его собственному свидетельству, один из его хозяев "иногда бил его, чтобы приучить к дисциплине". Его дни регулярно делились на периоды работы, игр и религиозного посвящения; в окружении своих учителей, большинство из которых были доминиканцами, маленький принц вел очень трезвую жизнь. Он отличался тихим и покорным нравом, охотно и с готовностью принимал уроки и стал человеком весьма образованным. С юности он проявлял склонность к крайнему благочестию, ежедневно ходил в церковь, где с необычайным рвением участвовал в богослужениях; он не пел никаких песен, кроме гимнов, и вел чистую и умеренную жизнь. Рассказывают, что один религиозный фанатик, наслушавшийся клеветы, распространяемой против королевы, однажды пришел к ней и горько упрекнул ее за то, что она поощряет своего сына к развратной жизни в обществе наложниц. Она исправила его ошибочное мнение и сказала, что если бы ее сын, которого она любила больше всех живых существ, был болен до смерти, она не хотела бы, чтобы он выздоровел, совершив смертный грех. Сен-Луи никогда не забывал это высказывание своей матери, которое он любил повторять Жоанвилю и которым пытался руководствоваться в своем поведении.

Еще один из детей Бланш был того же мнения о религии, что и Сен-Луи. Это была принцесса Изабель, которую ее мать воспитывала так же тщательно, как и Людовика. Однажды, когда семья собиралась в путешествие и среди приготовлений раздался шум, Изабель укрылась постельным бельем, чтобы спокойно помолиться. Один из слуг, занятый упаковкой, подхватил ребенка и постельное белье и уже собирался положить ее к остальному багажу, как вдруг обнаружил ее. Еще в детстве она не принимала участия в играх, а в юности сторонилась всех придворных развлечений, посвятив себя учебе, чтению Священного Писания, благочестивым и благотворительным делам, ведя жизнь в высшей степени аскетичную. Приятно осознавать, что эта робкая, набожная маленькая леди не была принуждена к неприятному союзу и провела свои дни в занятиях, которые ей больше всего нравились.

Преданность Бланш своему сыну Луи была вознаграждена величайшим почтением и привязанностью. Ее превосходство над ним длилось до тех пор, пока она была жива, и, несомненно, стало причиной многих несчастий его жены. Любовь Бланш была полна

ревности; она не терпела соперниц; она всегда должна была быть первой в привязанности своего сына. И нельзя отрицать, что в обращении с Маргаритой де Прованс великая королева была эгоистична, вплоть до откровенной жестокости. Еще ребенок, когда она появилась при дворе Франции, Маргарите дали понять, что она не должна быть первой, хотя ее положение жены Людовика давало ей право на первое место. Она не обладала мужским темпераментом, как Бланш, и не стремилась даже к демонстрации власти; но Бланш обидела ее даже любовью мужа, хотя у нас нет свидетельств того, что Маргарита когда-либо упрекала Сен-Луи в излишней сыновней преданности или пыталась оторвать его от матери. До нас дошло множество историй о том, как обращалась с "молодой королевой" та, кого вся Франция продолжала называть "королевой". Из свидетельств людей, близко знакомых с привычками королевской семьи, до нас дошли подробности шпионажа, мелкой злобы и холодного сердца со стороны Бланш: мы не могли бы поверить в эти вещи, если бы они исходили от менее компетентных свидетелей. Они не в почете у Бланш, поскольку показывают худшую сторону ее натуры. Исповедник Сен-Луи говорит: "Королева-мать проявляла большую суровость и грубость по отношению к королеве Маргарите. Она не позволяла королю оставаться наедине со своей женой. Когда король с двумя королевами отправлялся в королевский путь по Франции, королева Бланш обычно разделяла короля и королеву, и они никогда не останавливались вместе. Однажды случилось так, что в поместье Понтуаз король поселился в комнате над покоями своей жены. Он велел привратникам в прихожей, чтобы всякий раз, когда он будет с королевой и королева Бланш захочет войти в его комнату или в комнату королевы, они хлестали собак, заставляя их лаять; и когда король услышал это, он спрятался от своей матери". Представьте себе, что король Франции, человек, чья особая набожность снискала ему имя святого, уваливает, как провинившийся еж, чтобы мать не застала его в обществе жены!

Честный старый сьер де Жуанвиль, который боялся не сказать своему хозяину, когда считал его неправым, рассказывает, что однажды, когда Маргарита была очень больна после рождения ребенка, Луи зашел к ней, опасаясь, что ей грозит смерть. Бланш вошла, а Луи, как мог, спрятался за кроватью, но она его обнаружила. Взяв его за руку, она сказала: "Уходи, от тебя нет никакого проку". Она вывела его из комнаты. Когда королева увидела, что королева Бланш разлучает ее с мужем, она воскликнула громким голосом: "Увы! Неужели ты позволишь мне видеть моего мужа ни в жизни, ни в смерти? И, сказав это, она упала в обморок, так что все подумали, что она умерла; а король, который тоже так подумал, побежал к ней и вывел ее из обморока". В этих историях нет ничего достойного Бланш или ее святого сына.

Отвлечемся от этой неприятной картины, чтобы взглянуть на некоторые факты из внутренней экономики королевского дома. Расходы двора были невелики; хозяйство велось в масштабах, подходящих его рангу, но в нем не было тщеславной показухи. Кроме детей королевы, всегда было несколько иждивенцев, фрейлин, кавалеров и т. д., и расходы на все заведение велись по общему счету.

Бланш де Кастиль любила свою родину, которую она больше никогда не видела, покинув ее и став женой Людовика VIII, и поддерживала как можно более активные отношения со своими родственниками, особенно с королевой Беренжер; но у нее было слишком много здравого смысла, чтобы наводнять свой двор испанскими иждивенцами и испанскими обычаями, и поэтому мы не находим большого количества испанцев, занимавших важные посты при дворе. Некоторые из ее особых слуг, по-видимому, были испанцами; мы можем отметить даму в ожидании по имени Минсия, которая часто упоминается в отчетах, и которой

были предоставлены деньги и лошади для путешествия в Испанию. Кроме того, есть два испанца, которым во время коронации королевы Маргариты дарят одежду и тому подобное. Но эти и другие испанцы, чьи имена можно назвать, принадлежали к личной свите королевы и не имели никакого отношения к политике. Здесь не было ничего похожего на вторжение иностранцев, которое, как жаловались люди, итальянизировало Францию во времена Медичи.

Среди законных расходов двора, но довольно удивительных в доме святого, - определенные суммы, предназначенные для оплаты менестрелей. Принц Роберт Французский любил делать подарки менестрелям, и когда его посвятили в рыцари в 1237 году, более двухсот двадцати фунтов ушло на оплату этих певцов. Лошади и их обмундирование составляют немалую статью расходов, ведь большую часть путешествия приходилось совершать верхом, и необходимо было обеспечить многочисленную свиту конных сопровождающих. Обычные вьючные лошади стоили недешево, но легкоупряжная полуторка и боевой конь стоили от тридцати до семидесяти пяти фунтов. Были также кареты и другие транспортные средства, хотя карет было мало. Состояние дорог, действительно, часто исключало их использование; мы видим, как Бланш де Кастиль оправдывается тем, что не поехала в Сен-Дени, потому что состояние ее здоровья не позволяет ей ездить верхом: дороги, вероятно, были непроходимыми; или, возможно, именно при попытке совершить это небольшое путешествие ее карета получила повреждения, зафиксированные в счете на ремонт от 1234 года, когда, похоже, неудачливому автомобилю потребовались новые колеса. Для *молодой королевы* Маргариты тоже имелась карета, и в 1239 году была куплена новая.

Помимо денег, потраченных на содержание семьи, Бланш сама тратила и учила Луи тратить значительные суммы на благотворительность. При тех жалких экономических условиях, которые преобладали в Средние века, бедность должна была быть гораздо более распространенной и гораздо более мучительной, чем когда-либо в те времена. Во время регентства Бланш королевство неоднократно подвергалось опустошениям в ходе войн знати, есть сведения о голоде, особенно на юго-западе королевства, где, по утверждению одного летописца, в 1235 году на кладбище в Лиможе за один день похоронили сто тел. Во время своих частых поездок по стране Бланш и Людовик делали все возможное, чтобы облегчить положение несчастных, которые толпами собирались на обочинах дорог. Для правильного распределения милостыни имелись штатные служащие, и значительные суммы раздавались, как правило, на каждом этапе путешествия. Дома, в Париже, регулярно раздавались деньги и хлеб, а иногда и особые щедроты по церковным праздникам. Одна особая благотворительность королевы Бланш заслуживает внимания. Когда девушку собирались выдать замуж, одним из первых вопросов был, да и сейчас во Франции остается, вопрос о том, какое приданое могут дать за ней родители; если приданое было недостаточным, бедная девушка подвергалась серьезному риску вообще не выйти замуж. Бланш часто приходила на помощь достойным девушкам в таком положении, и ее подарки не ограничивались ее непосредственными сопровождающими и их семьями; например, бедная женщина из Анета, чужая при дворе, получила сто су Парижа на замужество своей дочери; а возвращаясь из Анжера, Бланш встретила молодую девушку из Ногента, которой она подарила пятнадцать фунтов на замужество.

Бланш всегда была почтительна по отношению к церкви и благочестива по образу жизни; но она никогда не была подневольной в своем отношении к церковникам, которым она позволяла вмешиваться в свое правление не больше, чем величайшему из баронов. Высшее духовенство в целом было ей предано, но то и дело епископы и архиепископы присваивали себе несвойственные им полномочия или отказывались признавать права короны, и тогда

Бланш без колебаний вступала с ними в спор. Одним из знаменитых случаев являются беспорядки в Бове в 1233 году, когда под руководством Бланш Людовик восстановил порядок и утвердил королевскую власть, несмотря на возражения епископа, и продолжал придерживаться занятой позиции даже после того, как в Бове был объявлен интердикт.

В период между двумя регентствами Бланш продолжала жить при дворе; ее ревность к Маргарите отчасти объясняет то, что она предпочла этому отъезд в одно из замков, принадлежавших ее частному владению. В то время, как следует помнить, королева Филиппа Августа, Ингебурж, жила подобным образом в Орлеане. Королева Бланш, действительно, получала значительные доходы от своих поместий, которые она обычно поручала заботам рыцарей-тамплиеров, финансовых агентов многих коронованных особ в Европе. Частью своих владений она управляла лично. В качестве дополнительного занятия она посвятила себя различным благотворительным организациям. В 1242 году благодаря щедрости королевы и ее тщательному надзору было завершено строительство знаменитого аббатства Нотр-Дам, известного под названием Мабуиссон, в Понтуазе. Мобюиссон с его многочисленными приходами, прекрасными садами и зданиями стал одним из самых великолепных монастырских учреждений во Франции. Его часто посещали и обогащали новыми дарами его основательница и ее сын, а знатные дамы выбирали его в качестве места для принятия пострига. Одна из этих дам, графиня Аликс де Макон, стала настоятельницей другого монастыря, Нотр-Дам-дю-Лис, близ Мелена, основанного Бланш де Кастиль.

Управление поместьями и основание монастырей, однако, не монополизировали время и энергию королевы; она всегда была заботливой матерью, следящей за интересами своих детей, и всегда королевой, готовой действовать или принимать быстрые и твердые решения в делах королевства. Она организовала браки своих сыновей, Роберта и Альфонса. Первый женился в 1237 году на Махо, дочери герцога Брабантского, и в честь этого события в Компьене были устроены пышные празднества, а молодой принц был посвящен в рыцари и стал графом Артуа. Альфонс, обрученный с дочерью Раймонда Тулузского, был женат в 1238 году. В следующем году Бланш предоставила богатую и желанную невесту своему племяннику, Альфонсу Португальскому, который воспитывался при французском дворе. Он женился на вдове Филиппа Урепеля, Мао де Булонь, и был верным вассалом Франции, пока не стал королем Португалии в 1248 году. Для каждой из этих свадеб Бланш позаботилась о том, чтобы обеспечить себя новыми элегантными нарядами и развлечениями, соответствующими случаю.

БЛАНШ КАСТИЛЬСКАЯ, МАТЬ СВЯТОГО ЛУИСА

По картине Моро де Тура

Помимо средств, затрачиваемых на содержание семьи, Бланш сама тратила и учила Людовика тратить значительные суммы на благотворительность. В условиях бедственного экономического положения, царившего в Средние века, бедность должна была быть гораздо более распространенной и гораздо более мучительной, чем когда-либо в те времена. Во время своих частых путешествий по стране Бланш и Луи делали все возможное, чтобы облегчить положение несчастных, которые собирались на обочинах дорог. Дома, в Париже, регулярно раздавались деньги и хлеб, а по церковным праздникам иногда устраивались специальные раздачи.

В более широком мире Людовик IX по-прежнему обращался за советом к своей матери: "Он искал ее присутствия в своем совете, когда мог получить его с пользой или выгодой". В частности, в судебных разбирательствах она по-прежнему выступала в качестве государыни; она продолжала следить за теми, кто раньше был мятежными баронами, и ее имя ассоциировалось с именем Людовика в различных актах, касающихся неповоротливого Пьера Моклерка. Что касается ее несчастного кузена, Раймонда Тулузского, то она по-прежнему оказывала влияние на Папу Римского, чтобы добиться некоторого облегчения от обязательства, которое он был вынужден взять на себя, проведя пять лет в Святой земле. Именно при матери Людовик IX купил у молодого константинопольского императора Балдуина святейшие реликвии - Терновый венец и большую часть истинного Креста, для получения которых Людовик построил прекрасную Сент-Шапель. На самом деле эта покупка была организована как предлог для того, чтобы внести значительный вклад в истощенную казну христианской империи Востока, император которой состоял в двойном родстве с Людовиком Святым через своего отца и через Бланш де Кастиль. Терновый венец, действительно, был отдан в залог Венеции. Людовик и Бланш отправились встречать священную реликвию, которая была сопровождена к месту своего упокоения в Париже огромной толпой, распевая гимны и демонстрирующей все признаки глубочайшего благоговения. Для частицы Креста, купленной три года спустя, в 1241 году, была соблюдена та же тщательная церемония; в великой процессии, сопровождавшей Святого Людовика, когда он нес Крест на своих плечах по улицам Парижа, шли босые Бланш и Маргарита.

Когда татарские полчища Чингисхана захватили Польшу и Венгрию, вся христианская Европа содрогнулась от страха и ужаса. Если этих варваров не удастся остановить, и они продолжат неудержимым потоком литься на землю, что будет с христианством? "Что же нам делать, сын мой?" - вскричала Бланш; "Что будет с нами?" "Не бойся, мама, - ответил храбрый король, - будем уповать на Небеса". А затем он добавил знаменитый каламбур, который повторяют все его биографы: "Если эти татары нападут на нас, то либо мы отправим их обратно в Тартар, откуда они пришли, либо они отправят всех нас на небеса".

Из этой угрозы татар выросло религиозное преследование, в котором Бланш приняла небезобидное для нее участие. В Средние века, когда что-то шло не так, виноваты были слабые и угнетенные; если не ведьмы, то евреи, которые принесли несчастье на землю и должны были быть наказаны, прежде чем Бог снова будет доволен. В данном случае именно евреи были обвинены в оказании помощи татарам. Народная молва, вызванная этим обвинением, способствовала проведению расследования доктрин Талмуда по приказу папы Григория IX. Франция, похоже, была единственной страной, где расследование действительно было проведено. Несколько еврейских раввинов предстали перед судом под председательством Бланша, чтобы объяснить и ответить за свои книги. Справедливость, с которой Бланш председательствовал, действительно поразительна, если вспомнить о суровости общепринятых судебных процедур того времени. Главный раввин, Йехиэль, несколько раз обращался к ней с жалобой на несправедливость принуждения к ответу на некоторые вопросы, и она поддержала его просьбу. Когда Йехиэль пожаловался, что, что бы ни решил суд, он и его люди не могут быть защищены от слепой ярости народа, Бланш ответила: "Не говорите больше об этом. Мы намерены защищать вас, вас и все ваше имущество, а тот, кто осмелится преследовать вас, будет считаться преступником". Когда он запротестовал против клятвы, которую требовали его преследователи, потому что клятва противоречит его совести, Бланш решила: "Поскольку это мучительно для него, и поскольку он никогда не давал клятв, не настаивайте на этом". Она упрекала христианских защитников, ученых докторов церкви, в неприличной жестокости их речи и всячески пыталась сохранить в суде хоть какое-то подобие беспристрастности или хотя бы приличия. Если бы она довела

процесс до конца, возможно, приговор был бы иным, чем тот, что осудил Талмуд и приказал предать его огню.

Именно через агента Бланш, очевидно, бюргера Рошели, Людовик Святой получил ценнейшую и своевременную информацию о мятежных приготовлениях Гуго де Лузиньяна, графа де Ла Марш. Этот Гуго де Лузиньян был вассалом Альфонса, брата короля. Он всегда был склонен к бунту, и эта склонность не ослабевала под влиянием его жены, надменной и вспыльчивой Изабеллы д'Ангюлем, вдовы английского короля Иоанна. Начинать свою карьеру в качестве королевы Англии наравне со своей современницей Бланш де Кастиль, видеть, как ее несчастный муж постепенно теряет свои богатые владения во Франции, и обнаружить, что теперь она всего лишь графиня и вынуждена оказывать почести сыну своей соперницы, - все это, должно быть, было для Изабель самой горькой полынью. Тайный агент королевы Бланш очень подробно описывает поведение Изабеллы и Гуго в 1242 году.

Услышав, что Гуг в ее отсутствие принял короля Людовика и его брата Альфонса, Изабель забрала часть своего имущества и поселилась в Ангулеме. В течение трех дней она отказывалась пускать к себе мужа, а когда он все-таки появился, в ярости отхлестала его языком: "Ты, несчастный, разве ты не видел, как все прошло в Пуатье, когда мне пришлось три дня танцевать в присутствии вашего короля и вашей королевы? Когда меня наконец допустили к ним, король сидел по одну сторону королевской кровати, а королева - по другую. Они не позвали меня; они не предложили мне сесть, и все это для того, чтобы унижить меня перед двором. Я, как жалкий, презираемый слуга, стоял перед ними в толпе. Ни при моем входе, ни при выходе они не поднялись, просто презирая меня, да и вас тоже, как вы должны были понять". После подобных сцен в кругу семьи неудивительно, что несчастный граф де ла Марш устремился в более спокойную атмосферу лагеря и поднял бунт против своего государя. Людовику, однако, не составило труда образумить его и одержать очередную победу над Англией, которую мятежники привлекли на свою сторону. "И это было не удивительно, - говорит Жуанвиль, рассказывая об этой кампании Людовика Святого, - ведь он действовал по совету доброй матери, которая была с ним".

Приближалось одно из самых тяжелых испытаний в жизни этой *добррой матушки*. Людовик, всегда отличавшийся нежным телосложением, заболел лихорадкой во время кампании против графа де ла Марш, и ее последствия не проходили до тех пор, пока в конце 1244 года у него не случился сильный рецидив приступа, сопровождавшийся дизентерией. Несмотря на нежную заботу Бланш, жизнь его была безнадежна. Он потерял сознание и, по словам Жоанвиля, которому мы оставим рассказ об этом, "был в таком состоянии, что одна из дам, наблюдавших за ним, захотела накрыть его лицо простыней и сказала, что он умер. Другая же дама, находившаяся по другую сторону кровати, не хотела этого делать, но говорила, что в нем еще есть жизнь. Услышав разговор этих двух дам, Господь сжалился над ним и вернул ему здоровье. И как только он смог говорить, он потребовал, чтобы ему отдали Крест, что и было сделано. Тогда царица, его мать, услышала, что к нему вернулась сила речи, и выразила тем самым великую радость, какую только могла. Когда же она узнала, что он принял Крест, как он сам ей сказал, она проявила такую же великую скорбь, как если бы увидела его мертвым".

Горе Бланш было небезосновательным, ведь ничто иное, как смерть любимого сына, не могло причинить ей той боли, которую она должна была испытать, если бы он отправился в крестовый поход. Не только ее возраст, но и то, что он пожелает, чтобы она осталась и охраняла королевство, исключало всякую мысль о том, чтобы сопровождать его. Это означало разлуку с тем, к кому она всю жизнь питала привязанность, едва не доходящую до идолопоклонства. Как горько она должна была сожалеть о том, что поощряла ту пылкую

набожность, которая теперь привела к тому, что во имя его религии пришлось пожертвовать всем, что королю, сыну, мужу должно быть дороже всего. В то время, когда благодаря настойчивым усилиям его деда, отца и матери власть короны только начала укрепляться, Людовик должен был переломить всю эту политику, а точнее, использовать ее не на благо своего королевства, а на благо фанатичных религиозных идеалов. Бланш была слишком хорошим политиком, чтобы не понимать этого, и слишком здравомыслящим, чтобы не сожалеть об этом. Долг Людовика лежал во Франции; ему было что терять и что приобретать в крестовом походе; хотя Бланш слишком хорошо знала, с каким упорством он будет цепляться за то, что считал своим долгом перед Богом, тем не менее она умоляла его отказаться от идеи отправиться в крестовый поход.

Мольбы матери и жены не смогли отвратить Людовика от задуманного, не помогли и советы его советников. Однако в течение трех лет его внимание занимали другие дела, хотя подготовка к священной войне не была забыта. Когда эти приготовления стали проводиться с большей энергией, была предпринята новая попытка отговорить его. Однажды епископ Парижский сказал ему: "Помните ли вы, сир, что, когда вы приняли крест, когда вы внезапно и без раздумий дали столь важный обет, вы были слабы и беспокойны духом, что лишило ваши слова веса правды и ответственности? Настало время освободиться от этого обязательства. Наш повелитель, папа римский, знающий нужды вашего королевства, с радостью даст вам освобождение от обета". И затем он указал на особую опасность подобного предприятия в условиях нынешнего неспокойного состояния Европы. Бланш присутствовала при этом и с тревогой наблюдала за тем, как подействует этот тонкий призыв. "Сын мой, сын мой, - сказала она, - помни, как Богу приятно видеть сына, послушного своей матери; и никогда мать не давала своему ребенку лучшего совета, чем я даю тебе. Вам незачем беспокоиться о Святой земле; если вы останетесь в своей стране, которая будет процветать в вашем присутствии, мы сможем послать туда больше людей и больше денег, чем если бы ваша страна страдала и слабела из-за вашего отсутствия". Людовик молча выслушал, на мгновение серьезно задумался, а затем ответил: "Вы говорите, что я был не в себе, когда принял крест. Хорошо, раз вы так хотите, я откладываю его в сторону; я возвращаю его вам". Собственной рукой он снял священный символ со своего плеча и передал его епископу. Затем, пока присутствующие еще не оправились от восторга и изумления, он снова заговорил: "Друзья, теперь, конечно, я не лишен разума, я не слаб и не смущен духом; я снова требую свой крест; Тот, Кто знает все, знает, что никакая пища не пройдет мимо моих уст, пока крест снова не будет возложен на мое плечо".

От такого человека нельзя было отмахнуться; подготовка к крестовому походу продолжалась, и 12 июня 1248 года Людовик Святой поднял Орифламму в Сен-Дени. Мы не будем рассказывать о крестовом походе и о характерной для Людовика добросовестности, когда он перед своим отъездом позаботился о том, чтобы возместить каждый акт несправедливости, совершенный в его королевстве, для чего он послал комиссию, которой было поручено провести расследование во всех частях Франции. Наступил неизбежный день разлуки, день, которого Бланш ждала с нетерпением, как последнего, когда она увидит своего сына. Она сопровождала его первые три или четыре дня его путешествия, которое пролегалось через южную Францию до Эгю-Морта, и в Корбейле получила регентство, с правом действовать в правительстве через тех агентов, которых она пожелает, и тем способом, который она пожелает. Опекунство над своими детьми Людовик также оставил Бланш. В Клуни наступила сцена окончательной разлуки; горе Бланш можно себе представить, и слова не помогут нам осознать его сильную искренность. Ее предчувствия оправдались: ей не суждено было дожить до встречи с Людовиком.

Бланш де Кастиль вновь стала регентшей Франции - тяжелое бремя для той, кто прожила жизнь, не отличавшуюся легкой снисходительностью, и кому уже исполнилось шестьдесят лет. Вместо покоя и отдыха на закате жизни - возможно, она надеялась удалиться в свой монастырь в Мобюиссоне - она должна была взять на себя заботы по управлению страной. Воистину, Сен-Луи жертвовал своей матерью ради честолюбия, хотя и не тщеславного и не эгоистичного, и какую бы услугу он ни оказал Богу, убив несколько сотен магометан в Египте, нет никаких сомнений в том, какую услугу Бланш оказала ему и Франции.

Чтобы помочь Бланш в ее управлении, а также собрать дополнительные силы для крестового похода, Людовик оставил во Франции своего брата, Альфонса де Пуатье, который оказал реальную помощь своей матери. Другие же сыновья, Роберт д'Артуа и Шарль д'Анжу, отплыли с крестоносцами в Египет. Первую тревогу Бланш доставил Генрих III, который, отказавшись возобновить перемирие с Францией и осаждая Сен-Луи с нелепыми требованиями вернуть ему утраченные провинции, выбрал этот случай для военных приготовлений. Но Генрих довольствовался приготовлениями, возможно, сдерживаемый страхом перед церковью, которая грозила интердиктом всей Англии, если та решится напасть на Францию, пока король в отъезде и сражается за нее. Освободившись от этого беспокойства, Бланш могла сосредоточить свои усилия на обеспечении помощи Сен-Луи. Но мирской папа Иннокентий IV был так занят борьбой с императором Фридрихом II, что у него не было ничего, кроме молитв и благословений, чтобы одарить короля-крестоносца; а Фридрих либо не мог, либо не хотел выделить больше, чем просто гроши. В конце лета 1249 года Альфонс де Пуатье отправился в путешествие, чтобы привести к брату значительную армию, которую ему удалось собрать. Это была новая разлука для Бланш, которая почти сразу же вовлекла ее в решение новых и довольно сложных политических проблем.

Не прошло и месяца после отъезда Альфонса де Пуатье, как умер его тесть, граф Раймон Тулузский, оставив единственным наследником мужа своей дочери. Бланш немедленно предприняла шаги, чтобы закрепить за своим сыном наследство, еще до того, как получила от него соответствующее послание. По условиям договора 1229 года она получила во владение поместья графа и назначила уполномоченных принимать дань вассалов от имени Альфонса.

Тем временем пришли хорошие новости от Людовика, который высадился в Египте и взял Дамьетту. Королева и ее сын часто переписывались, но письма доходили до адресата медленно, и королева еще радовалась хорошим новостям, когда Людовик и его армия находились в отчаянном положении. Наконец пришло письмо, рассказывающее о катастрофической битве при Мансуре - победе по названию, но столь же дорогостоящей по последствиям, как и поражение, - 8 февраля 1250 года, и о гибели стремительного Робера д'Артуа. Его армия уменьшилась из-за болезней и непрекращающихся стычек с неверными, а сам Людовик Святой заболел. Не было ни Бланш де Кастиль, ни нежной матери, ни жены, чтобы выхаживать его.

Мы уже упоминали о жене Людовика Святого, и, возможно, будет не лишним рассказать о ее роли в этой истории. Она сопровождала своего мужа в крестовом походе, но была оставлена в Дамiette с сильным гарнизоном, когда Людовик отправился в Мансуру. Когда король попал в плен к неверным, Маргарита лежала в Дамiette больная, ежечасно ожидая рождения своего ребенка. Когда пришли первые гонцы с вестью о пленении ее мужа, она отказалась им верить и, как говорят, велела повесить несчастных как разносчиков ложных вестей; но вскоре не осталось сомнений, что беда настигла христианское оружие. Маргарита была полубезумна от боли и страха; даже во сне ей казалось, что комната полна сарацинов, готовых убить ее, и она жалобно зывала: "Помогите! Помогите!" Она заставила старого

рыцаря, которому было больше восьмидесяти лет, караулить у изножья ее кровати. Перед рождением ребенка она призвала к себе этого старика, отослав всех остальных из комнаты, и бросилась перед ним на колени, умоляя его оказать ей одно благодеяние, о котором она просила. "Сэр рыцарь, - сказала она, - я обязываю тебя, по вере, которой ты мне поклялся, что, если сарацины возьмут этот город, ты отрубишь мне голову прежде, чем они смогут меня схватить". И добрый рыцарь с характерной для того времени суровостью ответил, что непременно сделает так, как она велит, ибо он уже решил скорее убить ее, чем допустить, чтобы она стала сарацинской пленницей.

У королевы родился сын; в память о несчастьях этих дней она назвала его Жаном Тристаном. В самый день рождения ребенка она узнала, что генуэзские и пизанские моряки, а также часть гарнизона готовятся оставить Дамьетту. Это была серьезная опасность; ведь если флот уйдет, какой шанс на спасение или даже на возвращение во Францию будет у короля и его армии? Охваченная болью Маргарита действовала с быстротой и решительностью, превосходящими все ожидания бесцветной, уступчивой женщины, которая так долго подчинялась господству свекрови. Она послала за зачинщиками, умоляя их ради Бога не рисковать безопасностью короля и всей армии: "Сжальтесь хотя бы над этой бедной женщиной, лежащей здесь от боли, и подождите, пока она снова не сможет встать". Затем, узнав, что у них была справедливая причина жаловаться на то, что они не могли получить продовольствие, она взяла на себя ответственность за закупку провизии и кормление матросов за счет короля. Ее быстрые действия спасли флот для Людовика. Тем не менее, Дамьетту пришлось эвакуировать, что было одним из условий его освобождения, и королева Маргарита была вынуждена отплыть в Акко, еще не полностью восстановив свое здоровье.

Освободившись и оказавшись в безопасности в Акко, Людовик Святой был вынужден немедленно вернуться во Францию, где страшная весть о его катастрофе уже дошла до Бланш де Кастиль; но он оставил большую часть своих сторонников пленниками в руках неверных, и при таких обстоятельствах бесполезно было убеждать этого истинно благородного монарха считаться со своими собственными желаниями или интересами. Он созвал совет своих баронов и объявил им: "Я пришел к выводу, что, если я останусь, моему королевству не грозит гибель, ибо у госпожи королевы много людей, чтобы защитить его". У него были все основания полагаться на *мадам королеву*, которая сохранила для него его наследие, когда он не мог сохранить его для себя. Отправив обратно во Францию своих братьев, Альфонса де Пуатье и Шарля д'Анжу, Людовик Святой остался в Сирии.

Бланш продолжала править Францией и прилагать все усилия, чтобы помочь своему сыну в его опасном положении. Смерть Фридриха II в декабре 1250 года дала кратковременную надежду на получение помощи от империи или Папы Римского. Но эта надежда вскоре угасла, так как Иннокентий IV был настроен на продолжение своей ссоры с преемником Фридриха, Конрадом. Кроме того, в начале 1251 года Бланш была серьезно больна, причем настолько, что Папа написал ей письмо, в котором отговаривал ее от попытки отправиться в Лион, чтобы увидеться с ним. "Ваша жизнь, - писал он, - это защита стольких людей, что вы должны приложить все усилия и принять все меры, чтобы сохранить или восстановить здоровье, которое так много значит для всех". При всех благопожеланиях и ласковой заботе, содержащихся в этом письме, Папа не был расположен оказать материальную помощь Сен-Луи. Напротив, он приказал проповедовать крестовый поход, даже в Брабанте и Фландрии, против христианского императора, который был его политическим соперником, и обещал большие награды тем, кто в нем участвовать, чем тем, кто сражался с неверными. Бланш созвала совет своих вассалов, которые разразились бурным гневом против эгоистичного и нехристианского поведения главы церкви. Несомненно, Бланш разделяла их негодование, и

даже сообщается, что она приказала конфисковать имущество тех, кто осмелился принять участие в крестовом походе папы против императора, сказав: "Пусть те, кто сражается за Папу, содержатся Папой и больше не возвращаются".

Пока дела Церкви находились в таком состоянии, во Франции возникло новое и опасное движение простого народа, движение наполовину религиозное по своей природе. На севере Франции появился странный человек, обладавший удивительным красноречием и оказывавший сильное влияние на крестьянство. За несколько недель он собрал настоящие армии крестьян, *пастуро*, как их называли, которые пошли по стране вслед за своим таинственным вождем, известным только под именем "Магистр Венгрии", провозглашая, что они пойдут на помощь своему доброму королю. Сначала они не причиняли никакого вреда, но, становясь все смелее и заражаясь некоторой примесью более опасных элементов населения, они начали проявлять особую неприязнь к священникам, а вскоре перешли и к настоящим актам насилия. Магистр Венгрии присвоил себе почти чудодейственную силу, и люди поверили в него. В Амьене, первом крупном городе, куда вошли Пастуро, люди искали этого человека и преклоняли перед ним колени, словно перед святой личностью. Но священники распространяли о нем всевозможные истории: то он маг в союзе с дьяволом, то христианин-отступник, то неверный, а то и вовсе посланец султана Египта, которому поручено передать в руки сарацинов множество христианских пленников. Но самозванец или не самозванец, народ верил в него, и священники напрасно повторяли или придумывали сказки о том, что он неверный: жители самой христианской страны Европы угрюмо роптали на самого Христа. Когда нищие монахи попросили милостыню, народ с рычанием отказал им и, подозвав первого попавшегося нищего, подал милостыню, сказав: "Возьмите это, во имя Магомета, который больше Христа".

Магистр Венгрии и его сателлиты, проповедуя против духовенства и подстрекая к актам насилия, выполняя все функции священников и даже претендуя на совершение чудес, двинулись со своими полчищами невежественных или порочных последователей на Париж. Какую позицию займет Бланш? Она всегда сочувствовала бедам простых людей и прекрасно знала, что священники отнюдь не всегда являются друзьями бедняков, но она не была настолько ослеплена религиозностью, чтобы считать, что только священническая привычка может сделать из простого человека нечто большее, чем человек. К тому же в данный момент у нее были причины обижаться на духовенство: разве не сама церковь скупилась на средства для ведения войны в защиту святых мест? Она была слишком благоразумной женщиной, чтобы искать материальной помощи у этого сброда, поклявшегося идти на помощь доброму королю; но она не была расположена вмешиваться в их дела до тех пор, пока у нее не будет конкретных доказательств их неправоты. Можно только подозревать, что она не верила всему тому, что сообщали ей о них священники; она сама знала и в некотором роде любила Раймона Тулузского, которого священники выставляли заклятым извергом.

Поэтому, когда Пастуро приблизились к Парижу, она отдала приказ не вмешиваться в их дела. Послав за магистром Венгрии, она отнеслась к нему с уважением, задала вопросы и отправила обратно с подарками. Тот потерял голову от тщеславия при таком приеме. Вернувшись к своим последователям, он объявил, что так очаровал королеву и ее людей, что она одобряет все, что они делают, и что они могут безнаказанно убивать священников. В епископских одеждах, с митрой на голове, он проповедовал в церкви святого Юстаса. Его последователи спровоцировали беспорядки, и огромная армия двинулась на юг, с каждым днем становясь все более возмутительной. Бланш поняла, что пора действовать; она ошиблась, приняв этих людей за безобидных, заблуждающихся крестьян или религиозных энтузиастов. Был отдан приказ преследовать и истреблять их. Разрозненные отряды то тут, то

там настигали и рассеивали, а главарей без промедления вешали. Но окончательная катастрофа должна была произойти в Бурже или около него. Войдя в этот город, пастуро занялись грабежом и разбоем, и королевские офицеры, думая удержать их в городе, закрыли ворота; но пастуро выломали их и высыпали из города, преследуемые разъяренными горожанами. Их догнали и пригнали к берегу, после чего началась настоящая резня, а не битва, поскольку большинство пастуро были плохо вооружены. Магистр Венгрии был убит и разорван на куски, а его войска рассеяны. Через несколько недель в стране снова стало спокойно. Лишь немногие из пастуреев действительно приняли крест от тех, кто имел на это право, и отправились на помощь Святому Людовику.

В эти годы мы видим, что королева Бланш очень часто выступала в качестве судьи, председательствовала в суде парламента и в совете; похоже, она продолжала принимать активное участие во всех делах своего правительства. И, как ни странно, мы не находим имени какого-либо одного советника, превозносимого над другими, как более любимого или как более надежного для королевы; у нее есть свои министры, но они играют столь незначительную роль, что Францией действительно управляет королева, а не министры. Мы комментируем это, потому что это примечательно, особенно если вспомнить, что даже при великих королях имена министров не часто полностью скрыты.

Наиболее интересными из действий королевы в это время являются те, что связаны с церковью; существует множество мелких ссор, в которые ей приходилось вмешиваться и отстаивать права короны, но двух следующих примеров будет достаточно, чтобы показать, с какими вещами ей приходилось бороться. Духовенство Франции в связи с крестовым походом Людовика Святого установило налог в размере одной десятой части своего имущества. Несмотря на то, что этот налог уже давно должен был быть уплачен, аббатство Ключи, одно из самых богатых и пользующихся наибольшей благосклонностью королевской семьи, позволяло месяцам проходить за месяцами, не делая никаких шагов к уплате. В конце концов, в начале 1252 года, когда аббат находился в Англии, королевский бейли Мэм захватил замок Лурдон, принадлежащий аббатству Ключи. В лагере духовенства поднялся страшный шум; сам Папа написал письмо, протестуя против этого оскорбления слуг Божьих, и потребовал от Бланш возвращения конфискованного замка. В то же время он поручил архиепископу Буржа наложить интердикт на всех, кто продолжал держать, охранять или населять замок Лурдон, за особым исключением королевы и ее семьи. Бланш, судя по всему, не отдавала байи никаких распоряжений относительно сбора налога, но раз он действовал, она его поддержала; невозможно было убедить ее вернуть имущество аббатства, пока аббат не удовлетворит ее справедливые требования. Папа и аббат были вынуждены признать поражение на данный момент; но после смерти Бланш было выдвинуто требование о возмещении ущерба, которое, как мы можем надеяться, Сен-Луи не удовлетворил.

Другой случай, когда Бланш вмешалась, еще более достоин ее похвалы, поскольку ею двигала чистая человечность, а не ревностная защита прав короны. Жители деревень Орли, Шатене и некоторых других были крепостными каноников Нотр-Дама. Не имея возможности заплатить налог, наложенный их хозяевами, мужчины из этих деревень - мы имеем в виду не нескольких, а всех трудоспособных мужчин - были схвачены и заключены в дом главы. Ужасы "Черной дыры" в Калькутте знакомы всем английским читателям; мало кто понимает, что такие же ужасные тюрьмы и такие же бесчеловечные тюремщики были нередки во многие периоды мировой истории. Состояние тюрем Франции, когда их посетил мужественный и преданный филантроп Джон Говард в конце восемнадцатого века, было таким, что не поддается описанию: насколько хуже должна была быть тюрьма тринадцатого века! Несчастные крестьяне, которым не хватало еды, воды и воздуха, были настолько

переполнены в тюрьме, что некоторые из них умерли. Весть о случившемся дошла до королевы Бланш, она смиренно попросила каноников освободить своих жертв и сказала, что расследует это дело. Каноники ответили, что это не ее дело, что она не должна вмешиваться в дела их крепостных, "которых они могут брать, убивать и вершить над ними такое правосудие, какое им покажется хорошим". Чтобы подчеркнуть эти права и отомстить болтунам, донесшим на королеву Бланш, они схватили жен и детей своих пленников и бросили их в ту же переполненную тюрьму. Страдания, конечно, усилились; многие из несчастных умерли. Историк рассказывает, что Бланш "испытывала огромную жалость к людям, которых так мучили те, чьим долгом было защищать их". Нам нет нужды говорить об этом; но Бланш была не из тех, кто тратит время на *слабое* сострадание, когда есть страдания, которые она может облегчить. Она созвала рыцарей и горожан, дала им оружие, направилась прямо к тюрьме и приказала выломать двери, причем сама нанесла первый удар, чтобы все видели, что она не побоялась взять на себя ответственность за содеянное. С освобождением заключенных ее благотворительная деятельность не прекратилась, ибо она твердо решила, что повторения подобной тирании не будет, если она сможет этому помочь. Она взяла крепостных под свою особую защиту и конфисковала имущество главы Нотр-Дама, которое хранилось у нее до тех пор, пока не было получено полное удовлетворение. Крепостные были лишены права голоса за счет ежегодного налога. Но она настолько не хотела обижать каноников или даже вмешиваться в их права, если таковые у них имелись, что приказала епископам Парижа, Орлеана и Осера провести специальное расследование, чтобы определить, были ли жители Орли должниками по этому налогу. С женщиной ее характера каноники тщетно прибегали к своей излюбленной угрозе отлучения. Если бы они отлучили ее от церкви, то, по крайней мере, в свете истории, она получила бы отпущение грехов, более очищающее, чем то, которое они могли предложить.

Для простых людей великая королева всегда имела нежное сердце. Это был грубый и жестокий век, особенно для тех, кто находился в рабстве. "И поскольку эта королева, - пишет анонимный летописец, - испытывала большую жалость к крепостным, она в нескольких местах приказала освободить их в обмен на уплату некоторых других повинностей. Это она сделала отчасти из-за жалости к девушкам, оказавшимся в таком положении, потому что люди не хотели на них жениться, и многие из них таким образом разорились".

Последние дни Бланш де Кастиль приближались к концу среди печальных и бесплодных ожиданий встречи с сыном. Здоровье ее пошатнулось, один за другим заболевали или уходили из жизни близкие ей люди; самый дорогой из всех оставался в Святой земле, питая тщетную надежду и оставаясь глухим к мольбам матери о возвращении. Она находилась в Мелене, когда в ноябре 1252 года ей стало так плохо, что она поспешила вернуться в Париж. Она привела в порядок свои дела и оставила распоряжение, чтобы те, кого она невольно обидела, получили компенсацию из ее личного состояния. Отбросив все мирские мысли, она обратилась к епископу Парижскому, приняла Святое Причастие и указом прелата была принята в орден цистерцианцев, став монахиней аббатства Мобюиссон. Облачившись в простые одежды сестричества, благородная королева через несколько дней покинула место своих полезных трудов, пробормотав в последние минуты жизни слова молитвы о тех, кто находится в крайнем положении: *Subvenite, saticti Dei*.

Бланш умерла 26 или 27 ноября, на шестьдесят четвертом году жизни. Поверх ее монашеского одеяния надели королевскую мантию, а на голову - корону; так одетую и уложенную на украшенный золотом помост, ее пронесли сыновья и знатные вельможи по улицам Парижа в аббатство Сен-Дени. На следующий день, после заупокойной мессы, тело несли в процессии в Мобюиссон, где состоялась еще одна служба. Здесь, в хоре часовни,

тело королевы было погребено, и была воздвигнута гробница с ее изображением в монашеском одеянии. Другой основанный ею монастырь пожелал удостоиться чести хранить ее сердце, которое в марте следующего года настоятельница, графиня Аликс де Макон, перевезла в Нотр-Дам-дю-Лис.

Давайте ненадолго остановимся у гробницы, прежде чем попытаемся рассмотреть характер Бланш де Кастиль; а пока мы можем посмотреть, как весть о ее смерти была воспринята Святым Людовиком. Он находился в Яффе, когда после долгой задержки до него дошли сведения. При первых же зловещих словах папского легата, прибывшего сообщить ему эту весть, Людовик поддался неконтролируемому волнению. Утешение было бесполезным; даже духовенство, казалось, понимало, что это было бы лишь дерзким усугублением ситуации, и в течение двух дней никто не решался заговорить с ним. Тогда, придя в себя от глубокого горя, он послал за лучшим и самым крепким из своих друзей, бесстрашным, честным, прямолинейным сиром де Жуанвилем, сенешалем Шампани, который и оставил нам рассказ о том, что за этим последовало. Когда Жоанвиль появился в зале, король поднялся и, протянув к нему руки, простодушно воскликнул: "Ах! Сенешаль! Я потерял свою мать!" Жуанвиль ответил: "Сир, я не дивлюсь этому, ибо она должна была умереть; но я дивлюсь, что вы, мудрый человек, так глубоко скорбите; вы знаете, что в словах Мудрости сказано, что, какое бы горе ни было у человека на сердце, ни одно из них не должно быть видно на его лице, ибо тот, кто так поступает (*то* есть показывает свое горе), радуется сердцем своих врагов и приносит горе своим друзьям". Поскольку все утешения были бы неадекватны масштабам утраты, мы не знаем, что кто-то мог бы сказать лучше, чем Жуанвиль. Сенешаль продолжает: "Мадам Мари де Вертус, очень добрая и благочестивая женщина, пришла сказать мне, что королева Маргарита, которая незадолго до этого воссоединилась с королем, находится в большом горе, и просила меня пойти к ней и утешить ее. Когда я пришел, то увидел, что она плачет, и сказал ей, что правду говорил тот, кто утверждал, что не следует верить женщинам; ведь умершая была той, кого вы больше всего на свете ненавидели, и все же вы проявляете к ней такую скорбь. И она сказала мне, что плачет не по королеве, а по страданиям и горю короля и по своей маленькой дочери, оставленной теперь на попечение людей".

Нет качества, которым можно было бы восхититься в том, кто пытается написать жизнь великого человека или женщины, чем бесстрашная откровенность; приведенные нами отрывки характерны для *"Жизни Святого Людовика"* сира де Жуанвиля, чья прямолинейность речи - забавное, но и ценное качество. Мы будем помнить о Жоанвиле, завершая вкратце рассказ о возвращении Сен-Луи и последующей карьере Маргариты.

Между тем как до Людовика дошла весть о смерти матери и тем, как он отплыл во Францию, прошло более года страданий и тщетных битв. Надежды на помощь из Европы не было: не было королевы Бланш, которая могла бы взять в мужья ресурсы Франции, чтобы ее сын мог продолжить борьбу за веру. 25 апреля 1254 года Людовик Святой в сопровождении Маргариты, их маленького сына Жана Тристана и остатков крестоносцев отплыл в Акко. Море было бурным, и когда они находились у берегов Кипра, судно с королевской семьей налетело на песчаную отмель. Сестры бросились будить королеву и спрашивать ее, что им делать с детьми. Маргарита, думая, что все погибли в жестоком шторме, сказала: "Не будите их и не трогайте с места; пусть они отправятся к Богу во сне". Святой Людовик, которому было предложено пересадить себя и свою семью на другое судно, отказался это сделать, решив рискнуть вместе с теми, кто должен был остаться и мог быть вынужден высадиться на Кипре: "Если я покину это судно, на нем будет пятьсот человек, каждый из которых любит свою жизнь так же, как я люблю свою, и которым, возможно, придется остаться на этом острове, и

они никогда вернуться в свою страну. Вот почему я предпочел бы отдать в руки Божьи свою персону, свою жену и своих детей, чем причинить столь сильные страдания множеству людей на этом корабле".

Жоанвиль рассказывает еще об одном несчастном случае, произошедшем во время этого плавания, который напомнит об инструкциях по тушению свечи, приведенных в предыдущей главе. Кажется, одна из фрейлин королевы, раздевая ее, по неосторожности бросила на маленький железный фонарь, в котором горела свеча, конец ткани, которой она обернула голову королевы. Ткань загорелась и, в свою очередь, подожгла постельное белье, которое к моменту пробуждения королевы уже пылало. Вскочив с постели, она схватила пылающие вещи и выбросила их за борт, а также потушила небольшой огонь, разгоревшийся в древесине кровати. Однако крики о пожаре все же раздались, и Жуанвиль рассказал нам, что пошел утихомирить матросов, а позже попросил Маргариту пойти к королю, который был встревожен и взволнован шумом.

После этого крестового похода мы больше ничего не слышим о Маргарите. Несмотря на свою привязанность и уважение к ней, а также на благодарность за ее поведение во время первого крестового похода, Людовик Святой не считал свою жену способной играть роль Бланш де Кастиль, к которой, как говорят некоторые, она неразумно стремилась. Когда он готовился ко второму крестовому походу в 1270 году, он не только не оставил ей регентства, хотя она должна была остаться во Франции, но и проявил необычайную заботу о регулировании ее расходов и ограждении ее прерогатив. Он запретил ей принимать какие-либо подарки для себя или своих детей, вмешиваться в отправление правосудия или выбирать кого-либо на службу без согласия совета регентов. В том, что его меры предосторожности были небезосновательны, мы убеждаемся, узнав, что Маргарита уже думала о том, как обеспечить свое положение в случае смерти мужа, заставив своего сына Филиппа пообещать под присягой, что он останется под опекой до тридцати лет; что он не примет ни одного советника без ее одобрения; что он будет сообщать ей обо всех замыслах, враждебных ее влиянию; что он не заключит никакого договора со своим дядей, Карлом д'Анжу; и что он будет держать эти обязательства в тайне. Молодой Филипп был освобожден от клятвы Папой Римским. Амбиции Маргариты, однако, умерли вместе с мужем, которого она любила и которого оплакивала вся Европа. Добрый король Людовик - фигура настолько героическая в некоторых своих аспектах, что стоит задуматься, прежде чем решиться на какую-либо критику: его мотивы не могут быть опровергнуты, и было бы неблагодарным занятием искать недостатки в его поступках в любом случае.

Маргарита долго жила после мужа в основанном ею монастыре в Фобур-Сен-Марсель, который она передала монахиням на вечное хранение, оставив лишь пожизненную долю для своей дочери Бланш. Именно здесь она жила, когда имела счастье услышать провозглашение канонизации Людовика IX, святого короля Франции. Это произошло незадолго до ее смерти в 1295 году.

В истории есть фигуры, которые ужасно исказились в обезображивающем тумане веков, и другие, которые не меньше пострадали от предрассудков, предвзятости, сознательного или бессознательного искажения. Они - по крайней мере некоторые из них - были частично компенсированы и исправлены перед миром: Людовик XI во Франции и его современник Ричард III в Англии; Клеопатра, Екатерина Медичи, Мария Английская - все они и множество других, как нам то и дело говорят, были неправильно поняты миром; но в этот век всеобщего милосердия, в этот век, который берет на себя задачу исправить все ошибки, накопленные прошлым, можно найти апологетов самого врага человечества. Мораль этой проповеди такова - возможно, она очевидна для некоторых моих читателей, - что если вы либо очень

хороший, либо очень плохой человек, о вас много говорят в истории: найдутся те, кто будет защищать вас, каким бы плохим вы ни были, и те, кто будет осуждать вас, каким бы хорошим вы ни были. Но если вы просто выполняете свой долг, без страха и рекламы, о вас мало что скажут; история, по крайней мере в традициях, которые еще отчасти правят, не удостоивает эпитетом "великий" постоянных тружеников, которые молча выполняют свою задачу и завершают ее. Отчасти поэтому Бланш де Кастиль никогда не прославляли как великую, а ее деятельность по укреплению французской монархии воспринималась как нечто само собой разумеющееся и не превозносилась, как, например, более яркие подвиги "Великого монарха", которому предстояло сделать так много, чтобы подорвать власть этой монархии.

Слава матери затмевается особой славой сына; но не будет ли справедливым спросить, насколько велика заслуга Бланш де Кастиль в совершенстве Людовика-мужчины, насколько велика слава Людовика-короля? Нельзя сомневаться в том, что она застала Францию в самом опасном состоянии, под угрозой потери всего, что два царствования завоевали для королевской власти. Взгляд на историю ее карьеры покажет, что она не только предотвратила эту опасность, но и что корона оказалась сильнее, когда она начала отказываться от своей власти, чем это было при Людовике VIII. Она привела к покорности своих мятежных вассалов; она более чем уверенно держалась против Англии; она закончила войну с Раймондом Тулузским и сохранила за Францией контроль, непосредственный или окончательный, над большей частью его владений; и все это она осуществила не только силой, но и мудрой и терпеливой политикой. Людовик IX был обязан своей короной заботе Бланш как регентши; не исключено, что он был обязан ей и в те годы, когда сам находился на троне, а она была лишь советником. История умалчивает о многих моментах в этой связи, но можно отметить, что именно из-за пренебрежения ее искренними советами он отправился в крестовый поход, который привел к столь катастрофическим последствиям. Она знала, что, даже если бы он был успешным с точки зрения церкви, он мог бы стать опасным, возможно, даже губительным для Франции. Это один случай, в котором, как мы знаем, Сен-Луи отверг наставления своей матери, и что из этого вышло - дело истории; не может ли быть много других его поступков, более успешных по своему результату, за которые заслуга должна принадлежать Бланш?

Как королева, Бланш де Кастиль была более чем способна; только отсутствие великих сражений, великих социальных, религиозных и экономических движений во время ее правления мешает нам безоговорочно назвать ее великой королевой. Когда мы смотрим на Бланш-женщину, мы сталкиваемся с аналогичной проблемой. Можно ли сказать, что она была святой? Ее сын, которого она родила, которого она воспитывала с беспримерной заботой, за которым она наблюдала всю свою жизнь, был назван святым, и нет никого, кто бы сказал ему "нет". Должны ли мы сказать, что мать святого *по должности* или даже по вежливости также является святой? Мы не можем претендовать на святость королевы Бланш: в ней был оттенок нрава ее праматери, Элеоноры Гвиенской недоброй памяти, а может быть, и след Плантагенетов. Интересно отметить, что лучшие качества энергичного Генриха II закалили женскую натуру этой дочери Испании и придали ей выдержку, непобедимый дух, который только и мог ее спасти. Этот темперамент Плантагенетов прекрасно контролируется королевой Бланш; настолько прекрасно, что при некоторых обстоятельствах она кажется холодной. Она не холодна, она хладнокровна, а это совсем другое дело; ни опасность, ни волнение, ни внезапный порыв обиды на оскорбление не могут заставить ее потерять голову и поступить необдуманно. Она - чистый политик, подчиняющий чувства, эмоции своей воле и даже, как мы уже намекали, играющий в любовника, чтобы управлять влюбчивым и неуверенным вассалом. Опасность побуждает ее к действию, и она действует быстро и твердо. На недостатки ее характера мы уже частично намекали; основным из них, если

рассматривать Бланш как женщину, была ее любовь к власти. Она была честолюбива, но, говоря об этом, мы не должны забывать, что она стремилась к власти не для себя, а для своего сына. Как спокойно она отказывается от своей власти и как готова, даже когда эта власть достигает своего апогея, сказать Тибо де Шампани, что он обязан своим сохранением "великой доброте моего сына, короля, , который пришел к вам на помощь"! Но именно ее ревность к Маргарите де Прованс стала главным пятном на характере Бланш. Это была подлость, недостойная столь щедрой и преданной натуры; мы не можем пытаться оправдаться, мы можем лишь выразить сожаление. Ее личность оказывала сильное влияние на тех, с кем она вступала в контакт, и все лучшие люди ее времени получали должную похвалу. Сравните ее с другими женщинами своего времени, и не найдется ни одной, которую можно было бы поставить рядом с *Бланш-ла-бонн рейн* или *Бланш-ла-бонн матерью*.

ГЛАВА VII

РЫЦАРСКИЕ И ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ

Рядом с такой фигурой, как Бланш де Кастиль, женщины, о которых мы могли бы рассказать дальше, покажутся бледными призраками, просто масками и тенями, да и то не всегда приятными. В истории Франции, по сути, нет непосредственных преемниц Бланш и ее невестки; существует, так сказать, междущарствие хороших, великих и даже печально известных женщин; поэтому в этом междущарствии давайте посмотрим, как рыцарство и литература относились к женщине, что было идеалом, а что реальной женщиной в художественном мире того времени.

Между X и XVI веками в Европе происходило зарождение, рост, кульминация, упадок и, наконец, вытеснение тех идеалов и тех обычаев, которые мы связываем со словом "рыцарство". Тема рыцарства, интересная сама по себе, представляет для нас особый интерес, поскольку рыцарство в немалой степени повлияло на положение женщин; но мы не будем заниматься его первоисточником: мы не будем выкапывать корни, а лишь постараемся описать само славное дерево и почву, на которой оно расцвело. Мы обнаружим, что рыцарство, как и все земные вещи, имеет свои проказы, которые нужно скрывать от глаз, если хочешь выплеснуть искренний и бесконтрольный энтузиазм; но для того, чтобы иметь справедливое представление о целом, необходимо понять и хорошее, и плохое.

Мы видели в случае трубадуров нечто похожее на природу экстравагантной амурной преданности, в которой признается своей даме рыцарский поэт. Хотя эта преувеличенная страсть и романтика - одно из сопутствующих явлений, она не является основополагающей идеей или лучшей частью рыцарства. Первоначально, возможно, простое объединение для взаимной защиты и поддержки, рыцарский орден вскоре стал иметь более глубокую и лучшую цель, более широкое значение; он приобрел святость религиозного института, к которому долгие годы тщательной подготовки считались необходимыми, и который налагал серьезные обязанности.

Защищать слабых и угнетенных - вот что клялся делать воин Божий; и первыми в списке тех, кто нуждался в его защите, были женщины. Рыцарь был не только клятвенным защитником женщины от любого физического зла и угнетения, он должен был охранять честь ее имени. Сам он должен быть вежлив и мягок по отношению к женщинам, а у других, менее мягких, он должен вызывать хотя бы внешнее уважение. В уставах многих рыцарских орденов мы находим положения, подобные тем, что были сформулированы Луи де Бурбоном, когда в 1363 году он учредил орден Золотого щита: "Он предписывал (рыцарям) воздерживаться от ругательств и хулы на имя Божье; прежде всего, он предписывал им почитать *дам и даму*, не позволяя слышать дурные слова о них; потому что от них, после Бога, исходит честь, которую получают мужчины; так что говорить дурно о женщинах, которые по слабости своего пола не имеют возможности защитить себя, значит терять всякое чувство чести, позорить и бесчестить себя". Примерно в это же время маршал Бусико учредил орден Рыцарей Зеленого Щита, четырнадцать человек, чьей особой целью была защита женщин, а на щитах был изображен герб, изображающий женщину в белом одеянии. Эти же настроения мы находим сохранившимися даже в Брантоме: "Если честная женщина хочет сохранить свою твердость и постоянство, ее преданный слуга не должен жалеть даже своей жизни, чтобы защитить ее, если она подвергается малейшему риску в мире, будь то ее честь или злословие; так же как я видел некоторых, кто останавливал все злые языки двора, когда они приходили, чтобы говорить плохо о своих дамах, которым, согласно рыцарским традициям, мы обязаны служить как чемпионы в их беде".

Преданность женщине, которая становится доминирующей чертой рыцарского идеала, порой доходит до чистой экстравагантности, простого лунного безумия. Рыцарь клянется в преданности своей даме; чтобы доказать, что он самый верный любовник в мире, а она - самая прекрасная дама, он надевает повязку на один глаз и вступает в смертельную схватку с каждым, кто осмелится улыбнуться этой нелепости. Другой занимает место на шоссе и заставляет каждого проезжающего рыцаря вступать с ним в поединок, потому что он поклялся сломать триста копий за тридцать дней в честь своей дамы. Или вот Джеффри Рудель, который по слухам влюбился в графиню Триполи; говорят, что она самая красивая и любвеобильная женщина на свете; поэтому он любит ее и отправляется в крестовый поход, чтобы увидеть даму. Во время путешествия он заболевает и приземляется в Триполи больным, близким к смерти. Прекрасная графиня, тронутая рассказами о его преданности, приходит к его постели; сразу же здоровье возвращается к умирающему влюбленному, и он возносит хвалу Богу за то, что тот сохранил ему жизнь достаточно долго, чтобы он смог увидеть свою госпожу. Когда он умер, вскоре после этого, - поскольку вид дамы не привел к окончательному излечению, - графиня похоронила его в церкви тамплиеров, а сама приняла постриг.

Но если в рыцарских идеалах и есть самогонное безумие, то есть и более совершенные вещи. Преданность женщине поднимается до уровня обожания; почему бы и нет, если в ее основе действительно лежит пылкое поклонение, мистическое поклонение той, кого Средние века с восторгом почитали, - Марии, Божьей Матери? Позвольте нам довольствоваться тем, что так хорошо сказал Лекки в своей *"Истории европейских нравов"*: "Что бы ни думали о его богословской правильности, не может быть сомнений в том, что католическое почитание Девы Марии сделало многое для возвышения и очищения идеала женщины, а также для смягчения нравов мужчин. Оно оказало влияние, которого никогда не могло оказать поклонение языческим богиням, поскольку они были почти лишены нравственной красоты, и особенно той нравственной красоты, которая свойственна женственности. В значительной степени она служила искупительным и облагораживающим элементом в той странной смеси религиозных, развратных и военных чувств, которая

сформировалась вокруг женщин в эпоху рыцарства и которую не смогли полностью уничтожить никакие последующие изменения в привычках и убеждениях".

Тот факт, что эта любовь к Деве Марии в конце концов стала признанной силой, доказывает, насколько любовь и романтика сильнее теологии и догм; ведь строгая религиозная теория Церкви всегда противилась возведению женщин на очень высокую ступень поклонения. Хотя отцы Церкви превозносили и практиковали целомудрие как высшую добродетель и, как следствие, почитали девственниц выше всех остальных, они никогда не забывали, что именно женский грех "принес смерть в мир и все наше горе"; они никогда не забывали укорять дочерей Евы в этом и называть их *vas infirmius* - "слабый сосуд". На протяжении всех веков, когда христианство боролось за свое существование, святые и мученики, святые отшельники, которыми восхищалась Церковь, избегали самого вида женщины и вздрагивали от ее прикосновения, как от заражения. Но, несмотря на это или вместе с этим, росло поклонение женщине, матери Того, Кого мир назвал Сыном Божиим. О ней было мало что известно, тем лучше для благочестивых агиологов, которые считали, что не ошиблись, соединив скудные факты с обильными легендами. Возник регулярный культ Девы Марии, достигший таких масштабов, что Церкви пришлось что-то предпринять, чтобы признать его. В ее честь были установлены многочисленные праздники, одни с санкции Церкви, другие без нее, одни отмечались по всему христианству, другие - только на местах: Благовещение, Посещение, Сретение, Успение.

Мистическое поклонение, тенденция находить скрытые смыслы в самых обычных для мирского глаза вещах, экстравагантный символизм достигли своего расцвета в двенадцатом и тринадцатом веках. Схоластические богословы и авторы проповедей применяли свои фантастические методы ко всем этапам религиозной жизни, поэтому мы не должны удивляться тому, что они так обращались даже с Богородицей. Один из необычных примеров, который мы можем привести, содержится в проповеди, произнесенной в Париже канцлером университета Стивеном Лэнгтоном, впоследствии архиепископом Кентерберийским. Его имя, кстати, латинизировано для нас как *Stephanus de Langeduna*, откуда легко и лестно было вывести *Stephanus Linguæ tonantis*. В качестве текста проповедник берет не что иное, как популярную песню *Bele Aalis main se leva*, смысл которой таков: "Милая Алиса встала рано утром, оделась и украсила свое прекрасное тело, и пошла в сад. Там она нашла пять соцветий, из которых сделала венчик, усыпанный розами. Клянусь, она предала тебя, не любящий". Это маленькая любовная песенка; и автор, кем бы он ни был, - возможно, какой-то забытый бродячий менестрель, который увидел, как девушка вышла в сад, и переделал эпизод в соответствии со своей фантазией, - несомненно, не имел религиозных намерений. Но Стивен Лэнгтон пытается придать песне мистическое значение, обращаясь к Деве Марии, и, как он говорит, "таким образом превратить зло в добро". Позвольте мне процитировать несколько строк из проповеди, чтобы показать, как был выполнен этот трюк. "*Videamus quæ sit Bele Aeliz.... Cele est bele Aeliz de qua sic dicitur: Speciosa ut gemma splendida ut luna et clara ut sol, rutilans quasi Lucifer inter sidera, etc.... Hoc nomen Aeliz dicitur ab a quod est sine et lis litis, quasi sine lite, sine reprehensione, sine mundana fæse.*" Возможно, будет интересно перевести это как образец проповеди первой четверти XIII века: "Давайте посмотрим, кто такая Беле Аэлиз..... Она - Беле Аэлиз, о которой сказано: Прекрасная, как драгоценный камень, сияющая, как луна и блестящая, как солнце, сверкающая, как Люцифер среди звезд, и т.д..... Это имя Аэлиз образовано от а, что значит без, и *lis, litis*, что значит без спора, без вины, без смешения с отбросами мира". Затем достойный богослов переходит к самой сложной, несомненно, задаче своего толкования - показать связь сада, часовни и пяти цветов с Богородицей. "Кто эти цветы? Вера, надежда, милосердие, смирение, девственность. Эти цветы Святой Дух нашел в благословенной Деве

Марии..." Заключительные стихи, по его словам, направлены против язычников, еретиков, богохульников, к которым он по Писанию обращается следующим образом: "Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его".

Энтузиазм духовенства в защиту Девы Марии не уступал энтузиазму народа. Ничто не было так популярно, как гимн Деве, едва ли отличимый, по пылкости некоторых сохранившихся до нас образцов, от современных любовных песен к женщинам из плоти и крови. Клерки и миряне сочиняли эти песни, соперничая друг с другом в пылкости выражаемых чувств, писали на латыни, на французском, на смешанных латыни и французском, восхваляя простую физическую красоту и грацию той, кого они называли *розой роз и флером флеров*. Читать эти вещи без потрясения можно только тогда, когда помнишь, что в них не было ничего, кроме преданности чисто духовного характера, в чем иногда трудно убедить себя. В качестве примера, и не крайнего, можно привести замену имени *Мари* на имя *Аалис* в песне, использованной для проповеди Лэнгтона.

Помимо этих песен, существовали пьесы, представляющие чудеса, приписываемые Деве Марии, и без конца росли легенды, в которых она была заступницей за бедных смертных. Она стала почти отождествляться с атрибутом милосердия, приписываемым Божеству, и некоторые души, якобы спасенные ею, не всегда стоили спасения, согласно современным стандартам морали. Легенда, повторяющаяся во многих формах, рассказывает нам, например, о клерке из Шартра (предположительно, служащем собора), "гордом, тщеславном, грубом и настолько мирском и развратном в своих привычках, что его невозможно было обуздать". Однако при всем своем разгульном образе жизни этот Божий человек никогда не упускал из виду одну вещь: "Он никогда не проходил перед образом Богородицы... не преклонив колена"; и однажды, стоя на коленях, "с лицом, мокрым от слез, он много раз смиренно приветствовал Ее и бил себя в грудь". Клерк был убит своим врагом, и тогда мир стал говорить о нем плохо, а из-за его дурных привычек его тело закопали в канаве под Шартром. Через тридцать дней или ночей после этого "та, от которой исходит вся жалость, вся мягкость, сладость и любовь, и которая никогда не забывает своих слуг", явилась во сне одному из других клерков и горько упрекнула его за бесчестье, нанесенное ее слуге, о благочестии которого она потом ему рассказала. Духовенство города отправилось к могиле дьячка, и когда ее открыли, то обнаружили "цветок в его устах, такой свежий и полный цветения, что казалось, будто он только что распустился"; язык же, которым он восхвалял Деву, сохранился от порчи, "чистый, как майская роза". Мораль этой истории, как можно подумать, не может быть полезной; только если признать простое, безыскусное благочестие, вдохновившее ее, и задуматься над тем, что она учит большей мягкости, большему милосердию в суждениях о других, можно восхититься ею.

Для средневекового ума, действительно, Дева была не очень похожа на героиню романа, и не было неуважением украсить ее в фантазии так же великолепно, как какую-нибудь прекрасную Элейн или Изеут. История этой последней героини, чье имя никто не напишет одинаково, - Изеут, Исулт, Изольда, Изоут, Исолт, - типична для эпохи романтики и рыцарства, и мы приведем ее, несмотря на ее известность. В качестве предисловия стоит отметить, что эта история пересказывалась так часто, что изменения, вносимые тем или иным редактором, не отличить от оригинала.

Матерью Тристана была Изабель, сестра короля Марка Корнуэльского, которая, умирая при рождении сына, попросила назвать его Тристаном, или Тристрамом, "то есть, как бы это сказать, скорбным рождением". Мальчик был ненавидим своим дядей, королем Марком, который попытался избавиться от него; но юноша бежал во Францию, где завоевал любовь дочери короля Фарамонда, после чего был вынужден снова бежать в Корнуолл, где удалось

временно примириться с Марком. Затем из Ирландии прибыл рыцарь сэр Морхульт, чтобы потребовать дань, причитающуюся ирландскому королю от короля Марка. Тристан сразился с чужеземцем, ранил его до смерти и сам был ранен отравленным копьем своего противника. Только в стране, где варился яд, была надежда на помощь раненому герою; и вот Тристан отправился в Ирландию на лодке без парусов и руля, хотя и хорошо снабженной провизией. Однако беспомощная лодка благополучно доставила свою драгоценную ношу в Ирландию.

Раненый рыцарь, скрывавший свое настоящее имя, был любезно принят ирландским королем, который отдал его на попечение своей жены и дочери, Ла Белль Изеут, обе искусные пиявки. Последняя, светловолосая и золотоволосая, совершенно прекрасная, стала особой помощницей раненого рыцаря: "И когда она осмотрела его рану, то нашла в глубине ее яд, и через некоторое время исцелила его, и тогда Тристан воспылал большой любовью к красавице Изеут, ибо в то время она была самой прекрасной дамой в мире, и тогда сэр Тристан научил ее играть на арфе, и она стала с большой фантазией относиться к сэру Тристану". К несчастью, мать Изеут случайно узнала, что Тристан - убийца ее брата, сэра Морхульт. Тристан должен был уехать, и только любовь Изеут и честь короля спасли его от гнева королевы и позволили ему бежать без оговорок.

Долгие годы мы больше не слышим о красавице Изеут в жизни Тристана, которая полностью посвящена тому, чтобы завоевать себе место за Круглым столом и посрамить своего злого дядю, короля Марка. Но он никогда не забывал Изеут и восхвалял ее так восторженно, что король Марк загорелся желанием взять ее в жены. Тристан, посланный в Ирландию за Изеут в качестве невесты своего дяди, был принят любезно из-за своей почетной миссии и большой славы, которую он завоевал. Он обратился к принцессе с официальным требованием: "Я хочу, чтобы вы отдали мне красавицу Изют, вашу дочь, не для себя, а для моего дяди короля Марка, который возьмет ее в жены, ибо я обещал ему это". "Увы", - сказал король, - "лучше бы вы сами женились на ней, чем все земли, которые у меня есть". "Сэр, если бы я это сделал, то был бы посрамлен навеки в этом мире и нарушил бы свое обещание".

Все было готово к путешествию, и ла Бель-Изют была передана на попечение Тристана: "Более прекрасной пары и более подходящей для брака не видел никто". В чужую страну ее сопровождала дворянка, дама Брангиан, которой королева Ирландии дала мощный любовный филтр, чтобы его давали мужу и жене в день свадьбы: кто выпьет этот филтр с другим, должен полюбить того другого любовью, не знающей конца. По роковой ошибке именно Тристану и Изеут во время плавания был дан этот филтр, и с тех пор непобедимая страсть влекла их друг к другу. Любовь настолько овладела Тристаном, что он оказался неверен своим рыцарским обетам, неверен навязанному доверию и все же счастлив в своей виновной любви к суженой короля Марка. А Изеут отвечала на его любовь и стонала при мысли о Марке.

Когда они прибыли ко двору Корнуолла, нужно было придумать какую-то хитрость, чтобы король не узнал о неверности своей невесты; но романтику всегда легко выпутаться из пут, которые обычно кажутся ему безнадежно запутанными, а решение обычно предполагает новые осложнения. В данном случае было решено, что фрейлина Брангиан будет изображать невесту по ночам, полагаясь на то, что король Марк, одурманенный вином и сном, не обнаружит обмана. Замысел полностью удался; король Марк не заподозрил ничего дурного. Но красавица Изеут, эта нежная дама, которую все любили, решив не оставлять свидетелей позора себя и Тристана, наняла двух убийц, чтобы расправиться с верным Брангианом! Более жалкие, чем Изеут, убийцы были поражены состраданием и просто унесли свою жертву, оставив ее привязанной к дереву, откуда ее вызволил галантный

сарацинский рыцарь сэра Паламед. Паламедес, конечно, тоже был одним из любовников Изеут и любил ее в Ирландии еще до того, как она встретила Тристана. Но теперь Исет презирала его так же, как и тогда: все ее сердце было отдано Тристану, ибо Тристан был рыцарем более доблестным, чем он. Исеут любила Тристана, а не мужа; муж в конце концов заподозрил неладное, и любовник был вынужден бежать, спасая свою жизнь.

Много приключений выпало на его долю, но сердце его по-прежнему принадлежало красавице Изеут. Вновь раненный отравленной стрелой, он уже не мог вернуться к Изеут, чтобы вылечиться, и вспомнил о своей кузине Изеут де ла Бланш Мэн, даме, искусной в хирургии, жившей в Бретани. Тогда Тристан отправился к Изеут из Белой Руки, и начался новый, самый любопытный эпизод в истории любви. Ведь новая Изеут вылечила Тристана, но влюбилась в него, и полюбила страстно. Он не мог ответить ей взаимностью, ибо не забыл la Belle Iseut, но из благодарности женился на ней; а Изеут из Белой Руки, не зная, что ей не досталось всей любви мужа, была счастлива и в том, что имела.

Тристан стал доверенным лицом брата своей жены, Передора, и рассказывал ему такие чудеса о красоте красавицы Изеут, что Передор был наполовину влюблен понаслышке, а когда они с Тристаном отправились в Корнуолл и увидели даму, то и совсем влюбился. На мгновение ей показалось, что она польщена новой любовью, и она играла в кокетку, пока Тристан, доведенный до безумия, не ушел в лес; а сердце Изеут было печально и болело от тоски и сожаления. Здесь он и жил, пока однажды его не схватил король Марк, не узнавший в обнаженном безумце своего племянника, и не заточил его в саду, обнесенном высокой стеной. Но тут вышла к нему красавица Изеут, и Тристан, узнав ее даже в своем безумии, откинул голову и заплакал. Тогда маленькая собачка, которая всегда была при Изеут, почуяла запах Тристана, узнала его и прыгнула на него, ибо эту собачку Изеут держала при себе каждый день с тех пор, как Тристан подарил ее Изеут в первые дни их любви. И тогда Исет упала в обморок и пролежала так долго, а когда смогла говорить, сказала: "Господин мой сэра Тристан, благословен Бог, что вы сохранили свою жизнь! И теперь я уверена, что вас обнаружит эта маленькая собачка, ибо она никогда не оставит вас; и еще я уверена, что как только мой господин король Марк узнает о вас, он изгонит вас из страны Корнуолла, а то и вовсе уничтожит. Ради Бога, господин мой, исполните волю короля Марка, а затем приведите вас ко двору короля Артура, ибо там вы любимы".

Король Марк изгнал Тристана навсегда, и ко двору короля Артура отправился Тристан, завоевывая там все новую и новую славу, пока наконец сам король Марк, движимый ревностью и завистью, не пришел, чтобы погубить Тристана. Но добрый Артур примирил дядю и племянника, и Тристан отправился освобождать Корнуолл от орды вторгшихся саксов. Интрига с Изеут возобновилась, и Марк заточил Тристана в темницу, откуда он был освобожден только благодаря восстанию угнетенных подданных Марка. Исеут сбежала с ним, и они бродили по лесу как настоящие влюбленные, эта прекрасная дама и ее смелый рыцарь, и в конце концов были приняты в Жуазе Гарде галантным Ланселотом, где и жили, пока новое примирение с королем Марком не привело к возвращению Исеут к ее мужу.

Не стоит забывать и о другой Изеут, белорукой даме, на которой Тристан женился и оставил в Бретани. О ее существовании он вспомнил только сейчас и вернулся к ней. Она была в страшной беде и тосковала по мужу; но из ее ласковых объятий он снова бежал, чтобы подавить восстание в своих владениях. Еще раз тяжело раненный, он снова был исцелен белыми руками своей жены, которую, тем не менее, вскоре оставил, чтобы возобновить интригу с соперником Иссеутом в Корнуолле. Но он снова был обнаружен и обращен в бегство ревнивым мужем. Дух беспокойства не давал ему спокойно жить с женой, рыцарь должен был быть начеку, и во время безрассудного приключения он был тяжело ранен, так

тяжело, что смерть казалась близкой, и ее не могли отсрочить приемы Изеут из Белой Руки. Тристан поспешно отправил гонца за красавицей Изеут: "Приезжай со всей скоростью, если любишь меня! И чтобы я знал, что ты на корабле, пусть паруса будут белыми; если же ты не можешь прийти, пусть паруса будут черными". Исеут поспешила к возлюбленному с лихорадочным нетерпением, обвиняя ветры, волны и медлительность гонцов. Тем временем пренебрегаемая жена Исет из Белой Руки узнала правду и разразилась дикой ревностью. Тристан лежал на ложе и мучительно ждал вестей о корабле с красавицей Изеут, ревнивая жена тоже не теряла бдительности, и когда белые паруса судна подсказали ей, что соперница уже близко, ревность взяла верх: "Я вижу корабль, - вскричала она Тристану. "Какого цвета у него паруса?" - спросил он. "Черные, совсем черные", - вскричала она. Больной рыцарь снова упал на постель и застонал, упрекая Изеут, оставившую его в нужде:

"Эми Йослт! Треис фез а дит,

A la quarte rent l'esperit."

(Исет, любовь моя! трижды он вскрикнул, на четвертый раз отдал душу).

"Вышла Исет с корабля; на улице она слышит причитания..... Старуха говорит ей: "Милая госпожа, да поможет мне Бог, у нас здесь горе, большее, чем когда-либо было у людей": *Tristan li pruz, li francs, est mort* (Тристан, храбрый и благородный, умер)."... Вся растрепанная пошла Исет по улицам и вошла во дворец, где лежало тело. Затем она повернулась лицом к востоку и жалобно взмолилась о нем: Тристан, любовь моя, когда я вижу, что ты лежишь мертвый, я не должна больше жить. Ты умер из-за моей любви, а я умираю, амі, от горя, потому что не смогла прийти вовремя". Затем она легла рядом с ним, обняла его... и в тот же миг испустила дух".

Читатель почти сразу заметит сходство этой истории с известной в греческой легенде историей о Тесее и Минотавре; есть несколько деталей, неизбежно опущенных в приведенном нами кратком изложении, которые делают это сходство еще более заметным. Но нас больше интересует характер героини. Можно заметить, что некоторые черты в *la Belle Iseut* не очень похожи на черты Андромеды, которую так легко утешил Дионисий. Госпожа Исет - типичная героиня романсов, и поэтому мы можем прокомментировать те ее черты, которые кажутся наиболее примечательными.

Любовный мотив в романе, во-первых, так же силен, как и мотив чистого приключения; именно любовная история служит нитью, связывающей все воедино. Это свидетельствует о заметном изменении значения женщины в глазах тех, кто писал в угоду миру. Но отношения героини с героем наиболее удивительны. Мало того, что Изеут очень прямолинейна, более чем готова признаться в любви и дать полный ответ Тристану, но она делает все это с полным сознанием того, что поступает неправильно. Поэт, понимая, что мораль его истории может быть поставлена под сомнение, приворотное зелье: находясь под чарами, влюбленные не несут ответственности.

Оправдаем ли мы влюбленных перед романтическим правосудием или нет, мы не можем забывать, что вся их история основана на виновной страсти, которая, кажется, имеет особое очарование для романтика: это то же самое, если привести лишь один пример из многих, которые можно привести, в истории Ланселота и Гвиневеры и в эпизоде с Элейн. Конечно, в обоих упомянутых случаях герою отказано в высшей чести: ни виновному Тристану, нарушившему рыцарскую клятву, ни рыцарственному, но виновному Ланселоту не дано завоевать Святой Грааль; и мы не сомневаемся, нам говорят, что только чистые в жизни могут

завоевать эту честь. А вот для Изеут, хотя она справедлива и очень любима, наступает жалкий конец, конец, который не приносит венца счастья, не награду, а наказание.

Одна черта в характере Исет смущает тех, кто лелеет романтические идеалы: ее жестокость. Мы можем простить ей любовь к Тристану и, читая роман, научиться чувствовать к ней часть той страсти, которая влилась в жилы Тристана вместе с любовным сквозняком; но что мы скажем, когда она сознательно замышляет убийство незащищенной женщины, да еще и совершившей беспримерное по верности и самопожертвованию служение?

Если Исет олицетворяет собой поэтический идеал рыцарского века, то была ли реальная женщина той эпохи похожа на Исет? Мы можем безоговорочно ответить: нет. Условия жизни в романах были очень сильно идеализированы, и определенные формы в романсе стали чисто условными. Героиня всегда должна быть прекраснее, чем может рассказать язык, и она должна в конце концов завоевать своего возлюбленного или быть милосердной к нему, в зависимости от того, как она начала - в презрении или в любовной тоске. Этой развязке предшествовали многочисленные приключения, дико фантастические по своему характеру; но читатели и в те времена дошли до того, что их измученные вкусы уже не могли пощекотать даже самые изысканные экстравагантности. Мужчины знали, что в реальной жизни так не любят; и женщины тоже знали, хотя, возможно, не спешили в этом признаться. Во всяком случае, реакция на крайний тип романтической идеализации женщины началась еще тогда, когда рыцарская романтика пыталась убедить своих читателей, что все женщины похожи на Изеут, Гвиневер, Элейн и что они - ангелы.

Реакция против рыцарского идеала в литературе приняла два основных направления: одно, более чисто комическое или реалистическое, представляло женщину средних классов, другое, более интеллектуальное и сатирическое, представляло женщину в целом, но особенно даму. Первая представлена, можно сказать, великим *Романом дю Ренара* и короткими популярными сказками, которые любили декламировать бродячие менестрели, - *Фаблю*. Второе мы находим главным образом в *"Романе де ла Роза"* и его многочисленном потомстве.

Ренар, конечно, является центральным персонажем эпопеи о гигантских зверях, но мы не мало слышим о его жене Эрмелине или Эрме, о госпоже волчице, даме Эрсент, и о леопардихе Харуже. Они играют перед нами в маленькую игру, которая, как мы знаем, является игрой жизни, как жили женщины в те времена, когда Ренар был еще знаменитым человеком. Приведем лишь один эпизод из *"Ренара Нуво"* Жакемара Желе, конец XIII века: Ренар становится доверенным лицом Нобля (льва) и узнает о его любви к даме Харуж; тут же тонкий Ренар начинает интриговать, пока, наконец, Харуж не становится его любовницей. Осажденный Ноблем в Мопертюи, Ренар посылает лестное любовное письмо каждой из своих давних возлюбленных - львице, волчице и леопардице. Три дамы в восторге от предложений очаровательного мэтра Ренара. Они бросают жребий, чтобы узнать, кто из них навсегда завладеет любовью неотразимого Лотарио; жребий падает на даму Эрсент, и три дамы пишут совместное письмо, чтобы сообщить Ренару о своем выборе, который не очень-то радует Ренара, к тому же спровоцированного тем, что они обменялись доверием. Он сразу же планирует месть. Придя в суд в костюме шарлатана, он дарит Ноблю драгоценный талисман, с помощью которого, по его словам, любой обманутый муж может узнать о неверности жены; Нобль, Изенгрин (волк) и леопард жаждут испытать действие талисмана. Можно представить себе последующие страшные разоблачения. Провинившиеся жены, избитые своими разгневанными мужьями, бегут со двора и попадают в руки коварного Ренара, который тут же основывает гарем. Это приятная юмористическая история, в которой

отчетливо отражены условия реальной жизни, а сатирический замысел не настолько искажает отражение.

Однако в "Фаблио" женщина изображена еще более отчетливо - такой, какой она была на самом деле, или, по крайней мере, какой она казалась мужчинам. Большая часть старофранцузской литературы, как заметил один критик, посвящена разоблачению и обсуждению несчастий брака; и в этих отношениях обманутый муж, можно сказать, главный клоун. Авторы *фаблио* - *которые* были написаны для развлечения буржуа, а также рыцарей - "изобретали или открывали новые талисманы, которые раскрывали их несчастья (как мужей): заколдованная мантия, которая внезапно становится то длиннее, то короче, когда ее надевает неверная жена, кубок, из которого не могут пить только счастливые мужья..... Наши сказочники придумали целый цикл женских хитростей и уловок..... Женщины Фаблио не гнушаются никакими уловками: они могут убедить своих мужей, одного, что он укрыт невидимым плащом, другого, что он монах, третьего, что он умер". Спорить с ними или пытаться перехитрить их бесполезно, говорит автор этих историй, ибо *mout se femme de renardise*, - много лисьих уловок знает женщина, - и *fols est qui femme espie et guette*, - тот дурак, кто шпионит за женщиной.

История одного из таких триумфов красоты над мудростью лучше всего проиллюстрирует тип *фаблио*; она называется "*Лай д'Аристоте*". Когда Александр завоевал Индию, он почил в постыдной лени, будучи рабом любви к юной принцессе индусов. Аристотель, мастер всякой мудрости, упрекнул своего закадычного ученика за такое пренебрежение к серьезным вопросам; и индуска, видя несчастное состояние Александра, открыла ему причину этого. Она отомстит старому ворчливому ученому; до полудня следующего дня она заставит его забыть грамматику и логику, если только Александр даст ей волю, и он увидит поражение Аристотеля, если будет наблюдать за ним из окна, выходящего в сад. Ранним утром, когда на траве еще лежала роса, а птицы только начинали петь, она, спотыкаясь, вышла в сад, корсаж ее был свободно застегнут, золотые волосы буйно развевались по шее; и, пробираясь среди цветов, приподнимая нижнее платье, она пела милые песенки о любви. Мастер Аристотель, сидевший за книгами, услышал певицу, и "такое сладкое воспоминание о ней всколыхнулось в его сердце, что он закрыл книгу". "Увы, - сказал он, - что с моим сердцем? Вот я, старый и лысый, бледный и худой, и философ, более кислый, чем все, кого мы еще знаем и о ком слышим". Девица собрала цветы и сплела себе гирлянду, напевая при этом так сладко, так заманчиво, что кислый философ уступил, открыл окно и заговорил с ней, более того, вышел к ней и ухаживал за ней, как самый настоящий влюбленный, предлагая рискнуть ради нее телом и душой. Она попросила не так уж много доказательств его преданности. "Это всего лишь моя маленькая прихоть, - сказала она, - если вы удовлетворите ее, я смогу полюбить вас". Прихоть заключалась в том, чтобы он позволил ей кататься по саду на своей спине. "А вы должны быть в седле: Я буду ехать более грациозно". Любовь победила, и вот уже самый выдающийся ученый в мире скакал на четвереньках, как жеребенок, с дерзкой девчонкой на спине, когда в окне появился Александр. Педагог не растерялся; надев седло и уздечку, он поднял глаза на царя: "Сир, скажите мне, не был ли я прав, когда боялся любви к вам, во всем пылу юности, раз любовь запрягла меня, старого и увядшего! Я соединил наставление и пример: вам предстоит извлечь из них пользу".

Иногда поэт "Фаблио" делает паузу, чтобы описать свою героиню и ее наряд; то это живая деревенская дева, босоногая, в мокрой одежде, набранной из охапки водяного кресса; то это кокетка, заканчивающая свой туалет перед зеркалом, которое она заставляет держать маленького пажа, пока она заплетает свои локоны и кокетничает с ним; то это партия дам,

сидящих в беседке какого-нибудь замка и вышивающих геральдические знаки на знаменах своих рыцарей. А еще есть веселая история о трех парижских *комми*, жене Адама де Гонеса, ее племяннице Мари Клипе и даме Тифайн, мельничихе, которые говорят своим мужьям, что отправляются в паломничество, о! благочестивое паломничество, на праздник Трех королей в Кельне. Они ускользают от своих бдительных, но слишком доверчивых супругов, и вот их усаживают за стол в трактире, где дают "такое хорошее вино, какое когда-либо росло; это само здоровье; это вино чистое, игристое, крепкое, прекрасное, свежее, мягкое для языка, сладкое и приятное для глотания". Веселье начинается с обильного поедания жирного гуся, оладий, лука, сыра, миндаля, груш и орехов, а трио присоединяется к пению:

"Commères, menons bon revel!

Tels vilains l'escot paiera

Qui ja du vin n'ensaiera."

(Сплетники, давайте веселиться и резвиться от души! Бедный дьявол, который никогда не убирал вино, заплатит по счету). И вот, закончив трапезу, они выходят "из таверны на улицу", не мало взбодренные, надо полагать, этим знаменитым вином, и отправляются с песнями на ярмарку.

Не все изображения женщин так невинно забавны и веселы, как это; напротив, общее отношение авторов "*Фаблю*" явно нелестное, чтобы не сказать враждебное. Иногда это просто одна из бесконечных вариаций на тему нехватки добродетельных жен; это Чичефас, корова, питающаяся добродетельными женами, которая почти умирает от голода, в то время как Бигорн, имеющий менее строгие представления о нравственности своей пищи, задыхается, готовый лопнуть. Но в целом преобладает мнение, как выразился один писатель, что "женщина слишком слаба умом; она ни над чем не смеется, ни над чем не плачет; она вмиг превратится из любви в ненависть. Только сильная рука может управлять ею; и все же бить бесполезно, потому что ее недостатки врожденные; природа сделала ее капризной, упрямой, порочной; она - низшее создание, по природе деградировавшее и порочное".

Но несколько иным является настроение "*Романа де ла Роз*", если рассматривать это огромное произведение в его полной и наиболее влиятельной форме. *Роман о Розе*, если повторить несколько известных фактов, был написан между 1225 и 1275 годами двумя поэтами, один из которых писал позже другого и под несколько иным вдохновением. История аллегорична, и ее основная тема связана с приключениями молодого человека, одновременно героя и поэта, в его попытке сорвать прекрасную розу, которую он находит обнесенной шипами в саду, полном чудес. В попытках добраться до розы влюбленному попеременно помогают и мешают различные аллегорические персонажи, чьи имена подсказывают, какую роль они играют: Доброе приветствие, Скромность, Тщеславие и Жалость. Для поэта Гийома де Лорриса, который первым взялся рассказать эту дивную аллгорию, женщина - высшее существо, почти ангел, а любовь - божественная вещь. Любовь - тема его поэмы:

"Ce est li Romanz de la Rose

Où l'Art d'Amours est toute enclose."

(И именно настоящей любви он учит, ибо сам Бог Любви повелевает влюбленным: "Я желаю и повелеваю, чтобы ты сосредоточил всю преданность своего сердца в одном месте". Его

возлюбленная нежна и обходительна; мы находимся в атмосфере, мало чем отличающейся от рыцарских романов.

Когда пятьдесят лет спустя Жан де Мен берется завершить роман, оставленный Гийомом, мы узнаем, что женщина для него - воплощение всех пороков; что любовь - порочная вещь, корень всех зол; что стоит учиться искусству обманывать женщин, а не любить их. Более того, разрешается самая крайняя распущенность; верности в любви не существует, ибо она противоречит закону природы, который предписывает *toutes pour touz et touz pour toutes* - все женщины для всех мужчин, а все мужчины для всех женщин. Жан де Мён впитал в себя все, чему могли научить его самые циничные либертины древности, и добавил к этому свою собственную злобу на женщину. Это "*Искусство любви*" и "*Средство от любви*" Овидия, переработанные для средневековья. Вряд ли можно найти что-то более далекое от галантности рыцарских романов. И все же эта циничная позиция, как мы пытались показать, была лишь отростком галантности, доведенной до безумия; ведь вначале галантность, говорит Монтескье, "не есть любовь, но это нежное, легкое, вечное притворство любви".

VIII

МАРИ ДЕ БРАБАНТ И МАХО Д'АРТУА

В доме королей Франции, который в последнее время находился под мудрым контролем Бланш де Кастиль или чистым влиянием доброй, но слабой Маргариты де Прованс, разразился придворный скандал, грозивший серьезными последствиями при сыне Людовика Святого, которого Филипп по ошибке назвал "ле Харди". Центральная фигура этого неприятного эпизода, Мария де Брабант, в остальном столь малопримечательна, что мы не будем рассказывать о ней больше, чем это необходимо для понимания маленькой интриги, в которой ее обвинили.

Изабель д'Арагон, первая жена Филиппа III, умерла при трагических обстоятельствах. Она сопровождала своего мужа и святого Людовика во втором крестовом походе последнего, а возвращаясь с телом святого короля, была сброшена с лошади при переправе через ручей в Калабрии и умерла через несколько дней (январь 1271 года), родив ребенка, который долго не прожил. В 1274 году Филипп женился на Марии де Брабант, сестре герцога Жана де Брабанта. Новая королева была молода, красива и *превосходна в умении*, с каждым днем все больше укрепляя свою благосклонность к королю. Фаворитом Филиппа в то время был Пьер де ла Броссе, начавший жизнь, как говорили его враги, в качестве парикмахера-хирурга Сен-Луи, но на самом деле имевший более уважаемое происхождение. Теперь он достиг такого состояния, что вызывал зависть знати; поскольку против него существовала клика, он был намерен использовать все средства, чтобы сохранить свою власть, поскольку потеря власти, как он хорошо знал, почти наверняка повлечет за собой потерю жизни.

Королева Мари, вероятно, проявляла неприязнь к этому фавориту и, возможно, сочувствовала попыткам свергнуть его власть. Случайность - мы без колебаний утверждаем, что это была случайность, - дала Пьеру, теперь уже ее врагу, шанс погубить ее. В 1276 году

принц Луи, старший сын Филиппа от Изабеллы, умер внезапно или, по крайней мере, при загадочных обстоятельствах. Времена отравлений отнюдь не прошли, и отравление сразу же было предложено в качестве объяснения загадочной смерти. Пьер де ла Броссе усердно распространял слухи о том, что королева совершила преступление и готова покончить с тремя оставшимися детьми Изабеллы, чтобы корона перешла к ее детям. Разумеется, при дворе ходило много злых разговоров, а также заговоров и контрзаговоров между друзьями королевы и друзьями фаворита. Филипп разрывался между любовью к Марии и подозрениями в ее адрес, и Пьер де ла Броссе прилагал все усилия, чтобы поддерживать последние. В конце концов дело дошло до того, что пришлось прибегнуть к сверхъестественному, чтобы удовлетворить сомнения короля, - необычный способ разрешения трудностей в те времена, когда вера в оккультные вещи была еще широко распространена.

По просьбе одной из сторон - нет полной уверенности, какой именно, - Филипп решил передать вопрос о смерти сына на решение ученой и благочестивой монахини, или бегинки, из Нивеля в Брабанте, которая, как считается, обладала даром второго зрения и таинственным знанием вещей прошлых, настоящих и грядущих. Не исключено, что оракул был подделан врагами Пьера де ла Броссе; но, как бы то ни было, она дала ответ, который успокоил сердце Филиппа. Ему было велено не питать зла к своей доброй и верной жене. Таким образом, Мари была спасена из опаснейшего положения, но она не могла не затаить обиду на зачинщика нападения на нее.

Хотя, несмотря на интриги королевы и вельмож во главе с ее братом, в течение двух лет Пьер де ла Броссе продолжал пользоваться благосклонностью, судьба его готовилась; и весной 1278 года она настигла его, когда в руки короля попали письма, написанные им самим или подделанные его врагами. В этих письмах, якобы взятых из переписки Пьера с Испанией, содержалась измена. Он был арестован и заключен в Венсенн, а суд знати, в котором преобладали герцоги Бургундии и Брабанта и граф Артуа, провел своего рода суд и осудил его. Дворяне не теряли времени, чтобы избавиться от павшего фаворита, которого сразу же повели на эшафот, а жители Парижа, убежденные в том, что Пьер был хорошим министром и что его несправедливо осудили, устроили серьезные беспорядки. В народе бытовало мнение, озвученное парижским хронистом, что Пьер был принесен в жертву ненависти королевы и знати: "Против воли короля, как я полагаю, он был повешен..... Его погубила скорее зависть, чем вина". Инсинуации против королевы, несомненно, были одной из главных причин его падения.

История так и не смогла установить, действительно ли Мари была виновна в покушении на жизнь детей первой жены своего мужа. Существует очень любопытное письмо, написанное папой Николаем III Филиппу и Марии, которое наводит на мысль, что он, по крайней мере, приписывал королеве некоторые злодеяния, в которых ее обвиняли. Умоляя Филиппа не докапываться до сути дела, поскольку Пьер де ла Броссе мертв, он наполняет свое письмо к Марии риторическими вопросами самого тревожного характера: "Что могло спровоцировать вас на столь жестокую смерть невинного ребенка (принца Луи), чьи нежные годы не давали оснований для ненависти?" Если Мари и была невиновна, трудно поверить, что Папа считал ее таковой, когда читаешь столь двусмысленные фразы. Безусловно, смерть детей Изабеллы была ей выгодна для собственного потомства; но нет никаких доказательств того, что она вынашивала злые замыслы, и весь ход ее довольно тихой и безвестной жизни опровергает злые инсинуации. Она была кроткой, благочестивой в соответствии с обычаями того времени и получила тщательное образование, которое не оставило ее без некоторого понимания искусств и литературы, поскольку мы видим, что она была покровительницей поэта из ее

родного Брабанта, Аденета ле Роя, которого называли "королем менестрелей". Однако реальных фактов в этом деле мы никогда не узнаем, и Мари почти не появляется в истории, хотя она жила в видимом богатстве и честной славе до 1321 года, когда наступила ее смерть.

До смерти Марии де Брабант в Париже побывали и скончались многие другие королевы во время правления Филиппа ле Бея и его сыновей, Людовика ле Гутина и Филиппа ле Лонга. Но ни одна из них не пользуется достаточной известностью и славой, чтобы заслуживать подробного комментария; вместо этого мы можем сосредоточить свое внимание на типичной *гранд-даме* того времени, женщине, которая была непосредственной вассалкой короны и играла не последнюю роль в делах своего собственного домена, - графине Махо д'Артуа.

Махо, или Матильда, принадлежала к высшему дворянству, прославилась своим рождением и родством с известными в истории личностями, будучи двоюродной племянницей Сен-Луи, кузиной Филиппа ле Бея, бабушкой герцога Бургундского и графа Фландрского, и, что еще важнее, матерью двух несчастных королей Франции, жен Филиппа V и Карла IV. Она прожила активную и полезную жизнь и представляет собой персонаж, о котором неприятно вспоминать. Со времен ее стремительного деда, Робера д'Артуа, брата Людовика Святого, ее семья любила поле боя, на котором многие из них погибли. Роберт, первый граф Артуа, был убит при Мансуре; отец Махо, Роберт II, пал в великой резне французской знати в битве при Куртрее; а ее брат, Филипп, пал в другой битве с крепкими бюргерами Фландрии в 1298 году. Смерть этого брата оставила Махо наследницей Артуа, и она получила свое наследство, когда, как мы уже отмечали выше, ее отец был убит при Куртрее в 1302 году.

В то время Махо уже была матроной и знатной дамой в стране, поскольку в 1285 году она вышла замуж за Отто, графа Палатина Бургундского. Ее муж был намного старше ее, ему было сорок пять лет, в то время как Махо едва достигла женского возраста; кроме того, Отто был товарищем ее отца и был таким же гордым, таким же рыцарственным, таким же щедрым в своих расходах, как любой принц своего времени. Эта привычка к расточительности сделала Отто легкой жертвой для алчных ростовщиков; и когда он оказался в руках этих филистимлян, осторожный король Филипп ле Бель знал, как помочь ему настолько, чтобы он оставался благодарным и послушным вассалом короны. Уже в 1291 году родился первый ребенок Махо, дочь по имени Жанна, за которой последовала вторая дочь, Бланш (около 1295 года), а затем два сына, Роберт и Джон, причем последний умер еще в младенчестве. Губительные эксцессы графа Отто довели его до такого состояния, что в 1291 году Филипп ле Бель заключил с ним выгодную сделку: малолетняя дочь Жанна, как было решено, должна была выйти замуж за старшего сына короля и таким образом передать Бургундию под власть короны; при этом оговаривалось, что в случае рождения сына у Отто Бургундия должна отойти к этому сыну, а Жанна - выйти замуж за второго сына короля. Так, собственно, и произошло, ведь у Отто было два сына. В 1295 году, когда граф оказался в руках ростовщиков, Филипп ле Бель оплатил его долги, назначил ему пенсию и предоставил право на ее выплату или продолжение его детям, в обмен на что Бургундия перешла в руки короля, а дети получили опеку до достижения ими семнадцатилетнего возраста.

Что думала графиня Махо об этих договоренностях, так сильно повлиявших на будущее ее детей, мы не можем сказать, поскольку у нас мало сведений о ее жизни до смерти мужа. Это событие произошло в начале 1303 года, когда Отто, как и многие другие члены семьи Махо, был убит в битве с фламандцами; и нельзя отрицать, что его смерть стала скорее благом, чем несчастьем для Махо и ее детей. Как вдова она пользовалась правом на особую защиту со стороны короны, с которой отношения ее семьи и ее мужа были самыми близкими и удачными; как вдова она могла посвятить себя задаче возмещения убытков, понесенных из-

за плохого управления ее владениями Отто. В качестве феодальной правительницы Артуа и Бургундии ей было бы чем занять свое время, даже если бы ее дела были в лучшем порядке и ее оставили управлять ими в покое; но этого не случилось, так как ей пришлось бороться за свои права в течение большей части оставшихся ей лет.

Прежде чем перейти к ее карьере графини Артуа, давайте завершим часть более интимной жизни Махо, часть, полную стыда и печали для матери. Ее сын, Роберт, был предметом особой заботы Махо, которая всячески стремилась дать ему образование, не только соответствующее высокому положению, которое он должен был занять в жизни, но и рассчитанное на то, чтобы сделать его полезным и счастливым человеком. Уже в 1304 году, когда ему было не более семи или восьми лет, Махо предоставил ему отдельное заведение, или *гостиницу*, под управлением двух достойных джентльменов, Тибо де Морегара и Жана де Веллефо. Там Роберту был предоставлен маленький товарищ, Гийом де Вьенн, его товарищ по играм, к которому относились с таким же вниманием и добротой, как и к самому Роберту. Затем была свита из семи или восьми слуг и двух рыцарей, старых слуг отца Махо, чтобы помогать в военном обучении юных джентльменов; кроме того, был некий Анри де Бессон, педагог, которому было поручено воспитание Роберта. Ребенок, конечно, не был оставлен матерью только на этих помощников, она проводила с ним значительную часть времени. Игры и модные развлечения не возбранялись любящей матерью, и уже в 1308 году мы видим, как Роберт проигрывает свои деньги в придворных играх и тратит свое золото на лошадей и турниры, как и другие молодые джентльмены того времени.

В 1314 году он уже мог облачиться в военное рыцарское одеяние, и в следующем году он сопровождал королевскую армию в бесцельном походе во Фландрию, в то время как его мать оставалась дома и читала молитвы о безопасности своего сына. Но сын, которого она так преданно любила и которого так старалась порадовать и развлечь, не дожил до совершеннолетия, так как умер в первых числах сентября 1317 года, не успев получить окончательное рыцарское достоинство. От всех церковных сановников Артуа, от всех великих родственников Махо пришли письма с соболезнованиями по поводу смерти наследника Артуа, о чем в течение двух дней публично возвещали слуги графини на улицах Парижа, в котором раздавали щедрую милостыню бедным, а паломники сразу же отправлялись к Сен-Жамсу Компостельскому, Сен-Луи Марсельскому и к другим святыням, чтобы заступиться за душу умершего. Через несколько недель Маго приказал скульптору Жану Пепену де Гюи воздвигнуть гробницу для *благородного человека, монарха Робера д'Артуа, бывшего супругом (сыном) госпожи графини*. На этой гробнице из белого камня изображена лежащая фигура молодого графа, облаченного в доспехи, с длинными, ниспадающими волосами на красивом безбородом лице; сейчас она хранится в аббатстве Сен-Дени, перенесенная из церкви Кордельеров, где она первоначально покоилась над могилой сына Махо.

Задолго до смерти Роберта дочери графини Махо сыграли свои короткие и катастрофические роли при французском дворе. В январе 1307 года, в соответствии с договором, заключенным графом Отто в 1291 году, старшая дочь, Жанна, была выдана замуж за Филиппа де Пуатье, второго сына короля Филиппа ле Бея. В следующем году Бланш, намного моложе Жанны, но уже известная своей необычной красотой, вышла замуж за Шарля ле Бея, графа де ла Марш, младшего из трех сыновей Филиппа ле Бея, старший из которых, Луи ле Гутин, женился на Маргарите, сестре Гуго де Бургонь. После их брака с принцами Франции мы мало что слышим о Жанне и Бланш в рассказах их матери, хотя обе они довольно часто бывали гостями в ее особняке, и мать и дочери обменивались различными подарками, пока в 1314 году не произошла великая катастрофа.

Некоторое время при дворе ходили скандальные слухи о поведении трех юных принцесс, и весной 1314 года дурные вести получили такое подтверждение, что старый король Филипп ле Бель отдал приказ арестовать их по обвинению в открытой и скандальной неверности брачному обету с двумя молодыми рыцарями из их свиты. Маргарита и Бланш были заключены в жесткую тюрьму в знаменитом замке Гайяр, построенном Ричардом Львиное Сердце. Их лишили всего великолепия изысканных нарядов, а головы обрили. Тем временем их сообщники в прелюбодеянии, Филипп и Готье д'Ольней, два нормандских рыцаря, были подвергнуты пытке и признались, что в течение трех лет они много раз согрешили с принцессами. В праве на испытание боем, о котором сначала просили рыцари, им было сурово отказано; оставалась только дыба, а после нее - позорная смерть для тех, кто посмел опозорить королевскую семью. С изобретательностью Средневековья в придумывании изысканных мучений двух молодых людей публично распластали заживо, жестоко изуродовали и пытали до тех пор, пока жизнь могла сохраниться в их несчастных телах. Были и другие соучастники позора принцесс; их тоже, если они не имели достаточно высокого ранга, чтобы защитить их, пытали, зашивали в мешки и бросали в Сену. Несчастный монах-доминиканец, обвиненный в том, что он развращал принцесс, подмешивая им любовные фильтры и занимаясь иным черным искусством, был передан в руки инквизиции; впоследствии о нем никогда не слышали.

Признания их любовников не оставляли сомнений в виновности Бланш и Маргариты. Первая, еще совсем девочка, была введена Маргаритой в порочный круг, и она с жалостью признала свой грех, моля о прощении с таким искренним раскаянием, что все, кто ее слышал, были тронуты. Но ее муж был неумолим, и она оставалась в тюрьме до 1322 года, когда Карл, став королем, добился расторжения брака на том основании, что Махо была его крестной матерью и что это устанавливало духовную связь, для которой он забыл попросить разрешения, когда женился на Бланш. Затем Шарль женился на Марии де Люксембург, а его несчастная разведенная жена была вынуждена удалиться в женский монастырь.

Говорили, что в своей тюрьме в Шато-Гайяр она подвергалась насилию со стороны тюремщика; более милосердно предположить, что это так, чем допустить, как делают некоторые, что она была настолько развращена моралью, что добровольно предалась разврату; и всегда нужно помнить, что в интересах придворной партии было представить ее в как можно более мрачных тонах. Тем не менее, убежденности в ее виновности избежать невозможно; и даже ее мать дает молчаливое доказательство своей веры в это, поскольку после позора дочери ее имя больше не фигурирует в счетах дома Махо. Бланш удалилась в монастырь Обюиссон, где приняла постриг в 1325 году, а в следующем году умерла. Под "большим белым камнем, украшенным розами и резьбой, без надписей и с фигурой монахини" лежало тело несчастной Бланш, некогда королевы Франции по праву.

Ее спутницу по разврату, Маргариту де Бургун, постигла судьба более неожиданно трагическая, хотя, конечно, не более жалкая. Ее брак с Луи ле Гутеном можно было, конечно, расторгнуть по причине супружеской измены, но Людовик предпочел менее публичные методы. Став королем после смерти отца, через несколько месяцев после позора Маргариты, он пожелал найти себе другую жену, и Маргарита была предана смерти в замке Гайяр, задушенная, как говорят, между двумя матрасами.

Третья из невесток Филиппа ле Бея, графиня Жанна де Пуатье, оказалась более удачливой, чем ее сестра и Маргарита. Когда все трое были арестованы, ее отделили от двух других и отправили в Дурдан. Ее характер, по-видимому, сформировался лучше, чем у Бланш, и она не предавалась излишествам, которые были доказаны в отношении Бланш и Маргариты. Махо с самого начала был твердо уверен в ее невиновности и часто посылал ей послания с

утешениями и сочувствием во время ее заключения в Дурдане. Хотя она знала о дурных обычаях своей сестры и невестки, вряд ли можно считать непростительным преступлением то, что она воздерживалась от рассказывания небылиц. В одной из рифмованных хроник, где наглядно описывается эта трагедия, Жанна признается в своей малой доле участия в злодеянии и умоляет Филиппа ле Беля о пощаде: "Сир, ради Бога, выслушайте меня! Кто обвиняет меня? Я говорю, что я хорошая женщина, без вины, без греха и стыда". Она потребовала расследования, и король удовлетворил ее просьбу. Пока она находилась в заточении, было проведено строгое расследование ее поведения, и в результате, на Рождество 1314 года, она была признана невиновной и вернулась к своему мужу, "чему была великая радость по всей Франции". Вскоре после этого она стала королевой Франции, а затем овдовела; но до конца жизни ее доброе имя не было запятнано, и не прерывались дружеские отношения, существовавшие между ней и ее матерью. Будучи графиней Пуатье, королевой Франции, вдовствующей королевой и герцогиней Бургундской, она часто навещала Махо, сопровождала ее в поездках и обменивалась с ней подарками.

Место оргий, которым предавались Бланш де ла Марш и Маргарита де Бургундская, долгое время было на слуху в Париже и стало предметом особого ужаса - одним из тех мест дурных ассоциаций, которые, сами не зная почему, всегда вызывают чувство отвращения и страха. Именно в мрачном старом Тур-де-Несле, на берегу Сены напротив Лувра, по словам парижских страшилок, устраивали свои пиры злобные королевы. Легенда была не только живучей, но и, как большинство легенд, обладала способностью с годами обрастать новыми подробностями. Франсуа Вийон, этот великий хранитель причудливых верований обитателей пурлиев Сорбонны, рассказывает о великой королеве, "которая бросила Жана Буридана в Сену в мешке" с высоких стен Тур-де-Несль. Брантом в *"Галантных дамах"* приводит ту же популярную историю о королеве, "которая жила в парижском отеле де Несль и поджидала прохожих; и тех, кто ей больше всего нравился и подходил, какого бы сорта люди ни были, она вызывала и заставляла приходить к ней ночью; а после того как она получала от них удовольствие, она бросала их в воду с вершины высокой башни, и они тонули". Другие историки еще более определенны в своих утверждениях, которые, тем не менее, не имеют под собой оснований, и называют имя королевы, которая, как говорят, была парижской Мессалиной и положила трагический конец знаменитому легату Жану Буридану; ею была, по их словам, Жанна де Наваррская, жена Филиппа ле Беля.

Жанна, умершая в 1307 году, была жестокой и дикой женщиной, но нет никаких доказательств того, что она была безнравственной. Именно она проявила такую жестокость по отношению к фламандским женщинам во время восстания 1302 года: "Когда вы будете убивать этих фламандских кабанов, - сказала она солдатам, - не жалейте свиноматок; их я бы заплевала"; и именно она сделала все возможное, чтобы погубить министра Гишара, который вызвал ее вражду, спасая несчастного кредитора, которого она решила уничтожить. Она преследовала Гишара с такой неумолимой яростью, что ему пришлось прибегнуть к черному искусству: сначала он пытался вернуть расположение королевы своими чарами, а затем попытался настичь ее смерть излюбленным способом - соорудить восковое изображение своего врага и заставить его медленно растаять, полагая, что она растает так же, как растает изображение. Но Жанна умерла не от колдовства, хотя Гишар был заключен в тюрьму и долго преследовался как колдун. Мы привели эти несколько фактов о ней, чтобы показать, что она была человеком с дурной репутацией, что отчасти объясняет замену ее имени на имена Маргариты и Бланш в сказках Тур-де-Несля.

Из-за несчастий, постигших ее дочерей, графиня Махо была вынуждена быть очень осмотрительной в своем поведении. Она была снисходительной и ласковой матерью для

обеих, но ее собственное политическое положение в это время было настолько шатким, что она не могла позволить себе пытаться защищать их свысока. После смерти отца в 1302 году Махо вместе с мужем получила графство Артуа, и после смерти Оттона она продолжала им беспрепятственно управлять до 1307 года, когда до нас впервые дошли слухи о претензиях, затрагивающих законность ее титула. Махо унаследовала графство как ближайшая родственница Роберта II, причем салический закон не применялся по обычаям Артуа. В то время жил сын брата Махо, Филипп; этот юный Роберт де Бомон, называвший себя Робертом д'Артуа, и был тем человеком, который, подстрекаемый своей матерью, теперь атаковал титул Махо, обращаясь за решением к королю и суду пэров. Роберт требовал признания своих прав на графство Артуа или, в противном случае, выплаты значительной компенсации. Последняя уже была предусмотрена соглашением между его дедами во время брака Филиппа д'Артуа и Бланш де Бретань, и Роберт имел полное право требовать ее выплаты. Когда в октябре 1309 года дело рассматривалось перед Филиппом Бельским, он вынес справедливое решение, утвердив Махо во владении Артуа и предоставив Роберту некоторые земли и большую сумму денег.

Но политика Средневековья была очень неопределенной; то, что сделал или сказал один король, вполне могло быть отменено его преемником, и поэтому смерть Филиппа ле Бея (1314) стала сигналом для новой попытки лишить Махо и ее детей владения. В это время во всем королевстве царил смятение, а Махауту донимал ужасный позор ее дочери; поэтому казалось, что наступило самое подходящее время для нападения на нее. Роберт обратился к тетушке с самым дерзким письмом: *Высокородной и благородной даме, Махо д'Артуа, графине Бургундской, Роберт д'Артуа, шевалье*. Но мы переведем: "Поскольку вы несправедливо лишили меня прав на графство Артуа, что меня очень беспокоило и беспокоит до сих пор, и что я не могу и не хочу больше терпеть, поэтому я уведомляю вас, что примусь за восстановление своих прав, как только это будет возможно". Не довольствуясь этим формальным требованием, которое он выдвинул перед королем, Роберт прибег к самым недостойным средствам в борьбе с Махо, возбуждая вассалов и коммуны Артуа, подстрекая их к актам насилия против нее и ее детей и распространяя слухи, наиболее опасные в эпоху, когда люди были слишком готовы верить обвинениям такого рода, что Махо использовала колдовство против своего зятя, Филиппа ле Лонга, и отравила короля, Людовика X.

Мы уже не раз упоминали о колдовстве, поэтому позволим себе привести несколько подробностей, выяснившихся в ходе расследования в 1317 году обвинений в злодействе, выдвинутых против Махо д'Артуа. На протяжении многих веков вера в колдовство была почти кардинальной статьёй веры, даже среди образованных классов, и можно сказать, что циничный автор второй части *"Романа о Розе"* Жан де Мён является почти уникальным исключением в своем скептическом отношении к силе колдовства. Многие несчастные старухи подвергались ужасным пыткам от рук правосудия или были затравлены до смерти суеверными соседями, которые считали ее виновницей болезней людей и скота, засухи, бури или других несчастий; И многие монахи, посвятившие себя рациональному изучению явлений природы, химии, астрономии, медицины или любой другой науки, попадали под подозрение в проклятой связи с дьяволом, как упомянутый выше Гишар и как сам Герберт, доживший до папы римского. Церковь разрешала верить в злых духов и предлагала формы экзорцизма, чтобы изгнать землю, скот, дом, тело от овладевших ими демонов; средневековые книги по медицине показывают, что эта наука во многом полагалась на чары, особые времена и сезоны и заклинания для составления лекарств, которые должны были излечивать. Ведьма и ее адские порождения поддерживали совершенный террор над невежественными и суеверными людьми.

Подстрекаемая, несомненно, Робером д'Артуа или его эмиссарами, некая Изабель де Феривес, считавшаяся ведьмой в своей стране Эсдин, свидетельствовала, что Махо д'Артуа пришла к ней и попросила приготовить некий филтр или зелье, чтобы вернуть любовь графа Филиппа де Пуатье к ее дочери Жанне, заключенной тогда в Дурдан по обвинению в супружеской измене. Изабелла потребовала, чтобы Махо тайно достал и передал ей кровь из правой руки Жанны, которую она смешала с тремя травами - вербеной, пустырником и маргариткой, произнеся над смесью мистическое заклинание. Положив ее на чистый новый кирпич, она обожгла ее на огне, разведенном дубовыми дровами, и растолкла полученную пасту в порошок, который должен был быть подмешан Филиппу в еду, питье или брошен ему на правый бок. За это Изабель получила солидную сумму - семьдесят *ливров парижских*, и такой же заказ на изготовление филтра для возвращения привязанности графа де ла Марш к его жене Бланш. Более того, она утверждала, что Махо, довольный эффективностью этих отваров, попросил яд для отравления стрел, который она притворилась, что хочет использовать не иначе как на оленях своих лесов. Чародейка снова принялась за работу, взяв хвост и хребет гадюки и высушенную на свежем воздухе жабу, которые она растолкла в порошок и смешала с пшеничной мукой и ладаном. Колдунье мучительно не хватало воображения, иначе нам было бы с чем посоперничать:

"Глаз тритона и палец лягушки,

Шерсть летучей мыши и язык собаки,

Вилка оленя, и жало слепого червя,

Лапка ящерицы и крыло совы,

Для очарования сильных бед,

Как в адском котле кипеть и бурлить".

Но, возможно, доклад несимпатичных историков и юристов был несправедлив к ней и смягчил ужасы ее "талисмана сильных бед", который, по ее словам, графиня Махо подарила Людовику X., тем самым обеспечив его смерть и воцарение ее зятя, Филиппа V.

Король провел серьезное и тщательное расследование, которому Махо заявила, что готова подчиниться при условии, что суд будет сформирован должным образом и что ее дело в вопросе престолонаследия в Артуа ни в коем случае не будет ущемлено. Были допрошены свидетели с обеих сторон, в том числе вдова покойного короля Людовика X. и служащие его дома, и 9 октября 1317 года был вынесен торжественный оправдательный приговор в пользу Махо. Не приходится сомневаться, что обвинения против нее были совершенно беспочвенными, просто сфабрикованными в надежде нанести ущерб ее делу в глазах суда. Лишь несколько месяцев спустя Филипп V., тщательно и беспристрастно изучив обвинения обеих сторон, вынес в парламенте решение, подтверждающее выводы его отца и устанавливающее право Махо на Артуа, а также предписывающее, чтобы "указанные стороны (Махо и Робер) отказались от всякой ненависти и всех преступных действий... и чтобы указанный Робер любил указанную графиню как свою дорогую тетю, а указанная графиня - указанного Робера как своего дорогого племянника", в чем оба поклялись.

Пока Махо была вынуждена бороться в судах за свою власть над Артуа, восстание дворян после смерти Филиппа де Бея не обошлось без серьезных последствий в Артуа, где ей было нелегко сохранить хоть какую-то власть над своими вассалами. Ее главным советником и верным слугой оказался Тьерри д'Ирекон, которого вассалы Артуа ненавидели как чужеземца-парвеню, выходца из Бурбонне. В 1314 году ее вассалы начали жаловаться Махо

на злоупотребления в управлении; но вскоре от мирных и законных выступлений они перешли к активным посягательствам на слуг и имущество своей графини. Во всем этом Робер д'Артуа, несомненно, был скрытым подстрекателем. На одного из офицеров Махо, Корнильо, байя Хесдина, который навлек на себя вражду сира де Креки тем, что мешал ему охотиться в поле и лесу, не считаясь с правами других, напала толпа негодяев, которые повесили его на дереве; когда тяжесть его тела сломала сучья и повалила несчастного на землю, они закопали его в землю по шею, отрубили голову и принесли ее в качестве трофея сир де Креки. Махо отправила своего сына со значительным отрядом арестовать двух мятежных вассалов, собиравшихся идти на войну; их отвели в тюрьму, но неразумно освободили благодаря вмешательству короля, и на пороге тюрьмы они объявили о своем намерении перейти на сторону врага Махо, Роберта. Некоторые дворяне нагрянули к молодому графу и его сестре Жанне в загородный дом, грубо оскорбили их и даже бросили грязь в лицо беззащитной Жанне и ее брату, с которыми было всего три рыцаря. Жанна бежала в Хесдин, где в то время находился Махо, и по дороге ее карету окружила толпа рыцарей, наводивших на нее ужас своими оскорблениями и угрозами. В конце концов и она, и Махо были вынуждены покинуть Артуа до наступления более спокойных дней, оставив офицеров и армию короля восстанавливать порядок, и эта задача была выполнена лишь в июле 1319 года.

Мятежники совершили столько злодеяний, а общественное спокойствие так часто нарушалось их ссорами, что лучшие слои населения были готовы приветствовать Махо как избавительницу, когда она вернулась, укрепленная недавним указом короля в ее пользу. В Аррасе было устроено нечто вроде триумфальной процессии, и "она въехала на колеснице, предваряемая тринадцатью знаменами, в сопровождении коннетабля Франции, Тьерри д'Иреконе, который, как и его госпожа, был обращен в бегство, и, что еще более замечательно, многих смелых рыцарей, которые давно поклялись уничтожить ее". На следующий день графиня дала великолепный банкет, на котором присутствовали "коннетабль, все рыцари, бургомистры и знатные особы (Арраса), а также множество дам". Города были рады, что их графиня снова у власти; действительно, все города, кроме Арраса, оставались верны ей, сопротивляясь заманчивым предложениям Робера д'Артуа и мятежного дворянства, ибо бюргеры хорошо знали, что только сильная рука может защитить их и их товары от алчности дворян, которые всегда нуждались в деньгах и всегда были готовы взять первое, что попадется под руку. Двум эмиссарам мятежников жители Сент-Омера ответили, что их графиня "хорошо охраняет их закон и их привилегии, а если бы она не охраняла их, то они должны были бы жаловаться не кому иному, как королю"; эмиссарам же Робера д'Артуа, которые не посмели утверждать, что король принял решение в пользу их покровителя, они сказали: "Тогда мы не являемся создателями никакого графа Артуа".

Несмотря на то что Махо была сурова в отправлении правосудия и строга в поддержании порядка в своих владениях, она была справедлива и даже добра, а значит, могла пользоваться уважением своих подданных. С жителями Арраса она обменивается учтивыми приветствиями и подарками; от горожан к ней приходят ткани, вино, рыба; она приглашает к своему столу бургомистров и их жен. Когда она болеет, они посылают спросить о ее здоровье, и она отвечает: "Махо, графиня д'Артуа, и т.д..... нашему любимому и верному эшевену и двадцати четырем бюргершам Арраса привет и любовь. Мы очень рады и сердечно благодарим вас за то, что вы прислали осведомиться о нашем здоровье. Поэтому мы хотим, чтобы вы знали, что в тот день, когда было написано это письмо, мы были в добром телесном здравии, благодарение Богу..... Передайте привет от нашего имени всем нашим добрым подданным и будьте уверены, что, как только мы будем в состоянии, мы отправимся в эту часть страны. Да хранит вас Господь наш в своей заботе. Дано в Браконе, тринадцатый

день августа". Какое причудливое и в то же время достойное и любезное письмо, показывающее нам одновременно и великую феодальную даму, и женщину, по-настоящему благодарную за доброе сочувствие.

Другой эпизод, непосредственно предшествующий ее триумфальному въезду в Артуа, вновь раскрывает женскую природу, и мы с удивлением обнаруживаем, что эта энергичная, смелая Махо может быть, при необходимости, такой очень женщиной. Королевские войска восстановили порядок в Артуа, а вассалы Махо, ополчившиеся против ее власти, были приведены к покорности и согласились на мирное урегулирование своих предполагаемых обид и возвращение законной графини. 3 июля 1319 года королевские комиссары прибыли в ее парижский особняк, чтобы зачитать ей договор в присутствии ее советников. Она протестовала, что договор нарушает ее привилегии, и заявила, что не будет слушать чтение соглашения, в котором она не может изменить ни слова. Потекли слезы, и взволнованная дама то хотела, то не хотела слушать чтение; и это при том, что она, как и дворяне Лиги, поклялась передать свои разногласия на рассмотрение короля и сдержать клятву! Поручив нотариусу составить официальный акт протеста - "все, что она могла бы сказать или поклясться, было бы сказано или поклялось против ее воли и совести, и под страхом потери графства Артуа", - она поспешила в Лонгшамп, в присутствии короля. Филипп заверил ее, что все было сделано добросовестно, чтобы защитить ее права, и что лишь для проформы он потребует от нее клятвы соблюдать договор. Вот и все! Сомнения и слезы исчезли: "Клянусь!" И графиня вышла из дома с видимым спокойствием. Но тут ее встретили два ее родственника, племянник и кузен, которые указали ей на недостаточность ее клятвы, так как она не уточнила, в чем именно она клянется; столь неопределенная клятва может иметь серьезные последствия, и поэтому они умоляли ее вернуться в присутствие. Снова слезы, снова гневные отказы от клятвы, и наконец графиня вновь уступила и предстала перед королем. Канцлер протянул ей Библию, чтобы она поклялась соблюдать условия договора; Махо повернулась к королю: "Сир, желаете ли вы, чтобы я принесла эту клятву?" "Я советую вам сделать это". "Сир, я поклянусь, если вы оградите меня от всякого обмана". "Да поможет мне Бог, это непременно будет сделано". "Тогда я клянусь, как вы сказали", - и снова Махат вышел.

Можно простить ее отчаяние, когда она обнаружила, что настойчивые родственники все еще не удовлетворены; бедная женщина, она чувствовала, что все, чем она владеет, и все, чем владеют ее дети, так или иначе поставлено на карту, и она, как и многие другие женщины, была беспомощно невежественна в технических вопросах закона. Вновь почувствовав, что ее советники, вероятно, правы, протестуя против условной клятвы, которую она дала, Махо отправилась в королевское присутствие. Сир де Нуайе, маршал Франции, заявил, что все действуют из лучших побуждений и что король просто желает, чтобы она принесла присягу без всяких оговорок и недоговорок: "Сир де Нуайе, я здесь, как вы видите, без адвоката; некоторые из советников короля так запугали моих, что они не осмелились предстать перед вами; только Бог вдохновил меня сказать то, что я сказала; разве я не присягала несколько раз, как повелел мой господин? Что удивительного в том, что король пообещал оказать помощь мне, вдове, в случае обмана? Разве он не обязан оказывать такую же защиту каждой вдове в своем королевстве? Того, что я поклялась, должно быть достаточно". Другой советник возразил, что ее условная клятва - оскорбление для советников короля; начались пререкания и упреки, пока наконец обиженная графиня, глубоко вздыхая, не обратилась к Филиппу: "Ах, дорогой сир, сжальтесь надо мной, бедной вдовой, изгнанной из своего наследства и оставшейся без совета! Вы видите, как ваши люди осаждают меня, один лает справа, другой слева, пока я не знаю, что ответить, в великой беде моего ума. Ради Бога, дайте мне время обдумать этот вопрос..... Я готов принести любую клятву, какую вы

пожелаете". Когда же канцлер снова протянул Библию и потребовал от нее бесстрашной и безусловной клятвы, она разразилась слезами: "Я уже много раз клялась! Клянусь снова, клянусь, клянусь, пусть зло обрушится на мое тело, если я поклянусь неправдой!" И, несмотря на все уговоры, она бросилась вон и поспешно уехала в Париж. Только на следующий день ее советникам удалось убедить ее принести клятву в надлежащей форме, как того желал король.

Можно подумать, что эти пререкания, эта иезуитская клятва с мысленной оговоркой быть связанной обязательствами лишь в той мере, в какой это покажется ей выгодным, были недостойны Махо; на самом деле это была лишь слабая защита слабого в эпоху, когда обман был слишком распространен. Махо знала, что, хотя король и был ее зятем, политика могла склонить его на сторону ее племянника, претендента на ее графство. Даже если бы Филипп не поддался на подобный жалкий обман, неизвестно, к каким уловкам могли бы прибегнуть хитрые адвокаты, возможно, на службе у Робера д'Артуа. Она не могла победить сутяжничество силой, она не могла встретить его сутяжничеством, отсюда ее нервозность, нерешительность и подозрительность.

Когда графиня почувствовала себя сильной и уверенной в поддержке своих слуг, она уже не была той плаксивой и колеблющейся женщиной, которую мы видели на предыдущей странице или двух. Ее чиновники в различных бейликах Артуа, как правило, были хорошо подобраны и надежны. Назначаемые и оплачиваемые графиней и занимающие должность по ее желанию, эти бейли, набранные из числа мелкого дворянства и буржуазии, имели все стимулы для честной и верной службы. Они были одновременно администраторами, судьями и финансовыми агентами, и в последнем качестве должны были представлять отчеты на Рождество, Вознесение и Всех Святых главному финансовому чиновнику, генеральному приемнику, который, в свою очередь, представлял свои счета Махо. Она нередко испытывала острую нужду в деньгах, поскольку расходы на ее хозяйство всегда были велики, а также ее тяготили долги, оставшиеся после Отто, но в конце концов ей удалось их выплатить.

С помощью своих офицеров, за которыми она внимательно следила, Махаут быстро подавляла любого непокорного вассала, который выходил за рамки закона. Иногда приходилось применять силу, как, например, когда сир д'Ойси захватил и опустошил земли некоторых монастырей, находившихся под защитой Махо, и перебил их мирных обитателей. Призванный байи предстать перед ее судом, сир сначала отказался принять байи, а затем все же принял его и держал в плену. "От его замка не останется камня на камне", - заявила Махо и отправила небольшое войско, которое вскоре образумило сира д'Уази. Наказания, которым подвергались непокорные вассалы, были иногда самыми суровыми, а иногда фантастическими. Самого сеньора иногда предавали смерти, когда его преступления оказывались слишком тяжелыми для терпения графини и ее людей; его изгоняли и лишали вотчины; его подвергали крупному штрафу и предписывали совершить покаянное паломничество. Так, в 1323 году Жан де Гув был приговорен к паломничеству в святилище Сен-Луи в Марселе, к гробнице апостолов в Риме и к двум другим итальянским святыням; при этом, чтобы избежать возможности обмана со стороны этого благочестивого паломника, он должен был привезти свидетельство из каждого посещенного места.

Если наказания, которым подвергались мятежные вассалы, были суровыми, то какой эпитет мы должны подобрать для наказаний, предусмотренных уголовным кодексом? Казнь и кол не были неслыханны во времена правления Махаута, и это только самые мягкие формы наказания: фальшивомонетчиков варили в масле, женщин, виновных в краже или супружеской неверности, хоронили заживо, несчастных прокаженных подвергали пыткам -

вот лишь немногие из изобретательных и варварских наказаний, о которых мы находим сведения. Но следует отметить, что Махаут не была беспричинно жестокой или мстительной; упомянутые нами формы казни были общепринятой практикой того времени, в которую никто и не думал вмешиваться; отнюдь не будучи бессердечной, Махаут в некоторых случаях уменьшала строгость штрафов и наказаний и обеспечивала вдов и сирот тех, кто был отправлен на виселицу; она всегда старалась сдерживать корыстные наклонности своих сборщиков налогов и проводила расследования, когда до ее ушей доходили жалобы на несправедливость.

Мы не будем касаться мелких вопросов ее домашнего хозяйства, поскольку об образе жизни средневековой знатной дамы сказано уже достаточно. Достаточно сказать, что *гостиница* графини Артуа славилась своим гостеприимством и что многие из великих людей земли садились за ее стол. С модным миром, миром двора, Махо поддерживала очень тесные отношения, поскольку так или иначе была связана с большинством членов королевской семьи и крупных вельмож. Всякий раз, когда в этих кругах заключался брак, от "мадам графини д'Артуа" приходил богатый подарок; иногда, как в случае с дочерью ее министра, Тьерри д'Иреконе, это был практически целый буфет: "Один алый халат, другой из темно-зеленого сукна, оба с подкладкой и оторочкой из тонкого меха; мантия и *кокошник* из сукна золотистого цвета, первый с меховой подкладкой; халат из ирландской шерсти; покрывало из зеленого сукна; покрывало *из кендала* (обычно это тяжелый и прочный материал, но иногда шелк); четыре зеленых ковра и пятьдесят эллинов белья для простыней". Поистине подарок, которым может гордиться любая невеста, хотя и не такой дорогой, как *неф* (украшение для стола, по форме напоминающее корабль и служащее для хранения специй, дополнительных ложек и т. д.), стоимостью сто пятьдесят фунтов, подаренный "нашей племяннице, Мари д'Артуа, по случаю ее брака с Жаном де Фландром, графом де Намюр". Затем, если государь требует ее присутствия при дворе, Махо снаряжает себя и всю свою свиту, дарит подарки друзьям и иждивенцам и отправляется, возможно, в Реймс, как во время коронации Филиппа Длинного, если ему удастся убедить присутствовать достаточно пэров Франции, а там их немного, так что графиня Махо, пэр Франции, имеет привилегию держать королевскую корону над головой своего зятя. А может быть, графиня, желая сохранить дружбу с великими, посылает пучок прекрасной сельди могущественному фавориту Энгуарану де Мариньи или собственной дочери, королеве Жанне; Или великолепную драгоценность из эмалированного серебра, украшенную рубинами и скульптурно изображающую маленького короля и королеву, стоимостью сто тридцать *ливров Парижа*, которая должна быть доставлена настоящим королю и королеве; или маленькую статуэтку из эмалированного серебра, поддерживающую святыню, которая должна быть подарена вдове Филиппа ле Харди, Марии де Брабант, "от графини д'Артуа и Бургундии".

Махо потратила таким образом значительную сумму, а также приобрела для себя и своих детей различные *предметы искусства*, статуэтки, картины, иллюминированные миссалы и другие книги, красивые кубки и тому подобное для своего стола, а также драгоценности и богатую одежду в изобилии. Она была, очевидно, дамой со вкусом, а также с довольно экстравагантными привычками и любила путешествовать; у нее было много карет или транспортных средств, и она путешествовала верхом, когда состояние дорог не позволяло использовать ни карету, ни литавры. Со своей свитой слуг и телегами, нагруженными багажом и провизией, графиня могла бы преодолеть путь от Арраса до Парижа за три-четыре дня.

Но приближалось время, когда все ее путешествия должны были закончиться; и по мере того как она приближалась к концу своего земного паломничества, приходили новые

неприятности, мешавшие ей законно пользоваться своим наследством. После последнего указа Филиппа V Махо и ее племянник примирились и жили в хороших отношениях - по крайней мере, так можно было предположить по обмену любезностями и гостеприимством, происходившему в последующие годы. Но Роберт, очевидно, только оттягивал время; и вот произошел случай, который возродил его надежды на лучшую судьбу в новом слушании дела при королевском дворе. Конечно, в этом деле была замешана женщина, которая сыграла не очень достойную роль. В 1328 году Тьерри д'Ирекон был избран на епископский престол Арраса, но через несколько месяцев после избрания умер. После его смерти, которая стала серьезной потерей для Махо, епископский дворец по ее приказу был очищен от присутствия печально известной наложницы Тьерри, Жанны де Дивион, которая бежала в объятия беспринципного старого церковника от возмущенной мести оскорбленного мужа. Жанна де Дивион, оказавшись изгнанной Маго и забытой в завещании Тьерри, от старческого увлечения которого она надеялась на многое, решила отомстить Маго. Она бежала из Арраса на службу к амбициозной и беспринципной Жанне де Валуа, сестре Филиппа VI и жене Робера д'Артуа.

Жанна де Дивион была полна смутных рассказов о ценных бумагах, принадлежащих графству Артуа, которые она видела во владении Тьерри, и вскоре обе женщины убедились, что на притязаниях Роберта д'Артуа можно сколотить определенный капитал. Сам Роберт, похоже, поначалу не желал иметь никаких дел с деградировавшей подружкой Тьерри д'Ирекона; вместо туманных заверений о том, что она видела среди бумаг Тьерри, он потребовал сами документы, если таковые имелись. Вероятно, в то время документов не было, но Жанна де Дивион была находчива и не слишком любезна в вопросах совести. Отправившись в Аррас для поиска бумаг Тьерри, она вернулась с якобы заключенным в 1281 году договором между отцом и дедом Роберта по материнской линии, по условиям которого обычаи Артуа отменялись, а наследование гарантировалось детям Филиппа д'Артуа, представителем которых был Роберт.

Роберту стало не по себе, когда в его руки попал этот весьма сомнительный документ, о котором никто никогда не слышал ни слова. Он написал своему шуруну, теперь уже королю Франции, письмо с требованием провести новое расследование претензий на Артуа. Тем временем графиня Махо занялась сбором опровергающих показаний, стремясь в первую очередь показать фальшивость предполагаемого документа, содержащего договор. Она арестовала двух слуг Жанны де Дивион, которые в присутствии нескольких свидетелей и нотариуса, записывавшего показания, подтвердили, что договор был написан неким Жаком Ронделе, клерком из Арраса, под диктовку Жанны де Дивион во время ее недавнего визита в Аррас. Более того, графине хватило мудрости заставить этих свидетелей дать показания, что они не были принуждены ею, а дали показания по собственной воле и согласию. Затем она допросила Жака Ронделе, который подтвердил все сказанное слугами, добавив, что писал под диктовку и под клятвой сохранения тайны с документа, который Жанна де Дивион не позволила ему увидеть.

Доказательств подделки, казалось бы, было достаточно, прежде чем дело дошло до суда; однако после изложения основных обвинений с обеих сторон король отложил слушание до другого дня. Но этот день для Махута не наступил. 23 ноября 1329 года графиня была в Пуасси, где обедала с королем, затем отправилась в монастырь Мобюиссон, чтобы провести ночь, а на следующий день - в Париж. Здесь она внезапно заболела, и за ее собственным врачом, Томасом ле Мизье, поспешно прислали из Арраса. Грубые и опасные средства тогдашней медицины оказались бессильны облегчить состояние Махо; флеботомия и пурген, вероятно, лишь истощили ее и без того истощенные силы, и врачи поняли, что конец ее

близок. Из парижского отеля д'Артуа к королеве Жанне, герцогу Бургундскому, графу Фландрскому 26-го числа поспешно отправились курьеры, а на следующий день целых три - к королю с известием об опасности, постигшей великую графиню. Жанна поспешила к матери, но конец наступил раньше, чем она успела добраться до Парижа; добрая графиня Артуа скончалась 27 ноября.

Она, потратившая значительные средства на пышные похороны, гробницы и чучела для других, была похоронена очень просто, по ее собственной просьбе, в аббатстве Мобюиссон, где ее могила была сначала отмечена простой, плоской медной плитой, едва приподнятой над уровнем тротуара. В соответствии с обычаем, нередким в ее время, тело было вскрыто, а сердце доставлено во францисканскую церковь в Париже, где оно было погребено, как она и распорядилась, *juxta sepulturam Roberti carissimi filii mei* - "рядом с могилой моего очень дорогого сына Роберта".

Судя по чертам статуи, изображающей Махо, которая ранее находилась в церкви в Аррасе и была скопирована в миниатюре художником XVII века, графиня была женщиной крупной и властной, с чертами лица скорее мужскими и сильно выраженными в своей правильности. Если можно так выразиться, скульптор нарисовал для нас характер Махо, а также ее черты; она была мужского типа, скорее сильная и энергичная, чем любвеобильная. Для женщины, которая в те времена могла бы держать себя в руках, качества, которыми она обладала, были, по сути, необходимы; чтобы править Артуа в XIV веке, нужна была амазонка, а не милая, хрупкая, мягкосердечная дочь любви. Мы не хотим сказать, что Махо была холодной, бессердечной, просто политиком; она была намного лучше и по морали, и по доброте сердца, чем обычная дама своего времени. Она была щедрой, но не безнадежной расточительницей; она была набожной и преданной славной памяти своего двоюродного деда Сен-Луи, которого она, должно быть, видела в детстве, но не узкой фанатичкой, проявлявшей свое религиозное чувство скорее в актах благотворительности, чем в актах чистой преданности. Ей не суждено занять нишу среди героинь Франции, ибо она - фигура не героическая и не романтическая; но она прожила свою жизнь, полную, здоровую и полезную жизнь взбалмошной и доброй хозяйки поместья в XIV веке.

ГЛАВА IX

ЖАННА ДЕ МОНФОР

Мы приближаемся к тому периоду в истории Франции, когда женщина, хотя она и не может играть более выдающуюся или более почетную роль, станет центром всеобщего интереса для подданных Франции и Англии. Много чернил и много жидкости более яркого оттенка и более драгоценного качества будет пролито в войне между юристами и солдатами Франции, с одной стороны, и Англии - с другой; и все для того, чтобы установить правовой статус женщины в глазах французского закона. Главный вопрос: должно ли наследование короны Франции регулироваться законами и обычаями, преобладающими во многих других странах

и в значительной части самой Франции, согласно которым женщины имеют право наследовать наравне с мужчинами; или же должен применяться древний закон салийских франков, *Loi Salique*, "пусть ни одна часть салийской земли не перейдет в руки женщины"? Поскольку этот вопрос обсуждался многими схолиастами и историками и навсегда решен оружием французов, отстаивающих свое право управлять Францией так, как им кажется лучшим, мы уделим мало внимания тонкостям юридического спора; но изложение основных фактов представляется необходимым.

Аргумент французских юристов состоял в том, что салийская земля теперь представлена доменами короны; а поскольку защита салийской земли требует опеки человека, то, *следовательно*, и охрана королевства должна требовать силы меча, а не более мягкого дистафа. Чувствуя, что мы должны извиниться за то, что облачаем в образную форму простое утверждение, что ни одна женщина не может носить корону Франции, мы не можем найти ничего более подходящего, чем дословная расшифровка одного из аргументов, использованных французскими юристами, которые предложили злополучный дистаф. Он гласил следующее: В Евангелии от Матфея (6:28) читаем: "Посмотрите на полевые лилии, как они растут; они не трудятся и не прядут: И еще говорю вам, что даже Соломон во всей славе своей не был одет, как одна из них". Франция была королевством лилий, о чем свидетельствует *флер-де-лис* на королевском гербе; лилии, согласно Писанию, великолепно одеты, хотя и не умеют прясть: *следовательно*, королевство лилий никогда не должно перейти к дистафу.

Конечно, существовали и более весомые аргументы, чем эти, которые мы рискнули привести лишь ради их причудливости, характерной для того времени, когда неутомимые педанты были склонны обсуждать в подобном ключе все небесное и земное. Более внимательное изучение самого салического закона, тем не менее, не успокоило приверженцев Франции; ведь там они нашли одну из формул Маркульфа, доказывающую, что со времен королей Меровингов *салическая земля (terre salique)*, аллодиальная земля, могла быть унаследована женщиной. Этот древний акт гласит: "Моей дорогой дочери: Среди нас существует древний, но нечестивый обычай, согласно которому сестры не должны делиться со своими братьями наследством отцовской земли. Я считал, что вы все одинаково пришли ко мне от Бога, что поэтому вы должны найти во мне равную долю любви и после моей смерти в равной степени пользоваться наследием моих мирских благ. По этим причинам, моя милая дочь, я объявляю тебя в этом письме законной и равной сонаследницей с твоими братьями во всем моем имуществе, причем так, что ты будешь делить с ними не только приобретенное имущество, но и всю землю". Таким образом, в абстрактном плане можно сказать столько же за, сколько и против притязаний женщины на наследство короны Франции. Однако не подлежит сомнению, что давно установившийся в королевстве обычай исключал женщин, и что это исключение действовало к большой выгоде королевства, удерживая его под более сильным правлением мужчин, и еще более предотвращая его переход под контроль иностранных принцев, женившихся на французских принцессах. Как заметил один французский конституционный юрист: "Франция - единственное из великих государств Европы, где мы видим, что корона более восьми веков остается в одной и той же семье..... Именно Салическому закону Франция обязана длительным существованием династии Капетингов".

В первой половине XIV века королевству Франция угрожала опасность именно такого рода, о которой говорилось выше: иностранный принц претендовал на трон как на свое наследие через мать. Чтобы понять абсолютную тщетность притязаний Эдуарда III Английского, основанных на предполагаемых правах его матери, Изабеллы Французской, дочери Филиппа ле Беля, достаточно вспомнить, что оба брата Изабеллы, Луи ле Гутин и Шарль ле Бель,

оставили дочерей, которые имели бы преимущественные права, если бы любая женщина могла наследовать. Мощные причины государственного устройства, которые также должны были полностью исключить Изабеллу и Эдуарда III, уже упоминались выше, а Фруассар излагает их по-другому. Он говорит, что после смерти Карла IV "двенадцать пэров и все бароны Франции не отдали королевство Изабелле, сестре (Карла IV, Людовика X., и Филиппа V.), которая была королевой Англии, потому что они говорили и утверждали, и до сих пор утверждают, что королевство Франции настолько благородно, что не должно доставаться женщине, и, следовательно, ни Изабелле, ни королю Англии, ее старшему сыну: ибо они определили, что сын женщины не имеет ни права, ни наследования по матери, поскольку они объявили, что мать не имеет права: так что по этим причинам двенадцать пэров и баронов Франции по их общему согласию отдали королевство Франции сеньору Филиппу Валуа, племяннику когда-то короля Франции Филиппа ле Бо." Затем, как известно всему миру, последовали великие войны между Францией и Англией, о которых Фруассар рассказывает с таким явным наслаждением от подвигов доблести и великолепных военных зрелищ; ибо, говорит он, "со времен доброго Карла Великого, короля Франции, никогда не выпадало столь великих приключений".

История Столетней войны выходит за рамки этого тома, но давайте будем скромными последователями великих армий, марширующих по страницам Фруассара, где, возможно, мы найдем некоторых женщин в качестве амазонок, героинь или жалких жертв в этом кровопролитном и губительном конфликте.

Первая женщина, о которой мы упоминаем в этот период, Жанна де Монфор, была настоящей героиней войн, известной нам благодаря восторженным записям Фруассара как амазонка, но почти совсем не известной как женщина. Единственная действительно интересная часть ее карьеры - та, что произошла во время войн в Бретани, и поэтому мы начнем ее историю с этих событий. Маргарита, или Жанна, - так ее называли, возможно, потому, что ее мужа звали Жан, - де Монфор, жена графа де Монфора, была сестрой графа Фландрского. Графиня, которую мы будем называть Жанной, была уже матроной, когда события в родной Бретани ее мужа потребовали его и ее присутствия там. На протяжении многих поколений Бретань управлялась целым рядом принцев, к которым местное население относилось с гораздо большей любовью и уважением, чем мог бы внушить любой король Франции; ведь они принадлежали к древнему роду, с которым связаны все поэтические легенды о земле, которая, как рассказывают поэты, была владением благородного короля Артура. Половина Бретани была склонна к симпатиям с Францией из-за примеси французской крови, в то время как другая половина, *Bretagne bretonnante*, придерживалась кельтских традиций и традиций Англии, земли, где когда-то господствовала их раса по ту сторону канала; но бретонцы в любой части Бретани были бретонцами прежде всего и всегда; верность своим герцогам была первостепенной; верность королю Франции была совершенно второстепенной.

Когда Иоанн III, герцог Бретани и потомок того самого Пьера Моклерка, который причинил Бланш де Кастиль столь серьезные неприятности, умер без потомства в 1341 году, он оставил преемственность своего герцогства в весьма неопределенном состоянии. Сам он предполагал, что герцогская корона достанется его племяннице Жанне де Пентьевр, жене Шарля де Блуа, а не Жану де Монфору, который был лишь сводным братом по материнской линии. Обычному человеку кажется, что у Жана де Монфора были по крайней мере разумные притязания; но граф де Блуа был племянником Филиппа VI, который, следовательно, бросил бы все свое влияние против семьи Монфоров, давно связанной тем или иным образом с Англией.

И Монфор, и его супруга понимали, что если вопрос о престолонаследии будет передан на усмотрение французского суда пэров, их претензии не будут рассмотрены. Поддержанный в своем смелом поступке честолубивой и отважной Жанной, граф де Монфор сразу после смерти своего сводного брата "бессодержательно отправился в Нант, суверенный город всей Бретейны", где его либеральные обещания и общее честное поведение завоевали ему доверие горожан, так что "его приняли как их главного повелителя, как самого близкого по крови брата покойного, и так (они) оказывали ему почтение и верность". Затем он и его жена, у которых оба сердца были львиными, решили со своим советом созвать суд и устроить торжественный пир в Нанте в определенный день, против которого они послали за всеми дворянами и советами добрых городов Бретейна, чтобы они были там и оказали ему почтение и верность как своему суверенному господину".

Пока новые герцог и герцогиня ждали и надеялись на большое количество бретонских рыцарей в день, назначенный для принесения почестей, герцог услышал о большом сокровище, собранном покойным герцогом и хранящемся в Лиможе. Оставив Жанну в Нанте, он с небольшим отрядом рыцарей отправился в Лимож, где был благосклонно принят и получил сокровища, с которыми вернулся в Нант к назначенному дню. Но бретонские дворяне вовсе не были склонны стекаться под его знамена и приветствовать его как законного герцога, только один рыцарь, Эрве де Леон, явился, чтобы выразить почтение; и хотя семь из девяти епископов, а также бюргеры Нанта, Лиможа и некоторых других городов заявили о своей поддержке Монфору, его положение отнюдь не было прочным. Тем не менее, он и Жанна держали свой маленький двор в том состоянии, в каком могли, и решили использовать сокровища, захваченные в Лиможе, чтобы оплатить оборону своего герцогства, наняв наемников, "так что у них было огромное количество пеших и конных, дворян и других из разных стран". С помощью этих сил - не всегда необходимых, поскольку некоторые места были готовы принять его как своего господина, - Монфор взял некоторые города и крепости, такие как Брест, Ренн, Эннебон и Ванн.

Шарль де Блуа, обескураженный быстротой и активностью Монфора и потрясенный стремительностью, с которой тот становился фактическим, если не законным герцогом Бретани, обратился к королю Франции, представив претензии своей жены, Жанны де Пентьевр. Монфор, призванный предстать перед французским двором, отправился сначала в Англию и принес Эдуарду III дань уважения за Бретань. Вернувшись во Францию, он повиновался вызову Филиппа и отправился в Париж с великолепной свитой, состоящей, по словам Фруассара, из четырехсот лошадей, оставив свою графиню сторожить его в Бретани. Демонстрация силы, с которой Монфор предстал перед королем, не возымела эффекта запугивания последнего, если это и было задумано, и Монфор сдержал свой тон в беседе с Филиппом, положительно отрицая, что он присягнул на верность Эдуарду III, и лишь настаивая на своих правах ближайшего родственника покойного герцога Бретани. Филипп назначил день заседания суда пэров, который должен был вынести решение по претензиям двух наследников, и запретил Монфору покидать Париж в течение следующих пятнадцати дней. Судя по приему, оказанному ему коварным Филиппом, Монфор понял, что его дело уже решено; "он сидел и представлял себе множество сомнений"; если он останется в Париже и вердикт пэров будет против него, ему грозил арест и тюремное заключение, пока он не даст отчет о сокровищах, захваченных в Лиможе, и не сдаст все захваченные им города. Поэтому он выбрал путь, который, по крайней мере, давал ему шанс на активное сопротивление в случае худшего развития событий; он тайно бежал из Парижа и был вместе с женой в Нанте до того, как король узнал, что птица улетела. Событие оправдало его недоверие, так как 7 сентября 1341 года суд пэров присудил герцогство Бретань Жанне де Пенъевр и Шарлю де Блуа.

С помощью и советом жены Монфор собрал свои силы и гарнизонировал захваченные города, а Шарль де Блуа повел против него французскую армию и вскоре осадил Нант. События этой осады нас бы не касались, поскольку графини Жанны не было в Нанте, если бы не особый интерес к некоторым эпизодам и свет, который они бросают на замечательный характер Шарля де Блуа. В свое время этот человек был причислен к лику святых, настолько, что при папе Урбане V было проведено расследование и составлен благоприятный отчет, но так и не принято решение о формальной канонизации. Из книги *"Жизнь и чудеса Карла, герцога Бретани, из дома Франции"* мы узнаем любопытные сведения о том, что в те времена считалось доказательством святости. "Он исповедовался утром и вечером, и ежедневно четыре или пять раз слушал мессу..... Если ему встречался священник, он падал с лошади на колени в грязь..... Он клал камешки в свои ботинки". Когда он молился, то бил себя в грудь, пока не чернел лицом. Рядом с кожей он носил грубую одежду из мешковины, и "он не менял свою мешковину, хотя она была полна вшей; и когда его конюх из покоев собирался очистить от них упомянутую мешковину, повелитель Карл сказал: "Пусть будет так; не удалите ни одной воши"; и сказал, что они не причинили ему никакого вреда, и когда они жалили его, он вспоминал своего Бога". Воистину, такой ценой спасение может показаться дорогим для многих из нас! Однако история ранней Церкви полна святых, чей фанатизм принимал этот необычный вид - пристрастие к телесной грязи. При всем своем благочестии Шарль де Блуа был неумолимо жесток и даже аморален: он начал осаду Нанта с того, что отрубил головы тридцати рыцарям-партизанам Монфора и бросил их на стены, а когда сам лежал мертвым на поле боя, "его внебрачный сын по имени сэр Жан де Блуа был убит рядом с ним".

Нант был вероломно захвачен, а Монфор вероломно схвачен и заключен в тюрьму святым Шарлем де Блуа, который отправил своего соперника в заточение в башню Лувра в Париже. Но война закончилась не из-за того, что граф попал в плен; оставалось еще разобраться с графиней, этой дамой, которая, по словам восторженного Жана Фруассара, "обладала мужеством мужчины и сердцем льва". Она была в городе Ренне, когда ее господина схватили, и хотя на сердце у нее была большая печаль, она доблестно утешала своих друзей и солдат, показывала им маленького сына, которого звали Иоанн, и говорила: "Ах, судари, не падайте духом из-за моего господина, которого мы потеряли: он был всего лишь один человек. Смотрите, вот мое малое дитя, которое, по милости Божией, будет его восстановителем (мстителем) и которое сделает для вас добро. У меня есть богатство в изобилии, и я дам вам его и снабжу вас таким капитаном, что вы все будете успокоены". Утешив таким образом своих друзей и воинов в Ренне, она отправилась во все остальные свои крепости и хорошие города, взяв с собой Иоанна, своего маленького сына, и поступила с ними так же, как в Ренне, и укрепила все свои гарнизоны всем, чего они хотели, и платила много и давала свободно, так как считала это хорошим занятием".

Жанна и сама была неплохим стратегом и полководцем, она выбрала для себя и своего маленького сына крепкий замок Эннебон на побережье Бретани, где они провели зиму, поддерживая связь с различными гарнизонами и готовясь противостоять Шарлю де Блуа, когда тот возьмет Ренн. Осада этого последнего места закончилась только в мае 1342 года, когда горожане сдали город и отдали дань уважения Шарлю де Блуа, который после этого был свободен, чтобы заняться захватом Жанны де Монфор и ее сына. "Граф был в тюрьме, и если бы им удалось заполучить графиню и ее сына, это положило бы конец всей их войне". Соответственно, французская армия осадил Эннебон, установив вокруг него настолько полный кордон, насколько это было возможно по суше, при этом морская сторона обязательно оставалась открытой, поскольку у них не было флота для блокады порта.

Осада Хеннебона - один из тех романтических эпизодов истории, которые заучиваются или впиваются почти бессознательно в детстве, и которые остаются драгоценным воспоминанием в сердцах всех, кто любит храбрые дни былых времен. Даже Франция не могла не простить прекрасной и галантной графине Жанне, столь доблестно сражавшейся за наследие своего мужа; и во французских или английских историях мы находим страницу или две, отведенные Жанне де Монфор, ее изображение, может быть, и все потому, что гений Фруассара оставил нам столь яркое повествование о событиях в Эннебоне. Мы расскажем историю, знакомую большинству наших читателей, как можно более точно в стиле Фруассара.

"Когда графиня и ее рота поняли, что французы собираются осадить город Эннебон, было велено объявить тревогу по сторожевому колоколу, всем вооружиться и встать на защиту". После нескольких предварительных стычек, в которых французы потеряли больше, чем бретонцы, армия Карла расположилась на ночь в окрестностях Хеннебона. На следующий день осада началась с небольших атак, а на третий день последовал общий штурм. "Сама графиня надела на себя упряжь и скакала на огромной лошади от улицы к улице, желая, чтобы ее люди хорошо оборонялись; она заставила дамозель и других женщин разрывать мостовые улиц и нести на крепостные стены камни, чтобы бросать их на врагов, и большие горшки, полные негашеной извести".

"Графиня де Монфор совершила в этом месте тяжелый ратный подвиг, который не должен быть забыт. Она поднялась на башню, чтобы посмотреть, как сражаются ее люди и как распоряжаются (*то есть* располагаются к штурму) французы. Она увидела, что все лорды и все прочие люди из войска ушли со своего поля на штурм. Тогда она задумала великий подвиг, снова села на своего коня, во всеоружии, как была, и, приготовив триста человек верховых, отправилась с ними к другим воротам, где не было штурма. Она и ее отряд вырвались вперед и ворвались в лагерь французских владык, срубили шатры и подожгли хижины, а лагерь охраняли только варлеты и мальчишки, которые убежали. Когда французские лорды оглянулись и увидели, что их жилища горят, и услышали там крик и шум, они вернулись в лагерь с криками "Измена! Измена!", так что все нападение было оставлено.

"Когда графиня увидела это, она собрала свою компанию, и когда она увидела, что не может снова войти в город без большого ущерба, она сразу же направилась к замку Брест, который находится всего в трех лигах от него. Когда сэр Людовик Испанский, который был маршалом войска, вышел на поле и увидел, что их жилища горят, а графиня и ее компания уходят, он погнался за ней с большим количеством вооруженных людей. Он гнался за ней так близко, что убил и ранил многих из тех, кто ехал позади, злые лошади; но графиня и большая часть ее компании ехали так хорошо, что прибыли в Брест, где были приняты горожанами с большой радостью".

Можно представить себе изумление и досаду французских рыцарей, когда они узнали, что весь этот план был задуман и осуществлен женщиной. Они перенесли свои обгоревшие вещи в другие хижины из сучьев и приготовились схватить графиню, если она вернется; но Жанна была слишком хорошим капитаном, чтобы попасть в ловушку. Ее верный гарнизон в Эннебоне, не зная, что она благополучно добралась до Бреста, мучился под влиянием ложных известий осаждающих, которые говорили им, что они никогда больше ее не увидят. Так прошло пять дней тревоги, но никаких вестей о Жанне не было. "Графиня так много сделала в Бресте, что собрала пятьсот человек, хорошо вооруженных и хорошо одетых. И отправилась она из Бреста, и на восходе солнца пошла по одну сторону от войска, и пришла к одним из ворот Хеннебона, которые были открыты для нее, и вошла она и вся ее компания при большом шуме труб и кимвалов". Слишком поздно узнав о возвращении доблестной

дамы, французы, тем не менее, предприняли еще один решительный штурм Хеннебона, в котором они потеряли больше, чем защитники. Понимая, что глупо держать всех своих людей в осаде Эннебона, Шарль де Блуа с частью своей армии отступил и осадил Орей, а Людовик Испанский и Эрве де Леон, теперь уже на стороне французов, остались руководить операциями в Эннебоне.

У осаждающих было несколько больших и мощных катапульт, с помощью которых они так долбили стены города, что горожане "пришли в ужас и стали подумывать о сдаче". Среди высокопоставленных лиц в Эннебоне был епископ Ги де Леон, дядя Эрве де Леона, который теперь провел переговоры со своим племянником и согласился использовать свое влияние, чтобы добиться капитуляции. "Графиня заподозрила какой-то злой умысел, как только епископ вернулся в замок, и молила лордов Бретани не обманывать ее и не бросать, ради Бога; ведь она очень надеялась, что получит помощь из Англии раньше, чем через три дня. Однако епископ так много говорил и приводил столько доводов в пользу лордов, что они были в большом затруднении всю ту ночь. На следующее утро они снова собрались на совет, так что были почти согласны отдать город, а сэр Эрве приблизился к городу, чтобы вступить в его владение. Тогда графиня посмотрела вниз вдоль моря, на окно в замке, и улыбнулась от великой радости, что видит приближение помощи, которой она так долго желала. Затем она громко вскрикнула и дважды повторила: "Я вижу, как приближается помощь Англии". Тогда все жители города выбежали на стены и увидели множество больших и малых кораблей, идущих к Хеннебону".

Мы вздохнули с облегчением вместе с Жанной де Монфор; ведь мы всегда сочувствуем тем, кто сражается за правое дело. И вся поэзия рыцарства звучит в последовавшей за этим сцене, сцене, энтузиазму и полуистерической радости которой мы можем отчасти сочувствовать, ибо знаем, что осада Хеннебона будет снята и что дама и ее сын выйдут на свободу. Корабли, находившиеся в пути, действительно были долгожданным подкреплением, за которым Амори де Клиссон отправился в Англию и которое встречные ветры удерживали в море шестьдесят дней. Епископ Ги де Леон, в ярости от того, что задуманная им капитуляция не состоялась, тут же покинул замок и перешел на сторону врага: не такая уж невозполнимая потеря, надо полагать, этот советник, готовый за спиной графини вести дела с ее врагами.

Уход слабого приверженца не мог омрачить радость верных защитников Хеннебона. "Тогда графиня с большой радостью нарядила залы и палаты, чтобы разместить прибывающих английских лордов, и отправилась встречать их с великой учтивостью. И когда они были на суше, она вышла к ним с великим почтением и угостила их, чем могла, и смиренно поблагодарила их, ибо велика была ее нужда. И всю компанию, рыцарей, оруженосцев и прочих, она разместила в замке и в городе, а на следующий день приготовила для них роскошный пир".

Предводителем английских войск, пришедших на помощь Хеннебону, был рыцарский сэр Вальтер де Манни, известный и любимый всеми поклонниками Фруассара и Черного принца. Этот смелый и отважный рыцарь не успел вкусить благодушного настроения графини Жанны, как начал искать приключений, которые могли бы принести пользу ей и ее осажденному гарнизону. Огромные катапульты, возведенные французами, все еще наносили урон городу, и одну из них сэр Уолтер решил вывести из строя. С помощью нескольких бретонских рыцарей была предпринята стремительная вылазка, и "двигатель" был разнесен в щепки, поскольку в непосредственной близости от него находилась лишь горстка людей, способных его защитить. Но когда французские рыцари увидели, что происходит, и поспешили на помощь, английским рыцарям пришлось отступить. Тем не менее сэр Уолтер де Манни

воскликнул: "Пусть меня никогда больше не полюбит моя дорогая леди, если я хоть раз не сражусь с этими парнями". Он и еще несколько человек поскакали на французских рыцарей, и тогда, говорит Фруассар, с его любовью к драке и комическому, "несколько человек перевернулись на каблуках... и было совершено много благородных поступков с обеих сторон", пока сэр Уолтер не отбил своих людей и не удалился в укрытие крепостных стен. "Тогда графиня спустилась из замка с радостным ликованием, подошла и поцеловала сэра Уолтера де Манни и его спутников, одного за другим, два или три раза, как доблестная леди."

Ни леди, ни сэра Уолтера нельзя винить за этот поцелуй, отданный без всякой мысли о неверности мужу, за которого она сражалась; ее вдохновляла безумная радость, и этот маленький инцидент типичен для характера этой доброй леди, столь полнокровной, столь стойкой, столь выносливой воительницы.

Временно потерпев поражение при Эннебоне, Шарль де Блуа отступил перед ним и отправился осаждать и захватывать другие места в Бретани. У Жанны де Монфор не было достаточно войск, чтобы выступить против него в этих предприятиях, и ей пришлось наблюдать из Эннебона, пока он брал Динан, Ванн, Орей и другие места, несмотря на диверсии, устроенные сэром Вальтером де Манни и английскими союзниками. После капитуляции Карха Шарль де Блуа вернулся к атаке на Эннебон, где к нему присоединился его лейтенант, Людовик Испанский, недовольный недавним поражением при Квимперле, нанесенным Вальтером де Манни. Осада снова оказалась безрезультатной, и во время перемирия, о котором договорились воюющие стороны, графиня получила возможность заручиться более активной помощью.

Жанна поспешила в Англию, чтобы попросить помощи у Эдуарда. В это время великий король был недостойно занят преследованием графини Солсбери, в честь которой в Лондоне устраивались турниры и пышные пиры. Графиня де Монфор, должно быть, с грустью в сердце принимала участие в этих празднествах, ибо сердце ее было занято тем, чтобы добиться помощи в возвращении вотчины ее мужа в Бретани, которую теперь захватили приверженцы Шарля де Блуа. В конце концов Эдуард удовлетворил ее просьбу, и она отплыла в Бретань с отрядом вооруженных людей под командованием Роберта д'Артуа.

Людовик Испанский с флотом генуэзских кораблей поджидал англичан у берегов Гернси, где произошло большое морское сражение. Когда корабли приблизились друг к другу, генуэзские арбалетчики обрушили град стрел на англичан, которые поспешили схватиться. "И когда лорды, рыцари и оруженосцы сблизились, завязалась жестокая битва. Графиня в тот день стояла мужчины; у нее было сердце льва, а в руке она держала острый глайв, которым она яростно сражалась". Англичане одержали верх в этой рукопашной схватке, но обе стороны были рады отступить на ночь. Стихия поднялась на борьбу, и сильная буря нанесла большой ущерб кораблям. Захватив часть своих запасов и разбив корабли, англичане "заняли небольшое убежище недалеко от города Ванн, чему были несказанно рады".

Первой задачей графини и ее союзников было взятие Ванна, что и было сделано без серьезных потерь. Оставив Робера д'Артуа с гарнизоном удерживать этот город, Жанна и Вальтер де Манни отправились к верному Эннебону, в то время как английские войска под командованием графов Пемброка и Солсбери осаждали Ренн. Но Эрве де Леон и Оливье де Клиссон, этот грубый и выносливый рыцарь, прозванный "мясником", отвоевали Ванн, во время обороны которого Робер д'Артуа был тяжело ранен. Он приехал в Эннебон, чтобы

оправиться от ран, но ему становилось все хуже, и в конце концов он вернулся в Англию, где и умер. Этот союзник графини де Монфор был тем самым Робером д'Артуа, который пытался лишить графиню Махо ее наследства. Он был человеком с весьма скверным характером и находился под облаком обвинений в подлоге и других злоупотреблениях. Чтобы кратко завершить ту часть его истории, которая связывает его с Махо д'Артуа, мы можем вспомнить, как он претендовал на Артуа незадолго до смерти Махо, основываясь на документах, подделанных для него нечестивой Жанной де Дивион. Когда Жанну привели на допрос, вся ее история о попытках применить черное искусство против короля, которые она приписывала Махо, и о документах, которые она якобы обнаружила в архивах Тьерри д'Эресона, - все это оказалось лишь грубой выдумкой. Напрасно она протестовала, что действовала по наущению жены Робера д'Артуа; ее сожгли как ведьму и фальшивомонетчицу. Роберт, напуганный разоблачением своего соучастия в подлоге, не стал дожидаться суда, а бежал во Фландрию и оттуда в Англию, а его жена, Жанна де Валуа, хотя и была сестрой короля, была изгнана в Нормандию. Это был полный крах судьбы этой пары. К сожалению, имя Жанны де Монфор связано с именем этого жалкого, опозоренного рыцаря, которого люди без колебаний обвиняли в отравлении его тетки, Махо д'Артуа, и ее дочери Жанны, внезапно умерших в течение нескольких месяцев друг от друга.

Теперь война должна была принять гораздо большие масштабы, чем предполагалось вначале; она превратилась в войну между двумя королевствами, и в этой более масштабной драме мы почти теряем из виду Жанну де Монфор. Мишле замечает, что с любопытной непоследовательностью Филипп VI отстаивал в Бретани право женской линии, в то время как в своем собственном королевстве он это право отрицал, а Эдуард III отстаивал право мужской линии в Бретани и поддерживал право женской во Франции. Непоследовательность не имела значения для обоих монархов; в каждом случае искался лишь предлог для увеличения достоинства собственной короны.

Жан де Монфор, от имени которого его графиня вела войну в Бретани, весной 1345 года бежал из своей тюрьмы в Лувре и направился в Англию. Снабженный Эдуардом армией, он вернулся в Бретань, но был отбит перед Квимпером и умер в сентябре в Эннебоне, оставив свои права на наследство малолетнему сыну, а их преследование - героической вдове. С помощью англичан Жанна продолжила борьбу, и ей сопутствовала обычная военная судьба: то победительница, то побежденная, в распрах, которые стали известны как война трех дам. Этими тремя дамами были сама Жанна, Жанна де Клиссон и Жанна де Пентьевр. Жанна де Клиссон с мальчиком бежала от французов к графине Монфор, после того как Филипп VI в 1345 году вероломно захватил и казнил Оливье де Клиссона; Жанна де Пентьер, как и Жанна де Монфор, была вынуждена поддерживать свои собственные притязания, поскольку Шарль де Блуа, ее муж, войдя в Бретань и осадив крепость Ла-Рош-Дарьен, был застигнут врасплох и захвачен графиней де Монфор во главе ее английских войск. Пока он находился в плену в Англии, Жанна де Пентьевр стала главой своей партии, лидером в поле и в совете, недостойным соперником Жанны де Монфор.

Фортуна благоволила дому Монфор, и Жанна имела удовольствие наблюдать, как ее сын одержал сначала временное преимущество, а затем и полную победу над домом Блуа. В битве при Орее Карл был убит, а заключенный вскоре после этого (1364) Герандский договор окончательно признал молодого Жана де Монфора герцогом Бретани, в то время как Жанне де Пентьевр пришлось довольствоваться графством Пентьевр и виконтством Лимож. Бретань устала от войны, опустошавшей ее с 1342 по 1364 год, и битва при Орее стала решающим сражением, в котором обе стороны были намерены выиграть или проиграть все.

О личном характере Жанны де Монфор мы не можем говорить с какой-либо степенью уверенности, поскольку сведения, которыми мы располагаем, очень скудны. Хьюм рискнул охарактеризовать ее как "самую необычную женщину эпохи", что в некоторых отношениях вполне справедливо. В тех качествах, которыми восхищалось рыцарство, она, несомненно, была необыкновенной женщиной; мужественной и лично доблестной, с головой, чтобы планировать смелые подвиги, и сердцем, чтобы провести ее через гущу опасностей, импульсивной и щедрой, свободной правительницей и поклонницей тех рыцарских подвигов в других, которые она была слишком готова разделить сама. Перед нами не Элеонора Гвиенская, щеголяющая в мишурных доспехах во главе отряда сценических амазонок, а галантная леди, с мечом в руке бросающаяся на врагов. Ее историю нельзя читать без энтузиазма; и все же хотелось бы узнать больше о женщине, прежде чем воздавать безоговорочную хвалу графине, "которая стоила мужчины в бою" и "имела сердце льва".

При всем блеске и героизме этих войн между Англией и Францией, слава их не осталась незапятнанной; ведь сами образцы рыцарства слишком часто были виновны в самых зверских жестокостях. Карл, святой граф Блуа, отрубал головы бретонским рыцарям и бросал их за стены Нанта; Филипп VI. пригласил бретонцев на турнир, а затем схватил и казнил их; граф де Лисль сбросил с катапульты за стены Обероша несчастного слугу, который осмелился пронести через его ряды письма из гарнизона; эти и другие подобные вещи можно найти даже на страницах Фруассара, который так тщательно скрывал неприятные и выводил на свет гения рыцарские эпизоды в своей хронике войн. Слабых и павших почти не жалеют; одно слово о падении храброго рыцаря, одно слово о горе тех, кто от него зависел, и дальше - новые поля, новые рыцарские подвиги и зрелища. Хотя в воздухе витает дух рыцарства, как мало внимания уделяется женщине! Лишь редкие мужские качества Жанны де Монфор могут снискать ее неодобрительное внимание со стороны Фруассара.

При таком настрое великого летописца эпохи весьма примечательно, что мы находим хотя бы трех или четырех женщин, снискавших такую славу, чтобы о них помнили. Великая война со временем приведет к появлению величайшей героини Франции; однако можно усомниться, что Жанна д'Арк получила бы от Фруассара хотя бы справедливое отношение, если бы рыцарь-хроникер дожил до того времени, когда слава этой замечательной крестьянки озарила всю Францию. Можно предположить, что Жанна-святая, даже Жанна-доблестная воительница (он любил воинов больше, чем святых), была бы для него не Жанной-крестьянкой, а несчастным ребенком какого-нибудь более несчастного Жака Бонхомма, к которому придворный летописец отнесся бы с презрением, пренебрежением или жестокой ненавистью.

Ужасы войны не допускаются на сцену в хрониках, из которых мы черпаем большую часть информации о Жанне де Монфор; но приятно найти на этих же страницах хотя бы одно признание высшей и лучшей роли женщины, как заступницы за страждущих. Мы, конечно же, ссылаемся на знаменитую и прекрасную историю Филиппы де Хайно, спасшей жителей Кале, - историю, которую мы рискуем описать еще раз, чтобы представить нашим читателям знаменитый персонаж и знаменитую сцену в истории.

Восемь месяцев английская армия стояла перед Кале, в то время как король упрямо продолжал добиваться разрушения города, а гарнизон так же упрямо сопротивлялся до смерти. Эдуард построил для своего лагеря обычный город в окрестностях Кале, и голод, наконец, довел жителей до покорности. Жан де Вьенн, командующий гарнизоном, вступил в переговоры с представителями Эдуарда, но никаких условий добиться не удалось: требовалась абсолютная капитуляция всего гарнизона с угрозой смерти для самых храбрых из них, иначе Эдуард продолжит осаду до тех пор, пока не возникнет абсолютная

необходимость уступить. На эти условия Жан де Вьенн благородно не согласился. Вальтер де Манни и другие рыцари умоляли короля быть более милосердным, если не по доброте душевной, то хотя бы из соображений политики, опасаясь репрессий со стороны французов. Хорошо известны необычайно жесткие и грубые условия, предложенные тогда Эдуардом: "Сэр Вальтер де Манни, скажите капитану Кале, что самая большая милость, которую он и он найдут во мне, заключается в том, что шесть главных бюргеров города выйдут ко мне босыми, босыми и босыми ногами, в рубашках, с недоуздов на шее и с ключами от города и замка в руках. С этими шестью я поступлю, как мне будет угодно; остальных я помилую".

Жан де Вьенн объявил горожанам условия, и даже он прослезился от того, что ему пришлось принести им столь жестокие условия. "Через некоторое время поднялся самый богатый бюргер города, по имени Юстас де Сен-Пьер, и сказал открыто: "Господа, великие и малые, велика беда, что приходится страдать от смерти людей, которые находятся в этом городе, от голода или по другой причине, когда есть средство спасти их..... Что касается меня, то я так уповаю на Господа Бога нашего, что если я погибну в ссоре, чтобы спасти остальных, то Бог простит мне все мои грехи; поэтому, чтобы спасти их, я первым подвергну свою жизнь опасности."

На фоне спокойного героизма этого богатого купца из старого Кале какой мишурой кажется слава лучших из любимых рыцарей Фруассара! "Может быть, король Эдуард и одержал победу... как сильнейший, но вы - герой осады Кале! Ваша история священна, и ваше имя благословляется вот уже пятьсот лет. Где бы ни говорили о патриотизме и самопожертвовании, Юстаса де Сен-Пьера будут любить и помнить. Я преклоняюсь перед босыми ногами, которые стояли перед королем Эдуардом. Какой рыцарский ошейник может сравниться с тем славным орденом, который вы носите? Подумайте... как из бесчисленных миллионов представителей нашей расы вы и еще несколько человек служат примером долга и чести". Юстас де Сен-Пьер вполне заслуживает восторженных фраз, которые мы скопировали у того, кто не был историком, но был великим человеком с великим сердцем Уильямом Мейкписом Теккереем! Ведь "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих".

В те времена, как и во все времена, героизм был заразителен, и примеру Юстаса де Сен-Пьера быстро последовали пятеро его соотечественников. Теперь перейдем к героине этой истории, королеве Филиппе. Когда шестерых бюргеров в их смиренном состоянии привели к ногам надменного и неумолимого Эдуарда, все мольбы были тщетны, чтобы спасти их: король в гневе отвернулся даже от верного Вальтера де Манни и приказал позвать палача. Тогда королева, будучи беременной, опустилась на колени и, рыдая, сказала: "Ах, милостивый государь, когда я переплыла море в большой опасности, я ничего не желала от вас; поэтому сейчас я смиренно прошу вас в честь сына Девы Марии и из любви ко мне, чтобы вы помиловали этих шестерых бюргеров". Король, увидев королеву, немного постоял в кабинете, а затем сказал: "Ах, госпожа, я бы хотел, чтобы вы были, как сейчас, в каком-нибудь другом месте; вы обращаетесь ко мне с такой просьбой, что я не могу вам отказать. Поэтому я отдаю их вам, чтобы вы поступили с ними по своему усмотрению". Тогда королева велела привести их в свои покои, заставила снять с их шей недоузды, одела их в новую одежду и дала им поужинать в свое удовольствие; затем она дала каждому из них по шесть вельмож и велела вывести их из дома под охраной и отпустить на свободу".

Это благородная картина милосердия женщины, когда молитвы мужчин не помогли; и мы присоединяемся к Жану Фруассару в почитании его королевской покровительницы и госпожи, "самой нежной королевы, самой либеральной и самой обходительной, которая когда-либо была королевой в свои дни, а это была прекрасная леди Филиппа из Хайно,

королева Англии и Ирландии". Но Фруассар восхищался ею не только и даже не столько за ее милосердие; он восхваляет ее главным образом за то, что она была женщиной-воином, почти такой же решительной и успешной, как Жанна де Монфор, и прибыла в Кале после побед над шотландцами, о которых Фруассар дает тщательный и яркий отчет.

ГЛАВА X

ПРИ ДВОРЕ БЕЗУМНОГО КОРОЛЯ

Франция, знавшая хороших и плохих королей, от Констанции в десятом до Бланш Кастильской в тринадцатом веке, ближе к концу четырнадцатого была отдана в руки одной из худших женщин в ее истории. Бед Франции под властью безумного короля Карла VI было бы достаточно, но двор Франции возглавляла настоящая сатурналия развратной королевы Изабеи де Бавьер. И снова в лице Изабо мы видим женщину, чья история жизни не может быть рассказана без того, чтобы в то же время не рассказать многое из истории Франции; но не потому, что королева делает что-то хорошее, мы должны рассказать о правлении королевства во время ее правления; она не делает ничего, кроме потакания своим вульгарным вкусам к удовольствиям и разврату, для удовлетворения которых она готова заложить саму Францию.

В 1380 году умер мудрый, хотя и нелюбимый Карл V., оставив королевство временно свободным от англичан и находящимся как раз в том приятном состоянии равновесия между оздоровлением и разорением, когда достаточно какой-то мелочи, чтобы перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Его сын и наследник был мальчиком двенадцати лет, уже безумно любящим удовольствия, уже забившим свою слабую голову фантастическими рассказами о рыцарстве и романтической преданности таким крепким воинам, как Дю Гесклен, с которым он никогда не мог надеяться соперничать. Его правление начинается со сна, в котором он встретил фантастического летающего зайца, которого он взял за свою эмблему. Сон продолжается в безумных празднествах, поощряемых Филиппом ле Харди, герцогом Бургундским, который был главным опекуном мальчика. Этот Филипп - тот самый храбрый сын короля Иоанна, которого мы видим в Пуатье сражающимся на стороне своего отца, - был великим человеком, хотя и не очень приятным; он был слишком острым политиком, чтобы быть полностью восхитительным. Во время одного из грандиозных представлений, устроенных для мальчика-короля по случаю двойной свадьбы сына и дочери Филиппа де Бургундского с дочерью и сыном герцога Альберика Баварского, герцогиня Брабантская, которую Фруассар называет женщиной, "полной добрых советов", предложила дядям короля найти жену для молодого короля в той же могущественной семье, которая теперь была союзницей Бургундского дома. Ничто не могло лучше соответствовать планам Филиппа де Бургундского, который послал портретистов, чтобы те воспроизвели прелести соответствующих претенденток на руку короля, и из всех портретов выбрал Изабо де Бавьер, дочь Этьена II и принцессу из великого итальянского рода Висконти.

Юную Изабо, чей портрет показывал ее самой красивой из всех принцесс, из которых предстояло выбирать, привез в Брабант ее дядя под предлогом паломничества к святыни

Святого Иоанна Амьенского, а герцог Бургундский в то же время нашел предлог, чтобы проводить Карла в Амьен, не дав ему ни малейшего намека на цель путешествия. Изабея была представлена королю герцогинями Брабантской и Бургундской и преклонила перед ним колени, подняв к нему свое милое девичье личико вместо того, чтобы заговорить на еще неизвестном ей языке. Тогда Карл взял ее за руку, поднял и задумчиво посмотрел на нее, "и в этом взгляде сладостная мысль о любви вошла в его сердце". После того как дамы удалились из королевского присутствия, сир де ла Ривьер, старый министр Карла V., спросил короля: "Сир, что вы думаете об этой молодой даме? Останется ли она с нами?" "Клянусь, да, - ответил Карл, - мы не желаем другого, ибо она нам нравится". Не нужно было задерживаться на сложных церемониях, как бы король к ним ни относился; Карл настоял на немедленной свадьбе. Он и юная немецкая принцесса поженились 17 июля 1385 года, через четыре дня после первой встречи. Невесте было всего четырнадцать, а жениху - неполных семнадцать; это был один из тех позорных детских браков, которыми полна история Европы.

Изабо де Бавьер уже имела привычку к праздности, которую пробуждала лишь любовь к развлечениям, для приобретения которых ни она, ни ее молодой муж не жалели ничего. Роскошь и дикая экстравагантность в одежде, в развлечениях, даже в похоронах были характерны для той эпохи; все королевство отдавалось экстравагантности и разврату; существование было одним безумным праздником, без мысли о том, кто должен платить волеизъявлению; все должны были танцевать и капризничать, словно укушенные тарантулом. Сами костюмы дикие: "Здесь (мы видим) мужчины-женщины, комично наряженные, и женственно волочащие по земле халаты длиной в двенадцать эллов; там - другие, чьи фигуры четко очерчены короткими богемными куртками и узкими панталонами, хотя и с рукавами, ниспадающими до земли; Здесь - люди-звери, расшитые всевозможными животными; там - люди-музыканты, утыканные нотами, из которых можно было петь как впереди, так и позади; другие же украшали себя какими-то знаками и буквами, которые, без сомнения, не говорили ничего хорошего.... Разумные существа без колебаний переодевались в сатанинские, звериные формы, которые ухмылялись нам с карнизов церквей. Женщины носили рога на голове, мужчины - на ногах, верхушки их обуви были закручены в рога, грифонов, змеиные хвосты. Женщины, прежде всего, заставили бы трепетать наши духи (эпохи Святого Людовика); обнажив грудь, они надменно демонстрировали высоко над головами мужчин свой гигантский хеннин (головной убор с пиками и рогами) с подмостками из рогов, требуя от них поворачиваться боком и наклоняться, когда они входили или выходили из комнаты".

Со всей этой диковинной модой на одежду молодая королева была в полном согласии; а жизнь двора представляла собой череду блестящих развлечений, порочных по своей чувственности не менее, чем по расточительству доходов королевства, и без того обедневшего в результате долгих войн. В первые годы своего присутствия - мы не можем назвать это правлением - во Франции Изабея не принимала никакого участия в политике; не принимал его и ее муж, поскольку он оставил управление страной в руках своих дядей, главным из которых был Филипп де Бургун. Поэтому вначале нам не о чем будет рассказывать, кроме как о некоторых наиболее примечательных событиях при дворе.

Первое из них, и одно из самых скандальных, произошло в мае 1388 года; и повод, который оно должно было отметить, заслуживает некоторого внимания со стороны тех, кто хотел бы оценить полную неспособность Карла VI даже в этот период. Чтобы понять обстоятельства, мы должны вернуться к тому времени, когда Карл V. лежал при смерти, а его брат, Людовик, герцог Анжуйский, ждал в соседней комнате, пока из тела короля выйдет воздух. Когда король был действительно мертв, Людовик вышел, чтобы захватить тарелки и другие ценные вещи. Услышав, что Карл спрятал в стенах своего дворца в Мелуне значительные сокровища,

и не сумев обнаружить тайник, этот любящий брат послал за казначеем покойного короля и произнес мрачную угрозу: "Ты найдешь для меня эти деньги, или с тебя снимут голову". Палач был там со своим топором - сокровища были найдены, и Людовик унес их с собой, чтобы растратить на свои притязания на Неаполитанский престол. Теперь он был мертв, а двое его сыновей собирались покинуть Францию, чтобы продолжить борьбу за Неаполь. Чтобы не вспоминать с негодованием об огромных суммах, украденных у него этой самой семьей, Карл VI должен был растратить еще больше на пышное представление в честь посвящения в рыцари принцев Анжуйских.

Церемония, на которой молодой солдат Божий поклялся защищать право, со всеми торжественными и впечатляющими ритуалами, которые церковь могла придумать для освящения и придания достоинства его поступку, должна была превратиться в гнусный дебош. В древнем аббатстве Сен-Дени, рядом с гробницами великих мертвецов, прославивших Францию, поселились "королева и множество знатных дам". Монастырь или не монастырь, но монахи должны были приютить этих прекрасных гостей, которых по всем правилам их ордена должны были строго исключить. В хронике одного из монахов Сен-Дени говорится: "Глядя на их необыкновенную красоту, можно было бы сказать, что это встреча языческих богинь". Так оно и было, языческие богини, с незаконной Венерой во главе. Но фестиваль, напомним, был религиозным; мы ходили "слушать мессу каждое утро". После религиозных служб день был отдан великолепным турнирам и богатым банкетам, а ночь - балам, балам в масках, "чтобы скрыть румянец". Три дня и три ночи продолжался этот праздник, безумные вакханки не стеснялись осквернять своими оргиями даже самые святые места, что присутствие короля и королевы скорее поощряло, чем сдерживало. Все это нравилось самой королеве. Неудивительно, что в народе стали поговаривать, что она уже проявила более чем благопристойную привязанность к своему шурина, блистательному Луи д'Орлеану; в *pervigilium Veneris*, "пробуждении Венеры", как называли балы в Сен-Дени, кто может сказать, что могло бы произойти?

Король достиг совершеннолетия; в порыве нетерпения он сбросил с себя власть своих дядей, до сих пор правивших Францией, и установил собственное правительство. Королевские принцы не были хорошими правителями; каждый из них был слишком увлечен своими собственными интересами, чтобы считаться с интересами Франции; поэтому Франция ненавидела их и надеялась на лучшее от молодого короля и его трезвого правительства скромных советников. Но Карлу требовалось волнение; вместо войны устраивались празднества, на которые он тратил деньги, пока народ не стонал, а советники не дрожали. Любой повод был достаточным для проведения празднества. Внезапно Карл и Изабея вспомнили, что королева никогда не была коронована и не совершала королевского въезда в Париж. Городу было приказано сделать беспрецедентные приготовления к приему Изабей в качестве королевы; она жила в Париже значительную часть времени в течение четырех лет после своего замужества, но это не отменяло необходимости официального представления в столице ее владений.

Со свойственной ему любовью к зрелищам Фруассар дает нам рассказ о приеме Изабей, занимающий много страниц. Парижане нарядились в алые, зеленые и золотые костюмы, каждый соперничал со своим соседом и соперничал, насколько смел, с пышностью придворных и вельмож. Фонтаны били вином и молоком, балконы и окна были украшены цветами и заполнены жаждущими зрителями, перед дверями многих домов играли музыканты, а на углах улиц разыгрывались чудесные спектакли. 22 августа юная королева, приветствуемая на каждом шагу криками толпы на улицах и сопровождаемая толпой знатных дам, которых несли в роскошных литрах, проехала из Сен-Дени в Париж. У порта Сен-Дени

был установлен балдахин, изображающий "небо, усыпанное звездами, а внутри него - детей, одетых как ангелы", и "образ самой Богоматери", держащей на руках младенца Спасителя. Два ангела, спущенные с небес на веревках, возложили на голову Изабеи золотую корону, напевая: "Милая дама среди *флердоранжей*, не с небес ли ты?".

"Затем, когда королева и дамы прошли мимо", сильно восхищенные этим "высоким небом, богато украшенным гербами Франции, устройством короля", они продолжили путь по улице, пока не подошли к месту, где находился фонтан, "который был покрыт тканью прекрасного лазурного цвета, расписанной цветами-луками из золота..... И из этого фонтана большими струями текли пряные напитки и кларет, а около фонтана стояли юные девы, богато одетые, с богатыми чашами на головах, и мелодично пели: великое удовольствие было их слушать. И держали они в руках золотые кубки и чаши, предлагая и давая пить всем, кто проходил мимо; а королева отдыхала там, наслаждалась и смотрела на них, получая огромное удовольствие от этого зрелища, как и все другие дамы и дамочки, которые видели это".

Если пройти дальше, туда, где стояла церковь Святого Иакова, то "вся улица Сен-Дени была покрыта тканями из шелка и камлета, в таком изобилии, как будто эти ткани ничего не стоили. И я, сэр Джон Фруассар, автор этой истории, присутствовал при этом и видел все это, и очень удивлялся, откуда взялось такое количество шелковых тканей; их было так много, как будто они были в Александрии или Дамаске; и все дома по обе стороны большой улицы Сен-Дени были увешаны arrasскими тканями разных историй, на что было приятно смотреть".

На "парижском мосту", что у Нотр-Дам, королеву ждали новые чудеса. Один мастер-тумблер из Генуи "привязал шнур на самом высоком доме моста Сен-Мишель над всеми домами, а другой конец привязал на самой высокой башне церкви Богоматери. И когда королева проходила мимо и находилась на улице, называемой улицей Богоматери, потому что было уже поздно, этот мастер с двумя горящими свечами в руках вышел из маленькой сцены, которую он сделал на высоте башни Богоматери, и, распевая, пошел по шнуру вдоль всей большой улицы, так что все видели его и дивились, как это может быть". Этот кумир, одетый как ангел, подарил еще одну корону Изабее, а затем, поднявшись в небо, исчез через щель в навесе над мостом, словно возвращаясь на небо.

В великом соборе Нотр-Дам Изабо короновалась, произнося, как говорит Фруассар, - не без двусмысленности, которую он сам, несомненно, не осознавал, - "какие угодно молитвы". Но на этом празднества не закончились; мы опустили многие детали пьес и немых представлений Фруассара, в которых без разбора излагались священные истории Писания и легенды о французских героях, замки, полные шуточных чудовищ, изображения всей небесной иерархии и сна, который подсказал Карлу эмблему летящего зайца. Праздник, сопровождавшийся ночными балами, дневными поединками и представлениями чудес, продолжался несколько дней. Парижские купцы преподнесли королеве и Валентине Висконти, новой герцогине Орлеанской, самые дорогие драгоценности, богатые сервизы из золота и серебра, кубки, сальверы и блюда из золота, "чему все очень дивились", и королевская чета была очень довольна.

Кто же должен был оплачивать все, что было выставлено на всеобщее обозрение в этом входе королевы? Жители Парижа тешили себя надеждой, что после демонстрации их верноподданнической радости и подарков - на общую сумму около шестидесяти тысяч крон золотом - король соизволит отменить некоторые непосильные налоги. Напротив, именно граждане Парижа были вынуждены платить за все это прекрасное дурачество. Карл покинул Париж через несколько дней после завершения праздника, оставив после себя

повышенный налог и указ, запрещающий под страхом смерти использовать некоторые серебряные монеты мелкого достоинства; это последнее ограничение, призванное способствовать обращению его новой и дебелой монеты, причиняло особые тяготы беднякам. Таким образом, Изабея уже причиняла много страданий беднякам той столицы, которая так щедро ее одаривала; и прежде чем выразить сочувствие несчастному королю в последующие дни, стоит вспомнить о страданиях его подданных.

Жизнь для Карла и его королевы пока была лишь мечтой; хотя Франция стремительно шла к гибели под их экстравагантским и беспечным правлением, разве не могли они отвлечься от забот в веселье, превосходящем все, что Франция еще видела? Но мечта вскоре превратилась для этого беспечного монарха в кошмар, отвратительный кошмар безумия.

Только через три года после коронации Изабеи у ее несчастного супруга случился первый приступ безумия, хотя любому разумному существу поведение всего двора с самого начала показалось бы безумным. Один из тех актов незаконной частной мести, которые так скоро стали ужасающе привычными во Франции, впервые взволновал короля почти до безумия. Некий Пьер де Краон, дворянин, уже отличившийся тем, что ограбил покойного герцога Анжуйского, был изгнан из Парижа герцогом Орлеанским, жене которого он неосмотрительно открыл некоторые неверности ее слишком развратного мужа. Он бежал к Жану де Монфору, который убедил его, что главным виновником его позора является знаменитый Оливье де Клиссон, коннетабль Франции. Тайно вернувшись в Париж, Пьер де Краон подстерег коннетабля ночью и обрушился на него с отрядом брадобреев. Храбрый де Клиссон был тяжело ранен, и злодеи бежали, считая его убитым. Карл, благоволивший к де Клиссону, был в ярости от возмущения и отомстил Краону. Поскольку Жан де Монфор стал защитником этого негодяя и отказался отдать его в руки правосудия, земли, принадлежавшие Краону, были опустошены, жена и дети изгнаны, а Бретани объявлена война.

Король всегда питал страстную любовь к театральной стороне войны, и, как только коннетабль смог сесть верхом, король со своими войсками отправился в Бретань. Мы можем пропустить предыдущую часть его кампании, занятую бесцельными маршами и столь же бесцельными переговорами. 5 августа 1392 года, во время сильной жары, Карл выступил из Манса. Он страдал от лихорадки, сильно ослабел и уже несколько дней был сильно измучен жарой и тем, что ему мешали отложить месть; он был угрюм, и "его дух страдал и мучился", когда, когда он ехал через Манский лес, на голову его лошади внезапно бросилась дикая фигура, полуодетая и явно безумная. Схватив короля за уздечку, явление воскликнуло с той странной серьезностью, которая так часто заметна у тех, чей рассудок неуравновешен: "Сэр король, не ездите дальше, ибо вы преданы". Слуги поспешно прогнали бедного безумца и попытались восстановить душевное спокойствие короля, как никогда сильно нарушенное происшествием, которое могло бы поразить даже человека в крепком здоровье. Кавалькада ехала по открытым равнинам, где палящее солнце палило на голову короля, защищенную лишь тонкой шапочкой. Вдруг Карл остановился, остановил коня, выхватил меч и бросился на ехавших рядом с ним пажей, крича, словно в пылу сражения: "Вперед, вперед! Долой предателей!" Безумно преследуя пажей, он обратил в бегство даже герцога Орлеанского, и не был побежден и обезоружен до тех пор, пока он и его лошадь не выбились из сил.

Он не узнавал никого из окружающих, и только физическая слабость не позволила ему снова превратиться в безумного сумасшедшего. Бедный слабый мозг, перевозбужденный и измученный долгими годами разврата, был безнадежно повержен; хотя временами Карл VI был в здравом уме и даже в течение значительных периодов времени, он был все более неспособен править, оставаясь лишь беспомощным и несчастным орудием в руках

бессердечных людей, которые смогли завоевать достаточно власти, чтобы управлять тем, что осталось от Франции.

Королева не была Бланш де Кастиль, способной управлять королевством, и дядя короля, Филипп де Бургун, поначалу был реальной властью во Франции. Ему противостояли Изабо де Бавьер и ее фаворит и шурин, Луи д'Орлеан, брат короля; история последующих нескольких лет в значительной степени представляет собой запись бесстыдных интриг между этими людьми, чтобы получить контроль над безумным королем, во имя которого было совершено множество одиозных поступков. По праву регентство должно было перейти к старшему брату короля, Людовику д'Орлеану, которому на момент безумия Карла был двадцать один год; но герцоги Бургундский и Беррийский отстранили его за "слишком большую молодость". Можно было бы найти какой-то прецедент для признания Изабеи регентшей; но нет никаких свидетельств того, что она когда-либо предпринимала серьезные попытки обосновать свои притязания; она довольствовалась тем, что герцог Бургундский вполне мог ей позволить, а именно: растрачивать деньги - не его деньги - на свои удовольствия. Изабея номинально входила в совет, осуществлявший регентские полномочия, но на самом деле она находилась под контролем герцогини Бургундской, которую летописцы называют "надменной и жестокой женщиной".

При таком уходе, какой могли оказать ему врачи того времени, надежд на окончательное восстановление рассудка короля было немного. Однако один ученый врач правильно понял причину недомогания Карла и прописал ему умеренную диету и спокойную жизнь. Под этим мудрым лечением Карл вскоре обрел столько разума, сколько никогда не имел; но режим, предписанный врачом, был так же неприятен королю, как и Изабее. Королева, под предлогом организации развлечений для него, снова начала вести разгульную жизнь, которая была главной причиной безумия Карла. Именно на одном из таких праздников и произошел знаменитый "танец дикарей", который едва не лишил Францию ее безумного короля.

Летописец Сен-Дени рассказывает, что "во многих частях Франции в то время существовал дурной обычай предаваться без меры всяким непристойным глупостям на свадьбе вдовы и, надев экстравагантные маски и переодевшись, делать всякие непристойные замечания невесте и жениху". Именно на этом своеобразном чинаре, устроенном однажды вечером (29 января 1393 года) в честь свадьбы одной из немецких официанток Изабеи, вдовы, Гюг де Гизе, один из тех потворщиков глупостей богатых и экстравагантных людей, которые планируют для них "развлечения", взялся отвлечь безумного короля, королеву и весь двор. Он придумал "шесть плащей из льняной ткани, покрытой смолой, а на ней - лен, похожий на волосы". Карл надел один из них, и он и пять его спутников, похожих на сатиров, в восторге от своего сходства с существами ужасной формы, затесались среди других празднующих. Все пятеро были связаны между собой цепью, но король, к счастью, оказался свободен и опередил их. Когда несчастный Карл в своем позорном костюме пытался исполнить роль сатира, дразня и обмениваясь грубыми шутками с юной герцогиней Беррийской, в комнату вошел Луи д'Орлеанский. Желая узнать, кто это так замаскировался - мы отказываемся верить версии, согласно которой он действовал просто из беспечного желания посмотреть, что произойдет, - он поднес факел слишком близко к одному из галантных гостей, одетых в буксиры. В одно мгновение все пять несчастных жертв безрассудства были объаты пламенем. "Спасите короля! Спасите короля!" - кричал один из них, сгорая. К счастью, герцогиня Беррийская, догадавшись, что рядом с ней стоит король, накрыла его своим плащом и не дала его костюму загореться. Четверо остальных, которых, похоже, ни одна душа из этого веселого сборища не пыталась спасти, сгорели заживо; одному удалось

спастись, прыгнув в большую кадку с водой в кладовой. Среди погибших был и беспринципный зачинщик этой глупой и опасной забавы; когда его тело несли к могиле по улицам Парижа, люди проклинали его и кричали вслед, как он обычно обращался к беднякам, когда ему доставляло удовольствие забавляться с ними: "Лай, собака!"

Удивительно, но эта сцена ужаса перед танцем дикарей, похоже, не вызвала немедленного рецидива со стороны короля. Изабея, проявившая крайний ужас и сочувствие в момент опасности своего мужа, присоединилась к нему, приняв добродетельное решение вести более регулярную и трезвую жизнь. Но любовь к удовольствиям укоренилась слишком прочно; возобновились распутства, и Карл стал еще более жестоким безумцем, чем прежде, не зная ни жены, ни детей и даже отрицая свою собственную личность. И так продолжалось всю жизнь: следуя предписаниям врачей, Карл то прозревал, то прогонял врачей из дворца и снова предавался разврату и безумию. За ним посылали астрологов, чтобы привлечь на его сторону боковые силы; один астролог принес книгу, которую, по его словам, Господь послал Адаму рукой ангела; какая польза была от нее Адаму, неизвестно, но королю она точно не принесла облегчения. Затем явились два остинских монаха (!), которые приготовили снадобье из жемчужного порошка и привлекли все колдовские силы на помощь королю; но король не выздоровел, а монахи были переданы инквизиции, осуждены и обезглавлены.

Тем временем всякая привязанность, которую Изабея могла испытывать к своему мужу, угасла. Герцог Бургундский показался ей, наконец, невыносимо скучным; Луи д'Орлеан был куда более либерален с деньгами королевства; кроме того, он был красавцем-ловеласом, которого любили все женщины; неизбежно, что Изабея должна была вступить в союз с человеком, готовым не только разделить с ней ее распутные удовольствия, но и выжимать из народа деньги, необходимые для них. Народ, особенно парижский, ненавидел герцога Орлеанского за то, что тот постоянно вводил новые налоги, и любил герцога Бургундского за то, что тот был достаточно политичен, чтобы делать вид, что снижает налоги. Поэтому неудивительно, что мы имеем так много рассказов о возмутительном поведении Изабеи де Бавьер и Людовика Орлеанского; ведь если народ долго терпит, он все же не забывает.

Чтобы покрыть часть расходов, вызванных расточительностью двора, Людовик Орлеанский и королева в 1405 году ввели новый налог. Тюрьмы вскоре были переполнены бедными несчастными, которые не могли заплатить налог, даже продав все свое имущество, вплоть до соломы на своих кроватях. Пока королева развлекалась, народ проклинал ее. Не зная, что может стать с огромными суммами, собранными и растраченными никчемной парой, люди говорили, что Изабея отправила грузы золота в Баварию, а Людовик растратил их на великолепные постройки в своих владениях в Куси и в Пьерфоне.

Дикие обвинения обезумевшего народа, однако, не были лишены оправдания. Эта жалкая распутница, ставшая королевой Франции, оставила своего мужа, бедного добродушного безумца, и своих детей на попечение слуг, жалование которым, в разгар этой растраты государственных денег, она забывала платить. Слуги пренебрегали и детьми, и мужем; королю Франции позволили оставаться в грязи и лохмотьях, покрытым паразитами, которые делали на нем отвратительные язвы, а маленький дофин был всего лишь полуголодным оборванцем. Один из врачей обнаружил, в каком состоянии находится Карл: он не мылся и не менял одежду в течение пяти месяцев, и была опасность, что он умрет от грязи. Переодев нескольких сопровождающих в страшные костюмы, лекарь отправил их в логово безумного короля, где они запугали его до пассивности и успели искупать, перевязать язвы и сменить одежду, прежде чем приступ ужаса прошел. Когда Карл вновь обрел ясность ума, он узнал о пренебрежении к Изабее, поблагодарил тех, кто был нежнее его жены, и подарил одной даме, которая пыталась ухаживать за дофином, золотой кубок.

Возмущение народа было велико; все сословия объединились в отвращении к этой бесстыдной жене и матери. Один остинский монах, смелее других, прочитал перед Изабеей проповедь и открыто обличил ее распутство: "При вашем дворе царствует госпожа Венера, а ее служанки - разврат и распутство". Королева и ее праздные и порочные придворные пожелали наказать его за бесстыдство; но Карл, услышав его слова, заявил, что ему нравятся такие проповеди, послал за проповедником, с интересом и вниманием выслушал его рассказ о бедах королевства, наметил реформы - и снова сошел с ума.

Пока длился приступ реформ, Луи д'Орлеанский, напуганный бурей, настигшей его и Изабею во время одной из их прогулок, поклялся покаяться и выплатить долги. На эту радостную весть собралось более восьмисот кредиторов; но тучи рассеялись, а вместе с ними ушло и желание Людовика быть честным. Он посмеялся над кредиторами и отдал тайный приказ обесценить монету.

Бедный король был достаточно вменяем, чтобы понять, что дела идут плохо; он обратился за помощью к герцогу Бургундскому. Энергичный и безжалостный Жан Сан-Пер, сменивший в Бургундии Филиппа ле Харди, обрушился на Париж, и Изабея бежала с Орлеаном в Мелен, бросив Карла, но планируя на следующий день забрать королевских детей и детей герцога Бургундского. Однако Жан де Бургун догнал детей и вернул их в Париж, где теперь (в августе 1405 года) обосновался в Лувре.

Так возмутительно было разорение при Изабее и Людовике, что парижане приветствовали Жана как избавителя. Королева, прикрываясь мнимым правом присваивать товары для королевских нужд, систематически отбирала не только предметы первой необходимости, провизию и прочее, но и захватывала товары, драгоценности, деньги, хранившиеся у владельцев, мебель, грабила даже больницы и хранила эти краденые вещи с намерением продать их с аукциона. Жадность была ее преобладающей чертой, и поэтому мы не удивляемся, что ее ненависть к Жану Сан-Перу усилилась до предела, когда она лишилась возможности грабить без посторонней помощи. К несчастью для нее, Орлеан не был человеком с достаточными способностями и энергией, чтобы успешно справиться с Жаном де Бургуном, и борьба между двумя герцогами лишь истощила ресурсы Орлеана, не нанеся серьезного ущерба его сопернику. Изабея, к тому же, не была кровожадной; и ее лень, и ее интерес побуждали ее содействовать миру между двумя герцогами, который был заключен в последние месяцы 1407 года.

Людовик был болен; по доброте душевной его посетил кузен Бургундский, и примирение состоялось. Как только Людовик оправился от недомогания, оба, в сопровождении старого герцога де Берри, который стремился к миру, отслужили мессу и причастились, поклявшись друг другу в братской любви. Это произошло в воскресенье, 27 ноября 1407 года. В следующую среду вечером Людовик Орлеанский, как обычно, отправился пообедать с Изабеей в отель Барбетт и был в особенно приподнятом настроении, пытаясь развлечь королеву, которая была сильно огорчена рождением мертворожденного ребенка, ребенка любви, как говорили люди. Около восьми часов вечера Людовика вызвали, по-видимому, от короля, и когда он отправился по этому вызову в сопровождении нескольких пажей и слуг, на него набросилась и изрубила на куски на улицах Парижа банда негодяев под предводительством Рауля д'Октонвиля.

Убийцы успели скрыться до того, как люди узнали о случившемся. Когда смерть брата короля была обнаружена, люди пришли в замешательство; все понимали, что такое преступление совершил не безвестный негодяй, и задавались вопросом, какой великий человек нанял убийц? Через несколько дней Жан де Бургонь, находясь в состоянии, среднем между ужасом

и наглой бравадой, признался, что виновен в подлом убийстве человека, которому он так недавно поклялся в дружбе перед Богом. Опасаясь, что даже его звание не сможет в достаточной мере защитить его от наказания за это пролитие королевской крови, Жан бежал из Парижа в свои владения.

Умерший не был ни хорошим братом, ни хорошим принцем; при всех тех милых милостях, которые могли бы сделать его любимым для всех мужчин и очаровательным для большинства женщин, он не обладал никакими выдающимися качествами. Он не был жестоким; это единственная относительно хорошая черта - да и то лишь отрицательная, - которую мы можем противопоставить его безрассудному легкомыслию и разнузданности, его бесстыдной неверности и пренебрежению клятвами и самыми священными обязательствами. Его не оплакивали в Париже, который был потрясен, но не опечален его смертью; его не оплакивала искренне позорная королева, которую он увел от своего долга к жалкому, безумному мужу; но его оплакивала женщина, которой он причинил самую глубокую боль, - его жена.

Этой женой была прекрасная итальянка Валентина Висконти, дочь герцога Миланского, которая вышла замуж за Людовика в 1389 году и была участницей пышного въезда Изабеллы де Бавьер в Париж. С самого начала она имела все основания жаловаться - и все же никогда не жаловалась - на неверность мужа, которого любила всем сердцем, но любовь которого не могла удержать. Фруассар, который не был ее другом, рассказывает нам любопытную и необычную историю об одной из соперниц Валентины, которую Людовик предпочел своей жене еще в 1392 году. Оказывается, Луи д'Орлеан опрометчиво сообщил подробности любовной связи тому самому Пьеру де Краону, о котором мы уже упоминали, и этот рыцарь раскрыл их Валентине. Молодая герцогиня тут же послала за дамой, которой Людовик посвятил себя: "Не хотите ли вы причинить мне зло моему господину, моему мужу?" Женщина была смущена и в смятении признала свою вину. Тогда Валентин сказал: "Так вот: Мне сообщили, что мой господин любит вас, а вы его, и дело между вами зашло так далеко, что в таком-то месте и в такое-то время он обещал вам тысячу крон золотом за то, что вы станете его спутницей; однако вы отказались от этого, как и тогда, поступив мудро, и поэтому я прощаю вас; но я поручаю вам на всю жизнь, чтобы вы больше не общались и не говорили с ним, а пропустили его и больше не слушали его приказаний." По тому, как к нему отнеслись при следующей встрече с его возлюбленной, Людовик понял, что что-то не так, и она наконец рассказала ему о беседе с Валентином. Тогда Луи отправился домой к жене "и выказал ей больше знаков любви, чем когда-либо прежде", а в конце концов уговорил ее рассказать ему, кто был рассказчиком. Продолжение мы знаем: как Крон был изгнан со двора и вернулся, чтобы попытаться убить де Клиссона.

Но если ее муж не любил ее, то король проявил настоящую и невинную привязанность к Валентине, своей "дорогой сестре", вспоминая ее и прося о ней, когда в своем безумии он не знал другой. Однако даже из этого следовало зло для Валентины; герцогиня Бургундская, опасаясь усиления влияния Орлеана на короля, распространяла дурные слухи о невинных отношениях Карла и Валентины. К этим инсинуациям добавилось обвинение, гораздо более опасное, чем прелюбодеяние, которое могло бы прозвучать при таком дворе: бургундцы утверждали, что безумие короля было вызвано и продолжалось благодаря колдовству; и это обвинение, возведенное на Валентину, приобрело такой вес, что ее муж был вынужден удалить ее от двора в своего рода изгнание в собственных владениях. Еще худшие обвинения приводит несимпатичный Фруассар, который сообщает, что она невольно отравила собственного ребенка, пытаясь отравить дофина, ибо "эта дама была высокого ума,

завистлива и жаждала прелестей и состояния этого мира. Она с радостью увидела бы, как герцог, ее муж, достигнет короны Франции, ей было все равно как".

В добрых и злых слухах бедная герцогиня продолжала жить, любя своего мужа и ведя жизнь, по крайней мере, гораздо более регулярную, чем придворная, хотя она обладала итальянской любовью к художественному и прекрасному и была очень экстравагантна. Король, который теперь часто был идиотом, когда не буянил, был полностью настроен против нее. Чтобы развлечь и отвлечь его, а также укрепить бургундское влияние, герцог Бургундский предоставил ему в качестве подруги для игр и любовницы прекрасное дитя. На смену Валентине, некогда властвовавшей над Карлом, пришла Одетта. Она была еще совсем ребенком, но стала не только любовницей, но и подругой для игр безумного короля. Скромного происхождения (*filia cujusdam mercatoris equorum*, дочь некоего торговца лошадьми), она носит в придворной истории имя лучшее, чем то, под которым родилась, - Одетта де Шампдиверс; а народ, снисходительный к греху безумного короля, называл ее "la petite reine". Она была счастлива, кажется, и добра к королю, забавляла его, была любима им; и, более верная ему, чем это было вполне приятно бургундцам, не играла фальшиво с Францией в последующие годы, когда Бургундия и Англия были в союзе, но, как говорят, использовала свое влияние на короля скорее для Франции, чем для Бургундии. О ней мы знаем лишь то, что она умерла около 1424 года, оставив дочь, законность которой признал Карл VII, и которая была достойно выдана замуж за мелкого дворянина из Пуату.

Когда красивый, элегантный, но неверный Людовик был убит, Валентина находилась в Блуа вместе со своими детьми; старшей было всего шестнадцать лет, она была достаточно взрослой, чтобы почувствовать потерю, но недостаточно взрослой, чтобы отомстить за нее. Но Валентина твердо решила отомстить за мужа; горе придало ей сил. Она сразу же приехала в Париж с младшим сыном и невесткой, той самой Изабель де Франс, которая уже была вдовой после смерти Ричарда II, а теперь была замужем за молодым герцогом д'Орлеаном. Король, в то время здравомыслящий, был несказанно потрясен убийством брата и был тронут до слез, когда Валентин предстал перед ним, чтобы потребовать правосудия над убийцей. Он обещал действовать и, вероятно, действительно имел в виду то, что говорил, но его разум не был способен на продолжительные усилия. Жан де Бургун активно готовился к наступлению на Париж со свитой, столь грозной по численности, что ее можно было принять за армию, и Валентина удалилась в Блуа, чтобы переждать время. Жан, почти не встретив сопротивления со стороны Изабо или кого-либо из тех немногих, кто, как можно предположить, пользовался авторитетом или симпатизировал орлеанской фракции, прибыл в Париж, смело нанял адвокатов и спорщиков-теологов, чтобы оправдать "смерть, которую он причинил персоне герцога д'Орлеана", и заставил несчастного безумца, который был королем, выдать грамоту, в которой говорилось, что он, король, "выместил в своем сердце всю досаду на своем очень дорогом и любимом кузене Бургундии за то, что он изгнал из мира своего брата Орлеана".

Изабея, которая показала себя совершенно неспособной к действиям в этом кризисе, оставалась в Мелене до тех пор, пока высокомерный и опасный герцог Бургундский не форсировал события и не был отозван для подавления восстания в Льеже. Затем она и ее союзники с трехтысячным войском вошли в Париж (26 августа 1408 года). На следующий день прибыла Валентина, а с ней и юный Карл д'Орлеанский, которому суждено было прославиться как одному из самых милых поэтов Франции, хотя его двадцать пять лет держали в плену в Англии. Король снова стал недееспособным, и было решено, что Изабея должна председательствовать на слушании официальной жалобы герцогини Орлеанской.

Когда скорбящая вдова и юный герцог Орлеанский явились в совет, чтобы потребовать слушания, их просьба была с готовностью удовлетворена, поскольку угрожающая фигура Жана Сан-Пера больше не присутствовала, чтобы запугать Изабею и друзей своей жертвы. На следующий день перед молодым герцогом Гиеньским, который выступал вместо короля, юридические и церковные сановники, нанятые Валентином, изо всех сил старались оправдать Людовика Орлеанского от обвинений в колдовстве и тирании и доказать, что Жан де Бургонь должен быть наказан за убийство. Аргументы орлеанских защитников намного превосходили те поверхностные, софистические, совершенно бесстыдные речи, которые произносились в защиту Жана. Адвокат просил от имени Валентины и ее детей, чтобы Жана заставили смиренно прийти в Лувр и там извиниться перед королем, вдовой и ее детьми; чтобы его дома в Париже были разрушены; чтобы ему приказали потратить большие суммы на основание церквей и монастырей в качестве искупления своего преступления; чтобы его сослали за море на двадцать лет, а после его возвращения не позволяли приближаться ближе чем на сто лье к королеве и орлеанским принцам.

Но Валентина, хотя и убедила королеву и принцев совета согласиться вызвать Жана де Бургонь на суд парламента, была бессильна вести свое дело. Жан, после свирепого подавления мятежных жителей Льежа, смело вернулся в Париж, был принят парижанами как победитель и друг и настолько ошеломил остальных членов совета, что сторонники Орлеана не смели даже мечтать о судебном преследовании этого бессовестного убийцы.

Валентина де Милан с сыновьями удалилась в Блуа, опасаясь новых бесчинств со стороны торжествующих бургундцев. Теперь она вполне могла оправдать патетический девиз, который взяла на себя после трагической гибели мужа: *Rien ne m'est plus, plus ne m'est rien*, - "Для меня больше ничего нет, ничто не имеет большего значения". Эта надпись, которую она распорядилась поместить во францисканской церкви в Блуа, должно быть, еще больше опечалила ее сердце, когда она увидела, как эгоистичная Изабея подружилась с убийцей Людовика. Несчастливая королева и бессильные члены совета были рады заключить мир с Жаном; они принимали его гостеприимство и трусили перед ним. Изабея, не заботясь о власти короны, не заботясь ни о муже, ни о детях, заботясь лишь об одном - о деньгах, охотно принимала их из рук, еще красных от крови любимого мужчины.

С детьми Валентина целый год томилась в Блуа. Она разыскала одного из родных сыновей Людовика, к которому проявляла привязанность и который, по ее словам, принадлежал ей по праву и был более пригоден для мести за отца, чем любой из других детей. В этом Валентина не ошиблась, ведь этот пылкий и энергичный юноша, которого она полюбила ради его отца, был не кто иной, как Жан, граф де Дюнуа, впоследствии прославившийся среди военных героев Франции как "Орлеанский батард". Валентина умерла 4 декабря 1408 года, и можно сказать, что она умерла с разбитым сердцем; ведь единственным великим чувством ее жизни была страстная преданность одному из самых отвратительных людей, когда-либо имевших верную жену, - преданность, достаточно щедрая, чтобы оправдать даже глупости и неверность.

Для Валентины было хорошо, что смерть наступила именно тогда, когда наступила, потому что это спасло ее от новых горестей и унижений. Через четыре месяца после ее смерти несчастные сыновья были доставлены в Шартр, чтобы пройти через формы торжественного примирения с убийцей их отца. Герцог выразил раскаяние в "факте убийства, совершенного Людовиком Орлеанским, хотя это было сделано ради блага короля и королевства, что он готов доказать, если пожелает". Такими оскорбительными фразами сыновей заставили удовлетвориться, и они были вынуждены со слезами, которые не могли сдержать, поклясться

не питать никаких дурных чувств к своему дорогому кузену из Бургундии, за которого ходатайствовали король, королева и принцы крови.

В этой позорной насмешке над миром, ратифицированным в великом Шартрском соборе, Изабо де Бавьер выступала на стороне герцога Бургундского. Вскоре ей предстояло еще раз доказать свою бессердечность и неблагодарность, когда Жан де Бургонь самовольно арестовал, подверг пыткам и казнил Жана де Монтейгу, управляющего финансами, который был старым слугой королевы, подарил ей великолепный отель Барбет, где она в последний раз ужинала с Людовиком Орлеанским, и составил договор о примирении между Бургундским и Орлеанским домами. Изабея могла бы заступиться за него и сделала для этого некоторые шаги, но обещания, что ее сын будет участвовать в конфискованных богатствах Монтегю, было достаточно, чтобы она согласилась на смерть последнего.

В это время Изабея все меньше и меньше занималась государственными делами; с тех пор как она тайно вступила в союз с Жаном де Бургонем, у нее не было никаких забот, кроме тех, что связаны с обеспечением удовольствий и развлечений для себя. Ее сын, дофин, следуя по стопам Изабеи, скандалил на весь Париж своими оргиями. Наконец, народ Парижа восстал в одной из своих нередких искренних, но тщетных попыток исправить нравы развращенного двора. Мы не будем описывать ужасы этой вспышки, одной из множества маленьких волн народного негодования, предвещавших, но предвещавших лишь невнимательным бунтарям, великую приливную волну, которая спустя четыреста лет должна была охватить и обрушиться на праведных и неправедных в равной степени. Мясники, булочники и честные рабочие, возглавляемые главным образом хирургом Жаном де Труа, тысячами приходили исправлять нравы дофина. Этот жалкий развратник, как и все остальные придворные, трепетал перед ними и охотно соглашался на все, что можно было попросить. Даже бедный безумный король, которого народ любил и не винил, надел на голову белый колпак, эмблему коммуны, и жалко улыбался своим грубым, но благонамеренным подданным. Вскоре Изабо надела на голову белый колпак, как и все придворные, судьи и даже ученые доктора университета. Но белый колпак Изабо был недостаточно широк, чтобы прикрыть скандальные рога ее головного убора. Доведенные до ярости известием о том, что дофин, вероятно, по наущению матери, поддерживал связь с орлеанистами, чтобы побудить их к походу на Париж, кабошьенцы, как называли себя коммунисты, в мае 1413 года вторглись в сам дворец и арестовали Луи де Бавьера, брата королевы, и целых пятнадцать дам из ее свиты, вероятно, тех, кто особенно выделялся и оскорблял экстравагантностью и непристойностью своих нарядов. Изабо рыдала и тщетно умоляла отсрочить наказание для брата, который был накануне свадьбы; суровые моралисты с парижских рынков были неумолимы, и Людовик отправился в тюрьму неженатым, а Изабо легла в постель, больная детской яростью.

На мгновение отвлекаясь от королевы, обратимся к политической обстановке во Франции. Со времени убийства Людовика Орлеанского между бургундскими и орлеанскими партизанами, возглавляемыми теперь Бернаром д'Арманьяком, на дочери которого Карл Орлеанский женился после ранней смерти своей первой жены Изабеллы Французской, шла гражданская война, с редкими и короткими перерывами на мир. Хотя гражданская война сама по себе принесла бы достаточно бед и разрушений, ее ужасы были усилены хитрой политикой Генриха IV, который, не имея возможности вмешаться лично, отвечал на просьбы сначала одной, а затем другой стороны, и таким образом заставлял Арманьяков и Бургиньонов изнурять себя бесплодными распрями. Именно хитрость Генриха IV и глупость Франции подготовили почву для Азенкура, этой сокрушительной победы великого Генриха V, который в присутствии подавляющей французской армии провозгласил, перефразируя слова Шекспира:

"Мы способны

Нанести нашей стране урон, а если жить, то жить,

Чем меньше людей, тем больше чести".

Воля Божья! Молю тебя, не желай ни одного человека больше!"

События оправдали хвастливую уверенность короля Гарри: рыцарство Франции оказалось дискредитировано, погибло или попало в плен. И все же, даже в час бедственного положения Франции, ленивую Изабею с трудом уговорили предпринять какие-либо действия в пользу ее сына, дофина Луи де Гиень, который, правда, прожил всего чуть более двух месяцев после Азенкура, и его сменил Жан де Турен. Еще через два года (1417) Жан де Турен был мертв, отравленный, как говорили, Бернаром д'Арманьяком; новому дофину, Карлу, было всего четырнадцать лет.

Этот Карл, одна из самых неприятно холодных и презрительных личностей в истории, был воспитан королевой и партией Арманьяков в чувствах самой лютой ненависти к бургундцам. Решив полностью завладеть Карлом, Бернар д'Арманьяк стремился дискредитировать Изабею перед ее сыном и королем. Найти предлог было несложно, ведь трезвомыслящий Ювенал де Урсен рассказывает, что в Венсенском замке, куда Изабелла удалилась, чтобы порезвиться вволю, "было совершено много постыдных вещей" королевой и ее отрядом грубиянов и вульгарно одетых дам; но непристойность в одежде была не единственным скандалом, который Бернар открыл королю, находившемуся в то время в лучшем душевном состоянии, чем многие годы назад.

Однажды вечером, возвращаясь из замка, король встретил Лойса де Буабурдона, который, как он знал, был одним из приближенных Изабеи. Внезапно заподозрив неладное и решив узнать всю правду, Карл приказал арестовать его и подвергнуть допросу (*то есть* пытке). Этот неудачливый участник удовольствий королевы поведал такие ужасы, что Карл счел их непригодными для дальнейшего распространения, и Лойс де Буабурдон унес свои секреты с собой в мешке, на котором была надпись: *Laissez passer la justice du roi*, "Дорогу правосудию короля", и воды Сены накрыли мешок и грешника. Правосудию безумного короля, о котором мы читаем с неким радостным сочувствием, не было конца, поскольку он отправил королеву и герцогиню Баварскую в Блуа, а затем в Тур, где они были вынуждены жить под надзором и в спасительной простоте. Дофин конфисковал некоторые деньги, принадлежавшие Изабее, которая отныне питала самую неослабевающую ненависть к собственному сыну, обвиняя его в том, что он виновен в ее изгнании. Настоящим горем для нее, мы можем быть уверены, была потеря денег.

С этого времени мы видим, как Изабея интригует с герцогом Бургундским. Когда Жан шел на Париж, он оказался в окрестностях Тура. Благочестивая Изаба внезапно загорелась желанием послушать мессу в одном монастыре, расположенном на некотором расстоянии за стенами. Пока она предавалась богослужению, бургундские войска из засады окружили монастырь и "захватили" Изабею и ее опекунов. Королева и ее союзник, объявив себя правителями Франции, учредили парламент в Амьене, рассылали указы по полномочиям "совета королевы и герцога" и сражались с дофином на бумаге и в поле. Когда в июне 1418 года парижане, доведенные до крайности жалобами и высокомерием арманьякских дворян, расправились со всеми арманьяками, которых смогли найти, Изабея слишком благоговела перед этими свирепыми людьми из простого народа, чтобы войти в Париж. Неужели она не видела их жестокости раньше только потому, что жила в роскоши, в то время как они

голодали? Она дождалась прибытия Жана де Бургонь, и 14 июля они вместе вошли в Париж. Дофин, единственная надежда Франции, бежал перед войсками своей матери.

Еще в мае 1419 года королева вела переговоры с англичанами о лишении сына наследства, но внезапная смерть Жана Сан-Пера, убитого на конференции с дофином в сентябре 1419 года, прервала ее планы; однако она была полна решимости во что бы то ни стало не попасть в руки сына. Она написала письмо с соболезнованиями овдовевшей герцогине Бургундской и пообещала новому герцогу Филиппу ле Бону помочь ему в наказании дофина. Филипп, как и весь род бургундских герцогов, был человеком действия, человеком с сильным характером, чуть более щепетильным, чем его отец, и все же не лишенным склонности жертвовать честью ради политики. Не стоит удивляться, что, справедливо возмущенный вероломным убийством своего отца, он должен был пожертвовать интересами Франции, чтобы удовлетворить свою обиду на дофина.

Королева, герцог Бургундский и несчастный король, ставший лишь орудием в их руках, сразу же вступили в переговоры с Генрихом V. В предварительных условиях было оговорено, что Генрих должен помогать им и получать от них помощь в войне с дофином. Эгоистичная мать, которая таким образом привлекла к войне против своего сына даже иностранцев, была способна и на худшие поступки. Было решено, что Генрих должен жениться на Екатерине Французской, младшей дочери Изабеи, и сразу же получить контроль над всем королевством, учитывая недееспособность Карла VI.

Изабо де Бавьер была всего лишь распутницей, праздною, тщеславной, поверхностной искательницей удовольствий, совершенно неспособной серьезно относиться к своей роли королевы Франции. С такой любовью, на какую было способно ее сердце, она любила Екатерину, в то время как ее подлая натура никогда не могла простить сына, ставшего наследником Франции. Поэтому мы не должны удивляться тому, что она подписала и заставила короля подписать договор, который нарушал все принципы патриотизма и чести. По договору, подписанному в Труа 21 мая 1420 года, Карл, герцог Туреньский, дофин Франции, был лишен наследства; сами принципы Салического закона были сведены на нет; наследство Карла было передано даже не одной из его старших сестер, а младшему ребенку Екатерины Французской, ныне королевы Англии, а при отсутствии наследников ее тела - ее мужу Генриху V Английскому. Обе страны должны были слиться воедино, каждая сохранит свои законы, но обе будут находиться под властью английских государей, а Генрих должен был помочь восстановить мир и уничтожить "мятежников" под руководством Карла, "прозванного Дофином". Одной из взяток, уплаченных Изабее за продажу королевства ее сыну, была пенсия; мы находим ордонанс Генриха, "наследника и регента Франции", о предоставлении королеве суммы в две тысячи франков в месяц.

Изабее не суждено было долго наслаждаться пенсией. Блистательный Генрих V. умер 31 августа 1422 года, а менее чем через два месяца скончался Карл VI, *le bien aimé*. В течение тридцати из сорока двух лет своего правления он был недееспособен из-за безумия или идиотизма, а в промежутках Франция управлялась хуже, чем когда-либо в ее истории; так что из-за внешних и внутренних войн и бесстыдной расточительности двора королевство было доведено до плачевного состояния; на улицах Парижа от голода умирали счеты, пока английский король проводил свою первую триумфальную зиму в этом городе. За все эти беды и несчастья народ возлагал вину на королеву и королевских принцев, где, по правде говоря, она и должна была быть. К безумному королю не было ничего, кроме сострадательной любви, нежного сочувствия; народ жалел этого доброго несчастного, брошенного женой, использованного в качестве орудия сначала одним, а затем другим принцем.

На похоронах Карла VI не присутствовал ни один принц Франции; все печальное действо вел английский Бедфорд. "Когда тело короля положили в усыпальницу рядом с его предшественниками, герольды сломали свои жезлы и бросили их в могилу... И тогда король-оруженосец Берри, сопровождаемый несколькими герольдами и преследователями, возгласил над могилой: "Да помилует Господь благородного и превосходного принца Карла, шестого по счету, нашего законного и суверенного повелителя! А после этого вышеупомянутый король-оруженосец воскликнул: "Да дарует Господь долгую жизнь и процветание Генриху, милостью Божьей королю Франции и Англии, нашему суверенному повелителю! И тогда герольды подняли вверх свои дубинки с флер-де-лис, восклицая: "*Vive le roi! Да здравствует король!* И некоторые из присутствующих ответили *Noël* (древнее приветствие королю); но были и те, кто плакал".

Таким образом, дело несчастной Изабеи было, казалось, завершено: ее сын бежал из рук чужеземца, а ее внук-младенец стал королем Франции. С этого времени она полностью исчезает с места событий, получая свою скудную пенсию из рук англичан, которые относились к ней с заслуженным презрением, и проклиная всю Францию за память о ее злодеяниях. Мы лишь мельком видим ее, живущую в неизвестности в королевском дворце Сен-Поль. Когда 2 декабря 1431 года юный король Генрих VI торжественно въезжал в свою столицу Париж, королевская процессия проходила мимо окон дворца, и мальчик-король, подняв голову, увидел старую женщину в выцветшем одеянии, окруженную многочисленной женской прислужкой. Они сказали ему, что это его бабушка, легкомысленная и некогда прекрасная Изабо де Бавьер, и он снял шапку, а Изабо поклонилась ему и отвернулась, чтобы заплакать. Плакала ли она от искреннего раскаяния или просто от сожаления об ушедшей роскоши и экстравагантности своей жизни? Ей не суждено было прожить еще много лет, но этого времени было достаточно, чтобы знать, что Франция пережила даже ее предательство и что ее сын заключил мир с герцогом Бургундским. Говорят, что она умерла не от радости, а от сожаления, что договор в Труа оказался безрезультатным: ее смерть наступила 24 сентября 1435 года. Она умерла с внешней набожностью и была похоронена так же скромно, как если бы она была скромной *мещанкой*, но на могиле присутствовали четыре человека.

Сами портреты Изабо де Бавьер и других женщин ее двора наводят на мысли о чувственности. Они толстые, земные, приземленные, что говорит о жизни в праздности и погоне за удовольствиями не самого высокого уровня. Как говорит Мишле: "Ожирение - характерная черта фигур этой чувственной эпохи". Посмотрите на статуи в Сен-Дени; те, что XIV века, явно портретные. Посмотрите, в частности, на статую герцога де Берри в подземной часовне Буржа, где у его ног валяется благородная толстая собака". Какова была эпоха, такова была и королева; она не была активно плоха, за исключением тех случаев, когда возникала угроза вмешательства в ее удовольствия; она была просто тщеславной и совершенно неспособной женщиной с низкими вкусами и холодным сердцем, которая была призвана быть королевой Франции в самый катастрофический период истории этой страны. Не стоит считать ее второй Фредегондой, какой ее пытались представить некоторые историки; ведь ее глупости и пороки были таковы, что вызывали скорее отвращение своей грубостью или звероподобностью, чем возбуждали более глубокие чувства страха и ненависти, которые вызывают более великие из плохих женщин истории.

ГЛАВА XI

КРИСТИНА ДЕ ПИЗАН

"Seulete suy et seulete veuil estre,
Seulete m'a mon doulz ami laissiée,
Seulete suy sans compaignon ne maistre,
Seulete suy dolente et courrouciée,
Сеулете, говорящая на языке, на котором говорят,
Сеулете суй больше, чем нуль эсгаре,
Seulete suy sans amis demourée".

Один я на свете, и один я останусь,
Одинока моя дорогая любовь,
Одна я, бедная одинокая женщина, без спутника и хозяина,
Одна я, пораженная печалью и душевными муками,
Одинока я и не в духе,
Одинока я, более одинока, чем та, что сбилась с пути,
Один я остался без друзей.

Эта жалоба той, кто потеряла возлюбленного или была предана и оставлена им, вполне могла бы быть причитаниями Франции, которую предала Изабо де Бавьер и оставила обнаженной перед своими врагами. Но автор причитаний, хотя и готовая найти материал для своего пера в положении принятой ею страны, не думала о Франции в данном случае; ведь маленькая *баллада* была сочинена Кристиной де Пизан не иначе, как на тему ее собственной жизни.

Эпоха безумного короля и плохой королевы, надо полагать, не способствовала развитию литературы, и все же некоторые из лучших произведений средневековой Франции были написаны еще при жизни Изабо де Бавьер. Мы упомянем лишь двух писателей - Фруассара, о котором мы уже говорили, и Кристину де Пизан, писавших в 1380-1400 годах. Кристина, первая профессиональная писательница во Франции, о жизни которой у нас есть сведения, достойна изучения и как писательница, и как женщина.

Четырнадцатый век был расцветом астролога, как и ведьмы, и мудрый Карл V, "Саломон Французский", был не одинок в своем суеверии, когда положился на предсказания ученого доктора Томаса Пизанского, которого он вызвал из Италии в качестве придворного астролога. Нам говорят, что в те времена вельможи и великие люди земли "не смели делать ничего нового без велений астрологии; они не смели ни строить замки, ни церкви, ни

начинать войны, ни даже надевать новую мантию, предпринимать путешествие или выходить из дома без согласия звезд". Независимо от того, является ли это некоторым преувеличением или нет, несомненно, что Томас де Пизан занимал при дворе Карла V не только доходное, но и достойное положение. Утвердившись в самом Лувре, итальянский ученый послал за своей женой и дочерью, чтобы они поселились во Франции. Дочь, которой тогда (1368) было всего пять лет, была уже развитой маленькой дамой и была представлена королю по прибытии во Францию. Карл был доволен милостями ребенка и сделал ее своей особой протеже, пообещав, что она получит такое же хорошее образование и место при его дворе, как и любая *демуазель* благородного происхождения. Карл сам был ученым и умел ценить благородство ума; и в данном случае он не ошибся.

Именно из произведений самой Кристины - "*Видение Кристины*" в прозе, "*Мутация Фортуны*" и "*Поход за долгой мечтой*" в стихах - мы узнаем большую часть ее истории, которая была счастливой и недолгой вплоть до ее четырнадцати лет. В это время она уже приобрела, под тщательным руководством отца, замечательное знакомство с классическими авторами Рима и могла слагать такие же аккуратные латинские стихи, как любой мальчик в школах, а также писать французские вирши. Ей очень повезло, что отец, "не считая девочек более непригодными к учебе, чем мальчиков", позволил ей "собрать несколько соломинок знаний". Еще до пятнадцати лет Кристина была выдана замуж за нотариуса Этьена Кастеля, пикардийского дворянина хорошего происхождения и прекрасного характера, которого она нежно любила.

Процветание ее семьи впервые оказалось под угрозой в 1380 году, когда умер ее добрый покровитель король Карл. Тогда ее отец, расточительно тративший значительную часть богатого жалованья, которое он получал как астролог, внезапно оказался почти в нищете, и он не надолго пережил своего королевского покровителя. Заработков мужа не хватало на содержание семьи, и Кристина стала искать средства, чтобы применить полученное образование, и уже начала, написав несколько небольших работ, свою карьеру писательницы, когда внезапная смерть мужа, унесенного чумой в 1389 году, оставила ее одну, без средств к существованию и необходимости как-то содержать свою мать и троих детей.

Она никогда не переставала оплакивать своего мужа, и страницы ее произведений заполнены стихами, в которых, как и в маленькой *балладе*, возглавляющей эту главу, содержится нежный намек на ее потерю. И хотя для современного слуха постоянное повторение этой траурной ноты становится монотонным, одни из самых приятных ее стихов - это стихи, вдохновленные этим чувством, выраженным с прямоотой и простотой, которые должны понравиться любому ценителю правды и поэзии. "Он любил меня, - поет она, - и это было правильно, ведь я пришла к нему как девушка-невеста; мы оба так мудро распорядились нашей любовью, что наши сердца во всем, будь то радость или печаль, были движимы общим желанием, более единым в любви, чем сердца брата и сестры".

По ее словам, она тоже хотела бы умереть, чтобы последовать за любимым человеком, но оставались дети и мать, о которых она одна могла позаботиться. Энергия ее характера в конце концов спасла судьбу ее семьи. Ее первая задача - спасти последние остатки имущества отца и мужа - осложнялась почти бесконечными задержками в судах и нечестностью адвокатов и противников, имевших большее влияние на "слепую богиню", чем дочь старого астролога. Она сама дает интересную картину своих трудностей, которые мужественно преодолевала ради своих детей и со временем преодолела. Не последнюю роль в ее заботах играло стремление скрыть от друзей отчаянное положение своей судьбы; она была слишком горда, чтобы показаться бедной: "Нет горя, равного этому, и никто, не

испытывавший его, не может знать, что оно значит..... Под меховой мантией и алым плащом, хорошо сохранившимся, но не часто обновлявшимся, мы часто дрожали, а в постели, снабженной всем необходимым для комфорта, провели много бессонных ночей. Но еда наша всегда была простой, как и подобает вдове".

Но от более гнусных забот, от прикрытия своей бедности нитяным одеянием, которое не спасало от холода, и от вульгарных бездельников, которые глазели и подглядывали за ней, когда она ходила по дворам, Крестину спасало занятие, которое должно было зарабатывать ей на хлеб. Сначала Кристина пела о своем потерянном муже, и изящество и искренность этих стихов понравились модной публике того времени. Ее стиль был результатом долгой и тщательной подготовки, и ее ум почти бессознательно отражал то, что она читала и чем восхищалась в классической литературе; таким образом она передавала своим читателям много информации, не новой и не оригинальной, но странной для них, а потому интересной. Некоторые из великих придворных особ до сих пор помнят маленькую итальянскую протезе Карла V и просят ее писать для них стихи о любви в менее приторной манере. Мы видели, что трубадуры считали почти трюизмом: "Без любви нет поэзии", ибо любовь была их единственной темой; но здесь мы видим женщину, которая откровенно признается, что любила и больше не любит, и все же берется писать любовные стихи за определенную плату, и действительно пишет несколько изысканных. Поэзия, сделанная на заказ, никогда не может казаться спонтанной после того, как мы узнаем, что поэт нашел вдохновение не в святилище Феба, а в святилище Плуто; но многие поэтические шедевры были написаны в стрессе от крайней бедности, о чем мы, к счастью, не всегда знаем, читая их. Так, среди шести или семи десятков маленьких *баллад* и *jeux*, которые в произведениях Кристины помечены как *à vendre* - на продажу, есть немало таких, которые мы могли бы читать с более искренним удовольствием, если бы не сомневались в подлинности выражаемых чувств. Эти маленькие стихотворения, многие из которых действительно изящные и очаровательные игры момента, настолько теряют в переводе, что я не буду пытаться передать на английском их эфемерное очарование. Французский язык пятисотлетней давности не является для большинства из нас "парижским Френше": он скорее относится к школе "Стратфорда у Боу" или к какой-то другой школе, которую мы никогда не посещали, и поэтому я решил привести, с некоторыми изменениями в орфографии, один из самых простых *jeux à vendre* Кристины. Это песня влюбленного, восхваляющего свою даму, прекрасную и добрую:

"Je vous vens la rose de mai?

Oncques en ma vie n'aimai

Autant dame ne damoiselle

Que je fais vous, gente femelle,

Si me retenez à ami,

Car tout avez le coeur de mi (moi).

.....

Je vous vens l'oiselet en gage?

Si vous êtes faux, c'est dommage,

Ведь вы прекрасны и красивы,

Si n'avez telle tache en vous,

Et digne serez d'être aimée,

Belle et bonne et bien renommée".

В других стихотворениях, написанных для своих придворных поклонников, Кристина не стесняется высказывать чувства, совершенно не соответствующие нравам ее покровителей. Так, она говорит: "Если истинная честь должна быть распределена, я знаю многих, кто получит лишь малую долю в ней, несмотря на то, что они думают, что у них есть все, что может дать богатство, красота, знатное происхождение и прекрасная одежда, и поэтому они очень принцы. Но как бы ни был он благороден внешне, не благороден тот, кто склонен к дурным поступкам или злым словам. Так, некоторые, в чьей хвастливости нет ни слова правды, скажут вам, что самые прекрасные дамы в стране удостоили их любви. Боже правый! Какое благородство! Как не подобает благородному человеку лгать и рассказывать о женщинах неправду! Такие люди - просто негодяи, чистые и простые; и если будет перераспределение почестей, их следует урезать".

Нередко, увы, гордость учености портит ее стихи; они перегружены педантичными аллюзиями, скованы ученостью и слишком явно являются продуктом скорее ученой головы, чем переполненного сердца. Где эти недостатки проявляются в меньшей степени или не проявляются вовсе, так это в стихах, вдохновленных искренним чувством к близким; там настоящее сердце женщины, мужественно борющейся за то, чтобы выстоять и улыбнуться миру, предстает перед нами во внезапных проблесках непредусмотренной поэзии. Это старая тема, но пафос, который всегда свеж, мы находим в следующих строках:

"Je chante par couverture (*т. е. содержание*),

Mais mieux pleurassent mes oeil (yeux),

Ne nul ne sait le travail

Que mon pauvre coeur endure.

Pour ce (je) muce (cache) ma douleur

Qu'en nul je ne vois pitié.

Plus on a cause de pleur (pleurer),

Moins on trouve d'amitié.

Pour ce plainte ne murmure

Ne fais de mon piteux deuil.

Ainçois (plutôt) (je) ris quand pleurer veuil (veux),

Et sans rime et sans mesure

Je chante par couverture".

Это, видите ли, старый *мотив*, в мелодраме - пафос арлекина Доркинса, который должен играть свою роль в пантомиме, даже если его ребенок лежит при смерти, в трагедии - леди Макбет, которая должна играть королеву днем и терпеть муки убийцы ночью. Не новизна, а универсальность и истинность идеи или чувства делают стихи Кристины поэзией.

Но одни любовные песни не могли прокормить семью из пяти человек; церковь, так часто служившая убежищем для покинутых женщин, могла предложить Кристине приют, но не поддержку для тех, кто зависел от нее, поскольку она не обладала достаточным влиянием, чтобы обеспечить себе какую-либо должность, достойную и выгодную, в монастырях гордых и богатых. Ее перо должно было стать ее ресурсом; и таким образом Кристина де Пизан стала не просто писательницей, а первой писательницей, которая содержала себя за счет своего пера. За некоторые из своих коротких стихотворений она получала немалые суммы; но нужно было браться за более длинные произведения, произведения более постоянного значения, и Кристина мужественно принялась за работу.

Первой ее задачей было найти покровителя, ведь только какой-нибудь великий лорд мог позволить себе выплачивать суммы, достаточные для того, чтобы она могла жить: не было многотысячной публики, воспитанной печатным станком, которая ожидала бы, приветствовала, требовала бы свежей интеллектуальной пищи. Одним из ее покровителей был великий герцог Бургундии Филипп ле Харди, которому она посвятила очень длинную и отчасти автобиографическую поэму под названием "*Мутация судьбы*" (*La Mutation de Fortune*). Она рассказывает свою историю с излишней демонстрацией того, что знает все известные апологии и анекдоты, которые могли бы быть применимы к ее случаю; тем не менее, это искренний и в некотором роде интересный рассказ о том, как она была вынуждена заняться профессией, которая в то время не считалась подходящей для женщины, как, по ее словам, она превратила себя "из женщины в мужчину". Она читала это произведение Филиппу де Бургонь в том же дворце, где когда-то была знакомой обитательницей, где играла в детстве, где познакомилась со знаменитыми людьми, с помощью которых Карл V едва не возродил Францию. Неудивительно, что Филипп де Бургонь считал ее особенно подходящей для выполнения задачи, требующей глубокого знания этого короля и его времени. Однажды герцог послал за ней, когда она сидела посреди груды книг с пером в руке, и попросил ее взяться за написание жизни его великого брата.

С полной самоотдачей она взялась за написание жизни Карла V., короля, который, "когда я был ребенком, давал мне мой хлеб". В свое время ее книга, *Le Livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V.*, была закончена; но тот, для кого она ее писала, умер в 1404 году, не дожив и до половины. Потеря щедрого друга и покровителя стала серьезным ударом для поэтессы. Умерла и ее мать, а Кристине оставалось лишь изнурительно жить, хотя "сердце ее наполнялось радостью, когда она вспоминала, что не за горами тот день, когда она сама отправится к любимым".

История Карла V - произведение, о котором трудно сказать что-либо определенное. Как история, она явно неудачна, поскольку у Кристины не было ни желания, ни возможности изложить факты в точном, подробном и ясном изложении; ее работе не хватает ни точности, ни широты взгляда подлинной истории; это скорее, как замечает один критик, *éloge*, панегирик Карлу V, чего, собственно, и желал Филипп. Книга написана в прозе, и хотя ее стилю не хватает ясности и живости, к которым мы привыкли у таких гениальных людей, как Виллегардуэн, Жуанвиль и ее современник Фруассар, мы должны помнить, что эти люди достигли высшей точки французского стиля, равной которой, по трезвой правде, не будет до тех пор, пока Ренессанс, "новое рождение", не возродит упавшую жизнь и литературу Европы. Как проза начала пятнадцатого века, произведения Кристины лучше всех, написанных в то время, за исключением Фруассара; и немалая доля его очарования проистекает не столько из стиля, сколько из того, о чем он решил писать. В книге Кристины мало рыцарского великолепия: разве король, в похвалу которому она пишет, не был королем,

который выигрывал свои сражения за столом совета, в то время как Дю Гесклен на поле боя наносил тяжелые удары, которые его суверен, слабый и больной, не мог ни дать, ни взять? Где Кристина действительно преуспела, так это в портретах короля и его придворных, чьи характеры она прекрасно знала и чьи хорошие и плохие черты она не стеснялась изображать с такой справедливостью, с какой только могла. Прочитируем слова одного из последних критиков, который не преминул обратить внимание на неловкие латинизмы в ее дикции и однобокие цicerоновские периоды в ее попытках возвыситься или стать красноречивее: "Никто не заставил нас более отчетливо почувствовать победную грацию герцога д'Орлеана, брата Карла VI., и никто лучше не изобразил физический облик Карла V.; мы ясно видим длинное лицо, широкий лоб, выдающиеся глаза и тонкие губы; борода очень густая, скулы высокие и выдающиеся, кожа смуглая и бледная, весь лик худой до истощения; это лицо аскета, сдержанное мягкостью выражения и чем-то спокойным и задумчивым во всем облике. В моральном портрете короля также нет банальности и банальности; если она восхваляет его рыцарство, то не скрывает того факта, что его рука, слабая и больная, ни разу не выхватила шпагу со дня его восшествия на престол до дня его смерти".

Один только перечень произведений Кристины занял бы много места, и в конце концов мы не получили бы от этого большого назидания; ведь она была объемным писателем, действительно халтурщиком, и поэтому наплодила огромную кучу непродуманных вещей, в прозе и в стихах, которые, как она прекрасно знала, не принесут ей никакой славы, если бы только они приносили хлеб ее детям! Большая часть этой работы - просто пересказ латинских авторов, пользовавшихся большой репутацией и читавшихся в Средние века, но теперь почти забытых: нравоучительного Сенеки, воинственных Вегеция и Фронтинуса, Валерия Максима и честного Плутарха (которого хвалят критики, а читают только несчастные мальчишки). Именно из них и им подобных она почерпнула большую часть таких произведений, как *"Эпиграмма Оттею к Гектору"* о воспитании принца; *"Длинная поэма о нравственности"* (1402); *"Житие благоразумия"*; *"Житие о верности армии и кавалерии"*; *"Житие полиции"* (политическая экономия). Такими сборниками, несомненно, полезными и интересными, когда было меньше книг общей информации, энциклопедий и тому подобного, Кристина заполнила множество рукописей, и большая часть ее работ все еще остается в рукописях, хотя *Общество древних текстов Франции* постепенно переиздает ее работы, которые заполняют четыре больших тома только стихами и переложены в несколько других прозой.

Мы даже не будем пытаться разбираться с огромной массой работ, оставленных Кристиной де Пизан; но изложение одного из ее любимых энтузиазмов, надеемся, будет представлять определенный интерес. Несмотря на то, что Кристина была вынуждена зарабатывать себе на хлеб и конкурировать с мужчинами, она никогда не забывала, что она женщина; ни в поведении, ни в своих сочинениях она никогда не вела себя и не писала так, чтобы лишиться этой самой дорогой из своих женских привилегий - уважения мужчин. Она не только уважала себя, но и твердо решила, что мужчины должны уважать ее, и более того, что они не должны безнаказанно порочить женщину. В предыдущей главе мы показали, насколько возмутительным было отношение литературы к представительницам прекрасного пола, которых большие и маленькие сатирики не уставали клеймить как авторов всего зла в мире. Разумеется, брак и любовь - благодатные темы для сатирического юмора, как, например, когда в *проповеди "Несчастья брака"* (*"Maux de mariage"*) жениху говорят, что с самого дня свадьбы: "все его деньги взмахнут крыльями и улетят, а жена останется", и останется, и останется, пока он не умрет и не будет похоронен, и тогда, когда церковный колокол отзвонит его звон, его дорогая жена будет думать о том, как ей удастся выйти замуж за его слугу. "Воистину, - говорит другой, говоря о паломничестве брака, - это дорога, которой нет конца,

пока не умрет тот, кто слабее". Именно против этой позиции Кристина выступила с энергичным протестом и вступила в небольшую словесную войну с двумя своими современниками.

В нескольких небольших поэмах, упомянутых выше, есть намеки на неправоту хвастовства, лживости и злословия о женщинах; но в "Эпитре к Богу любви" (правильно - "Послание не Богу любви") она выводит на сцену саму Любовь, которая жалуется и высмеивает болтливых и болтливых галантов, всегда готовых пересказать воображаемые завоевания любой женщины, чье имя упоминается. Какая честь, спрашивает она, в том, чтобы обманывать женщину? Это было в мае 1399 года, и прошло не так много лет, прежде чем она начала штурмовать главную цитадель презрителей женственности, великий *Роман де ла Роза*. Ее "*Dit de la Rose*" *дамуруется* самым благоприятным для влюбленных днем - днем Святого Валентина в 1402 году. Ее поэма содержит изящную концепцию рыцарского ордена, символом которого станет роза (так долго вызывавшая дурные ассоциации под влиянием неблагородных клерков), а главной клятвой, требуемой от добрых рыцарей, будет - никогда не развратничать ни словом, ни делом по отношению к женщинам. Брошенная таким образом перчатка перед поклонниками сатирика, можно даже сказать, женоненавистника Жана де Менга, не сразу нашла желающих ее подхватить. Два секретаря Карла VI, Жан де Монтрей и Гонтье Коль, взяли на себя защиту *Романа де ла Роза*, и между ними и Кристиной произошел обмен различными письмами, иногда облеченными в форму добродушной насмешки, иногда коварными и резкими. Кто из сторон, рассматриваемых просто как дебаты, действительно одержал верх в этой литературной дуэли, нас не должно волновать; ведь точка зрения здравого смысла и морали была, конечно, не той, которая оправдывала всеобщее осуждение женщины как низшего и порочного существа, а также оправдывала низведение самых благородных чувств до простой чувственности. Кристина, однако, решила, что ей удалось так убедительно доказать свою недоброжелательность к женственности, что собрала свои письма и ответы и посвятила всю переписку Изабо де Бавьер. Было бы приятным облегчением для безвкусных красок в картине этой недостойной королевы, если бы мы могли почувствовать, что она оценила этот тонкий комплимент, сделанный ей, или каким-либо образом ободрила достойную защитницу своего пола.

Этот сборник прозы и стихов был не единственным обращением Кристины к женщинам. Она написала еще два произведения в прозе, доминирующей идеей которых является реабилитация честной женственности. Первое из них, названное "*Город дам*", - один из тех сборников, восходящих в основном к латинской работе Боккаччо "*De Claris Mulieribus*", "*О знаменитых женщинах*", величайшими примерами которых являются "*Легенда о хороших женщинах*" Чосера и "*Сон о прекрасных женщинах*" Теннисона: собственно, и сама эта работа - запись подобного рода. Но то, что Чосер и Теннисон трактуют поэтически, образно, со всем искусством высокохудожественных умов, Кристина трактует в достаточно матерной манере; то есть она стремится рассказать такие анекдоты о знаменитых женщинах, которые подтвердят ее тезис о сущностном благородстве женского характера. Таким образом она накопила значительное количество фактов, свидетельствующих о терпении, преданности, верности, героизме, на которые способны женщины в любых жизненных обстоятельствах. Не только античные героини вызывают похвалы Кристины; она уделяет внимание образцам добродетели своего времени, принцессам, простым буржуа, а также Анастасии, которая представляет для нас особый интерес, поскольку была прекрасным иллюминатором и, возможно, именно она выполнила прекрасные иллюминации в рукописях работ самой Кристины.

Второе из прозаических произведений, посвященных женщинам, - это "*Livre des Trois Vertus*", или "*Trésor de la Cité des Dames*", книга мудрых советов для женщин всех сословий и полная сведений, наиболее ценных для историка нравов. Именно из этой книги можно получить наилучшее впечатление о прекрасном моральном облике и католических взглядах этой женщины, прожившей жизнь в лишениях и борьбе в мрачные дни безумного короля. Она не ханжа, но проста и милосердна в своем понимании жизненных проблем. Хотя она сама является литератором, она не придает слишком большого значения обучению для своего пола: "Эта женщина, влюбленная в ученость, конечно, хочет, чтобы женщина приобретала знания; но это должно быть для развития ее интеллекта, для возвышения ее сердца, а не для того, чтобы расширить поле ее амбиций, свергнуть мужчину и царствовать вместо него".

Невероятную активность этой писательницы можно оценить, сославшись на ее собственное заявление о том, что к 1405 году она "создала пятнадцать важных работ, не считая других специальных *диптихэ*, которые вместе заполняют около семидесяти листов большого размера". Основная часть ее работы была уже выполнена, но беспокойное состояние королевства после убийства Людовика Орлеанского (1407) прервало ее труды. Она основательно освоилась в своей стране, и эта горячая патриотка, скорбящая о том, что она бессильна спасти Францию, должна была сильно страдать в последующие мрачные годы. В 1410 году она написала "*Плач*" об ужасах гражданской войны, а два года спустя, после свержения парижского коммунистического правительства Кабошьенов, - "*Житие мира*", полное резкой, но справедливой критики в адрес тех мясников и пекарей, которые реформировали бы весь мир, если бы им сначала позволили его разрушить. Затем последовали более серьезные горести - Азенкур и английское завоевание. Кристина бежала из Парижа, больше не являвшегося домом для благосклонных к ней принцев, и нашла убежище в монастыре, вероятно, в монастыре в Пуасси, куда уже удалилась ее дочь. Так распалась ее маленькая семья: двое сыновей вернулись в Италию, чтобы найти более благоприятное поле для своих мирных талантов, а мать оставалась в уединении в течение одиннадцати лет.

Вероятно, незадолго до своей смерти, точная дата которой нам неизвестна, добрая дама услышала в своей обители радостную весть о приезде Орлеанской девы и посвящении короля в Реймсе. Вся любовь к родной Франции всколыхнулась в ее сердце, и в радости и удивлении она запела *дифирамб Жанне д'Арк*, восхваляя эту "девочку шестнадцати лет... перед которой враги летают, но ни один не смеет стоять..... О! Какая честь для нашего пола! Нашего пола, который, похоже, любит Бог". Мы не можем лучше завершить этот рассказ о чистой и благородной женщине - о той, которая любила своего мужа, своих детей и свою страну, и которая, прежде всего, сохранила уважение к себе и своей женственности в злой век, - чем словами ее триумфальной песни радости, которая провозглашает, что Франция спасена, и что именно женщина спасает Францию:

"Chose est bien digne de mémoire

Que Dieu par une vierge tendre

Sur France si grand' grâce estendre.

Tu Johanne, de bonne heure née,

Benoist (Béni) soit (le) Ciel qui te créa,

Чудом была послана

Au roi pour sa provision;

Son fait n'est pas illusion,

Car bien a été éprouvée....

В заключение

В итоге выбор провозглашен,

Et sa belle vie, par (ma) foi,

Par quoi (laquelle) on ajoute plus (de) foi

A son fait, quoi qu'elle fasse,

Toujours en Dieu devant la face....

Hée! quel honneur au féminin

Sexe! que Dieu l'aime, il appert!"

ГЛАВА XII

СПАСИТЕЛЬ ФРАНЦИИ

Cettelle ne vient pas de la terre; elle est envoyée du ciel. Так выражает свои убеждения относительно Орлеанской девы ее современник, великий политик и сатирик Ален Шартье. Для Кристины де Пизан она тоже казалась, как мы видели, посланницей Бога. Это было время, когда все добрые патриоты плакали, когда прекрасная земля Франции была добычей губителей, когда Арманьяк, Бургиньон и ненавистный саксонец бродили по земле и опустошали ее по своему усмотрению. В одной из политических сатир Алена Шартье, *Le Quadriloge invectif*, три сословия королевства - дворяне, духовенство и коммуны - поочередно призываются Ла Франс "сжалиться над их общей матерью". Община, или *народ*, отвечает: "Труд моих рук кормит и одевает этих трусливых бездельников, а они угнетают меня голодом и мечом..... Они живут за мой счет, а я медленно умираю под их гнетом..... Знамена воинства подняты, говорят они, против наших врагов, но никаких дел не совершается, кроме как против меня". Это была жалоба, но слишком правдивая, как и та, что была в *"Жизнеописании моего испуга"* Шартье: "Ночи слишком коротки для бесстыдных удовольствий (придворных кавалеров), а дни слишком коротки для сна..... Казалось бы, благородное сословие означает не более чем разрешение совершать зло и оставаться при этом безнаказанным".

В этом пренебрежении моральным законом, а также патриотическими обязанностями дофин лидировал сам. Неизвестно, какой вердикт вынести этому человеку, ведь в его характере сочетались качества, которые могли бы сделать его великим, но не привели ни к чему, кроме подлости, низости души и неблагодарности. Это не кислотная подлость Людовика XI, его

сына, ибо в этом была своя цель; то, что в Людовике XI было настоящим уксусом, острым и жгучим, в Карле VII еще не прошло полного процесса брожения и было просто дурной на вкус жидкостью, не обладавшей никакими полезными свойствами. Воспитанный при дворе, где удовольствия были единственным законом, под дурным влиянием Изабо де Бавьер - когда бы она ни вздумала беспокоиться о нем - и, позднее, дикого и беспринципного Бернара д'Арманьяка, который хотел сохранить власть для себя и поэтому развратил молодого принца, неудивительно, что Карл был распутником, и им легко управлял любой фаворит, оказавшийся на вершине власти. Шестнадцатилетним мальчиком он стал соучастником убийства герцога Жана де Бургонь, независимо от того, был ли он конструктивно виновен в этом преступлении или нет. В девятнадцать лет он был провозглашен королем Франции горсткой своих сторонников, в то время как победившие англичане провозглашали Генриха VI в Париже (1422). Поражения следовали за поражениями в его армиях, отчасти из-за деморализации войск, отчасти из-за неспособности вождей поддерживать хоть какую-то дисциплину среди полудиких людей с оружием из Гаскони, Бретани, Шотландии и даже Италии и Испании. Однако в большинстве бедствий был виноват сам Карл, который продолжал вести жизнь в ленивых удовольствиях, не предпринимая никаких серьезных усилий, чтобы контролировать себя или принимать активное участие в делах своего разоренного королевства.

Спасение Франции должно было прийти от женщины, которая была почти святой, насколько это возможно для смертного; но часть подготовки к приходу этой святой была сделана другими женщинами, отнюдь не святыми. Женой Карла VII была Мария д'Анжу, которая вместе с мужем находилась под властью своей матери, Иоланды д'Арагон, одной из тех деятельных, способных, но беспринципных женщин, которые правят с помощью интриг, позволяя другим претендовать на славу, лишь бы настоящий секрет власти принадлежал им. Королева Иоланда, стремясь сохранить достоинство Анжуйского дома для своего сына Рене, нуждалась в поддержке Франции и ненавидела Англию. Она добилась значительного превосходства над Карлом VII и очень мудро использовала его на благо Франции, хотя некоторые ее методы могут показаться в некотором роде смущающими господствующее мнение.

Видя, что Карл по природе своей распутник, она решила использовать эту сторону его характера, хотя и за счет собственной дочери. Именно она представила Шарлю знаменитую и прекрасную *даму красоты* Агнес Сорель. Роль, которую сыграла эта любовница короля, поистине восхитительна и замечательна. Агнес была не вульгарной женщиной, а Аспазией своего времени, благородного происхождения, красивой, с характером мягким и по сути добрым. Нет ничего парадоксального в том, чтобы назвать ее доброй, хотя она вела жизнь, осуждаемую моральными законами; ведь следует учитывать распущенность эпохи, а также методы самой хозяйки. Даже жена ее королевского любовника уважала Агнес Сорель, и между ними существовала дружба. Не стремясь окружить себя праздными и порочными спутниками и не поощряя Карла в оскорблении полезных друзей или мудрых советников, она использовала свое влияние вместе с Иоландой, чтобы укрепить доверие к коннетаблю де Ришмону, самому полезному из союзников Карла в это время.

Легенда позолотила ее портрет, и многое из того, что о ней рассказывают, не поддается доказательству, но о тенденции ее влияния говорит один маленький случай. Карл, не сумевший отвоевать свое королевство, не сумевший удержаться в нем к северу от Луары, не сумевший найти денег на оплату своих войск, все же смог построить замок в Лоше для Агнес Сорель. Здесь он грелся в ее улыбках и не обращал внимания на бедствия Франции, когда случай дал Агнес шанс пробудить его благородные чувства. Чтобы развлечься, Шарль позвал

в замок гадальщика и стоял в ожидании, пока тот предскажет судьбу его возлюбленной Агнес. Конюх, со свойственной ему хитростью, решил польстить этой тщеславной и прекрасной даме, пророчествуя: "Когда-нибудь ты станешь женой величайшего короля на земле". Агнесса, обладавшая готовым остроумием, сразу же поднялась на ноги. "Если это моя истинная судьба, - сказала она дофину, - я должна покинуть вас сию минуту и выйти замуж за короля Англии, ибо я вижу, что в той лености, которая сковывает вас здесь, вы недолго будете королем Франции". Выстрел прозвучал, и Карл был побужден к мгновенной активности. Всю свою жизнь Агнесса продолжала оказывать на него благотворное влияние; когда же она умерла - отравленная, как говорили, дофином, впоследствии Людовиком XI, - злые фаворитки вскоре заменили мудрых советников в правлении короля, и последние годы его жизни были так же полны страданий, как и до того, как Жанна таинственным образом явилась с востока и подарила ему корону.

Жанна д'Арк любила и спасала не Карла, жалкого, неблагодарного сластолюбца, характер которого мы пытались показать, а Францию, представленную ей в лице дофина. Для нее Карл был символом, воплощением *родины*, спасение которой ей поручил Господь Воинств; сам он был никем; в своем простом крестьянском сердце она едва ли думала о нем как о человеке, скорее как о некоем божестве, которое не может сделать ничего плохого, которому нужно поклоняться, которое прежде всего нужно спасти и надежно установить в своей скинии в Руане. Никогда не было создано более недостойного идола, чем эта бесчувственная тварь под названием дофин, так же мало заботящаяся о раздавленных под ним жертвах, как если бы он и в самом деле был всего лишь деревянным джaggerнаутом или Мумбо Джамбо; но все мы поклоняемся недостойным идолам и совершенно не осознаем их недостойности. И, как в случае с Жанной, если поклонение и поклоняющийся чисты, какая разница, если идол немного шатается на пьедестале, на который его вознесла наша слепая преданность?

Поклонение Жанны дофину началось еще в детстве, когда эта ведомая мечтами маленькая девица из Лотарингии едва ли знала, что такое "король" или "королевство". Писатели, как де Квинси и Мишле, отмечали тот факт, что Жанна родилась в пограничной стране, на полях Лотарингии и Шампани, в спорном краю между великими партиями Орлеана и Бургундии; но само положение этой маленькой деревушки Домреми на великом франко-германском шоссе - географический факт, который можно было бы снова и снова переиначивать, а потом забыть, и мы ничуть не стали бы лучше или хуже. Тем не менее мертвый факт - это плодотворное семя для размышлений, если только позволить ему прорасти. Мы можем вспомнить, что в наши дни самыми восторженными патриотами Франции, которые постоянно ратуют за войну, являются жители этой некогда пограничной Франции. Как бы ни были ошибочны демонстрации толпы, ежегодно окутывающей трауром статую Страсбурга на площади Согласия, их вдохновляет восторженный патриотизм. "Заставы Франции, как можно назвать великие пограничные провинции, - говорит де Квинси, - из всех местностей были наиболее преданы флер де лиз. Наблюдать в любой великий кризис щедрую преданность этим лилиям маленькой огненной кузины (Лотарингии), которая в более мягкую погоду вечно набрасывалась на грудь Франции, не могло не разжечь рвения ее законных дочерей; а занимать почетный пост на границах против старого наследственного врага Франции, естественно, стимулировало это рвение чувством воинской гордости, ощущением опасности, всегда грозящей, и ненависти, всегда тлеющей. Глаз, следивший за блеском копья или шлема на враждебной границе, ухо, прислушивавшееся к стуку колес, превращало саму дорогу, с ее связями с центрами, столь отдаленными, в пособие по выполнению патриотического долга".

Воспитанная в атмосфере патриотизма, маленькая Жанна наглядно увидела ужасы войны, когда банда разбойников, номинально английских или бургундских партизан, ворвалась в Домреми, разграбила город, сожгла церковь и отправила многих жителей, включая семью Жанны, во временное изгнание. Семья вернулась, и немедленные разрушения солдат были устранены, но Жанна никогда не забывала об этом и рассказывала в последующие годы, как она дрожала от ужаса, а потом плакала от жалости, видя, как ее деревенские друзья возвращаются ранеными и истекающими кровью после стычек с англичанами.

Жанна, дочь того, кого описывают как *простого труженика* (что может означать, что он был независимым фермером в малой степени, а не простым рабочим), родилась в 1412 году, и поэтому была достаточно взрослой, чтобы увидеть и оценить худшие из бед Франции и понять рассказы о войне и английских бесчинствах, которые приносили к двери ее отца многие путешественники на большой дороге, проходившей через Домреми; И сердце ее наполнилось жалостью к бедному дофину, отвергнутому собственной матерью, изгнанному англичанами из своего королевства, бесцельно скитавшемуся из провинции в провинцию, где оружие его врагов делало его проезд безопасным. Разум ребенка не мог не быть взбудоражен и не наполнен теми смутными, великодушными мечтами о самопожертвовании, о героизме, о невозможных достижениях, которые, как и другие видения, у большинства из нас исчезают "в свете обычного дня". Но не так с Жанной, в которой с самого начала было что-то мистическое, что-то, что отличало ее от других детей.

Нас не касается ни ее повседневная жизнь, ни те члены ее семьи, которые не отстаивают ничего из того, ради чего она должна была служить духу. Ее отец, из которого даже традиция не смогла сделать ни чудовища, ни героя, был обычным крестьянином, внешне приветливым и добродушным, но явно неспособным сочувствовать вещам бесплотным и сверхъестественным; нам не нужно заходить так далеко, как де Квинси, и отказывать ему в патриотизме: "Он предпочел бы... спасение фунта или около того бекона спасению Орифламмы Франции". Так же и с ее братьями, Жаном и Пьером; хотя они были благодетельствованы королем и, несомненно, были очень хорошими парнями, они, конечно, были очень далеки от благородства духа или какого-либо сравнения со своей сестрой. Ведь благородство Жанны было основано не на случайности рождения или благосклонности принца: это был дар Божий.

Жизнь Жанны д'Арк, вероятно, ничем принципиально не отличалась от жизни других девушек ее класса, по крайней мере до ее четырнадцати или пятнадцати лет. К свидетельствам тех, кто вспоминал детство героини уже после того, как она стала героиней, мы должны относиться с некоторым недоверием; ведь самые разные мотивы могли побудить их скрыть или даже исказить многое в этой простой истории, и, несомненно, побудили. Но нет никаких сомнений в том, что Жанна, как и ее сестра и другие соседские дети, занималась разведением овец, что она научилась всем простым домашним искусствам и "была хорошей девочкой, прилежной в работе"; сама она с гордостью говорит о своем мастерстве рукодельницы: "Моя мать так хорошо меня учила, что я умела шить не хуже любой женщины в Руане", а Руан был одним из центров тонкой работы; но о чтении и письме, даже о зачатках образования, она ничего не знала. Нет сомнений и в другом, хотя сочинители легенд, несомненно, немного подкрасили картину и здесь: ребенок был набожным, проявляя большую набожность, чем принято в ее классе. И в этой набожности, что еще более важно, она проявляла сдержанность, желание оградить себя и свои молитвы от оскверняющих взглядов пошлых и любопытных людей.

Много говорилось о таинственных ассоциациях с лесами, наваянными феями, о деревьях, где дети танцевали и развешивали гирлянды в честь королевы фей, которую каждую весну

благочестиво изгонял добрый *куратор* деревни. Какая община в стране, соседствующей с горами, не имеет своего "маленького народца", будь то феи, хобгоблины или гномы? Ученые доктора на суде над Жанной пытались навесить на нее абсурдное обвинение в колдовстве и связи с силами зла; их делом было привлечь фей и показать, что Жанна знала о таких вещах больше, чем это было полезно для славы Божьей; И с тех пор биографы ухватились за те скудные бредни детской легенды, которые Жанна смогла вспомнить на суде, и соткали из них тончайшую паутину, чтобы показать, что вся земля Домреми, более чем любое другое место во Франции, произвела грибные урожаи фей, и что в воздухе витали миазмы чародейства. Масса причудливой и порой изысканной риторики на эту тему в житиях Жанны наверняка осудила бы ее за колдовство в XV веке. По правде говоря, Жанна, вероятно, верила в фей так же твердо, как мы с вами когда-то в Хоп-о-ми-Там и Рыжего Райдингвуда; но это были детские забавы, никак не связанные с ее миссией.

Важно отметить, что она всегда была нежной и ласковой девочкой, готовой ухаживать за больными или играть с детьми. "Я это знаю, - говорит один пожилой крестьянин, который свидетельствовал о ее памяти спустя много лет после ее смерти, - я был тогда совсем ребенком, и она меня нянчила". Но важнее всего то, что ее враги не смогли найти в Домреми ни одного свидетеля, который мог бы дать против нее показания; в ее родной деревне не было ни одного завистника, ни одного Аскалафа, который мог бы сочинить какую-нибудь правдоподобную историю, чтобы навредить той, кто в детстве вел жизнь столь чистую, столь хорошую, но в то же время столь невразумительную.

В какое время Жанна начала видеть видения, мы точно сказать не можем; вероятно, сны детства, которым она долго предавалась, сначала бессознательно слились в видения, которые казались ей такими же реальными, как и вещи, увиденные телесным взором. По ее собственному признанию, прошло около шести или семи лет после того, как она впервые почувствовала призыв небесных голосов, прежде чем она нашла в себе мужество попытаться совершить, казалось бы, невозможные вещи, которые они предписывали. Одно видение она помнила всю свою жизнь, потому что оно постоянно стояло перед ее мысленным взором из-за великой страсти ее жизни. Она сама рассказывает об этом видении, и ни уговоры, ни насмешки, ни ужасы тюрьмы не смогли поколебать ее абсолютную веру в его реальность. "Долгое время она слышала небесные голоса, то советовавшие ей быть хорошей девушкой, то особо рекомендовавшие ей заниматься благочестием и тщательно хранить девственность, то повторявшие в унисон с ее собственными мыслями, когда они рассказывали ей о бедах Франции и столах народа. Однажды, когда она сидела, работая и размышляя, в саду у церковной стены, появился яркий и ослепительный свет, небесное сияние сильнее полуденного солнца; затем из этого сияния раздался голос, мягкий, но повелительный, человека, чью славную крылатую фигуру она смутно видела, который сказал: "Жанна, встань! иди на помощь Дофину, и ты вернешь ему королевство". Бедная девушка, вся в смятении, упала на колени: "Мессир, как я могу это сделать, ведь я всего лишь бедная девушка и не умею ездить верхом или вести за собой воинов? Но голос настаивал: "Пойдите к сиру де Бодрикуру, командующему от имени короля в Вокулере, и он проводит вас к дофину. Не бойся, святые Маргарита и Екатерина помогут тебе".

Жанна плакала от страха, не решаясь пока никому довериться. Но голоса продолжали умолять ее, и она снова увидела ангела, которого в своей простодушной манере назвала *moult prudhomme* (очень благородный человек), и в котором теперь узнала того самого святого Михаила, чей образ она видела в своей церкви, торжествующего над драконом. А с ним шли прекрасные женщины, все в белом, с огнями и ангельскими отрядами вокруг них, святые и храбрые девы Маргарита и Екатерина. Они пришли, как и обещал святой Михаил

Архангел, чтобы быть ее духовными наставниками и утешителями; их благословенные формы никогда не отходили от нее, а их голоса шептали ей, чтобы она не унывала, ибо через нее и только через нее Франция будет спасена.

Мучимая сомнениями и страхами, она открыла эти видения своей матери, от которой научилась *Ave, Pater, Credo*, сладкой и простой вере, которая так много для нее значила. Мать была наполовину склонна верить Жанне и, по крайней мере, сочувствовала ей; но ее отец видел в этих видениях лишь детские глупости, которые могли сбить его дочь с пути. Для него не существовало веры в подобные вещи; разве можно винить его, если он считал их глупыми мечтаниями ребенка и сурово обращался с ним в надежде спасти ее? Он заявил, что скорее утопит Жанну собственными руками, чем увидит, как она уезжает с оружием в руках в ту Францию, о которой он и она не знали ничего, кроме того, что она из конца в конец отдана войне и грабежу. Думая, что замужество развеет ее иллюзии относительно спасения Франции, - а так оно и было на самом деле, - они добивались, чтобы она вышла замуж за молодого деревенского парня, который отчаянно в нее влюбился и утверждал, что она обещала выйти за него замуж. С мужеством, которое, должно быть, удивило даже ее саму, она предстала перед церковным судом Туля и рассказала свою историю так откровенно, что судья отстранил отчаянного влюбленного. Не для нее были радости и горести жены и матери.

При всей своей решительности и мужском презрении к тем вещам, которые для большинства женщин являются ужасом, Жанна любила свой дом. В последующие годы она постоянно тосковала по тихой жизни в отцовском коттедже, где она могла бы сидеть и прясть с матерью или бродить по полям с сестрой и пасти овец. Какая мучительная борьба должна была происходить в ее душе! С одной стороны, разгневанный отец, которого она любила, мать, которую она любила еще больше, безопасный дом, а в нем все, чего желало ее простое сердце; с другой - огромный и страшный мир, армии грубых мужчин, беспутные придворные, долгие путешествия по незнакомой стране для той, которая едва ли выходила из поля зрения церковной башни Домреми. Любовь к родине, столь сильная в сердцах всех женщин, столь дорогая крестьянке Франции больше других, должна была быть отброшена ради любви к отечеству. Не было лучших и более решительных патриотов, чем женщины, как убедился Сезар, когда женщины Галлии подбадривали своих мужей в поединке с его легионами; но эти женщины сражались дома, как бы на пороге; они не шли вести армии в наступательную войну; их мужество было устойчивым мужеством отчаяния, а не активным мужеством, которое должно поддерживать себя, поддерживать свой собственный огонь, а не полагаться на стимул импульса и отчаянного кризиса. Все страхи и душевные терзания Жанны скрыты от нас, ибо она не говорит о них; поборовшись с собой и решив, что она нужна Франции больше, чем ее мать, она не позволяет себе повернуть назад, и мы получаем лишь пронзительные воспоминания то тут, то там, поскольку она заперла это горе в своем сердце.

Возможность попытаться выполнить повеления, навязанные ей голосом, долго не появлялась; она стала предметом общих разговоров в своей деревне; повсюду она встречала обескураживающее недоверие, а то и насмешки. Не то чтобы не хватало веры в чудеса, ведь земля была полна историй о знамениях и чудесах, в которые люди верили без колебаний. Вот святой крестьянин, которого великий капитан Ксантраиль привел ко двору, чтобы показать на его руках и ногах знаки креста, стигматы, и который, как говорили, потел кровью в день Страстей. Была и Катрин де ла Рошель, которая видела видения ангелов и объявила, что ей поручено найти сокровища для дофина. В них и им подобных жители Домреми могли верить, но не в свою маленькую крестьянку, ведь они не знали ее, когда она была такой же простой пастушкой, как и все остальные?

В одном из членов своей семьи Жанна нашла веру и обратилась к нему за помощью. Это был ее дядя, к жене которого ее отправили ухаживать, и искру веры которого она зажгла во время этого пребывания, пока, по ее настоянию и по настоянию его жены, этот добрый человек не отправился в Вокулер и не отнес послание Жанны Бодрикуру. Стоит ли удивляться, что сеньор презрительно улыбнулся этому глупому крестьянину, пришедшему к нему с посланием от девушки, в котором говорилось, что он должен дать ей солдат для выполнения того, что не смогли сделать лучшие капитаны Франции? Он не был излишне резок, просто презрительно отмахнулся: "Хорошенько отхлестайте девушку и отправьте ее домой к отцу". В этом мире так много "миссий", миссий, которые являются лишь тщетными фантазиями, не приносящими никакой пользы; чем больше опыта в мире, тем больше человек учится не доверять этим миссиям; и, без сомнения, наказание, предложенное сиром де Бодрикуром, в девяти случаях из десяти положило бы конец миссии и вылечило истеричную энтузиастку.

Мы говорим "девять случаев из десяти", или "девяносто девять из ста", или любое другое кратное число, которое вам угодно, с беспечной уверенностью, что десятого случая не существует и что судьба не примет наше пари и не покажет нас дураками, какие бы коэффициенты мы ни предлагали. Но десятый случай есть, и мир попадаетеся, мудрый мир, как в случае с крестьянкой из Лотарингии, которой все в Домреми снисходительно улыбались, которой вся Франция вскоре стала поклоняться.

Был февраль 1429 года, когда взоры всей Франции были прикованы к одному городу - Орлеану. Для раздробленной французской партии он был последней надеждой их дофина; для англичан - барьером, отгораживающим их от юга Франции. С октября велась осада, и Англия передала командование своими осаждающими силами лучшим капитанам, а Дюнуа отстаивал интересы Франции и своего сводного брата, того самого Шарля д'Орлеана, который находился в плену в Англии со времен Азенкура. Но ни мастерство Дюнуа, ни отвага горожан не могли справиться с голодом; казалось, что Орлеан должен пасть, и вся Франция заранее оплакивала судьбу галантного города. Карл, дофин, плакал в Шиноне, не имея ни надежды, ни совета. В сердце дочери Домреми одна горячая молитва заменила все остальные: спасти Орлеан! Голоса становились все настойчивее и настойчивее, непрерывно взывая к ней, что именно она должна спасти Орлеан. С этой более определенной и непосредственной целью она нашла в себе мужество обратиться к Бодрикуру с очередным призывом. Она уговорила дядю сопровождать ее, и они отправились пешком в Вокулер, где Жанна поселилась у колесничего, кузена ее матери.

Нетерпеливый к упорству этой безумной девушки, Бодрикур все же согласился увидеться с ней, вероятно, решив, что так ему будет легче от нее избавиться. В простом крестьянском платье из красной ткани юная мистика предстала перед ним. Она была невысокого роста, но хорошо сложена и крепка; в чертах ее лица не было ничего примечательного, только правильность, которая не соответствовала абсолютной красоте, будучи банальной; тем не менее, это было симпатичное лицо, и даже скептик Бодрикур не мог не отметить честность и мягкость выражения, или глубокие и мечтательные глаза, единственную черту, которая обнаруживала отблески великого духа внутри. Без колебаний и смущения, но и без эфронта она ответила на его вопросы и произнесла свое послание дофину: "Государь, я пришла к вам во имя Бога, чтобы вы велели дофину держаться твердо и не назначать день битвы с врагом в это время, ибо Бог пошлет ему помощь около середины Лента. Королевство принадлежит не ему одному, а Богу. Тем не менее, Господь хочет, чтобы он стал королем, несмотря на своих врагов; и это я поведу его короноваться в Реймсе".

Бодрикур не мог сразу поддаться слабой вере, которую вызвала в нем искренность Жанны, но слабая вера уже была, и он любезно отпустил ее поразмыслить над тем, что она сказала.

Посоветовавшись с приходским *куратором*, рыцарь и священник согласились, что вполне возможно, что во всем этом замешан сатана, и оба посетили Жанну, причем священник изгнал злого духа, но Жанна не улетела и не исчезла со вспышкой и дурным запахом пороха и серы. Ее простая набожность удовлетворила и тронула священника.

Тем временем слухи о ее чудесных видениях и святости стали распространяться в народе и находить подтверждение. Разве не пророчествовал могущественный Мерлин, что Франция будет потеряна из-за нечестивой женщины и спасена чистой девой? Кто же могла быть эта злая женщина, как не Изабо де Бавьер, продавшая Францию, лишившая наследства и отрекшаяся от собственного сына? И вот Жанна, чистое дитя, пришла, чтобы искупить Францию. Сомневаться, отвергать помощь, посланную самим Бодрикуром, было преступно. Толпы людей, дворян и простых рабочих, посещали Жанну, и все были уверены в одном: она хорошая девушка, а многие ушли, твердо уверовав в ее миссию. Один джентльмен, Жан де Мец, решив подшутить над ней, сказал: "Ну что ж, милая, тогда мы все должны стать англичанами, раз король будет изгнан из Франции". Но она и не думала шутить, жалуясь на отказ Бодрикура отправить ее к дофину: "И все же они должны доставить меня к дофину до середины Великого поста, если я измотаю свои ноги до колен, идя туда. Ибо никто в этом мире, ни короли, ни герцоги, ни дочери шотландского короля, не могут вернуть королевство Францию; и нет для него другой помощи, кроме меня, хотя я предпочла бы остаться рядом с моей бедной матерью и спиной. Ибо не мое это дело - сражаться в битвах; но я должен идти, чтобы исполнить повеление, ибо так хочет мой господин".

Бодрикур не решался взять на себя ответственность за какие-либо действия в этом деле. Он отвез Жанну к старому герцогу де Лотарингии, своему феодальному начальнику. Герцог Шарль, находившийся в то время под властью любовницы Алисон дю Май, отличавшейся большим умом и красотой, был болен и думал, что чудесная дева из Домреми сможет вернуть ему здоровье и руки Алисон. Жанна, очень мудро и откровенно, сказала ему, чтобы он бросил свою любовницу, вернул жену и вел достойную жизнь. Она не творила вульгарные чудеса, чтобы извлечь выгоду из измученного старого руэ.

Вернувшись в Вокулер, она обнаружила, что власти готовы выслушать ее, поскольку положение в Орлеане стало отчаянным, и доблестные горожане, которые взялись за осаду с таким же рвением, как если бы это была всего лишь игра, обнаружили, что энтузиазм очень истощен, а запасы продовольствия весьма скудны. Жанна предсказала дату и катастрофический исход битвы при Руврэ, "битвы селедок" (12 февраля 1429 года), и жители Вокулера верили в нее. Сир де Бодрикур был вынужден уступить ее просьбе и отправить ее к дофину. Некоторые горожане выделили сумму, чтобы снабдить ее лошадью и доспехами, а сам сир де Бодрикур подарил ей шпагу. Для долгого путешествия по суровой стране бедная девушка, не имея женщины-компаньонки, не могла сохранить свое простое платье, но должна была быть одета как мужчина-оруженосец. Накануне отъезда она подверглась еще одному суровому испытанию чувств: родители, узнав о ее решимости, прислали умолять, приказывать не ехать, и Жанна, не умея писать, должна была продиктовать письмо, прося у них прощения за непослушание.

Ее маленький отряд, состоявший из двух кавалеров и нескольких человек из их окружения, должен был пересечь часть страны, где были сильны бургундские интересы, поскольку дофин в то время держал свой двор в Шиноне, недалеко от Тура. И не только опасность дороги, кишасей враждебными войсками, - среди ее спутников было много сомнений: они не знали, почитать ли ее как святую или уничтожить как ведьму. К последнему варианту они, конечно, были близки, но невинность и безобидная, полная надежд и уверенности повадка девушки трогали их сердца до жалости.

Она прибыла в Шинон 24 февраля и послала Карлу весточку, что ей есть что сказать ему, что утешит его сердце, и что она проделала сто пятьдесят лье, чтобы увидеть его; но у Карла не было своей воли, и его советники спорили, что делать. Против Жанны выступила сильная партия, но ее друзья во главе с королевой Иоландой одержали верх, и она была допущена к королю, или, как она продолжала называть его до освящения в Реймсе, дофину. История о том, как эту деревенскую девушку ввели в толпу ослепительных придворных и оставили гадать, кто из них избранник Господа, слишком часто рассказывалась и слишком часто принималась на веру, чтобы нуждаться в пересказе или защите; вся история Жанны д'Арк настолько мало похожа на то, что мы называем чудом, что кажется мелочью придирается к этой единственной детали. По божественному ли вдохновению, или по простому везению, или по дружескому и тайному руководству ее последователей Жанна действительно обнаружила Карла и без страха говорила, стоя на коленях у ног этого недостойного принца, ради спасения которого она проделала столь долгий путь: "Нежный дофин, меня зовут Жанна ла Пюсель; Царь Небесный посылает вам от меня весть, что вы будете посвящены и коронованы в городе Реймсе и что вы будете его лейтенантом во Франции. Поэтому дайте мне солдат, чтобы я мог снять осаду Орлеана и доставить вас в Реймс для посвящения. По воле Божьей ваши враги, англичане, должны вернуться в свою землю, и горе им, если они не уйдут, ибо королевство будет и останется вашим".

Дофина не могли не поразить эти слова, произнесенные с такой прямоотой и искренностью, но он все еще сомневался в божественной миссии крестьянки. Не может ли она быть самозванкой, нанятой его врагами? Не является ли она, если не хуже, просто несчастным безумным существом? Его мучили сомнения в собственной легитимности. Англичане открыто объявили, что он не сын Карла VI; близость его матери с Орлеаном была слишком известной и слишком недавним скандалом, чтобы ее можно было скрыть, и он родился в тот самый момент, когда эта близость достигла своего апогея, а та, что была его матерью, вела себя так, словно у него были веские причины не наследовать корону; стоит ли удивляться, что несчастный молодой принц сам наполовину верил утверждениям своих врагов? Он хотел получить заверения в этом вопросе, и, несомненно, именно для того, чтобы задать какой-то вопрос такого рода, он отвел Жанну д'Арк в сторону и, казалось, беседовал с ней на низких тонах. Все, что произошло между ними, никогда не было рассказано, так как Жанна отказалась раскрыть это; но придворные видели, как загорелось его лицо, и стало известно, что она сообщила ему хорошие новости, и она призналась, что сказала: "Я послана Богом, чтобы заверить вас, что вы - истинный наследник Франции, сын короля".

Возможно, дофин на мгновение и обратился к вере в Жанну ла Пюсель; но он колебался, а некоторые из его мудрейших советников, включая канцлера, не хотели верить в нее. Сначала нужно было доказать, что она не ведьма и чистая девственница. Жанна охотно и мужественно прошла оба испытания и вышла из них оправданной. Когда ее готовились отвезти в Пуатье, где полдюжины ученых докторов церкви должны были изложить свою мудрость бедному ребенку, она сказала: "Я вижу, что в Пуатье меня ждет много тяжелых испытаний, но Бог поможет мне. Так пойдем же скрепя сердце". Во время допроса, которому ее подвергли богословы, ярко проявилась одна отличительная черта девушки - не святой - а именно здравый смысл. Ее ответы, хотя и наивные и совершенно безыскусные, своей откровенностью и здравым смыслом часто приводили в замешательство самых ловких катехизаторов. Один из докторов возразил: "Если Бог желает избавить народ Франции, ему не нужны вооруженные люди". Жанна с готовностью и рациональной, полушутливой пронизательностью ответила: "Ах! Боже мой! Вооруженные люди будут сражаться, и Бог даст победу". Тогда брат Сеген, "очень кислый человек", с сильным привкусом родного Лиможа, пожелал узнать, "на каком языке говорят эти небесные гости?" "Лучше, чем на вашем", -

ответила Жанна. "Я пришла не для того, чтобы являть знамения или творить чудеса в Пуатье; знамение, которое я дам вам, будет заключаться в снятии осады Орлеана. Дайте мне солдат, мало или много, и я пойду".

Уверенная в том, что выйдет невредимой после осмотра врачей, Жанна устала от долгой задержки и продиктовала письмо английскому регенту Бедфорду, в котором сообщала ему, что "Дева пришла от Бога, чтобы изгнать вас из Франции". Наконец, представители церкви высказали свое мнение о законности найма этой служанки, если она действительно была служанкой, "ибо рука Божья действует неисповедимыми путями!". Чистота ее жизни и тела была установлена легче, чем ее ортодоксальность, и теперь оставалось только удовлетворить ее молитву и позволить ей отправиться в Орлеан. В Орлеане тоже слышали о своей защитнице, и галантный Дюнуа слал мольбы за мольбами, чтобы служанку отправили к нему.

Для ее личного сопровождения была выделена небольшая свита под командованием крепкого и степенного старого рыцаря Жана Долона, с пажом, двумя герольдами, управляющим, двумя камердинерами и братом Жанны, Пьером д'Арком. Одета в чистые белые доспехи - белые, символизирующие чистоту героини, - и восседающая на своем черном коне, милая дева, должно быть, являла собой великолепное зрелище - *sursum corda* для каждого преданного сердца во Франции. Сквозь туман лет можно увидеть серафическую улыбку нежного триумфа, с которой она смотрела на свое знамя, святое знамя, белое с *флердоранжами*, а с одной стороны - Сам Господь Воинств с ангелами, держащий в руках весь мир. А затем она взмахнула священным мечом Святой Екатерины с пятью крестами, который она обнаружила спрятанным за алтарем Святой Екатерины де Фьербуа; наконец прозвучало слово: "В Орлеан!"

Невозможно представить себе больший контраст, чем тот, что предстал перед глазами изумленной Франции: с одной стороны, целомудренная, добрая, простодушная Жанна; с другой - вожди и солдаты, ожесточенные долгими годами безрезультатной гражданской войны. Вспомните сира де Жиака, который дал яд своей жене, а затем, посадив ее на лошадь, заставил скакать галопом, пока она не умерла. Когда его привлекли к суду, он молил, чтобы перед казнью ему отрубили правую руку, отданную на служение дьяволу, дабы пронзительный властитель Аида не схватил эту руку и не утащил за собой все тело. Или вспомните Жилия де Реца, маркиза де Лавалеа, чьи убийства детей (по некоторым данным, до ста шестидесяти) были столь зверскими, что его наконец схватили, судили, приговорили к смерти на костре и к вечной, пусть и ошибочной, ассоциации с этим детсадовским ужасом, Синей Бородой. Вспомните, как он ехал рядом с Жанной Ла Пюсель, нет, стоял рядом с ней на коронации в Реймсе и подносил священную ампулу! Каким соратником для нее был даже храбрый и верный друг Этьен Виньоль, прозванный Лахиром, который, оправдывая повсеместную практику грабежей и разбоя среди так называемых солдат, имел обыкновение говорить: "Если бы Бог обратил человека к оружию, он бы тоже грабил!" Именно он молился перед битвой, с меньшим благоговением, но, конечно, не с меньшим рвением, чем некоторые другие благочестивые солдаты: *Sire Dieu, je te prie de faire pour Lahire ce que Lahire ferait pour toi, si tu étais capitaine et si Lahire était Dieu* (Господин Бог, я молю тебя сделать для Лахира то, что Лахир сделал бы для тебя, если бы ты был солдатом, а Лахир - Богом). Это прекрасная и всеобъемлющая молитва, которую стоит предпочесть, когда у человека нет времени напоминать Божеству о каждой мелочи, которую оно должно сделать.

С армией, состоящей из таких людей, Жанна д'Арк отправилась в Орлеан; но она печально сомневалась, что ее святые станут соратниками таких нераскаявшихся грешников. Поэтому она настояла на том, чтобы нравы в лагере были исправлены. Лахир не должен больше

клясться страшными, душераздирающими клятвами; он повиновался, но добросердечная девушка, видя, что он не в силах вымолвить ни слова, смиростивилась и разрешила ему поклясться "своей дубинкой". Но реформа не закончилась на пустяках: Пусель не допускала в лагерь распутных женщин; все ее солдаты должны были смиренно идти и исповедовать свои грехи, прежде чем осмелиться идти под ее священным знаменем; под открытым небом на берегу Луары она воздвигла алтарь, и все должны были причащаться у него. Не было нужды в приказе дофина Дюнуа, Ксантралю, Лахиру, Буссаку и другим капитанам уважать личность Жанны ла Пюсель и подчиняться ее приказам; энтузиазм, внушаемый ее невинным лицом, патриотизм ее бескорыстного сердца, таинственная сила, которую иногда, и только иногда, добрые, чистые и совершенно беззащитные люди оказывают на злые натуры, были гораздо более сильными мотивами, чем приказы принца, настолько слабого, что он не мог удержать свою власть на половине Франции. Это был крестовый поход, в который вела их эта прекрасная юная святая; и что-то от прежнего пыла крестоносцев вдохновляло ее последователей.

ГЛАВА XIII

ТРИУМФ И МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ЖАННЫ Д'АРК

Пока армия Жанны д'Арк, насчитывающая всего четыре-пять тысяч человек и набирающая численность со всех сторон по мере продвижения, идет к Орлеану, давайте рассмотрим военное положение этого города и английского дела во Франции. Начнем с того, что силы осаждающих никогда не были велики; в течение долгой осады они уменьшались из-за болезней, потерь в боях, дезертирства, пока сама английская армия не оказалась почти в таком же тяжелом положении, как и гарнизон. Кроме того, чтобы обезопасить себя, англичане построили дюжину или более небольших фортов, или *бастий*, по обе стороны Луары, и гарнизоны этих мест не имели надежных средств связи. Правда, в планах было подкрепление осаждающих, но политические условия во Франции и Англии были таковы, что очень сильно мешали Бедфорду. Между ним и всемогущим кардиналом Винчестером никогда не было сердечного сотрудничества; герцог Глостер враждовал с Винчестером, а не так давно серьезно обидел самого важного союзника Бедфорда, Филиппа де Бургонь, женившись на Жаклин Фландрской и выступив на ее стороне против бургундцев. И хотя Глостер с тех пор женился на другой даме - двоеженство было пустяковым делом - и наладил отношения с Филиппом Бургундским, последний проявлял явные признаки отчуждения от англичан. Таким образом, многое зависело от успешного завершения осады Орлеана, и английской державе, очевидно, достигшей своего апогея, требовалось лишь небольшое препятствие, чтобы пойти на спад.

Все это заставляет нас задуматься о достижениях той силы, которая теперь собралась под белым знаменем Жанны, и спросить себя, были ли эти достижения действительно столь чудесными с военной точки зрения? Когда химик выпаривает раствор соли почти до точки кристаллизации, а он все еще не кристаллизуется, простой осколок, брошенный в блюдо, внезапно собирает к себе колеблющиеся частицы, и кристаллы образуются как по волшебству. Этот рисунок поможет нам понять, в каком состоянии находилось дело дофина

и какое влияние оказывала Жанна д'Арк. Она была тем ядром, без которого французские войска могли бы оставаться лишь плавучими и беспомощными отрядами, без лидера, без общего дела, а главное, без надежды и энтузиазма. На стороне дофина не было недостатка в доблестных солдатах: коннетабль де Ришмон, Дюнуа, Ксантраиль, Лахир, Жиль де Рец, Арманьяк; все они были либо в армии Жанны, либо в Орлеане. Именно ее присутствие, ее влияние позволило им успешно объединиться. Она была необходима им, несомненно; но разве не она сама сказала мудро и хорошо: "Вооруженные люди будут сражаться, а победу даст Бог"?

Капитаны армии дофина прекрасно понимали ценность, неоценимую ценность энтузиазма, вызванного Девой, и умело пользовались им; но они не собирались доверять всю кампанию духовному руководству, будь то святые или дьяволы, и некоторые из них были склонны считать Жанну едва ли не лучшей ведьмой. Возможно, для Франции было бы лучше, если бы они доверились руководству героини. Она должна была подойти к Орлеану на том берегу реки, который сильнее всего удерживали англичане, и бросить им вызов, чем бы это ни грозило. Обманом ее заставили переправиться через Луару, и она была возмущена, когда, достигнув Орлеана, обнаружила, что между ней и городом лежит река.

Дюнуа, главнокомандующий в Орлеане, увидев ее с крепостных валов, сразу же переправился через реку и подошел, чтобы почтительно и радостно приветствовать ее. Упрекнув его и других капитанов в том, что они больше полагаются на человеческое благоразумие, чем на Божественные веления, она сказала: "Я приношу вам лучшую помощь, которая когда-либо была у рыцаря или города; это помощь Царя Небесного, и исходит она не от меня, а от Бога". Это было 29 апреля, и в тот же вечер, в восемь часов, Жанна въехала в Орлеан с провизией и эскортом, а основная часть армии отступила в Блуа, чтобы переправиться через Луару.

Орлеан обезумел от радости при появлении своей небесной избавительницы. Когда она ехала по улицам, толпы людей преграждали ей путь, а жаждущие поклонники грубо толкали друг друга, пытаясь дотронуться до лошади, которая несла ее. С милой добротой она благодарила их, не теряя при этом своей скромности и увещевая их благодарить не ее, а Бога и дофина. На эту ночь и на все остальное время пребывания в Орлеане она поселилась у жены казначея Карла д'Орлеана и спала с одной из дочерей этого дома. Она была крепкой и здоровой, но непривычная грубая жизнь в лагере, сон в доспехах и отсутствие рядом мужчин привели к сильной усталости.

Осадные работы были приостановлены англичанами, которые угрюмо держались за свои *бастилии*. Жанна настаивала на немедленной атаке, и в течение последующей недели ее с трудом удерживали от необдуманных поступков. Впрочем, сдерживать ее удавалось не всегда, и ее опрометчивость нередко вознаграждалась неожиданным успехом. Предупрежденная о приближении английского подкрепления под командованием сэра Джона Фастольфа, она убеждала Дюнуа без промедления сообщить ей о его приходе. Она заподозрила Дюнуа в намерении вступить в бой с Фастольфом без нее, и в нервном нетерпении поскорее отправиться во Францию ускорила успешное нападение на Бастилию. В середине дня она прилегла отдохнуть на несколько часов, когда ее разбудил шум, поднявшийся на улицах; кричали, что у одних из ворот убивают французов. Вскочив с дивана и едва успев застегнуть половину доспехов, она села на лошадь и, схватив свое знамя, которое ей протянули из окна, галопом помчалась к воротам. По дороге она встретила раненых, и сердце ее дрогнуло при виде крови. Без разрешения Дюнуа гарнизон предпринял штурм *бастилии* Сен-Луп, стоявшей прямо на пути тех, кто должен был доставить в Орлеан припасы. Французы были отбиты, но с прибытием Жанны к ним вернулись надежда и

мужество. Жанна лично возглавила новый штурм, в то время как Талбот, английский командир, тщетно пытался сплотить своих людей и развеять их страхи перед "ведьмой". Англичане были вынуждены отступить, и форт перешел в руки Жанны, которая, сразу превратившись из воина в женщину после первого опыта настоящего сражения, плакала над убитыми, ухаживала за ранеными и делала все возможное, чтобы защитить английских пленников от своих диких последователей.

Военный успех был невелик, но сам факт успеха в этом первом активном предприятии повысил авторитет Жанны в глазах ее собственной партии. Тем не менее, военные вожди не решались доверять ей, возможно, потому, что завидовали ей; и пока она проводила день Вознесения в посте и молитве, они провели совет, на котором было решено атаковать главный английский форт под прикрытием обмана, устроенного по другую сторону Орлеана. Ей рассказали только о притворном нападении, но позже Дюнуа признался в этом, отказавшись, однако, разрешить ей лично отправиться на штурм. Наблюдая издали за ходом сражения, видя, как французы берут и сжигают один форт, а затем отбивают его у другого, она уже не могла сдерживать свое нетерпение. Переправившись через реку с несколькими последователями, она сплотила своих людей, которые последовали за ее очарованным штандартом и захватили форт, который Жанна зажгла собственной рукой.

Еще раз подтвердилась мудрость и целесообразность ее, казалось бы, опрометчивых советов, но вожди все еще колебались и решили дождаться подкрепления, прежде чем атаковать форт Лез-Турнель, в котором англичане теперь сосредоточили значительную часть своих сил. "Нет, - сказала Жанна, - вы совещались, а я совещалась. Знайте, что совет моего короля и господина возобладает над вашим". Она приказала своему капеллану быть готовым прийти к ней с рассветом: "Ибо мне предстоит многое сделать, больше, чем я делала до сих пор. Кровь будет литься из моего тела, ибо я буду ранена". В условиях, когда англичане ежедневно ожидали подкреплений, трудно понять, что могло побудить опытных военачальников медлить, вместо того чтобы использовать уже полученное преимущество; однако на следующее утро они закрыли ворота, чтобы не впустить Жанну, а ее хозяин, Милет, умолял ее остаться, чтобы спокойно поужинать с ним. "Оставь себе ужин, - сказала она, - я приведу несколько *Годдемов*, чтобы они съели его вместе с нами". Национальная клятва, которую Фигаро должен был считать достаточной для любого разговора на английском языке, была явно знакома и характерна для трех столетий до его времени.

Вопреки приказам своих вождей, вооруженные люди последовали за своим кумиром, форсировали ворота и ворвались в английский форт. С восходом солнца над Луарой началась отчаянная борьба, англичане решительно защищались и оттесняли колонну за колонной, пока мертвые и раненые не лежали грудami под стенами Лез-Турнель. С мечом в руке Ла Пюсель приставила лестницу к стене, и когда она взобралась на нее, стрела пронзила ее плечо. Когда она упала в обмороке на землю, англичане бросились ее схватить, но ее спас сир де Гамаш, который был одним из тех, кто отказался служить капитаном в армии, где командовала "простая девчонка, которая могла быть Бог знает кем". Хотя он скептически отнесся к ее миссии, он был галантным солдатом и сумел доставить раненую героиню в безопасное место.

Если боль от раны и вид собственной крови нервировали Жанну, то зрелище раненой избавительницы полностью деморализовало ее солдат. Они теснились вокруг нее, предлагая перевязать рану, извлечь стрелу, заглушить боль магическими заклинаниями. Но она не желала, чтобы сатана помогал ей в исцелении. Молясь святым о силе, она собрала все свое мужество, вытащила стрелу своими руками и перевязала рану маслом. Уже стемнело, и капитаны собирались уходить, но дух Жанны вдохновил ее на продолжение

битвы. Сир де Долон, ее рыцарь, поспешил на крышу форта, чтобы вернуть священное знамя, оброненное там в суматохе боя. Когда он поднял его к ветру, его складки распахнулись, и обескураженные французские солдаты снова бросились в атаку. "Если мое знамя только коснется стен, - сказала Жанна, - форт падет". Раненая, она села на лошадь и поскакала к форту. Англичан охватила паника из-за того, что им казалось чудесным возвращением к жизни того, кого они считали мертвым, и их возбужденное воображение увидело небесные воинства во главе с Михаилом, сражающиеся на стороне французов. При попытке поспешной эвакуации английский капитан Гласдейл был сброшен в Луару с хрупкого моста, по которому он переходил; форт был взят, а остатки его защитников преданы мечу.

ЖАННА Д'АРК

По картине Жана Ж. Шеррера

Орлеан обезумел от радости при появлении своей небесной избавительницы. Когда она проезжала по улицам, толпы людей преграждали ей путь, а жаждущие поклонники грубо толкали друг друга, пытаясь дотронуться до лошади, которая несла ее. С милой добротой она благодарила их, не теряя при этом своей скромности и увещевая их благодарить не ее, а Бога и дофина. На эту ночь и на все остальное время пребывания в Орлеане она поселилась у жены казначея Карла д'Орлеана и спала с одной из дочерей этого дома. Она была крепкой и здоровой, но

непривычная грубая жизнь в лагере, сон в доспехах и отсутствие рядом мужчин привели к сильной усталости.

Последняя английская оборона к югу от Луары была разрушена, и на следующий день, 8 мая 1429 года, Талбот и Саффолк повели свою армию в отступление. Поскольку это было воскресенье, Жанна позволила им уйти без сопротивления, но как только последняя английская колонна исчезла, на равнине был воздвигнут алтарь, и святая дева вместе со своим войском и жителями Орлеана отслужила мессу в честь своего освобождения.

Всего девять дней понадобилось этой мужественной и решительной девушке, чтобы свести на нет многомесячные усилия англичан. Ее непоколебимая вера в себя, ее отказ отступить от своего долга сотворили чудо; и за все это она благодарила Бога и молилась о поддержке в том, что еще предстояло сделать. Для Франции она и сама казалась чудом; ученые доктора церкви взялись доказывать, что ее поступок был от Бога, а не от дьявола, а французы, которые держались в стороне от презируемого и дискредитированного наследника Франции, стали спрашивать себя, не является ли он, в конце концов, законным правителем Франции, раз Бог послал этого вдохновенного предводителя своих армий.

Сладок аромат триумфа; для всех, кто тронут честолюбием, одна лишь радость победы, людские почести и лесть, которые следуют за победой, так сладки, что в тщеславии они забывают о том, что еще предстоит сделать. Но в Жанне не было честолюбия; она радовалась и благодарила Бога за то, что благодаря ей он спас Орлеан; но слава принадлежала Богу, а не ей. Орлеан тоже был лишь первым этапом ее карьеры, о краткости которой она предупреждала своих друзей и о трагическом конце которой ее искреннее сердце, возможно, уже предчувствовало. "Вы должны использовать меня быстро, - говорила она, - ибо я продержусь всего один год". За этот короткий год ей предстояло многое успеть: долгое время она была вынуждена то отдыхать, то волноваться, пока робкие или корыстные советники удерживали дофина от удовлетворения ее просьбы разрешить ей немедленно выступить в поход на Реймс. Учитывая, что практически вся промежуточная страна находилась в руках англичан, такой поход казался крайним безрассудством. Это был бы слишком большой риск ради пустой церемонии посвящения дофина в Реймсе. Но для Жанны это посвящение было единственным, что требовалось для завершения ее участия в восстановлении Франции, единственным, на чем настаивали ее небесные покровители и в чем они обещали ей свою поддержку. Кроме того, англичане уже были деморализованы, охваченные страхом перед этой "ведьмой", для которой у них не было ничего, кроме слов презрения, только усугублявших их сердечный страх перед ней. Будь то ведьма или просто женщина, они боялись влияния этой Жанны на французское воображение; и, будучи чужаками в этой стране, они преувеличивали опасность внезапной волны национального чувства, которая выметет их из Франции, в то время как они видели недовольство со всех сторон. Всего этого французские капитаны, конечно, знать не могли; но они должны были понять, как важно использовать преимущество, полученное под Орлеаном, и использовать энтузиазм, разгоревшийся после событий в Ла-Пюселе, прежде чем он успеет остыть. Только после долгих препирательств и новых церковных дебатов об источниках ее вдохновения совет Жанны возобладал, и ей разрешили отправиться в Реймс.

Однако прежде чем это решение было принято, знамя Жанны увенчалось другими победами, и приближение к Реймсу стало менее опасным с военной точки зрения. Саффолк отступил к Жаржо на Луаре, и это место должно быть взято, прежде чем французы смогут продвинуться на север. Жанна возглавила штурм и едва избежала смерти от огромного камня, разбившего ее шлем. Тем не менее, Жаржо пал, а сам Саффолк оказался в числе пленных. Де Ришмон со своими бретонцами присоединился к войскам дофина, и они отправились на поиски второй

английской армии под командованием Тальбота и Фастольфа, расположившейся неизвестно где в Босе, который война превратила почти в пустыню. Пока французская армия осторожно продвигалась вперед по пустыне, авангард пустил в ход оленей, которые врезались прямо в английские ряды. Предупрежденные о своем присутствии криками английских солдат, французы смогли внезапно настигнуть их, и кровавая победа при Патае (18 июня) была одержана: две тысячи англичан остались на поле боя мертвыми, а Тальбот был взят в плен.

Энтузиазм ее сторонников уже невозможно было подавить; и хотя старые капитаны качали головами, дофин и двор были вынуждены уступить народному воодушевлению, требуя немедленной попытки достичь Реймса. Марш вокруг Парижа, через Осер, преградил путь только Труа, и его гарнизон, охваченный паникой, эвакуировался из города после демонстрации сопротивления. 9 июля Карл вошел в Труа, где, проявив характерный эгоизм, позволил бы англичанам уйти с пленными, если бы не вмешательство Жанны. Менее чем через неделю он с триумфом вошел в Реймс, а Жанна была рядом с ним. Мы хотели бы думать, что именно ее, а не дофина, которого она должна была сделать королем, народ встречал с ликованием. Народ мог бы толпиться вокруг нее, подносить своих младенцев, чтобы она благословила их, и умолять лишь прикоснуться к подолу ее одежды, ибо королей на земле будет много, пока есть только одна Жанна д'Арк. 17 июля Жанна стояла в соборе со своим благословенным знаменем, пока совершались древние церемонии освящения, и дофин, помазанный из священной ампулы, стал королем Франции по имени и по праву, пусть англичане провозглашают Генриха VI, как им заблагорассудится.

В том собрании знати и первосвященников Франции нашелся ли хоть один, кто отнесся к церемонии с такой бескорыстной чистотой сердца, как эта крестьянка из Лотарингии? Для кого-то это было просто праздное зрелище, придворная функция, похожая на другую; для кого-то - политическое событие, полное перспектив, от которого они сами могли надеяться на более или менее корыстные выгоды; для Жанны д'Арк это было священным исполнением того, что обещал ей Бог. Теперь ее задача была выполнена; с какой радостью она покинула бы эту сцену, не думая о мирском процветании, довольствуясь тем, что была Жанной ла Пюсель, через которую должна была быть спасена Франция, довольствуясь тем, что снова стала просто Жанной-пастушкой.

Когда корона была возложена на голову дофина, Жанна опустилась перед ним на колени и зарыдала, обняв его колени. "О нежный король, - сказала она, - теперь исполнилась воля Бога, которому было угодно, чтобы я сняла осаду Орлеана и привезла вас в ваш город Реймс для коронации и помазания, в доказательство того, что вы истинный король и законный владелец королевства Франция". Сама она считала свою миссию выполненной и просила короля разрешить ей вернуться в родной дом, "к отцу и матери, чтобы пасти для них овец, как это было в моем обычае". Но Жанна была слишком полезна, чтобы позволить ей удалиться, и, хотя она больше не слышала призыва своих божественных наставников, Карл настаивал на том, чтобы она осталась, чтобы помочь ему вернуть королевство; но "все, что должно было быть сделано, она уже сделала; оставалось только страдать".

Проезжая по улицам Реймса, она воскликнула: "О, почему я не могу умереть здесь!" "И где же вы умрете?" - спросил архиепископ. "Я не знаю; это будет там, где угодно Богу. Я сделал то, что повелел мне мой Господь. Теперь я хочу, чтобы Ему было угодно отправить меня обратно, чтобы я оставила своих овец с моей сестрой и моей матерью". Ее мужество было как никогда велико, храброе сердце не дрогнуло, но оно больше не вдохновляло. "Она начала слышать голоса, раздающиеся уже не с небес, а от очага, голоса, которые тщетно зовут удрученного человека, больного честолюбием и славой, в дом его первых привязанностей, к скромным

занятиям его детства, к безвестности его ранних дней". Прислушайся к этим голосам, Жанна, и больше не пытайся пробудить слабые отголоски твоих небесных голосов:

"Оракулы немы...

Ни ночной транс, ни заклинание

Вдохновляет бледноглазого священника из пророческой кельи".

Этот отрезок жизни Жанны всегда казался мне самым жалким: период, когда "Бог ее оставил", когда сердце предупреждало ее, что ее божественная задача выполнена, и когда это сердце жаждало сделать еще что-то для Франции. В час тяжелейшего испытания к ней пришла сила от мысли, что ее страдания - это воля Божья; но какова же теперь была воля Божья? Напрасно она молилась о наставлении; не было ничего, кроме робости и жажды покоя этого девичьего сердца, с одной стороны, и мольбы короля и придворных - с другой. Нельзя было ожидать, что Жанна, всегда готовая пожертвовать собой, поступит иначе, чем согласится по-прежнему быть, как она была в течение трех славных месяцев, вождем Франции, телесным представителем национального чувства. С вдохновением или без него, она могла служить.

Катастрофы следовали за катастрофами в ее краткой последующей карьере; но всегда она оставалась той же честной, надеющейся, чистой девушкой, стремившейся изо всех сил дисциплинировать свою армию, сдерживать жестокость своих солдат, добиться для дофина примирения с его кузеном Бургундским. Некоторые биографы отмечают или делают вид, что отмечают, плачевные перемены в ее характере в это время. Говорят, что она стала менее щепетильна в вопросах пролития крови, менее тщательно следила за соблюдением моральной и религиозной дисциплины среди своих последователей, а главное, стала менее мягкой и терпеливой в нравах. Но Жанне никогда не удавалось добиться абсолютного повиновения от солдат, которые были немногим лучше бандитов, и когда представление о ее святости стало исчезать по мере того, как мужчины видели ее в повседневной жизни лагеря и видели в ней простое человеческое существо, такое же слабое, как они сами, ее самая сильная власть над ними была ослаблена. Она никогда не была, с тех пор как приняла на себя миссию, просто изящной, кроткой, не сопротивляющейся героиней романа, образцом грации и красоты, ради которой рыцари рисковали своими жизнями, а она сидела рядом, улыбалась и перевязывала раны победителя после боя. Она непременно и с самого начала принимала активное участие в настоящих сражениях, не раз демонстрируя свою доблесть на поле боя. Через поколение после ее смерти, когда вся Франция стала считать ее мученицей, один священник свидетельствовал, что "она не использовала свой меч и никого не убивала"; но это свидетельство, конечно, расходится со всем, что мы знаем о реальном поведении Жанны в бою, и, кажется, достаточно опровергается ее собственным заявлением о том, что меч, который она использовала в Компьене, был "превосходным, как для рубки, так и для колющих ударов". Она сделала это заявление откровенно, не подозревая о его явном несоответствии с ее признаниями о божественной миссии. Мы не сомневаемся, что Жанна нанесла немало хороших ударов на полном серьезе, и не перестаем уважать ее за это. Мы должны даже не печалиться, а радоваться тому проявлению честного негодования против непокорных и безнравственных людей в ее лагере, когда она сломала свой меч Святой Екатерины над головой одного негодяя.

Город за городом распахивали свои ворота при виде белого знамени и Орлеанской девы, но Париж все еще оставался в руках англичан. Жанна не хотела идти на приступ Парижа; сердце ее не понимало, но она уступила воле короля. Последовавший за этим штурм (8 сентября 1429 года), в котором она вела себя с отчаянным, но безнадежным мужеством,

продолжая сражаться, несмотря на тяжелую рану, закончился катастрофическим отпором, французы понесли большие потери. Жанна, которая была против нападения, тем не менее, была признана ответственной за результат. Вера в нее была грубо поколеблена, и даже те придворные, которые превозносили ее, теперь говорили, что ее нечестивость - а они, конечно, имели право высказываться по этому поводу - была достойно обличена в этом поражении: разве она не решилась предпринять нападение в годовщину Рождества Богоматери? "Арманьяки, - говорится в дневнике одного благочестивого жителя Парижа, - были настолько исполнены нечестия и неверия, что, по слову некоего существа в облике женщины, которое они называли Ла Пюсель (что это могло быть, одному Богу известно!), они сговорились в годовщину Рождества Богоматери... напасть на Париж".

Жанна, совершенно удрученная поражением и наполовину веря, что заслужила этот упрек с небес, смирилась перед Богом и королем и отказалась от оружия, положив меч на алтарь Сен-Дени. Но, хотя Карл и хотел переложить на нее вину за неудачи, он не желал отказываться от ее услуг, если от них можно было еще что-то ожидать. Ее побудили снова взяться за оружие; но мы обойдем молчанием подробности ее последующей доблестной, но безнадежной службы и расскажем лишь о ее последнем подвиге.

Бургундцы, хотя их герцог уже находился в тайной переписке с Карлом, осадили Компьень. Жанне с небольшим отрядом удалось пробиться в город, и в тот же день (23 мая 1430 года) она возглавила вылазку, которая поначалу отбросила осаждающих. Однако бургундцы воспряли духом, и войска Жанны были отбиты обратно в город. Когда она сама, прикрывая тыл, повернулась, чтобы отогнать группу преследователей, чтобы ее войска могли безопасно добраться до ворот, она осталась одна, и разводной мост Компьеня поднялся, отрезав ее от спасения или бегства. Сдавайтесь, Жанна, на вас нет надежды, Франция устала от вас, ибо разве вы не сделали все, что Франция могла от вас ожидать? Жанна сама говорила, что не боится ничего, кроме предательства. Каковы бы ни были непосредственные мотивы тех, кто поднял разводной мост в Компьене, были ли они подкуплены бургундцами или просто раздражены тем, что героиня не совершила чуда, поступок был явным предательством, и жалкий маленький ров этого города стал непроходимой преградой, закрывшей Жанне д'Арк путь в ту Францию, которую она спасла.

Ее непосредственным похитителем стал лучник из Пикардии, который за определенную плату передал ее своему командиру Жану де Люксембургу. Эта ведьма, которая практически погубила английское дело во Франции, была отличным призом, и гордый, должно быть, был ее похититель: его пленница была восемнадцатилетней девушкой. Но разве она не попала в хорошие руки? Жан де Люксембург был не только членом одной из самых знатных семей Европы, но и рыцарем, лидером той великой рыцарской организации, чьим первым делом и гордостью была защита слабых, а также мягкость и учтивость по отношению к женщинам. Как замечает Мишле: "Это было тяжелое испытание для рыцарства того времени". Эпоха рыцарства уже прошла, хотя его имя было у всех на устах: рыцарство, даже если бы оно могло противостоять феноменальному прогрессу в состоянии низших слоев общества, - разве мы не говорили, что крестьянские братья Жанны были облагодетельствованы королевскими грамотами, - и изобретению огнестрельного оружия, которое стремилось уравнивать всех мужчин на поле боя, не могло противостоять разлагающему влиянию многолетней партизанской войны. Рыцарь потерял не только свое физическое превосходство на поле боя, но и нечто бесконечно более ценное - свои возвышенные идеалы. Рыцарские ордена продолжали создаваться, но это были забавы дилетантов в вопросах чести и древних обычаев. Более того, даже если бы рыцарство не утратило своего теоретического блеска, вполне возможно, что Жанна оказалась бы за гранью его защиты. Как прокаженного

сторонились, как еврейского ростовщика преследовали в средневековом обществе, так и ведьма была объявлена вне закона общественными настроениями; и именно как с ведьмой англичане решили поступить с освободительницей Орлеана.

Сначала Жанну заключили в лагерь в Марньи, близ Компьеня, а затем перевезли в замок Болье, близ Лоша, тот самый, откуда Агнес Сорель взяла свой титул дамы де Болье. Горничную снова перевезли в Бореуар, и приятно отметить доброе сочувствие, проявленное дамами из семьи Жана де Люксембурга, которые заботились о ее комфорте, снабжали ее женской одеждой и делали все, что подсказывала благотворительность, чтобы успокоить ее расстроенный ум. Но ничто не могло примирить Жанну с неволей; она чувствовала, что ей грозит опасность попасть в руки англичан, и жаждала возможности оказать помощь Компьеню. Во время одной из попыток побега она бросилась с высокой башни, хотя совесть предостерегала ее от греха самоуничтожения. Пострадав при падении, она не смогла совершить побег, и ее вынесли и выхаживали дамы Люксембурга.

Тем временем великие мира сего торговались о цене, которую следует заплатить за свою жертву, и Карл VII не предпринял никаких усилий, чтобы спасти ее. Жан де Люксембург продал ее Филиппу де Бургонь, и тот заключил сделку с английским представителем. Этот представитель обрушил на свою голову презрительные анафемы историков, как французских, так и английских; он также не заслужил самых суровых выражений, которые еще не придумали для выражения порицания. Пьер Кошон - удивительно, что мало кто задумывался о том, что само это имя наводит на мысль о мошенничестве, - был всего лишь отсидевшим свое священником, чья бесстыдная политика интриг уже сделала его епископом Бове и вскоре, как он горячо надеялся, принесет ему архиепископство Руана. Во исполнение своих честолюбивых замыслов он стал основательно англичанином и помыкал богатым кардиналом Винчестером; но хотя Винчестер выдвинул его на архиепископство, ни папа, ни соборный капитул Руана не согласились принять его в архиепископы. Кошон, как епископ Бове, претендовал на право судить еретическую колдунью, захваченную на границах епархии. В том же документе, в котором он выдвинул это требование, он от имени англичан предложил выкупить свою жертву. За Жанну был предложен королевский выкуп, десять тысяч ливров золотом, и поскольку отказ означал бы не только потерю этой суммы, но и утрату английской дружбы, герцог Бургундский продал свою пленницу, которая была передана церковным властям и английской стороне в ноябре 1430 года.

При существовавших тогда варварских обычаях англичанам не составило бы труда предать ее смерти по военному закону; неприкосновенность военнопленных отнюдь не была устоявшимся принципом среди народов. Но одной смерти Ла Пюсель было недостаточно; сначала ее нужно было дискредитировать в глазах всего мира; нужно было доказать, что посвящение Карла VII было совершено с помощью человека, осужденного законами Бога и Церкви, что на самом деле это посвящение было лишь нечестивой насмешкой над религиозными обрядами, поскольку колдунья привела его к алтарю. По этой причине было решено отдать Жанну на милость церковных судов. Кошон был ректором Парижского университета и мог заручиться согласием этого органа на все, что казалось ему целесообразным; представитель инквизиции, который, казалось, был решительно против того, чтобы иметь какое-либо отношение к этому делу, был также покорен Кошоном и английским кардиналом. Оставалось только учредить суд и представить обвиняемых на суд.

Местом суда должен был стать Руан, и здесь Кошон начал свои действия в начале января 1431 года. Обвинение против Жанны должно было заключаться в колдовстве; но острые и пунктуальные нормандские юристы нашли столько изъянов в ничтожных обвинениях и в документах, представленных в их поддержку, что Кошон был вынужден изменить свое

намерение и заменил обвинение ересью. Именно под этим абсурдным обвинением 21 февраля благочестивая Жанна предстала перед своими судьями. В течение нескольких месяцев ее держали в тесном заключении, надели на нее кандалы и держали под присмотром мужчин. Крепкая девушка потеряла много сил, что, собственно, и было целью ее похитителей. Но хотя тело ослабло, дух остался непоколебим, и Жанна встретила обвиняющих судей, которые, как она знала, уже решили ее погубить, с той же твердостью и практической проницательностью, которые отличали ее при первой встрече с теми, кто пытался запутать ее в тонкостях метафизики и теологии. О метафизике и теологии она не знала даже названий, но у нее была ясная голова и глубокое понимание основополагающих принципов справедливости и веры. Пока хватало ее физических сил, самые ловкие и вкрадчивые расспросы обвинения не могли заманить ее в ловушку компрометирующих ответов. Адвоката у подсудимой не было; в поединке с судьями, которые одновременно были и обвинителями, ее должна была защищать собственная смекалка.

Когда коварный Кошон посоветовал ей отвечать правдиво, без уклонений и ухищрений на все вопросы, она сразу же пресекла этот шаг: "Я не знаю, о чем вы хотите меня спросить; вы можете спросить меня о том, чего я вам не скажу". Она сказала, что будет говорить правду обо всем, и всю правду, кроме того, что касается ее короля или ее видений. Только когда она предстала перед ними в третий раз, измученная их настойчивостью и нарастающими ужасами заточения, она изменила свое решение и согласилась рассказать то, что знала, но не все, что знала, и безоговорочно отвечать по вопросам веры. Она никогда не согласилась бы свидетельствовать против себя по тем пунктам, которые, как она видела, они хотели установить: "Даже в устах детей принято говорить, что людей часто вешают за то, что они говорят правду". Жалуясь на то, что ей тяжело находиться в кандалах, она сказала, что это потому, что она пыталась бежать. "Это правда, и это позволительно любому заключенному". На просьбу повторить те божественно искренние и простые молитвы, которые составляли главную часть веры, усвоенной ею еще в детстве, она заявила, что вполне готова повторить молитву "Отче наш" и "Аве Мария", если епископ Кошон сначала выслушает ее на исповеди, от чего он отказался.

На протяжении всего утомительного, душераздирающего процесса, продолжавшегося в разных формах - то перед всем судом, то в ее тюрьме, то на частных допросах, - с конца февраля до конца мая, в ее ответах преобладали все те же твердость и осторожность. Она свободно рассказывала им о своих видениях, ибо теперь святые вернулись к ней и вдохновляли ее, как она говорила, на смелые ответы. Если она пришла от Бога, спросили они, считает ли она себя находящейся в состоянии благодати, неспособной совершить смертный грех? "Если я не нахожусь в состоянии благодати, - ответила она, - пусть Богу будет угодно принять меня в него; если же я нахожусь, пусть Богу будет угодно сохранить меня в нем". Ни один из присутствовавших богословов не смог бы придумать ответ более ортодоксальный, более истинно христианский по духу или более обескураживающий казуистов. По этому случаю судьи были поражены, и очень благоразумно отложили заседание на этот день. Не стесняясь никакой подлости, один из ее гонителей спросил, являлся ли ей Святой Михаил обнаженным? Она ответила ему в том же духе и почти теми же словами Писания, как мы узнаем из записи: "Не понимая гнусной инсинуации, Джоанна, чья бедность наводила на мысль о том, что причиной отказа может быть *дороговизна* подходящих одежд, спросила их, неужели они думают, что Бог, одевающий цветы долин, не может найти одежду для своих слуг". Снова и снова ей задавали вопросы, отвечая на которые, будь у нее хоть малейшее подозрение в самозванстве, она была бы склонна

претендовать на большие полномочия, чем имела: "Ненавидят ли святая Екатерина и святая Маргарита англичан?" "Они любят то, что любит наш Господь, и ненавидят то, что Он ненавидит".

Доказательств ее вины, в юридическом смысле, не было, и это признавали даже юристы Руана; но из ее собственных ответов служители Бога Правосудия смогли, после нескольких месяцев плутовства, вымучить доказательства, достаточные для того, чтобы осудить ее в своих собственных глазах. Когда волк в басне Эзопа ищет предлог, чтобы сожрать ягненка, мы с самого начала знаем, что этот предлог будет найден: "Ты запрудил ручей", - кричит волк, поднимая голову от питья. "Нет, господин хороший, я ниже по течению, чем ты". "Если это был не ты, то кто-то из твоей семьи". Для этого агнца Франции не было никакой надежды. "Никогда от основания земли, - говорит де Квинси, - не было такого испытания, как это, если бы оно было открыто во всей красоте защиты и во всей адской сущности нападения. О, дитя Франции! Пастушка, крестьянка! Попираемая ногами всех окружающих, как я чту твой молниеносный ум, быстрый, как Божья молния, и верный, как Божья молния, в своей цели,... сбивающий с толку злобу ловеласа и заставляющий умолкнуть оракулы лжи!... "Не хотите ли вы допросить меня как свидетеля против меня самой?" - вот вопрос, которым она много раз бросала вызов их искусствам. Она постоянно, что их допросы не имеют отношения ни к одному делу, рассматриваемому судом, ни к нелепым обвинениям против нее".

В разгар разбирательства, около Вербного воскресенья, бедная девушка заболела, и возникло опасение, что смертью она сможет избежать примерного наказания, которое ей готовили против ожидаемого приговора. Возможно, ее болезнь была главным образом умственным и нервным истощением, которому способствовало то, что для нее было одним из самых тяжелых испытаний - тоска по дому. Именно такое впечатление оставили в памяти Ламартин и Мишле, а также де Квинси: "Деревенская девушка, родившаяся на опушке леса и жившая под открытым небом, она была вынуждена провести это прекрасное Вербное воскресенье в глубине подземелья". Во время всеобщего пасхального ликования, когда колокола руанских шпилей возвещали радостную весть о всеобщем спасении, об избавлении от боли и печали, в замковой темнице лежала крестьянская девушка, больная телом и душой, мечтавшая о свежих зеленых полях и лесах, только-только начинающих распускать свои нежные листья, слышавшая колокола своей далекой церкви в Домреми и домашний разговор старых друзей, проходящих мимо по дороге в эту церковь. Утром она просыпалась от звона колоколов, и в это святое утро, как и во многие другие на протяжении многих томительных недель, на ее конечностях были двойные цепи, прикрепленные к поперечной балке у изножья ее грубой кровати. А в комнате, следя за каждым ее движением и мучая ее грубыми насмешками или пугая еще более жестокими угрозами, находились четыре или пять солдат, и ни одной женщины рядом, чтобы удовлетворить ее потребности или защитить ее скромность. При таких пытках, да еще и с добавлением душевных мук в виде почти ежедневных перекрестных допросов, цель которых заключалась в том, чтобы загнать ее в пасть смерти, стоит ли удивляться, что Жанна была больна, почти доведена до иступления отчаяния? И все же это несчастное создание, даже столкнувшись с угрозой реальных пыток, ни разу не сделало признания, которое могло бы серьезно противоречить простому заявлению о своей вере и миссии, которое она добровольно сделала в самом начале. Отказавшись от своих слов, она тем не менее подтвердила свою готовность подчиниться авторитету Церкви. Это было все, чего удалось добиться Кошону после более чем двухмесячного труда. Для того, чтобы придать достоинство так называемому формальному отречению, была устроена театрализованная церемония. На кладбище Сент-Уан были воздвигнуты два эшафота. На одном сидели кардинал Винчестер, Кошон и другие высокопоставленные лица. На другом, прикованный по рукам и ногам и привязанный за

талию к столбу, окруженный канцеляристами, которые могли записать любое случайное слово, и служителями пыток с их страшными орудиями, стоял несчастный ребенок, которого вытащили из тюрьмы. После утомительной и нечестивой речи известного проповедника, чьи лживые заявления она не могла слушать молча, Жанна согласилась подписать отречение, которое не влияло на действительность ее притязаний. Когда нотариус поднес перо к ее неопытным пальцам, она улыбнулась и слегка покраснела от своего невежества и неловкости. Она начертила на пергаменте круг в указанном месте, а затем, направляя руку нотариуса, поставила крест внутри круга. Затем Церковь приняла ее в свою *благодать*, и ей был зачитан приговор: заточение до конца жизни, "на хлебе скорби и воде мучений".

И вот, принятая в милость Церкви, она была отведена обратно в свою тюрьму. В разгар этой жестокой сцены отраднее слышать, как некоторые выражают сострадание и умоляют ее подписать отречение, чтобы спастись, хотя есть и те, кто громко кричит: "Пусть ее сожгут!". Проверкой ее искренности в новом покаянии должна была стать готовность носить одежду, подобающую ее полу. Она цеплялась за мужской наряд как за лучшую и единственную защиту своей чести, которой постоянно угрожали ее хранители и на которую даже покушался, как нам рассказывают, один жестокий рыцарь. Полагаясь на добрую волю своих церковных попечителей, Жанна согласилась надеть женскую одежду, которую они ей дали. Но Кошон не собирался позволить ей избежать последнего наказания. Его судьи заверили англичан, которые жаловались, что Жанну все-таки не сожгут: "Не бойтесь, скоро она снова будет у нас".

24 мая она подписала акт о покорности и отложила запрещенный церковью костюм. Утром 27-го, когда она захотела встать и одеться, стража забрала у нее одежду, оставив только старое запретное одеяние. Она стала просить и сначала отказывалась вставать, но, будучи вынужденной, надела мужскую одежду. Волк нашел хороший и достаточный предлог, чтобы съесть ягненка; формально можно считать, что Жанна оступилась и в старом платье вернулась к прежним порокам, порицаемым Святой Церковью.

Судьи были немедленно извещены о непослушании Жанны, и Кошон радовался, что "ее поймали". На следующий день, в понедельник после Троицы, он вернулся, чтобы допросить заключенную по поводу смены платья. К ней вернулось мужество, когда она поняла, что с ней поступили несправедливо и хотели найти предлог для ее уничтожения. Она не стала оправдываться тем, что снова надела воинское одеяние, и не согласилась вернуться к тому, что предписано обычаем для ее пола. По ее словам, пока ее охраняют мужчины, ей лучше и безопаснее быть одетой как мужчина; если ее поместят в безопасную и подходящую тюрьму, она подчинится любому постановлению Церкви. Но Кошон знал, что его английские друзья считают ее смерть необходимой, и был полон решимости не дать ей такой возможности. Во вторник был спешно создан новый трибунал, чтобы вынести решение по поводу прискорбного рецидива заблуждения той, для которой, чтобы уберечь ее от смерти, Церковь сделала все, что от нее зависело. Нет нужды говорить о том, что этот трибунал, представляющий собой лишь насмешку над судом, на основании представленных доказательств постановил, что Жанна виновна в роковом неповиновении Церкви и что она должна претерпеть смерть как еретичка. От вынесения приговора до его исполнения оставался один шаг, так как хозяева Кошона уже были нетерпеливы из-за долгой задержки.

На следующее утро к Жанне послали священника, чтобы уведомить ее о приговоре. Внезапный прилив чувств, наполовину страх, наполовину возмущение, на мгновение подавил мужество девушки. Она горько заплакала, когда ей сказали, что она должна готовиться к смерти от огня в тот же день: "Увы! Неужели со мной будут обращаться так жестоко и ужасно! Неужели мое тело, чистое от рождения, никогда не испорченное и не

запятнанное грехом, должно быть в этот день поглощено и превращено в пепел! О, о! Я предпочел бы быть обезглавленным семь раз, чем сгореть на этом мудреце..... О! Я взываю к Богу, великому Судье всех, за причиненные мне зло и обиды!" И тогда эта еретичка, эта колдунья попросила, чтобы ей позволили исповедаться и принять причастие, этот святой символ всеобщего братства последователей Христа. Кошон не стал, а может быть, и не посмел отказать ей в этом; но он хотел лишить церемонию части ее пышности. Когда Евхаристия была принесена ему без облатки и без светильников, мужественный монах Мартен л'Адвеню отказался совершать ее таким образом и послал жалобу в собор; тогда глава, всегда готовый разжалобить Кошона, прислал эскорт священников и аколитов, которые, проходя по улицам, распевали литании и призывали коленопреклоненных людей молиться за Жанну.

К девяти часам жертва приняла причастие, была облачена в женское одеяние и уложена в повозку, готовую отправиться к месту казни. Брат Мартин и милосердный остинский монах Изамбарт сопровождали ее в этом страшном путешествии на телеге по улицам Руана к старому рыбному рынку. Если бы в толпе и были какие-то проявления сочувствия, то стражи из восьмисот английских солдат хватило бы, чтобы подавить их; и Жанна, которая уже потеряла надежду на избавление, на помощь своего короля, своих божественных покровителей, только и слышала, что восклицала: "Руан, Руан! Неужели я должна умереть здесь?" На рыночной площади были воздвигнуты два помоста: один для кардинала и сановников, другой - для узницы, байи, судей и проповедника, который должен был усилить горечь смерти, рассказывая о ее вине. Но что это за возвышенные подмостки из дерева и штукатурки, стоящие в стороне? Это алтарь, на котором должна быть принесена жертва, воздвигнутый высоко, чтобы все могли видеть мучения невинной девы, пока пламя быстро поднимается по его хрупкой массе. Началась проповедь, красноречивый магистр Николас Милди превзошел самого себя, прочитав текст: "Когда больна одна конечность Церкви, больна вся Церковь". После него выступил этот жалкий инструмент, епископ Бове, который увещевал Жанну покаяться и простить своих врагов. В этом не было особой нужды, поскольку Жанна стояла на коленях и молилась так смиренно, так искренне, так жалостливо, что все были тронуты до слез, а она просила священников помолиться за ее душу и отслужить за нее мессу. Затем Кошон, несмотря на слезы, зачитал ей акт осуждения, заключив: "Итак, мы объявляем вас гнилой конечностью, и как таковая вы должны быть отсечены от Церкви. Мы предаем тебя светской власти, *моля ее в то же время смягчить свой приговор и избавить тебя от смерти* и калечения твоих членов". Неприкрытое лицемерие этой рекомендации к милосердию, когда костер уже был воздвигнут на глазах у всех, можно было превзойти только дьявольской фикцией церковного права, применяемого инквизицией, а именно тем, что Святая Церковь не приводила в исполнение смертный приговор, а просто передавала свою жертву "светской руке".

И вот теперь Жанна, больше не находящаяся под милосердной защитой Церкви, была передана гражданским властям и проведена к вершине костра. Она попросила крест; сердобольный англичанин подал ей две палки, из которых он наскоро смастерил грубый крест, и Жанна поцеловала эту простую эмблему и положила ее себе на грудь. Но Изамбарт принес для нее распятие с самого алтаря соседней церкви Сен-Совер, и она страстно поцеловала его, желая, чтобы он держал его над головой, где она могла бы видеть его до последнего, пока дым и пламя поднимаются вверх. Изамбарт взошел с ней на сваю, и палач прикрепил ее тело к столбу в центре. Пристально вглядываясь в образ Того, Кто умер за мир, она, возможно, не обратила внимания на лежащую над ее головой табличку: "Еретик, рецидивист, отступник, идолопоклонник". В этот час тяжелейшего испытания ни один момент роковой слабости не лишил ее абсолютного восхищения. Она не произнесла ни

слова заслуженного упрека в адрес своих грубых палачей, солдат, которые волокли ее по рыночной площади, несчастного Карла, ради которого она терпела все эти мучения и который бросил ее. "Хорошо ли я поступила или плохо, мой король не виноват; не он мне советовал". Даже жалкий Кошон, прильнувший к подножию сваи, чтобы уловить ее последние слова, был встречен не более горько, чем: "Епископ! Епископ! Я умираю через вас!... Если бы вы заключили меня в церковные тюрьмы, этого бы не случилось".

Пока добрый монах стоит рядом с ней, вливая в святое ухо слова утешения и надежды, какие только может подсказать вера, палач подносит факел, и Жанна видит, как пламя вздымается вверх. "Иисус!" - кричит она, а затем увещевает монаха: "Лети, отец! И когда пламя охватит меня, держи распятие, чтобы я могла видеть его, когда умру, и повторяй за мной твои святые слова до самого конца". В этот час она думала не о себе, а о других: кто усомнится в ее мужестве или скажет, что она не умела умереть так же благородно, как жила? В первом приступе боли, когда пламя коснулось ее тела, она вскрикнула. После этого до ушей тех, кто стоял у подножия кучи, доносилось лишь несколько отрывистых фраз: то обращение к святым, которые наставляли ее, то отчаянный крик муки, которую невозможно было подавить. А затем в свете разгорающегося пламени они увидели, как ее голова упала на грудь, и она застонала: "Иисус!"

Голос, пробудивший Францию от летаргии, затих навсегда; великий дух Жанны д'Арк отправился к Богу, откуда он пришел. Будем ли мы стоять у дымящегося костра, пока последние угли не станут серыми и холодными, пока Винчестер не прикажет смахнуть в Сену горстку оставшегося пепла? Или мы отвернемся, больные ужасом, полные напрасного сожаления о содеянном, как многие в той плотной толпе ее врагов? "Мы сожгли святую!" - кричит один. "Я видел, как из ее уст вылетел голубь и взмахнул крыльями, устремляясь в небо!" - говорит другой.

Те, кто является действующими лицами тех событий, которые мир привык называть великими историческими кризисами, редко осознают масштаб событий, непосредственными свидетелями которых они являются. Несмотря на суеверный ужас немногих и жалость многих, вероятно, ни один человек в огромной толпе, спешившей прочь от места мученической смерти Жанны д'Арк, не осознавал, что она была мученицей или что дело, за которое она погибла, было близко к своему часу триумфа. Они боялись лишь той, кого считали благосклонной союзницей сил зла; они жалели ту, кого считали простой девушкой и чьи страдания оплакивали так, как оплакивали бы страдания собственных дочерей или сестер. Как жаль, что такая юная, такая нежная, такая невинная в мирских делах девушка должна была принять эту жестокую смерть! В конце концов, "это и есть самое настоящее сострадание, проявленное по справедливости, без различия лиц и званий, без размышлений о том, кто страдает - раскаявшийся разбойник или Божественный Учитель на кресте, безымянная женщина, взятая в прелюбодеянии, или эта девушка из Лотарингии, которая должна была быть признана величайшей женщиной в истории Франции". Однако для нас знание о том, что бессердечные политические интриганы замучили до смерти женщину, становится гораздо более важным, когда мы узнаем, что этой женщиной была Жанна д'Арк, и наше негодование против ее преследователей усиливается пропорционально нашей оценке величия и доброты героини.

В ходе нашего повествования мы время от времени приводили оценки характера Жанны д'Арк; возможно, сейчас, когда ее стремительная карьера завершилась в пламени руанского рынка, будет не лишним еще раз рассмотреть характер этой героини в его основных чертах. Результаты ее деятельности в истории Франции, хотя и не во всех случаях сразу очевидные, были столь чудесны, что наше суждение вполне может оказаться необоснованным. С одной

стороны, желая подчеркнуть необычность ее деяний, мы можем обесценить реальные способности Жанны; с другой стороны, слава деяний может ослепить нас недостатками женщины.

В свое время, и особенно после ее смерти, ее современники во Франции начали считать ее святой, и вскоре вырос настоящий культ Жанны д'Арк, обрамляющий простые факты ее истории бесконечными и фантастическими арабесками легенды. Карл VII, бросивший женщину в трудную минуту, не сделавший ни малейшего усилия, чтобы помочь вождю, которому он был обязан своей короной, с большой энергией и энтузиазмом включился в культ святой. Именно благодаря его инициативе в 1455 году папа Каликст III отдал приказ о пересмотре дела Жанны. В лучшем случае это была холодная и запоздалая благодарность со стороны Карла, эта реабилитация памяти девушки, которую он использовал, а затем бросил, когда она перестала быть полезной; но мы должны по справедливости сказать, что он всячески способствовал расследованию фактов эпизода своей жизни, к которому он, должно быть, относился теперь с острым сожалением и стыдом, еще более острым, поскольку слава потерянной героини предстала в полном свете. В ходе этого исчерпывающего расследования карьеры Жанны д'Арк были допрошены свидетели из дальних и ближних мест и спасены от забвения документы, и в конце восьмимесячного разбирательства новый суд, имея перед собой массу свидетельств, заполняющих тома, отменил предвзятое решение суда Руана, оправдал героиню по выдвинутым против нее ложным обвинениям и не только оправдал ее честь, но и положительно отзывался о ее претензиях на святость. В народном воображении Жанна уже была канонизирована, и хотя официальная санкция Рима еще долго не была получена, в сердцах всей Франции она пользовалась почитанием, гораздо более ценным, чем то, которое когда-либо оказывалось святым.

Жанна д'Арк не считала себя святой и не была свободна от человеческих недостатков характера и поведения, которые плохо сочетаются со святостью. Ее вспышки здорового гнева, одну или две из которых мы уже отметили, свидетельствуют о том, что она была именно такой, какой и была, - не терпеливой мученицей, а сильной, здоровой женщиной, нормальной во многих вещах и наделенной большим практическим смыслом, несмотря на свои видения. Именно этот факт в жизни Жанны позволил ее врагам ухватиться за проявления ее сходства с другими женщинами ее класса и времени и нарисовать Жанну как обычную, грубую, нескромную женщину. В отвратительной Жанне из шекспировского *"Генриха VI"* (если это он) и в бесстыдной распутнице из *"Орлеанской герцогини"* Вольтера есть только та доля правды, что настоящая Жанна была крестьянкой и во всем, что не связано напрямую с ее великими деяниями, говорила и поступала так, как поступала и говорила бы представительница ее класса, с гораздо большей свободой, чем это было бы совместимо со скромностью в более культурном обществе. Мы не хотим сказать, что эти попытки опорочить Жанну д'Арк имеют хоть какое-то оправдание или оправдание; осуждать ее как обычную вираго за то, что она иногда произносила свои команды, слишком мало заботясь о приличиях в речи, - все равно что осуждать Вашингтона за то, что он мог и иногда приносил хорошую круглую клятву. Но правильная защита Жанны д'Арк от Шекспира и Вольтера заключается не в том, чтобы очернить их или затушевать человеческую сторону ее характера и возвысить ее до чего-то совершенно безупречного и божественного, до чего-то "слишком светлого и хорошего для повседневной пищи человеческой природы".

С поэтическими восхвалениями биографов или без них, но Жанна д'Арк заслужила свое место одной из самых замечательных фигур в мировой истории. Несмотря на человеческие недостатки, она - "единственная чистая фигура, восставшая из жадности, похоти, эгоизма и

неверия того времени". Как можно завершить наш очерк лучше, чем словами великого англичанина, который в некоторых вещах сам был пророком божественного энтузиазма? В своем комментарии к шиллеровской *"Юнгфрау фон Орлеан"* Карлайл говорит: "Чувства, столь глубокие и искренние, как у нее, никогда не могут быть предметом насмешек: тот, кто преследует какую-либо цель с такой горячей преданностью, вправе пробуждать в сердцах других эмоции, по крайней мере серьезного рода. В разные эпохи энтузиазм принимает разные формы: он всегда в той или иной степени возвышен, но часто опасен; сама его суть - склонность к ошибкам и преувеличениям; и все же это основное качество сильных душ, истинное благородство крови, в котором зарождается величие мысли или поступка. Quicquid vult valde vult - первая и самая надежная проверка умственных способностей. Эта крестьянская девушка, которая чувствовала в себе такую пламенную решимость, что могла подчинять своей воле умы королей и капитанов и вести армии в бой, завоевывая, пока ее страна не была очищена от захватчиков, несомненно, должна была обладать элементами величественного характера..... Жанна д'Арк, должно быть, была созданием теневых, но далеких мечтаний, невыразимых чувств, "мыслей, блуждающих в вечности". Кто может рассказать об испытаниях и триумфах, великолепии и ужасах, в которых участвовал ее простой дух!... Она совершала ошибки, но ошибки, которые могла совершить только щедрая душа, и которые щедрые души скорее бы простили. Ее темнота и заблуждения были только постигающими; но они делают сияние ее сердца более трогательным и очевидным, как облака, позолоченные восточным светом, превращаются в нечто более прекрасное, чем сама лазурь".

Велика, чиста и благородна была твоя вера, Орлеанская дева! И воистину она творила чудеса, ибо твое храброе и стойкое сердце прозревало, что должно быть сделано, и не дрогнуло на пути. И все же, преклоняясь перед тобой как перед святой, будем любить тебя как простую девушку, "Жеанну из прекрасной Лотарингии"!

"Berthe au grand pied, Bietris, Allys

Harembourges, qui tint le Mayne,

Et Jehanne la bonne Lorraine

Qu'Anglois brulèrent à Rouen:

Où sont-ils, Vierge Souveraine?

Mais où sont les neiges d'antan?"

ГЛАВА XIV

ВОЗВЫШЕНИЕ МОНАРХИИ

ИСТОРИКИ, склонные к точности, стремятся найти даты не только королей и королев, битв и договоров, но и тех великих изменений в нравах и морали человечества, которые начинаются бессознательно, происходят в тишине и предстают перед историком как

свершившиеся революции, прежде чем он успевает осознать, что происходит нечто важное. Подобная революция произошла во всем христианстве в XV веке; ее результаты настолько поразительны, настолько обескураживают своей масштабностью и бесконечной разветвленностью, что мы прибегаем к образному выражению и называем это движение Ренессансом, Возрождением образования. Это действительно новое рождение, новая жизнь, более новая и более удивительная, чем простое возвращение к знаниям древних; но закваска в разлагающейся массе феодализма действовала медленно и достигла полной силы лишь спустя долгое время после периода, который должен стать пределом этой книги; Поэтому мы можем лишь отметить некоторые существенные факты в том могучем процессе, который должен был превратить феодальную даму замка во владычицу двора и блестящего литературного салона, заменить Екатерину Медичи, или Маргариту Наваррскую, или мадам де Ла Файетт на Элеонору Гиеннскую, Махо д'Артуа или Кристину де Пизан. Насколько можно судить, эпоха феодализма заканчивается в XV веке; но душа старой цивилизации незаметно покидает свое тело и входит в тело новой: она "тает и не шумит".

"Как добродетельные люди мягко уходят,

И шепчут своим душам, чтобы они уходили,

В то время как некоторые из их печальных друзей говорят

Теперь его дыхание проходит, а некоторые говорят "нет"."

Сама Жанна д'Арк, как мы уже говорили в предыдущей главе, не была порождением рыцарства, не нашла рыцарства, которое бы ее защитило. Старое уже в ее время уступало место новому; ведь в течение пятнадцатого века феодализм, как и рыцарство, шел к своей гибели во Франции и почти во всей Европе. Во Франции гражданские войны не только деморализовали рыцарство, но и разорвали интимные узы, которые привязывали феодала и его семью к земле их вотчины почти так же крепко, как злодея. Некоторые семьи были полностью уничтожены, другие искали новые земли и находили их в частях страны, далеко отстоящих от их древних владений. При всей своей теоретически произвольной власти старый барон, выросший среди крестьян, которыми ему предстояло управлять, чувствовал определенное родство с ними и часто проявлял заботу об их освященных временем обычаях и привилегиях, отказываясь в их пользу от того, что предлагал произвол деспотизма или каприз. Новые дворяне не были связаны такими узами со своими новыми вассалами; власть феодала над своими вассалами была ослаблена, как и их влияние на него. Многие новые семьи заняли видное положение, и короли больше не решались облагодетельствовать парвеню - верный признак того, что солидарность древнего дворянства земли нарушена. Это произошло во Франции к моменту восшествия на престол великого Людовика XI, не прошло и поколения после Жанны д'Арк, и тот же процесс происходил в Англии во время Войны Роз. Людовик был решительным врагом феодализма, который он хотел полностью искоренить. Многое ему удалось искоренить, еще больше он сделал бы, если бы остался жив.

Среди этого поколения борьбы между королем и колеблющимися остатками феодализма есть два или три случая, в которых женщины и мужчины среднего класса заслуживают упоминания. Прежде чем мы расскажем о короткой и печальной карьере последней представительницы великого Бургундского дома, Мари, дочери Карла Немерийского, мы можем взглянуть на простую историю женщины, которая защищала Бове от этого самого Карла.

Опасность со стороны Англии миновала; больше не было нужды в Жанне д'Арк, чтобы изгнать наглых *Годдемов*; но у Франции появился новый враг в лице великого герцога Бургундского, которого современная история назвала Карлом Смелым, более правильно - Карлом Безрассудным, или, как его впервые называли современники, Грозным, "этим диким быком в короне, этим кабаном, который мчится прямо вперед, закрыв глаза". Весной 1472 года, пока Людовик XI пытался подчинить себе мятежного герцога Бретани, Карл Безрассудный, нетерпеливый к хитроумной дипломатии, которая мешала ему, объявил войну Франции и сразу же отправился в Пикардию с огромной армией, опустошая и сжигая все на своем пути. Людовик, не желая отвлекаться от покушения на герцога Бретани, которого он крепко держал в своих руках, смог выделить немного войск и отдал приказ оставить небольшие города и сосредоточить сопротивление в крупных городах. Отважный городок Несле первым оказал решительное, но безнадежное сопротивление разъяренным бургундцам: Несле был взят штурмом, его защитники были преданы мечу или изуродованы отрубанием правых рук. Сама церковь была залита кровью, когда Карл въехал в нее верхом, одобряя зверскую расправу своих солдат над жителями.

Следующим важным пунктом на его пути был Бове, и ужасные новости о резне и сожжении в Несле были достаточны, чтобы вселить ужас в его жителей. Однако эти честные граждане, пользовавшиеся либеральными хартиями Франции, были движимы духом патриотизма, что является лучшим свидетельством справедливого отношения к ним со стороны неуловимого Людовика. Укрепления города были старыми и не могли противостоять мощной артиллерии, которую Карл вез с собой, даже если бы они были в хорошем состоянии; как и прежде, они разрушались. И даже если бы их стены были хорошими и крепкими, у горожан не было ни гарнизона, который мог бы помочь им защитить город, ни военного снаряжения. На общем собрании горожан обсуждался вопрос об абсолютной покорности или о сопротивлении, которое, после судьбы Несле, по их мнению, должно быть до победного конца. Все единодушно высказались за сопротивление; они выполняют свой долг и будут держаться за короля, хотя под руинами погибнет последний человек. Сразу же начали ремонтировать стены, закрывать ворота и постеры, баррикадировать улицы.

27 июня колокол великого собора протрубил набат: бургундская армия была на виду. И против этой огромной армии дисциплинированных солдат должны были выступить добровольные защитники города. Штурм начался сразу же, после того как бургундский глашатай возвестил городу: "Именем герцога я призываю капитана и жителей города смиренно подчиниться его воле".

На стенах горожане нагромодили камни, чтобы обрушить их на нападавших, а на их головы выливали горшки с горячим маслом и горячей водой. Первыми в этой работе были женщины города, в то время как мужчины могли свободно использовать свои арбалеты, аркебузы и топоры. В этой группе героических женщин выделяется одна фигура - молодая девушка восемнадцати лет, которая становится во главе, собирает своих товарищей и выгоняет из домов робких девиц и матрон, призывая их нести камни на валы, если они больше не будут этого делать.

Как и великую спасительницу Франции, эту девушку зовут Жанна; как и она, она низкого происхождения, добрая, честная девушка из народа. Жанна Лисне, дочь простого ремесленника Матье Лисне, родилась около 1454 года в Бове. Она была чесальщицей шерсти, привыкла сама зарабатывать себе на хлеб, а потому была полна энергии и мужества, рожденных независимостью, еще не сломленной годами сурового труда. К тому же она была красива, что, пожалуй, является обязательным условием для той, кто заслужит неограниченную похвалу историков галантного рода. Красивая или нет, Жанна была

Деборой своего класса, одушевленной той горячей любовью к дому, к *родине*, которая присуща каждой хорошей женщине и которая порой сильнее всего проявляется у тех, кому приходится благодарить *родину* за отсутствие благосклонности судьбы. Никакие небесные духи не направляли ее, никакие пророчества не исходили от нее; ее единственным вдохновением было мужество и решимость помочь в обороне Бове. Ей было бы так легко взять на себя роль Жанны д'Арк; она могла бы даже притвориться ожившей Ла Пюсель, как это сделали несколько самозванок, недавно завоевавших временный авторитет, в частности, одна из них, которую привели к Карлу VII, она притворилась, что узнала его по божественному вдохновению, и призналась в своем самозванстве только тогда, когда король принял ее с чистой совестью и упомянул о "тайне между мной и тобой". К чести этой новой Жанны, она не делала никаких ложных притязаний, а просто служила своему родному городу и прожила свою жизнь как та Жанна, которую все знали и уважали.

О ее поступках во время осады не стоит рассказывать подробно, хотя именно ее дух и энергия обеспечили сотрудничество с другими женщинами. Сначала она и ее отряд амазонок помогали мужчинам так эффективно, что бургундцы были отбиты с большими потерями. Но Карл был намерен взять город штурмом. День за днем его солдат побуждали к атаке, и все равно они видели, как женщины города сражаются против них, и их отгоняли от стен, которые артиллерия, испытывая недостаток боеприпасов, не могла пробить. Они вынесли одни из ворот; Жанна и ее соратники обстреляли их, и огонь полыхал так яростно, что на неделю подступы с той стороны были отрезаны.

9 июля, пишет каноник Бове Жан де Боннэй, "бургундцы начали штурм ворот Отель-Дье и Бресле, во время которого женщины несли (вокруг стен) тело святого Агадресма, покровителя Бове". Но отразить этот штурм удалось не благодаря чудесному вмешательству святой Агадресмы; город спасла Жанна Лайсне, теперь уже под фамилией Гашетт, от топора, которым она орудовала. "Не следует забывать, - продолжает летописец, - что во время этого штурма, когда бургундцы устанавливали лестницы и взбирались на стены, одна из женщин Бове, которую звали Жанна Лисне, без посторонней помощи и оружия схватила и отобрала у одного из бургундцев штандарт, который он нес, и отнесла его в церковь якобинцев, где находилось святилище святой Агадресмы". Жанна оставалась на валах, пока враг шел на штурм; и когда знаменосец водрузил бургундский флаг в проломе, она ударила его топором, так что он упал обратно в лощину. На помощь ей поспешили другие, и она вновь отразила нападавших.

Тем временем в Бове подоспело подкрепление: сначала горстка вооруженных людей из Нуайона, а затем и большое войско под командованием лучших военачальников Франции ворвались в город и выдержали штурм, длившийся с рассвета до полудня, в ходе которого герцог безрезультатно пожертвовал десятками своих людей. Однако только после того, как его армия оказалась слишком истощенной и обескураженной для дальнейших наступательных операций, Карл отступил от Бове, сжигая и грабя по пути в Нормандию. 22 июля осаждающих не стало.

Героизм Жанны Ашетт, как теперь все ее называли, оказался заразительным: "Все женщины города, высокие и низкие, показали себя настолько доблестными во время этой осады, что превзошли в смелости мужчин других городов". Именно женщинам, как все были готовы признать, принадлежит заслуга сохранения Бове; и теперь Людовику, как и горожанам, предстояло сделать какое-то видимое и достойное признание долга. Людовик, который, по словам Мишле, "в своих благочестивых рассуждениях... часто брал в партнеры святых и Богоматерь, ведя с ними открытый счет и торгуя на прибыль или убыток, (думая) благотворительностью... небольшими суммами вперед, чтобы обеспечить их интерес для

какого-нибудь капитального удара", Людовик поклялся за безопасность Бове выдать целый "город серебра" и воздерживаться от всякой плоти, пока обет не будет исполнен. При всем своем суеверии, при всей своей подлости и суровости к дворянам, он совершал неожиданно щедрые поступки, чтобы вознаградить и поощрить общинников, которых он любил и на которых полагался, когда знатные сеньоры могли его обмануть. В данном случае он предоставил особые привилегии женщинам Бове; его ордонансы на этот счет любопытны тем, что они пытаются умиловить святого Агадресма - который может быть полезен в связи с "открытым счетом", упомянутым выше, - и в то же время предложить более существенное вознаграждение женам Бове.

Первый из этих ордонансов, датированный 1473 годом, устанавливает ежегодную процессию в честь святой Агадресмы и освобождения города, а также освобождает женщин Бове от действия законов о роскоши. После воспроизведения самого драматического инцидента во время осады и восхваления *величайшей храбрости, постоянства и верности... ультимативного существования женского пола*, текст эдикта продолжается: "(Король) постановляет, чтобы каждый год проводилась процессия, за счет наших поступлений и владений в упомянутом городе; и мы приказываем, чтобы отныне и навсегда женщины в этой процессии предшествовали мужчинам и шествовали сразу после священников в этот день; и, кроме того, они (женщины) могут в день своих свадеб или в любое другое время, когда им будет угодно, носить и украшать себя любыми одеяниями, украшениями или драгоценностями (по своему желанию), не подвергаясь при этом сомнению, упреку или преследованию, какого бы ранга они ни были."

Более интересным для нас, поскольку он напрямую касается самой героини, является эдикт, из которого мы узнаем об особых милостях, оказанных ей. Начав с перечисления храбрых подвигов, совершенных в Бове, и особенно *доброго и верного сопротивления нашей сестры и подруги Жанны Лайсне, дочери Матье Лайсне*, королевский эдикт продолжает: "По этим причинам, а также из-за и в пользу брака Колена Пилон и (Жанны), который был с нашей помощью устроен, согласован и отпразднован, а также по другим причинам и соображениям, мы даровали и ныне даруем особой милостью в этих настоящих письмах, что упомянутый Колен Пилон и Жанна, его жена, каждый из них, будут пожизненно освобождены и свободны от всех налогов, которые налагаются и могут быть наложены в будущем от нашего имени по всему нашему королевству, будь то на содержание или содержание наших армий и солдат или по любой другой причине, и (они также будут освобождены) от обязанностей стражи и надзора, где бы в нашем королевстве они ни поселились. Дано в Сенлисе, в 22-й день февраля, в год милости тысяча четыреста семьдесят четвертый".

Из этого видно, что Жанна уже была замужем и что сам король проявил в ее деле некую личную заинтересованность, снабдив невесту весьма необходимым *дотом*. Она не искала союза из своего сословия, поскольку Колин Пилон был простым оруженосцем, который недолго прожил, чтобы насладиться ни любовью жены, ни благосклонностью короля, так как пал при осаде Нанси в 1477 году. Через несколько лет Жанна вышла замуж за двоюродного брата, некоего Фурке, солдата удачи, одно время состоявшего в личной гвардии короля. С тех пор о ней больше ничего не известно, даже дата ее смерти. Но народная молва так тесно связала ее с осадой Бове, что, как бы ни называлась ее настоящая фамилия, она всегда была Жанной Ашетт; и даже в XIX веке некий Пьер Фурке д'Ашетт, претендующий на происхождение от скромной героини, получал пенсию от Карла X. В Бове ее имя и память о ее доброй службе поддерживались не только ежегодным парадом в праздник святого Агадресма, но и потускневшим старинным штандартом, который несли молодые девушки в процессии, а в остальное время он бережно хранился среди сокровищ города. Это был

штандарт из белой дамасской ткани с фигурами и девизами, написанными позолотой и цветными красками. Даже сейчас можно расшифровать надменный девиз Шарля-ле-Темерера: *Je l'ay emprins* (Я взял это на себя), а рядом с ним - эмблемы великого ордена Золотого руна. Это тот самый штандарт, который девушка выхватила у бургундского солдата более четырех веков назад.

История Жанны Ашетт - это, конечно, всего лишь эпизод; но, читая ее, мы должны помнить, что, какую бы малую роль она ни сыграла в великой истории мира, ей была присуща одна редкая черта, которая часто отличает лучшие фигуры в истории, хотя и не всегда самые выдающиеся - скромность. Как и Жанна д'Арк, выполнив свою задачу, она осталась довольна тем, чем была до этого; ей повезло больше, чем той, другой Жанне, она дожила до того момента, когда ей воздали почести, и не была испорчена этим в большей степени, чем Жанна д'Арк своими гораздо более значительными триумфами.

Если Жанна Ашетт была представительницей того сословия, которое должно было занять более важное место в жизни Франции, а именно ремесленников, то несчастная дочь Шарля мецената была, как по своему характеру, так и по событиям своей жизни, столь же несомненным представителем исчезающего феодализма и рыцарства. Всю свою жизнь Мария де Бургун была лишь игрушкой двора, который использовал ее в своих представлениях и схемах возвеличивания, совершенно не считаясь с ее личными предпочтениями. Воспитанная в окружении помпезности и славы рыцарства, красноречиво говоривших о женской зависимости, если не о женской неполноценности, она внезапно была поставлена перед необходимостью справляться с одним из самых способных и одним из самых беспринципных политиков в истории.

Мари де Бургун родилась в Брюсселе в 1457 году, став первым ребенком в союзе Изабеллы де Бурбон и надменного молодого графа де Шароле, который очень не хотел жениться на невесте, выбранной его отцом, но стал преданным и верным мужем. Когда родилась Мари, она была еще дочерью графа де Шароле, ведь старому изможденному Филиппу ле Бону оставалось прожить еще десять лет. И все же она была перспективной наследницей великого герцогства Бургундского, хотя никто еще не мог предвидеть, что она - единственная надежда великого рода, который за сто лет своего существования сделался самым опасным врагом, самым необходимым союзником Франции, а может быть, даже соперником Франции среди великих держав Европы.

Маленькой графине было всего восемь лет, когда умерла ее мать, и она была еще недостаточно взрослой, чтобы оценить потерю, разве что горевала о том, что ее должна воспитывать великая дама двора ее деда, графиня Кревкур. Еще три года, и она должна была принять участие в приветствии второй жены своего отца, Маргариты Йоркской. Мари не могла понять политического значения этого союза, соединившего судьбы Бургундского дома и семьи, чье недолгое правление было отмечено почти непрерывными войнами и политическими преступлениями самого мрачного оттенка: братьями ее мачехи были красавец-сластолюбивый Эдуард IV, "ложный, мимолетный, лживый Кларенс, который заколол" молодого Эдуарда Ланкастерского "на поле у Тьюксбери", и мрачный Ричард Глостерский. Это был союз со зловещим предзнаменованием для Карла, против которого выступал его отец: ничего хорошего для Карла не вышло и не могло выйти, и все же, назло Франции, он упорствовал в своем замысле и привел Мари, чтобы она приняла небольшое участие в блестящем приеме, оказанном Маргарите в Брюгге. Мари, должно быть, была свидетелем и наслаждалась великим зрелищем, а также знаменитым турниром *perron d'or* (золотого луча), на котором ее отец соблаговолил сломать пару копий в честь своей невесты; но она почти не упоминается в пылких рассказах об этих празднествах, в которых

возрождалась и превзошла себя древняя слава рыцарства. Она была всего лишь дочерью, и, хотя отец любил ее, вполне естественно, что он надеялся на сына, который мог бы носить его герцогскую корону.

Но годы шли, а сына все не было: Мадемуазель де Бургонь, казалось, была обречена носить герцогскую корону. Карл рос во власти, в высокомерии, в амбициях; это должна была быть уже не просто корона, а корона; он должен был основать новую династию, которая затмит старшую ветвь Валуа; в одно время сама корона была приготовлена и выставлена на обозрение восхищенным и одновременно боязливым взорам его будущих подданных. Мари, выросшая в красивую, если не сказать прекрасную девушку, тщательно обученную всем достижениям, подобающим ее рангу, стала важной персоной в честолюбивых замыслах своего отца. По обычаю принцев, ее имя использовалось в качестве приманки при заключении выгодных союзов, а при выборе будущего мужа ее желания почти не учитывались. Она была всего лишь своего рода активом, который можно было отнести к прочей собственности, которую Карл мог отдать тому, кто больше заплатит, для реализации своих проектов. Поэтому ее прелести, естественно, должны были быть наилучшим образом изложены на страницах преданных бургундских летописцев, и в разгар дипломатических торгов мы забываем не только о том, что Мари была девушкой, с некоторыми девичьими капризами, предпочтениями и романтическими мечтами, но и не различаем ее реальных черт. Если судить по портретам, Мари не могла быть настоящей красавицей; хотя на лице есть неопределимые признаки высокого воспитания, его линии слишком тяжелы, слишком явно вылеплены по образцу черт ее несомненного отца; прежде всего, это тяжелые губы и выступающая челюсть, столь заметные у ее потомков, что стали отличительным знаком семьи, хотя они и называют его австрийским, а не бургундским. Но она была симпатичной девушкой; кроме того, разве женихи будут отнекиваться, если самая богатая наследница Европы не является в то же время Венерой?

Карлу не составило труда найти женихов на руку своей дочери; он лишь затруднялся с выбором среди множества тех, кого можно было бы рассмотреть или кто считал себя подходящим. В конце концов, в 1473 году Мари была обручена с Николаем Калабрийским. Но Николай умер, и Мари снова пришлось избавиться от него; обручение было слишком сугубо политическим вопросом, чтобы оправдать задержку в поисках нового мужа, когда смерть отстранила Николая. Случилось так, что как раз в это время Карл очень хотел умиловить империю, чтобы поддержать те планы монархии, которые теперь начали обретать определенные очертания в его воображении. Эрцгерцог Максимилиан, хотя и был моложе Марии на три года, и хоть и беден, но все же был сыном императора и мог считаться полезным для Бургундии. Переговоры проходили спокойно; Карл, судя по всему, не хотел показывать себя слишком озабоченным; возможно, он думал, что обстоятельства могут измениться, и поэтому не хотел связывать себя обязательствами по этому матчу, которые невозможно будет отозвать.

Однако на данный момент благородные любовники, которые никогда не встречались, были оба довольно молоды; не стоило торопить события, ведь сам Карл был еще в расцвете сил. Катастрофическая кампания великого герцога в Швейцарии была описана много раз, дружественными и недружественными историками, а также великим романтиком, который любил рыцарство и не мог не восхищаться бесстрашными швейцарскими вольноотпущенниками, сокрушившими бургундскую власть при Грансоне, Морате и Нанси. И все же, считаем ли мы Карла великим правителем и полководцем или простым военным грубияном, никто не может без жалости смотреть на заснеженное поле битвы при Нанси, где великодушный враг и убитые горем слуги "гордости рыцарства" два дня тщетно искали тело

Карла; никто не мог сказать, как он упал; а когда нашли его замерзшее тело, собаки съели половину одной щеки, а раны на голове сделали его почти неузнаваемым.

Мадемуазель де Бургонь, как ее теперь всерьез называли, была далеко в Генте, когда ей принесли роковую весть о смерти отца. Не успела она дойти до нее, как она уже попала к коварному старому королю. Для Людовика это была самая приятная новость, которую он только мог услышать: его главный враг был устранен, а в качестве его противника в Бургундии теперь была только едва выросшая девочка, чьих корыстных советников он хорошо знал, как подкупить или погубить, в зависимости от его интересов. Можно поверить, что когда весть о смерти Карла достигла французского двора, где многие дворяне считали его единственной помощью в борьбе с антифеодалной политикой Людовика, "ни один не съел за ужином и половины того, что мог", как говорит проницательный Комин; теперь, когда опора независимого баронства исчезла, кто мог сказать, что может предпринять король?

Мария де Бургонь была почти пленницей среди своих слишком преданных подданных, мещан Гента. Она и ее советники с самого начала понимали, что настоящая опасность исходит от Людовика XI, который теперь будет стремиться вновь присоединить к короне те значительные части бургундских владений, которые изначально достались ему от Франции. Возможно, буква феодального закона была на стороне короля, который требовал права опеки над своей вассальной женщиной; но Мари прекрасно понимала, что это требование было лишь первым из длинного ряда, который завершится фактическим захватом французской Бургундии, как только Людовик почувствует себя достаточно сильным. Но хотя Людовик представлял собой конечную и главную опасность, его, как считалось, можно было отвлечь примирительными посланиями; непосредственная опасность заключалась в беспокойной Фландрии, которой не мог овладеть даже сильный герцог и которая теперь, в разгар бурной преданности мадемуазель, держала ее в состоянии постоянной тревоги. Необходимо было что-то предпринять, чтобы успокоить фламандцев.

Мари, подражая всем новоиспеченным государям, чьи короны не слишком надежны, начала с того, что даровала самые либеральные хартии и привилегии своим верным подданным во Фландрии. В большинстве своем эти вольности были древними, временно отмененными при бургундцах, а теперь возобновленными народом с официального согласия герцогини или без него. Гентцы сразу же воспользовались своим правом быть собственными судьями и арестовали магистратов, посмеявшихся отдать городские вольности Карлу и управлявших от его имени. Но ни предоставление привилегий Фландрии, ни благодарная привязанность гренландцев не могли защитить от Людовика Пикардию и желанные города на Сомме; нужны были деньги, и тогда обратились к щедрым общинам Фландрии. Этот съезд представителей владений Фландрии, Артуа, Иено, Брабанта и Намюра собрался в Генте 3 февраля 1477 года, менее чем через месяц после смерти Карла. Мари повторила делегатам свои заверения, клятвы, обещания и даровала "Великую привилегию", своего рода Магна Чарта и Билль о правах в истории Голландии. Особые привилегии, перечисленные в этом гранте, не новы; грант был задуман лишь как формальное подтверждение - для официальной ратификации государем - тех неотъемлемых и неоспоримых прав подданного, которые не были признаны в большинстве стран в течение многих десятилетий. "Это была рекапитуляция и признание древних прав, а не приобретение новых привилегий. Это была реставрация, а не революция". Характер прав, утверждаемых подданными и признаваемых государем, можно легко определить, взглянув на один или два пункта. "Должности должны присваиваться герцогиней только туземцам; ни один человек не может занимать две должности. Ни одна должность не может быть передана в аренду. Большой совет и Верховный суд провинций должны быть восстановлены..... Никакие новые налоги не могут

быть введены иначе, как с согласия сословий. Ни одна война, наступательная или оборонительная, не может быть начата герцогиней или кем-либо из ее преемников без согласия сословий..... Никакие деньги не могут быть отчеканены, их стоимость не может быть повышена или понижена, кроме как с согласия сословий". Если бы провозглашенные принципы удалось реализовать на практике, свободы подданных Марии действительно были бы обеспечены; но большая часть этой Великой привилегии, как и аналогичных хартий, выданных другим провинциям, была чистой теорией, и Мария не собиралась соблюдать свою ратификационную клятву в большей степени, чем король Джон собирался соблюдать положения Magna Charta. Однако на данный момент она должна притворяться, что очень довольна, хотя ее осторожные и преданные подданные не предоставили ей желаемой помощи, которую она могла бы использовать по своему усмотрению. Все переговоры, разумеется, будут вестись от ее имени, но в отношениях с Людовиком она должна руководствоваться советами сословий; а сословия соберут для нее сотысячную армию - когда им это будет угодно. Такова была сумма и суть всего, что Мари смогла уговорить их предоставить.

Тем временем Людовик готовился к захвату Бургундии и Пикардии, выдвигая то один, то другой предлог для своих действий, стараясь придать каждому захвату видимость законности, но стремясь захватить, правильно или неправильно. Мария отправила двух старейших советников своего отца, канцлера Гюгоне и сеньора Гумберкура, послами к Людовику, чтобы отсрочить его действия. Хотя Гюгонет и Гумберкур были верны интересам своей герцогини, они не смогли противостоять коварному королю. Он уже подделывал других слуг Бургундии и нашел немногих, кого нельзя было заставить понять, что французское золото или французские титулы стоят больше, чем любезности, полученные от хозяина, который больше не мог вознаграждать. К их числу принадлежал лорд Кревкур, чья мать была опекуном юной герцогини, когда у той не было матери, и которому было поручено одно из самых важных дел в Бургундии - управление Пикардией и городами на Сомме. Кревкер был рыцарем Орденского тона и получил множество других милостей от Карла, чью дочь он теперь готов был предать. Людовик больше всего желал заполучить Аррас, который милорд Кревкер удерживал для Бургундии; нельзя ли найти какую-нибудь юридическую хитрость или уловку, позволяющую ему удерживать его для короля? Людовик уговаривал, уламывал, почти угрожал бургундским посланникам, пока те, решив, что Аррас все равно достанется ему, не уступили настолько, что издали приказ Кревкеру, подписанный канцлером Гюгоне, разрешающий ему открыть ворота города для короля. Людовик вошел в Аррас 4 марта, и вскоре Мария обнаружила, что ее неприятности только начались.

Когда весть о сдаче Арраса достигла Гента, горожане пришли в ярость и потребовали сатисфакции от тех, кто предал общественное доверие. На этот раз из Штатов отправилось новое посольство, чтобы встретить Людовика, который продвигался через Пикардию. Мари вынуждена была согласиться на это посольство и, несомненно, думала, что вреда от него не будет; но беспринципный Людовик знал, как вести себя с мещанами, и никакие соображения чести не мешали ему использовать любые средства, чтобы посеять семена подозрений между мещанами и их герцогиней. Когда посольство упрекнуло его в желании обесчестить юную наследницу и заявило, что "в ней нет ничего плохого, что они могут ответить за ее благоразумие и добрую волю, поскольку она публично поклялась во всем руководствоваться советом государств", Людовик принял оскорбленный вид. "Вы обманываетесь, - сказал он, - ваша госпожа хочет руководствоваться советами людей, которые не желают мира". Посланники, думая, что Мари была совершенно искренна и откровенна, отказались приписывать ей дурные слова. Тогда Людовик показал им частную записку, написанную Мари собственноручно, в которой она сообщала ему, что будет

руководствоваться исключительно советами придворной партии, в частности Гюгоне и Гумберкура, и просила его сохранить это в тайне от посланников государств.

Разгневанные и оскорбленные этим скандальным двуличием, мещанские посланники поспешно вернулись в Гент. Герцогиня приняла их на торжественной аудиенции, восседая на своем троне и окруженная придворными. С величайшим негодованием она отвергла обвинения короля. "Вот ваше собственное письмо, - сказал главный из посланников, доставая его из своей груди. Мари была в смятении и не знала, что ответить. Она боялась даже за свою безопасность, ведь эта королевская особа, пренебрегая общением принцев, предала ее своим подданным. Двуличие, в котором она была виновна, не было столь предосудительным, как кажется нам; вина за него лежит скорее на ее советниках, чем на ней самой, а она была всего лишь слабой девушкой, окруженной корыстными интриганам и заговорщиками, стремившимися лишить ее того, что она привыкла считать своим непререкаемым правом.

Самыми заметными из ее советников, хотя отнюдь не единственными виновниками этого злополучного письма, были Гюгоне и Гумберкур, которые, чувствуя, что генуэзцы им отомстят, сразу после роковой аудиенции бросились в монастырь, но в ту же ночь были вытащены из святыни. Мари, верная тем, кто был верен ей, с радостью спасла бы их, но при одном только слухе о том, что пленникам позволяют бежать, генуэзцы бросились к оружию, собрались на пятничном рынке и, отстаивая свое древнее право на постоянное собрание во время опасности, стояли там день и ночь, пока двух посланников не судили и не казнили. Мари могла бы потребовать, чтобы несчастные жертвы, будучи герцогскими офицерами, были переданы на суд Большого совета; но ввиду возбужденного состояния народного чувства даже об этом не стоило и думать. И когда она назначила комиссию, в которой тридцать из тридцати шести человек были гражданами Гента, это тоже было недостаточной гарантией того, что обвиняемые будут осуждены; горожане должны были взять все дело в свои руки; их привилегии были нарушены, и только они должны были наказать преступников. Мари не ослабляла своих усилий в защиту Гюгоне и Гумберкура; ее решительная верность тому, что она считала священным долгом - защите тех, кто рисковал собой на ее службе, - лучшая черта ее характера. Благодарность принцев обычно не является для них обременительной обязанностью; но в Мари были заложены лучшие принципы рыцарства, и, подобно своему опрометчивому, но великодушному отцу, она готова была рискнуть всем ради чести. Она послала представителей знати на заседание мещанского суда, хотя они не могли принимать никакого участия в разбирательстве и должны были быть лишь зрителями уже вынесенного решения. Когда наступил решающий момент, Мари сама отправилась просить пощады для своих слуг. Одета как простая фламандская девица, с шапочкой горожанина на голове, она пешком, без сопровождения стражи или придворных, или даже дамы из своей свиты, прошла через разъяренную толпу на рынке к ратуше, где заседал суд.

Но сами судьи были больше ошеломлены неумолимой толпой, чей гневный ропот доносился до них, чем присутствием своей дамы. Они жалели ее, но, как сказал один из них, указывая на толпу: "Мы должны удовлетворить народ". Не обескураженная этой неудачей, Мари отправилась среди самого народа, этих любящих, но грозных подданных, собравшихся, чтобы убедиться, что их воля исполнена. На Пятничном рынке она переходила от одного к другому, плача, со сцепленными руками умоляя не наказывать слуг, которые всего лишь повиновались ее приказам. Вид этой беззащитной девушки, отваживающейся на опасность ради такого дела и осмеливающейся находиться среди людей, которых она обидела, заставил многих прислушаться к ее мольбам. Мужчины стали разделяться на две партии: те,

кто мог слышать и видеть свою госпожу, склонялись на ее сторону, а те, кто был дальше, вдали от непосредственного влияния ее присутствия, взывали к правосудию над обвиняемой. Пики были направлены против пик, и возникла неминуемая опасность конфликта; но сторонники герцогини были в меньшинстве, и их энтузиазм в ее деле ослабел, когда они осознали опасность гражданской драки. Мужественный призыв Мари лишь ускорил процесс, поскольку судьи не хотели рисковать еще одной сценой, чреватой подобными опасностями.

Гугоне и Гумберкур были подвергнуты пытке и признались в том, чего было достаточно для вынесения приговора, хотя это было то, что все уже знали: они сдали Аррас. Гумберкур, рыцарь Орденского толка, обратился в этот орган, который один обладал юрисдикцией над своими членами; но законные формы не могли быть соблюдены в этой кризисной ситуации. Когда суд представил молодой герцогине признания и приговор - формальность, которую, пренебрегая правовыми формами, они сочли необходимым соблюсти, - она снова протестовала, плакала, умоляла. Все было напрасно: "Мадам, - сказали они, - вы поклялись вершить правосудие не только над бедными, но и над богатыми".

Двух дворян усадили в повозку для приговоренных - из-за полученных во время пыток травм они не могли стоять - и повели на казнь. Народу удалось уничтожить тех, кто посмел пренебречь его желаниями; государыня Бургундии была полностью в их власти. Они объявили себя ее самыми достойными опекунами и советниками, лишили ее возможности иметь рядом с собой даже членов ее семьи и предложили найти ей мужа, более подходящего, чем тот, которого предлагали дворяне.

Мари была вынуждена подчиниться всему этому с той милостью, на которую была способна; но в вопросе о муже она была полна решимости высказаться самой. На нее претендовало не менее шести женихов, помимо того, с кем ее обручил отец в 1473 году. Среди них был дофин, всего лишь восьмилетний мальчик, ради которого Людовик плел интриги; с другой стороны, никчемный и изнеженный распутник Кларенс, которого Маргарита Йоркская надеялась устроить в новом богатом гнезде; свирепый и жестокий Адольф Гельдерский, который закончил свою преступную карьеру в тюрьме, и которого гренландцы намеревались вытащить из тюрьмы, чтобы он стал их герцогом и вождем: Затем были английский лорд Риверс, брат английской королевы, сын лорда Равенштейна и сын герцога Клевского. Во всем этом списке не было ни одного, к кому бедная девушка могла бы отнестись с отвращением. Худшим из всех, как в политическом, так и в личном плане, был дофин; мысль о браке с ребенком, да еще сыном ее опаснейшего врага, вызывала отвращение в чувствах Марии, так недавно возбужденных смертью двух ее слуг, преданных Людовиком. При самом дворе ее окружали шпионы, которые, притворяясь, что сочувствуют ей и утешают ее, сообщали Людовику или императору все интимные тайны бедной девушки.

Интересы Австрии, казалось, окончательно возобладали, ибо теперь Маргарита, отчаявшись сделать Кларенса приемлемым ни для молодой леди, ни для ее подданных, ни даже для Эдуарда IV, перекинула свое влияние на сторону Максимилиана, а влияние Франции в бургундских советах было разрушено явной решимостью короля поглотить всю французскую Бургундию, всю Фландрию, если он сможет ее заполучить. Не было достаточно времени для роста настоящего национального чувства в разрозненных и разбросанных провинциях герцогства; но нефранцузские части Бургундии, по крайней мере, отнюдь не жаждали потерять свою самобытность и стать частью Франции.

Личные причины также склоняли Мари в пользу австрийского жениха. Максимилиан был в некотором роде выбором ее отца, и уже одно это могло иметь для нее определенный вес.

Кроме того, он был молод; по отзывам, он был красив: "Волосы на его августейшей голове, по немецкой моде, золотистые, блестящие, диковинно украшенные и подходящей длины. Порт его лордский". И отзывы не говорили ничего плохого об этом молодом золотоволосом тевтоне; он был моложе мадемуазель де Бургонь на три года, но уже был мужчиной и смелым охотником, хотя пока не имел возможности показать, способен ли он возглавить армию, что было очень необходимо тому, кто должен был взять на себя заботу о мадемуазель и ее столь желанном наследстве. Он был беден, но разве она не была достаточно богата, чтобы восполнить недостаток? В целом на мадемуазель произвело столь благоприятное впечатление то, что могли сообщить ей австрийские заступники, что она решила принять посольство, находившееся в пути, чтобы предъявить официальные претензии Максимилиана.

Герцог Клевский, возлагавший надежды на собственного сына, сделал все возможное, чтобы задержать послов, а если это не удалось, то заставить Мари пообещать дать им аудиенцию и затем отправить по своим делам. У нее уже было достаточно дипломатического опыта, чтобы стать осторожной. Герцог Клевский не вошел к ней в доверие, но ему было позволено надеяться, что мадемуазель не станет улаживать дело с австрийскими посланниками.

Посланники прибыли и были приняты в публичной аудиенции, где их начальник рассказал о деталях переговоров между покойным герцогом и императором, а в конце вручил письмо, написанное самой мадемуазель в знак признания помолвки, и бриллиант, присланный ею в знак этого. Тогда Мари, к полному ужасу интриганов, спокойно ответила, по собственному желанию: "Я написала это письмо по желанию и повелению моего господина и отца и послала этот бриллиант; я владею его содержанием".

27 апреля Мария и Максимилиан официально обвенчались, и народ, уставший от состояния неопределенности, в котором его держали, казалось, с радостью воспринял этот брак. Принц был немцем, не говорил на их языке и не понимал их обычаев; но в то же время он был привлекателен и, несомненно, стал бы таким хорошим защитником их свобод, какого только можно было найти. С замужеством Мари практически перестала принимать непосредственное участие в политических делах. Ее новый муж был предан ей, и на какое-то время все выглядело более обнадеживающе для этого последнего отпрыска великого рода. Правда, Людовик послал своего парикмахера-хирурга Оливье, чтобы тот от имени сюзерена выразил протест против брака своей феодальной подопечной без его согласия. Но фламандские дворяне и их дамы посмеялись над цирюльником, который на самом деле пришел скорее шпионить, чем надеяться, что этот средневековый протест принесет какую-то пользу. Позже, в своем первом сражении, Максимилиан полностью разбил французскую армию под командованием предателя лорда Кревекера при Гинегатте, 7 августа 1479 года.

Тем временем у молодых супругов родился сын, и их домашнее счастье было безоблачным. Однако удача улыбалась им недолго, поскольку фламандцы по конституции были мятежными, то отказываясь предоставить Максимилиану необходимые для обороны припасы, пока ему не пришлось заложить драгоценности жены, то сваливая все свои беды на иностранца, то отвлекая его внимание от все еще надвигающегося французского короля бунтами и мятежами. В неравном поединке французам суждено было победить; и не прошло и пяти лет, как Мария вышла замуж, как несчастный случай стоил ей жизни и оставил Максимилиана почти таким же беспомощным в руках фламандцев, как и она сама. Она была на охоте, которой страстно увлекались и она, и Максимилиан, когда лошадь сбросила ее. Травмы могли бы оказаться не смертельными, если бы вовремя была оказана медицинская помощь; но Мария с жалкой ложной скромностью отказалась подчиниться осмотру хирургов

и умерла, пролежав три недели, 26 марта 1482 года. Ее малолетний сын, Филипп ле Бо, остался номинальным наследником Бургундии; но охрана герцогства была безнадежной задачей, когда делами должно управлять регентство, и так вместе с Мари ушел из жизни последний независимый правитель Бургундского дома, величие которого должен был передать и превзойти сын этого Филиппа, великий император Карл V.

Короткая и беспокойная жизнь Марии де Бургундской дает мало возможностей для оценки ее способностей. Она воспитывалась в условиях, наиболее неблагоприятных для развития независимости, самостоятельности и способности к практическим делам; феодализм, даже в его лучшие времена, как мы видели, производил лишь немногих женщин, способных управлять нацией, а эффектное рыцарство бургундского двора не находило места для женщины, кроме как в качестве ангельской, милостивой, прекрасной зрительницы его великих шоу, бесконечно удаленной всеми деталями своего воспитания и общественной жизни от грязных забот жизни и политики. Мари не принадлежала к тому редкому типу, который даже в таких условиях мог бы подняться к власти; она не обладала достаточной силой воли, чтобы наметить собственную политику и склонить людей и условия на службу этой политике. Ни в одном из ее публичных поступков в качестве герцогини мы не можем обнаружить, что она не подвергалась влиянию окружающих; она действительно была подчинена сначала одним советникам, затем другим, и естественным результатом стали непоследовательность, двойственность и неэффективность. Но там, где проявляется женское начало, где есть место для действия чисто личных побуждений, как в случае с Гюгоне и Гумберкуром и при выборе мужа, Мари проявляет более благородные чувства; И хотя расчленение разнородного Бургундского герцогства и присоединение большей его части к Франции должно было способствовать развитию цивилизации, мы сочувствуем не пауку, который плел свои сети интриг в логове в Плесси-лез-Тур, а великодушному, импульсивному молодому правителю, которого, как мы знаем, он смертельно опутал. В случае с Марией в Бургундии, как и в случае со страстной и несчастной Маргаритой Анжуйской в Англии, мы склонны простить правительницу, которая не умела править или прибегала к постыдным средствам в борьбе за власть, если вспомним, что обе они были женщинами, оказавшимися лицом к лицу с огромными проблемами и ставшими объектом нападок коварных, жестоких, беспринципных врагов и неверных друзей.

ГЛАВА XV

АННА ДЕ БОЖОЛЕ: УКРЕПЛЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

C'est la moins folle femme du monde, car, de femme sage il n'y en a point (она наименее глупая женщина в мире; мудрых нет). В этой эпиграмме старый циничный король Людовик XI подводит итог своей оценке дочери, которую он любил и которой доверял больше, чем любому другому человеку своей крови. Эта дочь, Анна Французская, была еще молодой женщиной, когда умер ее отец, но извилистая политика и прозорливые цели Людовика XI

стали знакомы ей еще в детстве, и она дожила до того, что продолжила и в некотором роде довела до успешного завершения основные планы, которые лелеял ее отец.

Почти с самого ее рождения Людовик использовал ее в своих интригах, предлагая ей брак то с этим принцем, то с тем, в зависимости от потребностей момента. Когда главный из его врагов, Шарль ле Темер, потерял свою первую жену, Людовик предложил ему жениться на принцессе Анне, на тот момент двухлетнем ребенке, и предложил в качестве ее приданого Шампань, если Шарль согласится, чтобы Нормандия беспрекословно отошла к короне. Однако через год, в 1466 году, когда Людовик получил Нормандию и больше не нуждался в Карле, он предложил Анну сыну герцога Калабрийского. Ни одна из этих сделок не должна была быть выполнена, но Карл, отчасти из злости на недобросовестность короля, женился на Маргарите Йоркской. Семь лет спустя, когда Людовик решился на примирение с домом Бурбонов, Анна была обречена с Пьером де Бурбоном, сиром де Божо; а поскольку новый союз не представлялся желательным, Анна Французская стала Анной де Божо.

Анна была достаточно похожа на своего отца твердостью и коварной решительностью своего характера, чтобы завоевать его доверие. Мы видим, как ей поручили заботу об одной из самых важных знатных подопечных, которых Людовик любил привозить ко двору и держать под опекой, - Маргарите, маленькой дочери Максимилиана и Марии де Бургун. Когда страх перед покушением заставлял короля уединяться в Плесси-лез-Тур и ограждать себя столь фантастическими и сложными защитными сооружениями, что никто, кроме его благосклонных слуг низкого происхождения, не мог войти туда с легкостью и надеждой на возвращение, он иногда принимал эту благосклонную дочь. И когда в преддверии смерти он решил, что глупый дофин, ревностно охраняемый в Амбюазе, должен чему-то научиться и узнать, что власть над скипетром скоро перейдет к нему, он снова положился на Анну де Божо. Он велел дофину Карлу держать при себе верных слуг, которые сделали Францию; особенно он рекомендовал "мастера Оливера", без которого, по его словам, "я был бы никем". Но прежде всего дофин должен был почитать и слушаться свою мудрую сестру Анну де Божо, самую неглупую женщину на свете.

Несмотря на астрологов, несмотря на обильные дозы дорогостоящей панацеи - питьевого золота, вводимые его наглым врачом Жаком Койтье, несмотря на второе помазание из священной *ампулы*, привезенной из Реймса специально для этой цели, несмотря на все серебряные святыне, приколотые к ободку его шапки, дух вышел из тела Людовика XI, и Франция встретила его смерть как избавление. В своем рвении к уничтожению феодализма и созданию национального правительства он превратился в тирана. Но начатое им дело должно было продолжаться, если Франция не хочет отступить на пятьдесят или сто лет назад. Новый король, Карл VIII, был всего лишь четырнадцатилетним мальчиком, к тому же плачевно незрелым. Он почти не умел читать и писать, и природный интеллект не восполнял недостатков воспитания; он был слаб умом, слаб телом и легко поддавался влиянию как во благо, так и во вред. С таким орудием, готовым к услугам любого честолюбивого дворянина, желающего погубить Францию, перспективы были нерадостными. Но к счастью Франции нашелся правитель, который мог контролировать короля и контролировал его до тех пор, пока плоды мудрого деспотизма Людовика не могли быть благополучно собраны; и этим правителем была женщина.

Поскольку Карл уже достиг совершеннолетия, положенного наследнику престола, регентства быть не могло. Но Анна де Божо и ее муж были назначены покойным королем опекунами Карла, за исключением Людовика д'Орлеана, который, как первый принц королевской крови, имел преимущественное право на опеку. И как Бланш де Кастиль при

других условиях и с помощью других средств удалось сместить Филиппа Гюрепеля, так и Анне теперь удалось перехитрить и вытеснить Людовика Орлеанского.

Она уже заложила основы своего влияния, подружившись с лучшими советниками и капитанами покойного короля. А ее брат, для которого она была божеством, которому поклонялись и которого боялись, уже настолько привык подчиняться ее воле, что ему и в голову не приходило сопротивляться ее власти. В отсутствие регента существовал королевский совет, и в этом совете Анне удалось заручиться влиятельной поддержкой. Поначалу, конечно, опасаться было нечего, поскольку Людовик Орлеанский, молодой и любящий удовольствия, занимался удовлетворением своих вкусов после долгого и утомительного сдерживания, которому его подвергал Людовик XI; и вот, вместо политики, он занялся развлечениями, пользуясь любым отвлечением, которое могло помочь ему забыть ужасные дни старого короля или уродливое лицо и кривое тело дочери короля, которая была его женой. Тем не менее Луи д'Орлеан был естественным лидером оппозиции, противостоящей Анне де Божо, и последняя не теряла времени, чтобы обеспечить себе через своего мужа большинство в совете - органе, состоящем из столь разных элементов и столь неуверенных в себе, что решительному лидеру было легко провести свою политику через его разделенные и колеблющиеся ряды.

Анне было всего двадцать два года, но ее прозвище *"мадам ла Гранде"* уже приобретало особое значение, ибо властная воля, смелость и проницательность, неугомонная энергия и постоянная бдительность этой женщины проявлялись во всем правительстве, в котором она не имела никакого юридического статуса. Ее управление осуществлялось в конституционных формах, от имени короля, от имени совета; но люди знали, что она диктовала королю, что он должен делать, и навязывала свою волю совету. Пока Генеральные штаты не собрались, не проголосовали за поставки, не получили обещания реформ, а затем не были распущены, Анна вела очень осторожную и примирительную политику; несправедливые действия Людовика XI были исправлены - там, где это не стоило слишком дорого, - а некоторые несносные личности, такие как Оливье ле Дэм, были принесены в жертву народной ненависти. Однако как только Генеральные штаты были устранены, обе партии в совете стали относиться друг к другу более враждебно, и герцог Орлеанский обвинил мадам ла Гранде в том, что она вмешивается в дела, которые ее не касаются. Его кузен Дюнуа и другие лица, заинтересованные в ограничении королевской власти, убеждали Людовика д'Орлеана в том, что это возмутительно, что женщина должна низвести его до второго места в национальном совете и сделать себя фактически королевой Франции. Подстрекаемый этими заговорщиками, Людовик решил ослабить власть Анны над молодым королем.

Нарушив торжественную клятву, данную им при Людовике XI, воздерживаться от компромиссных отношений с врагами Франции, он начал искать союзников против фракции Божо и обратился в первую очередь к Бретани. Но временное затмение бретонского фаворита, Ландуа, который управлял своим господином почти так же, как Оливье управлял Людовиком, сделало визит в Орлеан бесплодным, и он вернулся в Париж, чтобы прибегнуть к средствам, более соответствующим его вкусам. Молодой король очень любил блестящие празднества; романтическая любовь к зрелищной стороне рыцарства была его главной страстью, и поэтому Людовик стремился отдалить его от Анны, предоставляя ему развлечения. Поединки и турниры, балы и маскарады, настолько блестящие и привлекательные, насколько Людовик мог их устроить, заполнили два месяца после королевского въезда Карла в его "любимый город Париж" (5 июля 1484 года). Карл начал думать, что его "прекрасная кузина из Орлеана" была очень приятной спутницей, и гораздо более услужливой, чем та вспыльчивая и диктаторская сестра, которой он подчинялся;

кроме того, какое право она имела диктовать ему: разве он не король? Прежде чем опасность стала острой, прежде чем эти смутные сомнения в королевской голове приобрели определенные очертания, Анна подхватила своего драгоценного государя и унесла его прочь от шумного Парижа и соблазнов пленительного Людовика. Тогда Людовик покинул двор, решив не возвращаться, пока не свергнет партию Божо.

Знатные вельможи страны были готовы объединиться против произвола женщины, не имевшей и тени конституционного права править. Но хотя недовольство среди дворян было всеобщим, им все же не хватало энергии и направления, а общинников мало интересовала простая перебранка между их правителями. Возможно, общее мнение было схоже с мнением Парижского университета, к которому апеллировал Людовик, а именно: власть находится в тех руках, которые лучше всего приспособлены для ее использования. Несомненно, Парижский парламент придерживался именно такого мнения; Ведь когда Людовик представил длинную петицию с изложением своих претензий и протестом против узурпации мадам де Божо, которая незаконно подчиняла себе особу короля, намеревалась держать короля под опекой до его двадцати одного года, незаконно взимала налоги и замышляла уничтожение просителя, - когда Людовик представил эти обвинения, и просил парламент приказать вернуть короля в Париж, президент благоразумно ответил, что парламентский суд - это суд закона, не имеющий отношения к административным делам, и что никто не имеет права предстать перед судом, чтобы выразить протест против административных действий государя. Все это мало утешило Людовика, и пока он еще колебался в Париже, Анна послала отряд вооруженных людей арестовать его. Его спасло только поспешное бегство, и он сразу же отправился в Аленкон, где герцог принял его как друга в беде, а Анна, поспешив в Париж, лишила Орлеана и его сообщников почестей и военных команд.

Силы недовольных принцев превосходили бы те, что были в распоряжении Анны, если бы их удалось собрать вместе; но их владения были разбросаны, а сами они колебались, ревновали друг к другу, не желая сразу прибегать к иностранной помощи. Анна со свойственной ей оперативностью перехватывала их сообщения, схватывала и казнила их шпионов, сама вела переговоры с Бретанью и фламандскими городами; в то время как Дюнуа и Орлеан были застигнуты врасплох и захвачены в Божанси Ла Тремолем, командовавшим от имени Анны. На данный момент восстание было подавлено без серьезных потерь. Дюнуа был сослан в Асти, а Людовик Орлеанский, которому не удалось заручиться поддержкой даже собственного города, вернулся ко двору в октябре 1485 года.

Однако новая опасность угрожала верховенству Анны весной следующего года, когда Максимилиан Австрийский, теперь уже титулярный король римлян, вторгся в Артуа. Ликуя от перспективы заполучить такого союзника против мадам ла Гранде, новая лига знати подписала в декабре тайный договор с Максимилианом. С герцогами Орлеанским, Бретанским, Лотарингским и Бурбонским, графами Дюнуа, Неверским, Ангулемским и множеством других, объединившихся против нее, положение мадам де Божо было весьма шатким. Помимо реальных военных действий, ей приходилось опасаться постоянных заговоров, целью которых был захват молодого короля. Великий Филипп де Комин, вместе с Луи д'Орлеаном, был замешан в одном из таких заговоров и схвачен бдительной Анной, а Луи бежал в Бретань и призвал ее герцога вторгнуться во Францию.

Анна, не колеблясь, выступила в поход на юг Франции, прихватив с собой короля, гаранта ее власти. Это внезапное развлечение смутило дворян, и один город за другим открывал свои ворота перед Карлом VIII, пока в марте 1487 года он с триумфом не вошел в Бордо, а старый герцог Бурбон и граф Ангулемский не изъявили покорность. Бретонские дворяне, разгневанные вмешательством в их дела мятежных французских принцев, которые

полностью завоевали доверие слабого герцога Франсуа II, решили изгнать иностранцев и обратились к Анне с просьбой помочь им. В ответ она направила двенадцатитысячную армию в Бретань и осадила герцога и Луи д'Орлеана в Нанте. Но город получил подкрепление от Максимилиана, и королевская армия сняла осаду и заняла стратегически важные пункты в Бретани. Пока время года запрещало военные действия, Анна вернулась в Париж вместе с королем и в борьбе с мятежниками прибегла к помощи закона. Она направила герцогам Орлеанскому и Бретанскому повестку с требованием предстать перед судом парламента. Однако после того, как они не явились, был выписан еще один вызов, но приговор не был вынесен, так как Анна не хотела доводить дело до крайности в случае с этими великими персонами, которых она надеялась примирить; но Дюнуа, Комин и другие мятежники были осуждены за контузию, их товары были конфискованы, а если их личности могли быть задержаны, то они были заключены в тюрьму. Коминс, историк и ученый, фаворит Людовика XI, попробовал себя в заточении в одной из тех знаменитых железных клеток, которые так любил его старейший хозяин.

Весной 1488 года власть дома Божо усилилась после смерти герцога Бурбона, наследником герцогства которого был муж Анны. Однако фортуна не во всем благоволила Анне: бретонские дворяне, раскаявшись в своем восстании против собственного герцога и начав подозревать, что мадам Анна намерена держать свои войска в Бретани, перешли на другую сторону и изгнали французские гарнизоны из некоторых городов. В отместку генерал Анны, Луи де Ла Тремуиль, в начале апреля начал активную кампанию в Бретани, которая завершилась решающей победой при Сент-Обен-дю-Кормье (27 июля). Бретонская армия была полностью разбита, а восставшие дворяне, включая Луи д'Орлеана и принца Оранского, перешли под власть Анны. Людовик, ее самый опасный враг, был заточен в Буржской башне, где он мог, не нарушая общественного спокойствия, размышлять о несправедливости допущения женщины к управлению Францией. Через месяц после битвы Франсуа II, смиренно прося мира у своего "государя" Карла VIII, подписал договор, в котором обещал исключить из своего двора и герцогства врагов Франции и не договариваться о браке своих дочерей без совета и согласия Карла. Именем Карла, как обычно, все это было сделано; но на самом деле это был большой триумф для Анны де Божо. Гордость ее бретонского противника была сломлена, и он недолго пережил этот договор; некоторые утверждают, что он умер от досады, что больше не может обручать своих дочерей сначала с одним, а потом с другим женихом. То ли от огорчения, то ли от какой-то более обычной жалобы он умер в сентябре 1488 года, и тут выяснилось, что его старшая дочь, Анна, девочка неполных двенадцати лет, действительно была обещана трем сторонам одновременно.

Из запутанной ситуации в Бретани мадам де Божье должна была извлечь выгоду для Франции. Старшей дочери и наследнице покойного герцога Анне де Бретань королевский совет запретил принимать титул герцогини до получения разрешения короля, который претендовал не только на феодальную опеку над наследницей Бретани, но и на саму корону, согласно условиям договора между короной и некоторыми великими баронами Бретани, включая маршала де Рье, тогдашнего опекуна Анны де Бретань. Этот договор, датированный 1484 годом, признавал притязания короля выше притязаний наследниц в Бретани, как и в других фьефах, где двор пытался обеспечить соблюдение *Loi Salique*. Но маршал де Рье и его друзья теперь изменили свои взгляды, видя, что притязания короны приведут к исчезновению Бретани как отдельной и независимой провинции; они предпочитали управлять провинцией через молодую герцогиню, а не под руководством мадам ла Гранде.

Мадам ла Гранде прекрасно понимала, что ее притязания от имени короля не будут приняты мирным путем; она была готова встретить вооруженное сопротивление и, вероятно,

предвидела свою возможность в ссорах, которые неизбежно вспыхнут среди бретонцев по поводу того, кто должен управлять наследницей, и, прежде всего, кто должен на ней жениться. Герцогский двор Бретани вскоре стал очагом интриг, где царили разногласия, где союзы заключались со всех сторон и не соблюдались никем. С помощью Максимилиана, испанцев и англичан - все они были в той или иной степени заинтересованы и готовы поддержать Бретань против Франции, - бретонцы могли бы оказать успешное сопротивление французским войскам. Но ревность бретонских дворян, хитрость и способности Анны де Божо и женский каприз Анны де Бретань сделали неэффективными все усилия врагов Франции. Сир д'Альбре, человек с отвратительной внешностью, отвратительным характером и почти в четыре раза старше невесты, на которую он претендовал, утверждал, что Анна де Бретань была ему обещана. Маршал де Рье, опекун Анны, поддержал притязания д'Альбре и в защиту своей протекции прибег к мошенничеству, сфабриковав доказательства якобы состоявшегося обручения, и к силе. Тем временем предприимчивый Дюнуа разработал план похищения герцогини и вывоза ее во Францию. Стремясь избежать этих двух опасностей, бедная девушка бежала в Нант, где, однако, де Рье закрыл перед ней ворота. Ренн, более сострадательный и более патриотичный, предложил ей убежище, пока не минует непосредственная опасность. Но пока она оставалась незамужней, ей не было ни покоя, ни безопасности. Сир д'Альбре был ей отвратителен; поэтому, под временным влиянием других советников, она отдала свою руку послу Максимилиана и была тайно обвенчана с этим доверенным мужем, со всеми формами и церемониями, которые только можно было придумать, чтобы сделать этот странный договор обязательным.

Секрет, имеющий столь важные последствия, не мог оставаться тайной в течение длительного времени. Шуточное бракосочетание состоялось летом 1490 года. Уже через несколько месяцев невеста, пылая от осознания важности своего нового достоинства, подписывала указы как "королева римлян", а в Бретани начались смуты с новой силой со стороны разочарованных претендентов на контроль над герцогством. Анна де Божо, никогда не унывавшая даже перед осложнениями, которые другим могли показаться безнадежными, сразу же воспользовалась недовольством д'Альбре и де Рье, заручилась союзом последнего и перекупила союз первого, и вскоре смогла восстановить военное превосходство в Бретани и приступить к реализации своих планов по расторжению брака между Анной де Бретань и Максимилианом. Если бы последний был коренным бургундцем или если бы он сосредоточил свои ресурсы для достижения одной цели, вся история Франции могла бы измениться: мы могли бы увидеть вторую бургундскую державу, теперь усиленную суровой и еще не покоренной Бретанью, теснящую Францию на востоке, на западе, на севере и совершенно тормозящую рост того национального единства, которое должно было сделать Францию великой и однородной державой. Но Максимилиан был занят тем, что латал власть в своих австрийских владениях и пытался поддерживать достаточно хорошие отношения со своими фламандскими подданными; тем временем он думал, что его невеста может позаботиться о себе сама, и не знал, что Анна де Божо готовит переворот, который навсегда лишит его Бретани.

Влияние Анны де Божо уже начало ослабевать, и поэтому ей следовало действовать, пока еще не наступил день, ибо быстро приближалось время, когда ее мальчик-король не сможет больше подчиняться тирании сестры. Карлу шел двадцатый год, когда весной 1491 года он сделал свой первый самостоятельный шаг с перспективой еще более опасных проявлений независимости. Однажды вечером он покинул Плесси, как будто собираясь на охоту, и поскакал в сторону Буржа. Тайно отдав приказ освободить Луи д'Орлеана, он отправился на

встречу и примирение с этим опасным противником своей сестры. Людовик, которого отрезвило заточение, был несказанно рад своему освобождению и встретил короля со всеми проявлениями верной преданности и уважения. К счастью, Людовик не питал никаких чувств обиды к дому Божо и охотно согласился на формальное примирение, предложенное королем, подписав вместе с Пьером де Бурбоном договор о дружбе и братской любви, в котором все прошлые обиды и разногласия должны были быть забыты. Людовик остался верен духу этого соглашения, и Франции больше не приходилось опасаться его развратной деятельности. А когда Дюнуа, всегда готовый к заговору, всегда готовый распутать свои собственные козни, также согласился на примирение, личная власть Анны в королевском совете, возможно, и ослабла, но окончательное торжество принципов, за которые она боролась, было обеспечено. Хотя она уже не была доминирующей во всем, она все еще могла определять политику королевства и подстраивать разрушение честолюбивых замыслов Максимилиана.

Объединить Францию и Бретань было мечтой французских королей, но снова и снова эта мечта оказывалась заблуждением. Людовик XI, всегда бдительный к любой возможности получить выгоду, купил права наследницы древнего рода Шарля де Блуа и Жанны де Пенъевр; но никакой возможности извлечь выгоду из этих претензий его жадная душа не получила. Теперь желанная провинция казалась еще более безнадежно отчужденной, чем прежде. Анна де Бретань была замужем за Максимилианом, а молодой король Франции был торжественно обручен с дочерью Максимилиана, Маргаритой, которая фактически воспитывалась при французском дворе, чтобы подготовить ее к должности королевы, и уже получила, благодаря любезности, титулы и почести своего положения, хотя ее молодость все еще препятствовала заключению брака. Как лишить Максимилиана невесты и избавиться от дочери - проблема, решение которой могло показаться безнадежным. Но мадам де Божо не была безнадежной и не отличалась чрезмерной щепетильностью.

Не успел Максимилиан довести австро-венгерскую войну до благополучного завершения, как французские войска установили почти полный контроль над Бретанью. Молодую герцогиню, не слишком довольную пренебрежением со стороны договорного мужа, легко было убедить в том, что брак, заключенный против воли ее феодала и так и не доведенный до конца мужем, который, казалось, был больше поглощен политикой, чем страстью, на самом деле был не религиозным договором, а договором, который можно отменить, как и любой другой договор. Она согласилась разорвать отношения со своим королем римлян, но, получив титул королевы, не хотела иметь в мужьях ни графа, ни герцога, а только короля. Анна де Божо сразу же предложила наследнице Бретани заменить дочь Максимилиана и выйти замуж за Карла VIII. 15 ноября Карл въехал в Ренн. Для Максимилиана и всей Европы это выглядело лишь честным выполнением условий мирного договора, вырванного у нежелающей того Бретани; никто из доверенных друзей герцогини и короля не подозревал, что три дня спустя у пары состоялась беседа и что в присутствии Луи д'Орлеана, Анны и Пьера де Бурбонов, канцлера Бретани и еще нескольких человек они были официально обручены.

Секретность была необходима для успеха этого плана. Этот секрет был хорошо сохранен, тем более что время репрессий было коротким, а Анне де Божо хватило ума завершить дело как можно скорее. Через месяц Карл отправился в замок Ланже в Турени, и Анна де Бретанская последовала за ним. Прежде чем мир узнал о задуманном, они поженились и уже направлялись в Плесси-лез-Тур, где мрачное старое логово Людовика XI оживилось блестящими королевскими празднествами. Призрак старого короля, как бы он ни был недружелюбен к веселью и шуткам, должно быть, одобрительно смотрел на происходящее и

радостно улыбался при мысли о великолепном и давно желанном приданом, которое его мудрая дочь получила для Франции. Он также получил бы злое удовольствие от тех средств, которые Анна использовала, чтобы одурачить и обмануть Максимилиана. Чтобы сбить Максимилиана с истинного пути, были использованы самые смелые приемы. Пока готовились брачные статьи, лишавшие его бретонской невесты, Анна де Божэ занимала его деталями соглашения, которое обеспечивало бы невесте свободный проезд, когда она сочтет нужным отправиться к мужу, не нашедшему времени приехать к ней. И пока он добросовестно вел эти переговоры, пришло известие, что Карл лишил его невесты и возвращает дочь. Это было двойное оскорбление, и оно могло дорого обойтись Франции, если бы сила Максимилиана равнялась его гневу и негодованию. Ничто, кроме "дипломатии", не могло привести к союзу Франции и Бретани, той дипломатии, которая в отношении частного лица осуждалась бы всеми этическими законами, но которая часто приводит к самым выгодным для государства результатам, а потому попустительствуется.

С этим браком великая роль Анны де Божэ прекращается; хотя она продолжала советовать, командовать она уже не могла, и управление Францией перешло к Карлу VIII. Анна была одной из тех советниц, которые возвышали свой голос, протестуя против безрассудной опрометчивости кампании Карла в Италии, кампании, безумная экстравагантность и катастрофические результаты которой полностью оправдывали все, что Анна говорила, чтобы отговорить брата. Но в этом, как и в других менее важных делах, было очевидно, что день полезности Анны прошел. К тому времени, когда ее старый соперник, Людовик Орлеанский, стал Людовиком XII, она полностью отошла от политики и продолжала управлять только своим мужем, несмотря на щедрое доверие к ней со стороны нового короля. Людовик XII не таил обиды на обиды, нанесенные юному Людовику Орлеанскому мадам ла Гранде, и с благодарностью признавал, насколько важны были ее заслуги перед короной. Но мадам ла Гранде больше не вмешивалась в государственные дела, хотя и прожила до 1522 года.

Мудрость и прозорливость этой великой дочери ненавистного тирана Плесси можно оценить более полно, если на минуту задуматься об истории той Анны де Бретань, чье наследство она обеспечила короне Франции. Ранняя история этой принцессы уже была описана на предыдущих страницах. Ей было всего пятнадцать лет, когда мадам ла Гранде добилась брака с Карлом VIII. Однако уже тогда в ней проявились черты, которые плохо сочетались с характером ее царственного супруга. Ведь она была не только красива, энергична, от природы независима и умна, но и увлекалась интеллектуальными занятиями, была почти ученым человеком, знала латынь и греческий, тот новый язык, который только входил в моду в Европе, язык, чья богатая и глубокая литература, так долго непонятая или неизвестная в Средние века, должна была стать самым плодотворным источником вдохновения для эпохи Возрождения. Представьте себе, что ее связали с принцем легкомысленного нрава, лишенным даже обычного интеллекта, настолько невежественным, что он едва умел читать и писать, и интересовался в основном пустыми зрелищами того рыцарства, в рядах которого он не мог блистать из-за своей неловкости и слабости. С восхитительным пониманием своего долга Анна погрузила женщину в роль жены и королевы, подчинив свою личность личности человека, которого она не могла уважать и которого, кажется, не могла любить. Она передала в его руки управление своей провинцией Бретань и не стремилась участвовать в определении политики королевства. Оставив политику королю и его советникам, она посвятила себя мелким делам своего двора, регулировала его счета, решала вопросы этикета, поддерживала чистую и здоровую атмосферу, как любая маленькая бретонская хозяйка управляла бы домом своего мужа и делала его уютным. Любила ли она Шарля или нет, она всегда относилась к нему с уважением.

Семь лет их супружеской жизни прошли без единого признака того, что их союз оказался не самым счастливым в мире. 7 апреля 1498 года Карл, торопливо проходя по темному коридору замка Амбуаз, где отец держал его в заключении, мало чем отличавшемся от тюрьмы, ударился головой о строительные леса, неосторожно оставленные рабочими, ремонтировавшими замок, и через несколько часов умер. Анна стала демонстрировать свое горе, отказывалась от утешений, не притрагивалась к еде в течение трех дней и настаивала на том, чтобы в знак своего горя носить черное, хотя как королева она имела право носить белое. Горе, по ее словам, сделало ее непригодной для жизни при дворе; она должна вернуться в родную Бретань и постараться, управляя ее делами, изгнать память о потерянном муже.

Мудрость Анны де Божо объединила Бретань с Францией, и теперь казалось, что хорошие результаты ее дипломатии будут потеряны. Правда, в брачном договоре между Анной де Бретань и Карлом было оговорено, что в случае смерти короля его вдова может выйти замуж не за кого иного, как за наследника или преемника короны Франции; но теперь эта оговорка, похоже, оказалась бесполезной. Ведь на момент вдовства Анны наследником был маленький граф Франсуа д'Ангулем, еще не вышедший из яслей, а преемник Карла VIII уже был женат на Жанне, сестре покойного короля. Это была дилемма не менее серьезная, чем та, которую за семь лет до этого разрешила Анна де Божо. Но, как было показано в этом случае, "будь на то воля, и мудрость найдет способ", или, если не мудрость, то фокус-покус дипломатии. В данном случае вскоре стало очевидно, что воля была у обеих сторон; и хотя путь лежал прямо через кровоточащее сердце доброй женщины, этот путь был найден и по нему пошел Людовик XII.

До смерти Карла никто не подозревал, что Людовик питает к Анне де Бретань какие-либо чувства, кроме лояльного уважения. Когда же он увидел, как она уезжает, увозя с собой приданое, которое стоило так дорого, при дворе обнаружили, что новый король безнадежно влюблен в оплакиваемую бретонскую вдову. Анна, правда, была лично привлекательна, а Людовик, как известно, был не только восприимчив к женским чарам, но и прискорбно несчастлив с собственной женой; тем не менее, нельзя безоговорочно верить в подлинность привязанности, которая была столь очевидно политична, будь она подлинной или поддельной. Анна, несмотря на свои вдовьи травы и слезы, тоже не могла не показать, что покидает двор с сожалением. Справедливости ради нельзя сказать, что она выдала свою готовность ответить на чувства Людовика; однако он должен был быть достаточно уверен в своем положении в ее сердце, прежде чем взялся освободить для нее место рядом с собой.

Почти первая сцена нашей истории связана именно с таким случаем бесстыдного репирательства о святынях, о котором мы сейчас расскажем. Жена Людовика, Жанна де Франс, была доброй, нежной, любящей женщиной, которая с отчаянной привязанностью держалась за мужа, который презирал ее, был ей неверен и теперь должен был унижить ее. Бедное создание было, к сожалению, уродливо и обезображено, и двадцать два года неизменной преданности во многом благодаря ее непрекращающимся призывам, что молодой Карл VIII освободил Людовика из Буржа, не примирили неблагодарного мужа с браком. Теперь он вспомнил, что этот брак был заключен еще в юности, под угрозой смерти от Людовика XI, что Жанна не родила ему детей, и что они состояли в родстве, запрещенном церковью. Он обратился к главе церкви, пресловутому Александру VI, с просьбой аннулировать кровосмесительный союз, который был тяжким бременем для его совести. Стоит ли говорить, что в коррумпированном папском дворе того времени это обращение было подкреплено аргументами более весомыми, чем благородными. Не стоит и говорить,

что, несмотря на душераздирающие протесты Жанны, Александр и его сын Цезарь Борджиа, получив свою цену, издали указ об аннулировании брака.

Избавившись от супруги, Людовик разыскал безутешную вдову в Бретани. Анна делала вид, что не хочет, что безутешно скорбит, что у нее есть моральные и сентиментальные угрызения совести. Однако на самом деле она согласилась выйти замуж за Людовика еще до того, как был оформлен развод с Жанной, и в течение четырех месяцев после смерти Карла. Декрет о разводе, поданный самим великолепным Сезаром Борджиа, был опубликован в декабре 1498 года, а свадьба Анны и Людовика XII. была отпразднована в Нанте в январе 1499 года.

Анна извлекла пользу из своего пребывания при французском дворе; новый брачный контракт был далеко не так благоприятен для Франции, как тот, что навязала Анна де Божо. Теперь было оговорено, что она должна сохранить в своих руках управление Бретанью, а административные должности и церковные бенефиции должны занимать уроженцы Бретани только с согласия герцогини; что древние права и привилегии, столь дорогие бретонцам, должны соблюдаться; и что провинция должна перейти ко второму ребенку от брака, или ко второму ребенку ее ребенка, если у нее и Людовика родится только один, или к ее собственным наследникам, ближайшим родственникам, если брак окажется бездетным. Но в этом договоре оставалось мало надежды на то, что самое заветное желание Анны де Божо будет исполнено и Бретань останется французской.

Полная перемена характера и политики у двадцатитрехлетней женщины весьма примечательна; поэтому мы с удивлением обнаруживаем, что Анна, вернувшаяся в Париж в качестве королевы Людовика XII, сильно отличалась от той кроткой дамы, которая покорила невежественному и легкомысленному Карлу. Она не только настаивала на своей власти в Бретани и пользовалась ею, но и вносила весомость своей воли в дела всего королевства, с неблагородной мстительностью преследовала тех, кто мешал или противостоял ей, ревновала своего мужа, мадам де Бурбон и Луизу де Савойю, мать юного принца, который однажды должен был стать королем Франсуа I. К своему второму мужу, человеку, бесконечно более достойному уважения, чем Карл, она, казалось, не испытывала особой нежности. Он всегда был внимателен и добр, восхищался ею и любил ее, даже когда она была властной и почти наглой в своем отношении к нему и к его фаворитам. Ее благоразумие и уважение к приличиям жизни, слишком часто забываемые в беспутной жизни, которую теперь поощряет возросшая роскошь и культура, были единственными чертами королевы Анны, которые можно считать достойными восхищения. Ее покровительство искусству и в некоторой степени литературе, ее либеральность по отношению к своим любимцам бретонцам привлекли к ней внимание узкого круга людей; но ни Франция, которую она ненавидела, ни лучшие советники короля, которым она мешала и сбивала с толку своим абсолютным превосходством над королем, не имели причин сожалеть о ранней смерти королевы в 1514 году. Согласно ее желанию, ее сердце должно было быть похоронено в Бретани, а тело покоиться в Сен-Дени; ведь это сердце было непоколебимо бретонским. Для Луи она была *ma Bretonne*, и бретонкой она была в самых ярких чертах своего характера: женщина более чем обычного ума и способностей, ценившая искусство и литературу, обладавшая высоким чувством домашней добродетели, но при этом всегда жесткая, холодная, проницательная и узко мыслящая.

Контраст между двумя Аннами, которые занимают столь значительное место в последние годы пятнадцатого века, столь же полон, сколь и поразителен. Обе они были поставлены в такое положение случайностью рождения и судьбы, что могли оказывать большое влияние

на судьбу Франции, как во благо, так и во вред. Но если Анна де Бретань показала себя просто женщиной, руководствующейся личными мотивами, ревнивой к власти в мелочах и слепой или не осознающей далеко идущих результатов, которые могут возникнуть в результате применения этой власти, то Анна де Божо обладала широким умом, дальновидным и расчетливым интеллектом государственного деятеля. Ее интеллект, по сути, был мужским: "Мадам де Божо, - говорит современный историк, - была бы достойна носить корону благодаря своему благоразумию и мужеству, если бы природа не исключила ее из числа тех, кому принадлежит право править". Анна де Бретань была своевольна и упряма, стремилась к удовлетворению простого каприза; Анна де Божо была непреклонна и целеустремленна, но цель ее заключалась в укреплении империи, а не в удовлетворении какой-то прихоти или мелкой злобы. Возникает соблазн сравнить дочь Людовика XI с другой великой женщиной, чья твердая рука провела Францию через опасный кризис во второй четверти XIII века. Бланш де Кастиль тоже пришлось править и укреплять королевство, которому угрожала феодальная анархия во время несовершеннолетия государя. Но у нее было конституционное право поддерживать свое регентство; у Анны де Божо такого права не было, и трудности, с которыми ей пришлось столкнуться, хотя и закончились раньше, были сами по себе, возможно, более серьезными, чем те внутренние интриги и мятежи, с которыми Бланш могла столкнуться, не будучи вынужденной охранять свои границы от могущественных и враждебных соседей. По своим политическим достижениям мадам ла Гранде заслуживает сравнения с матерью Людовика Святого. И все же именно в успехе ее извилистой, беспринципной, бесчестной политики мы находим свидетельство против характера Анны. Политическая хитрость, политическое двуличие, какими бы благотворными ни были их результаты, вызывают у нас стойкое отвращение к плуту; Как мы не можем не испытывать недоверия и презрения к шпиону, хотя он рисковал жизнью и честью ради любви к отечеству, так мы не можем не хвалить тех, кто, подобно Людовику XI и его дочери, ищет и достигает великих целей презренными средствами, жертвуя правдой, честью, чувствами, чтобы завоевать для нации провинцию Марии де Бургонь, которая не знает, как ею управлять, или невесту Максимилиана, который не знает, как ее удержать.

Великие перемены произошли во Франции с тех пор, как Констанция приехала из прекрасного Прованса, чтобы скандализировать монашеский двор Роберта; с тех пор, как Элеонора д'Аквитания и ее романтические друзья-трубадуры научили Францию изящно любить и сладко петь о любви; с тех пор, как Махо д'Артуа стала *paire de France*, а феодальная власть в ее владениях не подлежала сомнению даже у государя; с тех пор, как Жанна де Монфор, во главе своих рыцарей, взимала плату с присылаемых по почте хозяев. Прованс перестал как скандальить, так и оживать и наставлять, ибо нет больше Прованса, кроме названия; нет больше безнравственных трубадуров; пэры Франции, вы тоже исчезли вместе со "снегами прошлых лет", ибо когда Карл VIII короновался в Реймсе, единственный светский пэр, Филипп де Фландр, не был представлен, древние владения остальных пяти были присоединены к короне; и "рыцари - пыль". Маленькое герцогство Франция, окруженное вассалами, подчинявшимися лишь по имени, превратилось в великое и почти единое королевство, где границы провинций скоро станут лишь воображаемыми линиями на карте, королевство настолько богатое и могущественное, благодаря Людовику XI и Анне де Божо, что оно может позволить детскому Карлу VIII растратить свои силы и сокровища в итальянских войнах, не принеся назад ничего более ценного, чем память о культуре, искусстве, беспокойном новом образовании, прославивших Флоренцию, Венецию, Милан в дни Ренессанса. И Франция будет лелеять эти воспоминания об Италии, будет с энтузиазмом относиться ко всем этим новым чудесам *Чинквеченто*, будет подражать и затмевать Италию. Монархия теперь - центральная, непререкаемая власть во Франции, и за это благословенное завершение Франция должна благодарить некоторых из женщин, чьи истории мы

рассказали, не меньше, чем своих королей. Ведь без Бланш де Кастиль не было Святого Людовика, без Жанны д'Арк не было Карла VII, без мадам де Божо не было Карла VIII. Скоро государство станет королем, задолго до того, как хвастливый Людовик XIV провозгласит: *L'état, c'est moi* Уже сейчас взоры всей Франции обращены ко двору. Там сосредоточена власть, там процветают литература и искусство, там больше не будет беспокойного и шаткого существования. При самом блестящем дворе христианства Франциск I уже не будет читать латинские гимны, как добрый Роберт, а будет циничным *souvent une femme varie*, а его сестра, *Маргарита Наваррская*, будет соперничать с Боккаччо своими модными историями о галантных и любвеобильных кавалерах и дамах.

Век крови и железа уходит, а вместе с ним должен уйти и тот тип женщины, который мы видели на страницах этой книги. В спешке мы могли бы сказать, что уходящий век не был благоприятным для развития женского характера и что новый век даст миру женщин не только более культурных и нравственно лучших, но и более сильных и влиятельных на жизнь мира; и все же мы не должны забывать, что именно условия средневековья, наиболее угнетающие женщин в целом, по необходимости выдвигали на первый план женщин с сильным характером. Феодальная шателена, если она была Махо д'Артуа, могла править, могла оставить свой след в истории; королева Франции в эпоху, когда физическая сила казалась необходимой для ведения войны, могла покорить своих врагов и стать великой королевой, если она была Бланш де Кастиль. При новом порядке, однако, деятельность и таланты женщины будут направлены в русло, более соответствующее ее полу; в литературе, в искусстве, в общественной жизни, в дипломатии женщина теперь будет играть свою роль, возможно, более тихо, но не с меньшим влиянием на историю Франции, чем если бы она действительно управляла армиями Франции. По-настоящему великих женщин с этого времени можно будет встретить не на троне, а в салоне. Написав о Екатерине Медичи, мы должны рассказать о многом из истории Франции, написав об Анне д'Автриче - меньше, написав о мадам де Ментенон - еще меньше; но жизнь такой женщины, как Бланш де Кастиль, - это история Франции, а в жизни такой женщины, как Жанна д'Арк, - сам дух и душа нации.

СОДЕРЖАНИЕ

I	ПОСВЯЩЕНИЕ
II	ПРЕДИСЛОВИЕ
III	ВО ВРЕМЕНА КАПЕТИНСКИХ КОРОЛЕЙ
IV	ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮБОВНИКИ
V	ЖЕНЩИНЫ В РАННЕЙ ПРОВАНСАЛЬСКОЙ И
VI	ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
VII	ЖЕНЩИНЫ В ЭПОХУ СВЯТОГО ЛУИ
VIII	БЛАНШ ДЕ КАСТИЛЬ КАК РЕГЕНТША
IX	ФРАНЦИИ
X	МАТЬ И ЖЕНА СВЯТОГО
XI	РЫЦАРСКИЕ И ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ
	МАРИ ДЕ БРАБАНТ И МАХО Д'АРТУА
	ЖАННА ДЕ МОНФОР

XII
XIII
XIV
XV

ПРИ ДВОРЕ БЕЗУМНОГО КОРОЛЯ
КРИСТИНА ДЕ ПИЗАН
СПАСИТЕЛЬНИЦА ФРАНЦИИ
ТРИУМФ И МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ЖАННЫ
Д'АРК
СТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ
АННА ДЕ БОЖОЛЕ: УКРЕПЛЕНИЕ
КОРОЛЕВСТВА

Список иллюстраций

Одетта де Шампдивер и Карл VI
Le droit du seigneur
Домашний интерьер во Франции,
двенадцатый век
Дамы на охоте
Бланш Кастильская, мать Людовика Святого
Жанна д'Арк

Альбрехт де Вриендт
Люсьен Мелинг
S. Барон
Анри Жenuа
Моро де Тур
Жан Ж. Шеррер